Собс. № 1479.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

№ 3160. С.

ВЪ

РУССКОМЪ РАСКОЛѢ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

РАСКОЛЬНИЧЕСКАГО УЧЕНІЯ О БРАКѢ

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

(ОТЪ НАЧАЛА РАСКОЛА ДО ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I)

Э. О. ПРОФЕССОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

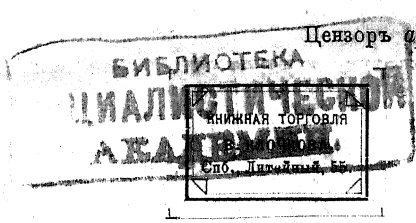
И. Нильскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1869

Отъ С.-Петербургскаго Комитета духовной цензуры печатать позволяется. 9 мая 1869 года.

Цензоръ *архимандритъ Геласій.*



212266.

Въ то время, какъ поповщинскій расколъ волнуется и дѣлится на враждебныя одна другой партіи изъ-за извѣстнаго всѣмъ „окружнаго посланія“, явившагося въ раскольничьемъ мірѣ въ 1863 г. (1),— не видно покоя, мира и согласія и въ современной намъ безпоповщинѣ. Главнымъ предметомъ споровъ, вражды и литературной полемики разныхъ Ермиловыхъ, Стукачевыхъ, Морозовыхъ, монаховъ Асафовъ, Павловъ прусскихъ, Голубовыхъ и другихъ безпоповщинскихъ дѣятелей нашего времени, изъ которыхъ нѣкоторые уже сошли со сцены, другіе пришли въ ограду св. церкви, большинство же доселѣ остается въ невѣдѣніи истины,—служитъ самый жизненный вопросъ о бракѣ, о семьѣ,—вопросъ, поднятый безпоповцами еще въ концѣ XVII вѣка, тогда же рѣшенный ими въ пользу всеобщаго дѣвства, снова выдвинувшійся на сцену при братьяхъ Денисовыхъ, съ тѣхъ поръ постоянно и глубоко волновавшій безпоповщинскій расколъ и не рѣшенный

(1) Свѣдѣнія объ этомъ „посланіи“ и о волненіяхъ, произведенныхъ имъ въ поповщинѣ, читатель можетъ найти въ статьяхъ Н. И. Субботина: „Современныя движенія въ расколѣ“, помѣщавшихся въ разныхъ журналахъ за послѣдніе годы.

окончательно еще и въ наши дни. Ознакомить читающій міръ съ этимъ вопросомъ въ его постепенномъ историческомъ ходѣ и развитіи, т. е. показать, какой видъ имѣло ученіе раскольниковъ о бракѣ въ первую пору жизни раскола, вслѣдствіе какихъ причинъ явилось въ безпоповщинѣ ученіе о всеобщемъ безбрачіи, какъ и подъ какими вліяніями это ученіе впослѣдствіи времени развивалось и измѣнялось, какимъ образомъ вопросъ о бракѣ рѣшается современною намъ безпоповщиной, какія слѣдствія имѣло безпоповщинское ученіе о бракѣ въ разные періоды своего развитія и наконецъ могутъ-ли супружескія отношенія безпоповцевъ, признавшихъ необходимость брака, служить образцемъ, достойнымъ подражанія, какъ думаютъ нѣкоторые современные ревнители женской эмансипаціи, — вотъ задача настоящаго сочиненія. На сколько мы съумѣемъ выполнить указанную задачу, объ этомъ скажутъ другіе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первоначальное ученіе раскольниковъ о бракѣ и его особенности отъ ученія о томъ же предметѣ православной церкви; раздѣленіе раскола на двѣ секты: поповщину и безпоповщину и различное отношеніе къ вопросу о бракѣ той и другой секты: поповщина остается вѣрною прежнему ученію, въ безпоповщинѣ является новое—о всеобщемъ дѣвствѣ; причины отрицанія безпоповщиной брака: мнимое прекращеніе въ мірѣ православнаго священства, мысль о наступленіи послѣднихъ временъ міра и царствованіи въ немъ антихриста, не миролюбивое отношеніе къ расколу власти, особенно въ правленіе Софьи Алексѣевны, и наконецъ вліяніе на толпу заблуждающихъ первыхъ расколоучителей изъ монаховъ.

Извѣстно, что лица, возставшія противъ церковныхъ преобразованій патріарха Никона и получившія, вслѣдствіе опредѣленія московскаго собора 1666—7 года, названіе раскольниковъ, не имѣли въ виду, отдѣляясь отъ православной церкви, устроять религіозную жизнь свою на какихъ-либо особенныхъ, новыхъ началахъ, а хотѣли только, при употребленіи духовныхъ средствъ ко спасенію, держаться безъ малѣйшей перемѣны той церковной практики, которая существовала, какъ правильная, при предшественникахъ Никона. А послѣ этого понятно, что въ ученіи о бракѣ, равно какъ и о другихъ таинствахъ, у раскольниковъ на первыхъ порахъ не было и даже не могло быть ничего существенно отличнаго отъ ученія объ этомъ

предметѣ православной церкви, такъ какъ измѣненія, сдѣланныя патріархомъ Никономъ и принятыя церковію, касались не догматовъ, не таинствъ или вообще чего-либо существеннаго въ дѣлѣ вѣры и спасенія, а только нѣкоторыхъ обрядовъ, церковной дисциплины, не точныхъ выраженій въ богослужебныхъ книгахъ и проч. Считая церковныя богослужебныя и учительныя книги, изданныя до Никона, и особенно въ патріаршество Іосифа, за несомнѣнно вѣрныя и непогрѣшимыя, раскольники могли узнать и знали изъ этихъ самыхъ книгъ, что „бракъ есть тайна, ею же женихъ и невѣста отъ чистыя любве своея въ сердцы своемъ усердно себѣ изволятъ, и согласіе между собою и обѣтъ сотворятъ“, что брачущіеся „отъ Бога пріемлютъ“ въ этой тайнѣ „особнѣ сію благодать, дабы дѣти добрѣ и христіански родили и воспитали, и да соблюдутся отъ мерзостнаго блуднаго грѣха и невоздержанія“ (1), что бракъ „бываетъ общимъ изволеніемъ отъ тѣхъ, иже входятъ въ то достояніе безъ всякія пакости и благословеніемъ священническимъ: егда себѣ обручаютъ взаемно“, что послѣдняя цѣль брака, какъ таинства, состоитъ въ томъ, чтобы „человѣческій родъ умножался и число бы назначенованныхъ и избранныхъ въ царство небесное исполнилося“ (2), что наконецъ, вслѣдствіе своихъ цѣлей частныхъ (избѣжанія блуда и рожденія дѣтей) и общей („исполненія церкве Божія“), бракъ нетолько „потребенъ“, т. е. нуженъ тѣмъ, кои не могутъ нести безъ грѣхопаденія дѣвственной жизни, хотя могутъ быть лица, которыя въ состояніи обходиться безъ брака, но и „нужно потребенъ“, т. е. необходимъ, неизбѣженъ для полноты церкви и слѣдовательно всегда будетъ существовать въ ней, какъ „нужно потребно“ и всегда будетъ существовать

(1) Больш. Катих. л. 391.

(2) Малый Катих. л. 37 об. и 38 снес. л. 29 об.

въ церкви таинство священства „правленія ради церковнаго и строенія Божественныхъ таинъ“, хотя и „не всякъ долженъ есть“ и можетъ „священствовати“ (1). Другими словами: раскольники въ первую пору своей отдѣльной отъ церкви жизни даже не могли имѣть существеннаго отличія отъ церкви православной въ ученіи о бракѣ, если только они не хотѣли измѣнить тѣмъ источникамъ вѣроученія, которые признавали исключительно вѣрными, и тому преданію старины, за которое горячо ратовали. Но если, въ силу своего правила—быть неизмѣнно вѣрными до-никоновской церковной практикѣ, раскольники были и должны были быть согласны съ церковію въ ученіи о существенныхъ свойствахъ брака, то, по той же самой причинѣ, въ обрядовой сторонѣ этого таинства они должны были на первыхъ же порахъ имѣть и нѣкоторыя отличія отъ православной церкви. Отличія эти состояли въ тѣхъ словахъ священныхъ и пѣсняхъ, которыя, по выраженію Поморскихъ Отвѣтовъ (2) „приложены“ въ новопечатныхъ служебникахъ „вопреки старопечатнымъ“ въ чинѣ вѣнчанія и которыхъ раскольники не принимали, а затѣмъ въ нѣкоторыхъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ, которыя были измѣнены п. Никономъ, какъ неправильныя, но которыя считались раскольниками исключительно православными. Сюда относятся: посолонное хожденіе брачущихся вокругъ аналоя, двуперстное благословеніе ихъ священникомъ и др. Судя же по тому, что на хожденіе противъ солнца, именословное благословеніе и др. самые первые расколоучители стали смотрѣть, какъ на ереси (3), можно было опасаться, что и на браки, совершавшіеся въ православной церкви православными священниками по ново-

(1) Большой Катих. л. 356 и 359 об.

(2) Отв. 50, ст. 28.

(3) Опис. раск. соч. ч. II, стр. 7 снес. стр. 33, 82 и 29.

печатнымъ служебникамъ, раскольники будутъ смотрѣть, какъ на неправильные, неправославные. Такъ и случилось. Тотъ же протопопъ Аввакумъ, который лживо называлъ именословное благословеніе „преданіемъ врага и адовища — Малакса протопопа“, „каракульками сирѣчь малаксинымъ благословеніемъ“ (1), и руку, сложенную именословно, величалъ „раскорякою“ (2), а хожденію противъ солнца придавалъ значеніе ереси,—тотъ же Аввакумъ писалъ своимъ ученикамъ: „молю васъ, не прикасайтеся ихъ (т. е. священниковъ православной церкви) ересямъ... аще вѣнчаеми бываютъ у нихъ, то не браки, а прелюбодѣющіи“ (3). Собственно говоря, признаніе Аввакумомъ браковъ, совершавшихся въ православной церкви, браками неправильными не составляло чего-либо особеннаго въ ученіи первыхъ расколоучителей, а было только логическимъ послѣдствіемъ общаго ложнаго взгляда ихъ на православную церковь и ея іерархію. Возмнивъ, будто церковь православная, усвоившая перемѣны патріарха Никона въ церковной практикѣ, чрезъ это самое „всѣхъ еретиковъ отъ вѣка ереси собрала въ новыя книги“ (4), будто вслѣдствіе этого іерархія православная сдѣлалась еретическою,—расколоучители самымъ естественнымъ образомъ могли придти къ той ложной мысли, что и все, совершаемое въ православной церкви православными пастырями, есть ересь, скверна, отъ которой истинному христіанину слѣдуетъ удаляться, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ лишиться спасенія. Отъ того-то въ сочиненіяхъ первыхъ расколоучителей мы находимъ запрещеніе принимать отъ церкви православной не только таин-

(1) Тамъ же, стр. 21.
(2) Тамъ же, стр. 24.
(3) Русск. раск. Щапова, стр. 183.
(4) Опис. раск. сочин. ч. II, стр. 29.

ство брака, но и другія таинства, — даже молиться въ православныхъ храмахъ, и особенно сообщаться съ православною іерархіею. „Злые архіереи, писалъ діаконъ Ѳедоръ, поставляются славы ради и чести и богатства міра сего, и гордостію надуваются, и святителя властію величаются, и преобразуются во апостолы Христовы. И то не дивно есть, братіе; и самъ бо сатана преобразуется въ ангела свѣтла, ему же они послѣдуютъ дѣлесы своими злыми; и сего ради попираемъ бѣсовскую ихъ клятву". „Попы и діаконы не священны суть по правиламъ; вси они отступницы и еретицы глупіи. Православнымъ не подобаетъ отъ нихъ нынѣ благословенія пріимати, ни службы, ни крещенія, ни молитвы, и въ церкви съ ними не молитися, ниже въ дому, то есть часть антихристова полка" (1). „А исповѣдаться пошто итти къ никоніанину? писалъ Аввакумъ, аще нужда и привлечетъ тя: и ты съ нимъ въ церкви сказки сказывай, какъ лисица у крестьянина куры крала... Исповѣдуйте другъ другу согрѣшенія, по апостолу, и молитеся другъ о другѣ, яко да исцѣлѣете" (2). „Аще кто причастится неволею никоніанскія жертвы, таковый съ вѣрными не сообщается шесть мѣсяцъ и плачется предъ вѣрными грѣха своего ради" (3). „Которые люди въ никоніанскіе храмы не ходятъ, писалъ тотъ же Аввакумъ, и съ ними не соединяются и не молятся, тіи добрѣ творятъ... Аще кто неволею и нуждею приклещенъ будетъ къ пѣнію никоніанскому, въ ихъ церковь, и онъ да творитъ стоя Іисусову молитву, во время ихъ пѣнія, а послѣ ищетъ прощенія отъ вѣрныхъ немощи своея ради". Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ говоритъ о томъ же предметѣ съ бо̀льшею безцеремонностію и свой-

(1) Прав. Обозр. 1862 г. март. стр. 381.

(2) Опис. раск. сочин. ч. II, стр. 19.

(3) Тамъ же, стр. 23.

ственною ему грубостію: „въ правилѣхъ пишетъ: и образу Христову въ еретическомъ соборѣ не кланятися... Егда онѣ престанутъ отъ молитвы, тогда послѣ ихъ кланяйся. А тутo же, хотя и крестъ, да еретическое дѣйство. А будетъ нужею въ церковь ту затащатъ: и ты молитву Iсусову воздыхая говори, а пѣнія ихъ не слушай, а на молебны тѣ, хотя и давайте имъ, а молебны тѣ въ Москву рѣку сажайте. А съ водою какъ онъ пріидетъ въ домъ твой и, въ дому бывъ, водою намочитъ: и ты послѣ его вымети метлою, а робятамъ вели по запечью отъ него спрятатися; а самъ съ женою ходи тутъ и виномъ его пой; а самъ говори: „прости, бачка, нечисты... и не окачивались, недостойны ко кресту“. Онъ кропитъ, а ты рожу-то въ уголъ вороти, или въ мошну въ тѣ поры полѣзь, да деньги ему добывай. А жена за домашними дѣлами поди да говори ему, раба Христова: „бачко, какой ты человѣкъ! аль по своей попадьѣ не разумѣешь? не время мнѣ“. Да какъ нибудь, отживите ево. А хотя и омочитъ водою тою; душа бы твоя не хотѣла“ (1). Понять скрывающееся въ этихъ словахъ озлобленіе Аввакума противъ православныхъ пастырей не трудно, если мы припомнимъ ложный и враждебный взглядъ протопопа вообще на православную іерархію; а этотъ взглядъ Аввакумъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „нынѣшніи духовніи—словомъ духовніи, а дѣломъ бѣси. Все ложь, все обманъ. Какой тутъ Христосъ! Ни близко, но бѣсовъ полки... По всей земли распространися лесть, а наипаче же во мнимыхъ духовныхъ. Они же суть, яко скомраси, ухищряютъ и прельщаютъ словесы сердца незлобивыхъ“ (2). Такимъ образомъ, запрещая всякое общеніе съ православною церковію, какъ еретическою, и ея пастырями,

(1) Тамъ же, стр. 19—20.

(2) Тамъ же, стр. 16.

какъ слугами антихриста, расколоучители естественно должны были запретить своимъ ученикамъ и вѣнчаніе въ православныхъ храмахъ. А послѣ этого не трудно уже опредѣлить до возможной точности ученіе раскольниковъ о бракѣ въ первую пору жизни раскола. Ревнители мнимой старины, согласно съ православною церковію, учили, что бракъ есть таинство и можетъ быть заключенъ не иначе, какъ „благословеніемъ церковнымъ и чиннымъ отъ своего си пастыря, сі есть, отъ епископа, или отъ тоя парохіи священника вѣнчаніемъ“ (1). Только, признавая православныхъ пастырей еретиками, а книги новоисправленныя—развращенными, раскольники утверждали, что правильно, православно бракъ можетъ быть совершенъ не иначе, какъ по старопечатному, до никоновскому требнику и притомъ—священникомъ не никоніанином. А такъ какъ на первыхъ порахъ на сторонѣ раскола не мало было лицъ священныхъ, то, по всей вѣроятности, защитники старины безъ особенныхъ затрудненій вступали въ браки помимо православной церкви. И если мы возьмемъ во вниманіе всю малозначительность тѣхъ обрядовыхъ разностей, исполненія которыхъ раскольники требовали, какъ непремѣннаго условія для правильности брака, то, кажется, не погрѣшимъ, если скажемъ, что браки раскольниковъ, совершавшіеся по старопечатнымъ требникамъ, священниками, державшимися прежнихъ обрядовъ, сначала были браками, въ существѣ дѣла, правильными.

Но если съ одной стороны въ ученіи и практикѣ раскольниковъ касательно брака не было на первыхъ порахъ особенно важныхъ отступленій отъ истины, то съ другой стороны очевидно, что тотъ порядокъ вещей, какаго хотѣли держаться ревнители старины, при заключеніи своихъ браковъ, не могъ продолжаться долго. Извѣстно, что

(1) Кормч., гл. 50, ч. II, л. 198.

въ числѣ лицъ, возставшихъ противъ церковныхъ распоряженій п. Никона и сдѣлавшихся сторонниками раскола, былъ только одинъ епископъ—Павелъ Коломенскій, который притомъ умеръ въ самомъ началѣ раскола (1656 г.); а это значило, что рано или поздно раскольникамъ, если бы они захотѣли остаться вѣрными своему взгляду на православную церковь и ея іерархію, грозила опасность остаться вовсе безъ священныхъ лицъ, а слѣдовательно и безъ таинствъ, на совершеніе которыхъ имѣютъ право одни только пастыри церкви. Правда, раскольники, въ ложномъ сознаніи своей правоты, надѣялись долгое время, что порядокъ вещей, за который они стояли, будетъ снова возстановленъ, что церковь рано или поздно сознаетъ свои, по ихъ понятію, заблужденія и обратится на путь истины, или по крайней мѣрѣ будетъ принуждена къ этому свѣтскою властію, дѣйствовавшею противъ раскола будто бы только по настоянію власти духовной. Но подобная надежда раскольниковъ, продолжавшаяся до самаго стрѣлецкаго бунта (1682 г.), была слишкомъ мечтательна, чтобы могла когда либо осуществиться. Иниціатива церковныхъ преобразованій, начавшихся въ патріаршество Никона, принадлежала сколько патріарху, столько же и царю. Еще прежде, чѣмъ Никонъ приступилъ къ исправленію книгъ и прежней церковной практики, даже прежде, чѣмъ онъ сдѣлался патріархомъ, Алексѣемъ Михайловичемъ уже было положено начало этому дѣлу введеніемъ при богослуженіи единогласнаго чтенія и пѣнія на мѣсто прежняго „безчиннаго многогласія“. Затѣмъ, и созваніе соборовъ, на которыхъ обсуждалось дѣло книжнаго исправленія, и собраніе рукописей и книгъ изъ разныхъ русскихъ книгохранилищъ, и покупка чрезъ Арсенія Суханова книгъ греческихъ для повѣрки ими русскихъ,—все это дѣлалось по волѣ сколько п. Никона, столько же и еще болѣе—царя

Алексѣя Михайловича. Наконецъ личное присутствіе царя Алексѣя Михайловича при многихъ соборныхъ разсужденіяхъ по дѣлу книжнаго исправленія, его непосредственное, исключительное участіе въ созваніи собора (1666 г.), происходившаго въ отсутствіи п. Никона и произнесшаго окончательный приговоръ какъ о новоисправленныхъ книгахъ, такъ и о „новоявльшихся раскольникахъ и мятежникахъ святыя православно-каѳолическія церкве“, — все это показываетъ, что раскольники очень ошибались, думая, будто виною церковныхъ преобразованій, противъ которыхъ они возстали, была одна власть церковная и будто власть свѣтская ни мало не сочувствовала этимъ преобразованіямъ. Соборъ въ грановитой палатѣ (1682 г.), казнь предводителей стрѣлецкаго раскольничьяго бунта и затѣмъ изданныя въ 1684 г. извѣстныя постановленія касательно раскольниковъ (1) убѣдили наконецъ ревнителей мнимой старины, что дѣло ихъ проиграно навсегда, что надежды ихъ на возстановленіе въ русскомъ царствѣ „старой истинной вѣры“ при помощи свѣтской власти были не болѣе, какъ мечты. Тяжело было раскольникамъ убѣждаться въ этой горькой для нихъ истинѣ, но вскорѣ наступило для нихъ новое испытаніе. Число священныхъ лицъ, державшихся „древняго благочестія“, при существованіи которыхъ раскольники только и могли пользоваться средствами ко спасенію, годъ отъ году уменьшалось и наконецъ дѣло дошло до того, что „истинныхъ іереевъ“, т. е. рукоположенныхъ до п. Никона, не осталось въ расколѣ ни одного (2). Нельзя сказать, чтобы раскольники, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые раз-

(1) Собр. Закон. т. II, № 1102.

(2) Трудно въ точности опредѣлить время, когда расколъ совершенно остался безъ „іереевъ древняго поставленія“. По всей вѣроятности, это случилось въ концѣ XVII вѣка и никакъ не позже первыхъ годовъ XVIII вѣка. Раск. дѣла XVIII ст. т. II, стр. 260, снес. прилож. т. I, стр. 186 и 250.

мышляли о будущемъ, не предвидѣли этого обстоятельства. Въ одномъ раскольническомъ сочиненіи говорится, что еще Павла, епископа Коломенскаго, ревнители старины спрашивали: „аще по твоемъ отъ насъ разлученіи сіи съ нами священноіереи и іереи остаются съ нами за вашимъ благословеніемъ, и мы послѣдствуемъ имъ и должны есмы всякую святыню пріимати—крещеніе и браки и покаяніе и тѣло и кровь Христову и прочіе церковные обряды. Аще ли симъ, тобою благословеніе имущимъ, оскуденіе будетъ, и прочимъ древлехиротонисаннымъ, что тогда и въ тѣ времена имамы творити“ (1)? Отвѣтъ Павла Коломенскаго на этотъ вопросъ раскольники передаютъ различно. По однимъ, онъ говорилъ, что священство должно пребывать вѣчно и что поэтому, въ случаѣ смерти священниковъ древняго „поставленія“, раскольники должны принимать къ себѣ „новорукоположенныхъ“ священниковъ чрезъ мѵропомазаніе (2). По другимъ, Павелъ запретилъ своимъ послѣдователямъ всякое общеніе съ церковію православною, по его понятію, какъ еретическою, и въ случаѣ оскудѣнія „правильнаго“ священства совѣтовалъ ревнителямъ старины „новорукоположенныхъ отъ Никона не пріимати іереевъ и не пріимати отъ таковыхъ ни единыя

(1) Раск. дѣла — Есипова т. II, прилож. стр. 182; снес. истор. русск. раск. стр. 239 примѣчаніе 408. Въ „сказаніи о страданіи и о скончаніи священномученика епископа Павла коломенскаго“ (сборн. библіот. покойнаго митр. Григорія, нынѣ принадл. Казанск. дух. акад., № 154, л. 220 — 222), обращеніе къ нему раскольниковъ передается въ слѣдующихъ словахъ: „аще твоя святыня отъ насъ сирыхъ въ будущую жизнь преселится, то уже угаснетъ на земли безкровная жертва и священство погибнетъ до конца. Кто намъ воздвигнетъ священство, кто возжетъ свѣтильникъ святыя Божія службы? Понеже ты, священнѣйшій нашъ отче, имаши воздавательную благодать во іереохъ и вси святыя церковныя тайны тобою освящаются. Аще ли ты, священнѣйшій отче, сего свѣтильника не возжеши, то воистину угаснетъ въ насъ видимое священство, и тогда всѣмъ вѣрнымъ велія будетъ нужда въ настоящее сіе время и грядущаго по насъ братіи нашей“.

(2) Раск. дѣла т. II, стр. 182—3.

тайны“ (1), а заповѣдалъ совершать нѣкоторыя таинства, и именно—крещеніе и покаяніе, самимъ мірянамъ (2). Хотя очевидно, что эти противорѣчивые отвѣты Павла Коломенскаго придуманы раскольниками въ послѣдствіи, первый—поповцами въ оправданіе своего обычая принимать бѣглыхъ поповъ, послѣдній—безпоповцами, предоставившими право совершать нѣкоторыя таинства мірянамъ, но при всемъ томъ можно признать за несомнѣнную—мысль, что раскольниковъ еще при жизни Павла Коломенскаго занималъ вопросъ о томъ, что дѣлать имъ въ случаѣ „оскудѣнія“ православнаго священства. Вопросъ этотъ въ концѣ XVII вѣка, когда большая часть преданныхъ расколу священниковъ до—никоновскаго рукоположенія перемерла, получилъ новую силу и требовалъ неотложнаго рѣшенія. Говорить здѣсь о томъ, почему одна часть раскольниковъ рѣшилась на пріемъ новорукоположенныхъ священниковъ и образовала изъ себя такъ называемую поповщину, а другая осталась безъ священниковъ и чрезъ это получила названіе безпоповщины, мы считаемъ неумѣстнымъ. Замѣтимъ только, что, по нашему мнѣнію, раскольники — безпоповцы, рѣшившіеся не принимать „новорукоположенныхъ“ священниковъ и такимъ образомъ разорвавшіе всякую связь съ церковію православною, поступили болѣе послѣдовательно, чѣмъ раскольники поповцы, вздумавшіе пробавляться бѣглыми отъ церкви попами. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ лживо учили первые расколоучители, церковь православная впала въ ереси, если таинства, совершаемыя священниками — никоніанами, не-таинства, а, по богохульному злорѣчію Аввакума, скверна, принятіе которой, хотя бы и невольное, составляетъ грѣхъ,

(1) Истор. русск. раск. стр. 238, примѣч. 425.

(2) Тамъ же, стр. 240, примѣч. 429; сборн. библіот. покойнаго м. Григорія, № 154, л. 220 об. и 222.

въ которомъ нужно каяться, если, по наставленію его и другихъ, „отъ никоніанскія богомерзскія службы“ нужно „бѣгати и уклонятися, и ненавидѣти, и гнушатися, еретическихъ книгъ не прочитати, и ученія, и чтенія, и пѣнія ихъ не слушати, и къ соборищамъ ихъ не ходити“ (1), если наконецъ въ церкви „столпи поколебашася навѣтомъ сатаны, патріархи изнемогоша, святители падоша и все священство еле живо, Богъ вѣсть, али и умроша“ (2): то само собой понятно, что людямъ, возмнившимъ о себѣ, какъ о хранителяхъ истинной вѣры, оставалось одно отношеніе къ церкви—всецѣлый разрывъ съ нею, какъ и поступили безпоповцы. И наоборотъ: если поповцы нашли возможнымъ принимать къ себѣ поповъ, рукоположенныхъ въ православной церкви, съ тѣмъ, чтобы они священнодѣйствовали для нихъ, и тѣмъ самымъ признали существованіе въ церкви таинства священства и слѣдовательно—благодати св. Духа, то очевидно, что, по строгой логикѣ, они должны были принимать отъ церкви православной и всѣ другія таинства, другими словами: должны были вполнѣ соединиться съ церковію, а не составлять своего самочиннаго общества съ какою то безглавою іерархіею. Мы не споримъ, что въ рѣшимости раскольниковъ-безпоповцевъ—оставаться безъ всякой іерархіи скрывался источникъ новыхъ, гибельныхъ по своимъ послѣдствіямъ, заблужденій, къ которымъ они рано или поздно должны были придти непремѣнно,—и наоборотъ: рѣшимость раскольниковъ-поповцевъ—принимать отъ церкви бѣглыхъ поповъ указываетъ на доброе, повидимому, желаніе ихъ сохранить въ своемъ обществѣ тѣ благодатныя силы ко спасенію, раздаятелями которыхъ могутъ быть одни пастыри церкви; мы хотимъ только сказать, что, если

(1) Опис. раск. соч. ч. II, стр. 46.
(2) Тамъ же, стр. 37.

смотрѣть на фактъ раздѣленія раскола на поповщину и безпоповщину безъ отношенія къ тѣмъ слѣдствіямъ, къ какимъ привело это раздѣленіе тѣхъ и другихъ, а только съ точки зрѣнія логической послѣдовательности и вѣрности раскольниковъ своимъ началамъ, то нельзя не сознаться, что преимущество остается за безпоповцами. Какъ бы впрочемъ ни было, только съ той поры, какъ раскольники раздѣлились на двѣ секты—поповщину и безпоповщину, они разошлись между собою и въ своемъ ученіи. И это было неизбѣжно. Рѣшившись на пріемъ бѣглыхъ поворукоположенныхъ поповъ, раскольники-поповцы естественно этимъ самымъ думали пріобрѣсти возможность пользоваться всѣми необходимыми для спасенія таинствами и нѣкоторое право считать себя „остальцами древней истинной церкви“. Оставаясь безъ всякой іерархіи, безпоповцы были въ необходимости или вовсе не имѣть таинствъ, или совершеніе ихъ предоставить лицамъ не освященнымъ—простымъ мірянамъ. Такъ и случилось. Поповщина, при посредствѣ бѣглыхъ поповъ, устроила свое общество на началахъ видимо церковныхъ и чрезъ нихъ надѣялась имѣть у себя всѣ таинства; слѣдовательно и въ ученіи о таинствѣ брака у поповцевъ, со времени раздѣленія раскола на двѣ секты, не могло явиться ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что́ проповѣдывали объ этомъ предметѣ раскольники въ первую пору жизни раскола и что́ мы уже изложили выше. Не такъ должны были поступить въ этомъ случаѣ безпоповцы. Не имѣя въ своей средѣ лицъ, которыя бы могли законно совершать таинства, и въ тоже время считая опаснымъ для спасенія и не возможнымъ для „истиннаго“ христіанина пребываніе безъ таинствъ, безпоповцы естественно должны были ограничиться только тѣми изъ нихъ, которыя, въ случаѣ нужды, можетъ совершать и мірянинъ. Такъ и

случилось. Отыскавъ и—справедливо—въ исторіи древней церкви примѣры совершенія таинства крещенія лицами не священными, не понявъ надлежащимъ образомъ каждодневно употреблявшейся въ древнихъ монастыряхъ нравственной исповѣди, состоявшей въ томъ, что каждый новоначальный братъ открывалъ своему руководителю, или старцу, которымъ могъ быть и не священникъ, свои мысли, желанія, дурныя наклонности, все состояніе своей души, чтобы руководитель могъ, сообразно нравственному состоянію руководимаго, дать ему приличное наставленіе, и смѣшавъ эту исповѣдь, или вѣрнѣе—искреннюю, задушевную бесѣду одного лица — неопытнаго въ нравственной жизни съ другимъ, болѣе знакомымъ съ искушеніями, съ исповѣдію таинственною, безпоповцы рѣшили, что въ нынѣшнее трудное время, когда истинное священство будто бы погибло на землѣ, христіане могутъ довольствоваться только двумя таинствами—крещеніемъ и покаяніемъ, которыя, по не имѣнію священства, могутъ быть совершаемы и простыми мірянами. Всѣ же остальныя таинства, по неимѣнію законныхъ совершителей ихъ—священныхъ лицъ, не могутъ быть нынѣ доступны вѣрующимъ. „Отъ седмихъ двѣ церковныя тайны, сирѣчь крещеніе и покаяніе по нуждѣ и не отъ священныхъ людей совершаемы быть могутъ, о чемъ премножайшія доказательства во святомъ писаніи обрѣтаемъ. А прочіи пять, какъ то: муропомазаніе, причастіе, рукоположеніе, маслосвященіе и бракъ, по закону церковному, отъ освященныхъ лицъ непремѣнно должны суть совершаться, а простолюдиномъ оныхъ дѣйствъ отнюдь не позволено касаться“ (1). Вотъ кодексъ ученія, какой составили безпоповцы, по отдѣленіи своемъ отъ поповцевъ. А послѣ этого уже не трудно понять, что и въ ученіи о бракѣ они должны были разойтись съ по-

(1) Книга о скрыт. свящ. пастырей.

повцами. Признавая, подобно поповцамъ, святость и необходимость законной брачной жизни, безпоповцы однакоже пришли къ требованію всеобщаго дѣвства—на томъ основаніи, что нынѣ будто бы нѣтъ законныхъ совершителей брака. Вотъ первый и главный источникъ безпоповщинскаго безбрачія,—источникъ, о которомъ предвидѣли еще первые расколоучители. Такъ еще протопопъ Аввакумъ, увѣщевая своихъ учениковъ не прикасаться ересямъ (какими считалъ онъ ученіе церкви) православныхъ священниковъ и поэтому не вѣнчаться у нихъ, писалъ: „аще вѣнчаеми бываютъ у нихъ, то не браки, а прелюбодѣющіи, аще-ли имутъ истинныхъ іереевъ, да вѣнчаются снова. Аще кто не имать іереевъ, да живетъ просто“ (1). Послѣднимъ словамъ Аввакума нѣкоторые даютъ тотъ смыслъ, будто бы протопопъ совѣтовалъ своимъ послѣдователямъ, въ случаѣ не имѣнія православныхъ священниковъ, жить блудно, и на этомъ основаніи утверждаютъ, что самое ученіе о безбрачіи явилось въ безпоповщинѣ не вслѣдствіе указанной нами причины — неимѣнія священства, а въ видахъ поблажки ничѣмъ не стѣсняемому разврату, къ которому будто бы особенно склонны были послѣдователи безпоповщины (2). Мы признаемъ подобную мысль положительно несправедливою и утверждаемъ, что, узаконяя безбрачіе, безпоповцы поступали такъ не для того, чтобы внѣ брака свободнѣе предаваться разврату, а единственно потому, что вступать въ бракъ законнымъ образомъ не находили возможнымъ, по не имѣ-

(1) Истин. древн. Хр. Церк. ч. I, стр. 381—2. Изд. 1855 г. Въ сочиненіяхъ ѳедосѣевцевъ нашего времени говорится, будто еще на соборѣ первыхъ расколоучителей, разсуждавшихъ о „еретическомъ (т. е. православномъ) крещеніи“, была рѣчь и о „безсвященномъ бракѣ“, и что они „при своей кончинѣ, ввѣряя паству простымъ и неимущимъ священства, благословили только крестить и исповѣдь совершать, а брачить не благословили“ (Сборн. библ. пок. м. Григорія, № 154, л. 94 об. и 95).

(2) Русск. раск. стар. Щапова, стр. 183.

нію у себя іерархіи. Мы не споримъ, что требованіе всеобщаго дѣвства вело иногда молодыхъ людей къ искушенію, что въ числѣ самыхъ проповѣдниковъ безбрачія бывало не мало лицъ развратныхъ; только все это не даетъ ни малѣйшаго основанія утверждать, что и самое безбрачіе введено безпоповцами въ ихъ обществѣ съ цѣлію не связывать разгульныхъ людей законными узами брака, съ цѣлію потворства разврату, а говоритъ только о томъ, что установленное безпоповцами безбрачіе для многихъ было не удобоисполнимо. А что раскольники-безпоповцы поставили для себя правиломъ вести дѣвственную жизнь не съ дурными цѣлями, а единственно по невозможности вступать въ браки законнымъ образомъ съ благословенія православныхъ священниковъ, которыхъ не имѣли, доказательствомъ этого служатъ всѣ тѣ сочиненія, которыя написаны безпоповцами въ оправданіе своего безбрачія. Вотъ что напр. постановлено было новгородскими безпоповцами на соборѣ 1694 года: „брачное супружество совершенно отвергать законополагаемъ; потому что, по грѣхомъ нашимъ, въ таковая времена достигохомъ, въ няже православнаго священства въ конецъ по благочестію лишились, а по сему и союзомъ брачнымъ некому обязать, кромѣ какъ антихристовымъ попомъ; а безвѣнечные браки имутъ запрещеніе отъ царя Алексія Комнина... Почему и обязываемъ и законополагаемъ всѣмъ нашего братскаго согласія жить дѣвственно и соблюдать себя какъ можно отъ совокупленія съ женами; а отцемъ духовнымъ повелѣваемъ отселѣ смотрѣть и подзирать строго; аще-ли не тако, то повелѣваемъ отлучать отъ священнодѣйствія“[1].

[1]) Сборн. библ. пок. м. Григорія № 154, л. 257 об. и 258, прав. 5-е и 7-е. Опредѣленія безпоповщинскаго новгородскаго собора 1694 г. доселѣ извѣстны были только въ томъ отрывочномъ видѣ, какъ они напечатаны въ Полн. историч. извѣстіи прот. Андрея Іоаннова (ч. I, стр. 91 — 98) и въ Сборникѣ для исторіи старообрядчества — г. Попова (т. I, стр. 3 — 4).

Тѣ же мысли развивалъ въ своихъ сочиненіяхъ и Андрей Денисовъ: „мы не возбраняемъ брака, писалъ онъ Ѳеодосію Васильеву, но почитаемъ дѣвство паче брака... аще ли же кто похощетъ сопрягатися, сопрягайся, не возбраняемъ, но точію по церковному преданію, и како,— слыши, что глаголетъ священный церковный законъ: взыщи епископа благочестиваго, или отъ тоя парохіи священника, и блюди, чтобы оба были благочестивы. Къ симъ же да обрящеши церковь благочестивую, по благословенію православнаго священника освященную и отъ еретикъ не оскверняемую, и тако вѣнчайся и живи по Божію закону, яко же лѣпо православнымъ христіаномъ, и клеветы не сшивай на смиренныхъ пустынниковъ, яко бракъ возбраняютъ; се не возбраняютъ брака. Аще же кто правовѣренъ и не можетъ обрѣсти ни епископа благочестиваго, ни съ нимъ, ни отъ него благословляемаго священника, къ симъ же ни жертвенника православнаго, прочее въ сопряженіе жены кромѣ сихъ не дерзай... Будеши-ли отъ невоздержанія хулити для возбраненія сопряженія, ужаснися; на кого пойдетъ хульное твое слово, понеже Его (Бога) владычнымъ священнымъ церковнымъ закономъ въ сихъ уставѣхъ бракъ заключися, и кромѣ сихъ отнюдь не попустися, Его же судьбами той и отъяся“ (1). Еще яснѣе о томъ же предметѣ писалъ другой поморскій наставникъ—Даніилъ Матвѣевъ, упрекая тѣхъ изъ безпоповцевъ, которые послѣ стали вступать въ браки безъ священнословія: „таковаго по вамъ желанія (т. е. вступать въ бракъ) настоящимъ временемъ употреблять отъ невозможныхъ есть. Понеже священному

Въ сборникѣ пр. Григорія они помѣщены въ полномъ видѣ и состоятъ изъ 20 правилъ, большую часть которыхъ мы увидимъ ниже.

(1) Посл. Денисова къ Ѳеод. Васильеву; снес. Бесѣд. о мним. стар. 1846 г. стр. 370; „Истина“, раск. сочин., напечат. въ Яссахъ въ 1864 г., л. 15.

чину у насъ несущу отъ многихъ уже лѣтъ, священническій чинъ между вами и нами не имѣется“ (1). Наконецъ на ту же причину безпоповщинскаго дѣвства указываютъ и другіе раскольничьи писатели разныхъ сектъ и толковъ и разнаго времени. Вотъ что напр. писалъ одинъ изъ жителей Выгорѣцкаго монастыря, Тимоѳей Андреевъ, сочинитель „Щита вѣры“, на вопросъ поповца, почему у безпоповцевъ нѣтъ брака: „священный церковный законъ о безчинствующихъ въ брацѣ и еже отъ кого совершаему быти яснѣйше тако вѣщаетъ: изряднѣе же, рече, да вѣсть іерей, яко супружества между восхищающимъ и восхищенною, такожде и потаенныя и вся прочая супружества, яже не со благословеніемъ церковнымъ и чиннымъ отъ своего си пастыря, сирѣчь епископа, или отъ тоя парохіи священника, вѣнчаніемъ при дву или тріехъ понѣ свидѣтелей совершаемыя, по соборному уставленію и святыхъ отецъ ученію, незаконна, паче же беззаконна и ничтоже суть (Кормч. гл. 51, л. 522). И Матѳей Канонистъ, толкуя на правило Василія Великаго 38-е, объявляетъ про прежнее и еже намъ утвержденное сице: но тогда убо, рече, съ пристатіемъ единѣмъ бракъ стояше, въ насъ же не убо состоятися можетъ кромѣ священнословія. По симъ убо предложеннымъ свидѣтельствамъ, потребно суть хотящему сопрящися законнѣ браку взыскати епископа благочестиваго, или отъ его парохіи священника, и блюсти сіе должно, чтобы оба были благочестивіи и законно рукоположенни... Къ симъ же обрѣсти лѣтствуетъ церковь благочестивую, по благословенію православнаго епископа освященную и отъ еретикъ не оскверняемую, и тако вѣнчавшися и жити возможно по Божію закону, якоже лѣпо православнымъ христіаномъ;

(1) „Книга о скрытіи свящ. церк. пастырей во времена всеобщаго отъ вѣры отступленія“, сборникъ нашей библіотеки № 68.

таковаго убо брака мы не возбраняемъ, и тако брачившійся согласенъ будетъ Евангелію и св. апостолъ и богоносныхъ отецъ ученію. Аще ли же кто правовѣренъ и не можетъ обрѣсти ни епископа благочестиваго, ни съ нимъ ни отъ его благословляемаго священника, къ симъ же ни жертвенника православнаго, како сей можетъ въ сопряженіи жены кромѣ сихъ дерзати? Не мы убо сія, имиже бракъ состоится, отъемлемъ, но законъ... А еже о безбрачно живущихъ любопытствуеши, како сіи могутъ житіе препровождати... противу сему сице отвѣтствуемъ: мы убо таковыхъ насильнически не одерживаемъ, но совѣщательнѣ предлагаемъ чистое и сладкое житіе тещи, за всекрайнюю нужность нынѣ наступившаго времени, въ немъ же не зрится правильнаго священства, въ немъ же не видится видимыя церкви православными содержимыя, въ немъ же зрится, яко овцы отъ волковъ, еретиками всюду обстоимы. Что убо нынѣ мы послѣдніи можемъ сотворити, таковыми всепослѣдними окружаеми нуждами, аще не нѣкое предлагати вѣрнымъ отъ сего имѣти опасеніе. Не досажденіе кое предлагающе сей священнѣй брачной тайнѣ,—не буди сего,—но опасность отъ противообрѣтенія, чтобы не вступить за неудержимость въ неосвященное... Тѣмъ же и мы недоумѣемъ предѣлъ желающимъ брачнаго совокупленія, кромѣ богопреданнаго священства, издати. Аще пошлемъ ихъ къ новодѣйствуемому священству, трепещемъ на се правильныхъ запрещеній и ужасныхъ анаѳемъ за пріятіе новшествъ. Аще кромѣ священства попустимъ единымъ родительскимъ или простолюдина нѣкоего удовлитися благословеніемъ; то не имѣемъ на се правильныхъ повелѣній, но еще и запрещеніе обрѣтаемъ. Аще сію тайну брака вмѣнимъ за нужную по нужному времени, но изъ нужныхъ оная изъемлется. И по всѣмъ симъ предположеніямъ что́ можемъ о

дѣйствѣ сея тайны рещи опредѣлительная, когда не имѣемъ законнаго священства, когда не зримъ видимыхъ рукотворныхъ православныхъ церквей, гдѣ оная дѣйствовати подобствуется, когда изъ нужныхъ оная учителями исключается. Убо хотяй неошибно нынѣ спасеніе получити ключимѣйше есть терпѣтельный воспріяти на ся образъ и тещи нужно нужными стезями по сему нужно протязаемому времени“ (1).

А что учители поморскаго толка, проповѣдуя безбрачіе, поступали такъ не изъ желанія льстить вкусу массы, будто-бы предпочитавшей развратъ законному сожитію, а по искреннему убѣжденію въ невозможности вступать въ бракъ вслѣдствіе неимѣнія православнаго священства (2), въ этомъ всего лучше убѣждаетъ насъ самая жизнь Выговскихъ поморцевъ. Извѣстно, что начала, на которыхъ была устроена жизнь поморцевъ, были чисто монастырскія, вслѣдствіе чего и самый толкъ долгое время носилъ названіе *монастырскаго*. Приходившимъ въ выговскій скитъ раскольникамъ нетолько строго запрещался блудъ, но даже не позволялось сожитіе съ законною женою тѣмъ изъ насельниковъ пустыни, которые вѣнчались въ православныхъ храмахъ и послѣ переходили въ расколъ; это дѣлалось потому, что браку, вѣнчанному православнымъ, а по мнѣнію раскольниковъ, еретическимъ священникомъ, поморцы не придавали значенія таинства и не считали его законнымъ, вслѣдствіе чего и на сожитіе лицъ, брачившихся въ церкви православной, смотрѣли, какъ на блудъ. Неограничиваясь постоянными внушеніями—жить цѣломудренно, настоятели и наставники скита употребляли и другія, болѣе практическія, средства къ тому, чтобы подчиненные ихъ не впадали въ искушенія. Съ этою

(1) Рукоп. Софійск. библіот. № 1209, л. 441—443.
(2) Іоаннов. стр. 123.

цѣлію, какъ извѣстно, мужчинамъ и женщинамъ не только запрещалось жить вмѣстѣ въ одной кельѣ, но даже во время молитвенныхъ собраній женщины отдѣлялись отъ мужчинъ особою завѣсою. Такъ было при началѣ основанія выговскаго скита, когда число жителей его было незначительно. А потомъ, когда монастырь пріобрѣлъ средства къ болѣе безбѣдному существованію его обитателей, когда притомъ въ него стали стекаться цѣлыя сотни раскольниковъ, когда слѣдовательно надзоръ за ними становился болѣе затруднительнымъ, настоятели выговскаго скита, въ видахъ огражденія нравственности своихъ подчиненныхъ, раздѣлили весь монастырь на двѣ половины, изъ которыхъ на одной помѣстили мужчинъ, а на другой—женщинъ, отдѣливъ кельи первыхъ отъ помѣщеній послѣднихъ большою деревянною стѣною. Переходить съ одной половины на другую строго запрещалось всѣмъ, кромѣ „духовнаго отца, настоятелей и келаря“, и только для свиданій родственниковъ и другихъ необходимыхъ нуждъ сдѣлано было въ стѣнѣ окно; но и тутъ, для надзора за свиданіями, помѣщалась въ особой небольшой кельѣ „духовная старица сама друга“. Мало этого: для наблюденія за поведеніемъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, назначено было нѣсколько особыхъ надзирателей и надзирательницъ, которые обязаны были слѣдить за подчиненными имъ обитателями скита не только въ кельяхъ, но и на работахъ, которыя притомъ должны были производиться мужчинами отдѣльно отъ женщинъ (1). Наконецъ, когда выговская пустынь, вслѣдствіе торговыхъ оборотовъ, пріобрѣла значительныя денежныя средства, настоятели ея рѣшили, что, для избѣжанія всевозможныхъ искушеній, всего лучше устроить для женщинъ отдѣльный скитъ на значительномъ разстояніи отъ монастыря

(1) Истор. Выгов. пуст. гл. 4.

мужскаго. И дѣйствительно, въ 1706 году устроена была на рѣкѣ Лексѣ, на разстояніи 20 верстъ отъ мужскаго монастыря, женская обитель, настоятильницею которой была сдѣлана родная сестра Денисовыхъ—Соломонія, а надзоръ за обитательницами былъ порученъ „надсмотрщицѣ, казначеѣ“ и другимъ „духовнымъ старицамъ“. Но такъ какъ для многихъ работъ въ женской обители требовались руки болѣе крѣпкія, чѣмъ какими владѣли ея насельницы, то назначены были изъ братіи мужскаго монастыря „служители для пашни и всякихъ трудовъ монастырскихъ“, надсмотрщикомъ надъ которыми поставленъ былъ особенный „мужъ благъ“, который „вельми чистоту тѣлесную храняше, все житіе свое препроводи безъ порока, до старости жестокимъ житіемъ живяше“. Эти служители жили въ своихъ отдѣльныхъ кельяхъ—на горѣ и могли видѣться съ обитательницами скита только въ рѣдкихъ случаяхъ, и то при посредствѣ „старика“, который приводилъ ихъ въ лексинскую обитель и отводилъ обратно; со стороны же самой обители наблюдали за подобными свиданіями привратницы, жившія въ кельѣ, поставленной при воротахъ (1). Однимъ словомъ: всѣ распоряженія настоятелей выговской пустыни клонились къ тому, чтобы обитатели обоихъ монастырей жили „особъ въ своихъ предѣлѣхъ и оградѣхъ, такожде и хожденіе было бы на труды особъ, не вмѣстѣ, дабы другъ съ другомъ несходилися нигдѣ никогда“ (2), и это дѣлалось единственно въ видахъ внушенія всѣмъ и каждому „всякое храненіе о цѣломудріи имѣти“. Строгость поморцевъ простиралась въ этомъ случаѣ до того, что не только въ обыкновенное время всѣмъ и каждому, подъ великимъ запрещеніемъ, „непозволялось въ другія предѣлы ходити“, но даже при

(1) Тамъ же, гл. 14.
(2) Тамъ же, гл. 13.

такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, каково напр. погребеніе настоятелей монастыря, употреблялись выговцами средства къ тому, чтобы мужчины и женщины, участвовавшіе въ этой церемоніи, не смотрѣли другъ на друга. „И принесоша, читаемъ въ исторіи выговской пустыни о погребеніи тѣла Андрея Денисова, на уготованное мѣсто и ту поставиша тѣло... и собрася толико народу, елико не вмѣщатися на горку; тѣмъ же овы за оградою стояху, мужской полъ на сѣверной сторонѣ, а женскій на полуденной, а посредѣ ихъ стѣна сдѣлана бяше изъ парусовъ, съ припоновъ и съ рогожъ, и приставлены надсмотрщики о стѣну, чтобъ другъ друга не видѣти, а пѣніе бы слышати“ (1). Тѣ же предосторожности были употреблены и при погребеніи Даніила Викулина (2). Наконецъ, по Уложенію Денисовыхъ, даже во время исповѣди двери часовни должны были быть „отверсты“, когда мнимые духовники исповѣдывали женскій полъ, чтобы каждая постница исповѣдывалась на виду у всѣхъ, только бы рѣчей духовника и исповѣдывавшейся не было слышно; отъ этой предосторожности освобожденъ былъ одинъ только „Викуличъ“ Даніилъ „за престарѣлое лѣтами, немощное и дряхлое естество“ (3). Нужно ли говорить, что люди, обрекшіе себя на безбрачіе не съ цѣлію—„цѣломудріе и чистоту душевную и тѣлесную хранити“ (4), а съ цѣлію предаваться ничѣмъ не стѣсняемому разврату, не стали бы слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ и употреблять такія средства къ охраненію своего цѣломудрія? А чтобы не подумалъ кто либо, что настоятели выговской пустыни внушали своимъ подчиненнымъ необходимость дѣвственной жизни и употребляли всѣ, зависящія

(1) Тамъ же, гл. 23.
(2) Тамъ же, гл. 33.
(3) Пам. Кн. Олон. губ. за 1868—69 г. Ч. III. стр. 105—6.
(4) Истор. Выг. пуст. гл. 24.

отъ нихъ, средства къ охраненію цѣломудрія не по сознанію невозможности вступать въ законный бракъ, не по уваженію къ дѣвству, а чисто съ практическою цѣлію—для того, чтобы, прекративъ разгульную жизнь насельниковъ пустыни, имѣть въ нихъ хорошихъ, сильныхъ работниковъ, въ которыхъ пустыня, устроившая свое хозяйство въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, крайне нуждалась,—мы укажемъ въ опроверженіе подобнаго предположенія на тотъ фактъ, что настоятели выговскаго монастыря обязывали къ дѣвственной жизни не только обитателей пустыни, силами которыхъ могли располагать по своему усмотрѣнію, но и всѣхъ другихъ раскольниковъ, гдѣ бы они ни жили. Такъ извѣстно, что кромѣ раскольниковъ, поселившихся въ мужскомъ богоявленскомъ монастырѣ и въ женской лексинской обители, было въ Поморьѣ не мало и другихъ ревнителей благочестія, которые, спасаясь отъ преслѣдованій власти, оставляли города и сёла и селились въ поморскихъ лѣсахъ. Число этихъ „суземскихъ жителей“ особенно умножилось съ тѣхъ поръ, какъ Петромъ Великимъ дано было выговцамъ, изъявившимъ согласіе работать на повѣнецкихъ заводахъ, позволеніе свободно отправлять богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ: „и отъ того времени, замѣчаетъ историкъ выговской пустыни, начаша людіе съ разныхъ городовъ старовѣрства ради отъ гоненія собиратися и поселятися на блатахъ, по лѣсамъ, между горами и вертепами, и между озерами, въ непроходимыхъ мѣстахъ скитами и собственно келіями, гдѣ кому возможно“ (1). Эти, разсѣявшіеся по разнымъ мѣстамъ выговской пустыни, раскольники въ духовныхъ своихъ нуждахъ зависѣли отъ богоявленскаго монастыря, но средства къ существованію добывали сами. Однако же и этихъ, не входившихъ въ рабочую корпорацію выговскаго скита, ра-

(1) Тамъ же, гл. 4.

скольниковъ настоятели обязывали къ жизни безбрачной, дѣвственной. „Часто же ѣздяше, говорится объ Андреѣ Денисовѣ, и по суземку, по скитамъ... и учаше съ моленіемъ всѣхъ скитскихъ жителей добродѣтельному и спасительному житію: въ мирѣ и любви пребывати, межсобныя вражды миромъ разрушая, зазорное житіе отсѣкая... всѣмъ жителямъ съ зазорными лицы жити возбраняя, выборныхъ духовныхъ насмотрищиковъ поставляя съ письменнымъ укрѣпленіемъ, чтобы въ одножирныхъ (должно быть: одножилыхъ) келіяхъ не жити и на пашняхъ собственные станы имѣти... и всякое храненіе о цѣломудріи всѣмъ о семъ попеченіе имѣти, съ великимъ опасеніемъ чисто жити, а не хранящихъ сіе повелѣваше съ запрещеніемъ наказывати по правиломъ, кто чего достоинъ: овыхъ поклонами и постомъ, овыхъ отъ церкве отлучати, овыхъ же и тѣлеснымъ наказаніемъ наказывати“ (1). „Которіи мужи, читаемъ въ 29 статьѣ „устава благочинія“, изданнаго Семеномъ Денисовымъ, живущіи въ скитѣхъ съ женами своими дѣственнымъ житіемъ, начнутъ съ ними жити не по пустынному обѣщанію, но по мірскому обычаю, таковыхъ, аще достойнѣ не исправятся, изъ пустынныхъ скитовъ вонъ высылать и отъ церкви (?) отлучать, дондеже исправятся“ (2). Само собой разумѣется, что, для лучшаго убѣжденія въ необходимости безбрачной, дѣвственной жизни, настоятели выговскаго монастыря старались своимъ собственнымъ примѣромъ научить этой добродѣтели своихъ подчиненныхъ. Для этой цѣли они нетолько проводили жизнь строго воздержную, или, по выраженію раскольническаго историка, „жили жестокимъ житіемъ“, но избѣгали даже малѣйшихъ поводовъ, которые могли бы набросить тѣнь на ихъ цѣломудріе. Такъ напр., когда устроенъ

(1) Тамъ же, гл. 14.

(2) Сборн. библ. покойн. м. Григорія № 154, л. 142.

былъ женскій скитъ и настоятелямъ по своимъ обязанностямъ случалось посѣщать его, они дѣлали это не иначе, какъ въ сопровожденіи „старцевъ“, извѣстныхъ всѣмъ своею строгою жизнію. „Симеонъ же, читаемъ въ исторіи выговской пустыни, остася вмѣсто брата своего Андрея, и въ печали бѣ о разлученіи братнѣ: обаче начатъ съ отцомъ Даніиломъ часто совѣтовати и управляти церковнаго (какъ они величаютъ секты и сборища свои) попеченія дѣло... такожде и въ другой монастырь на Лексу къ сестрамъ съ соборными стариками нача ходити... и часто всегда всю братію и сестръ обоихъ монастырей съ любовію и моленіемъ поучаше, дабы жили въ страсѣ Божіи, и во благочестіи крѣпко стояти и заповѣди Христовы и данная отъ Отецъ повелѣнная хранити, наипаче же цѣломудріе и чистоту душевную и тѣлесную хранити“ (1). Семенъ Денисовъ простиралъ въ этомъ отношеніи свою осторожность до того, что въ женскомъ монастырѣ „ни съ кѣмъ на единѣ не глаголаше“ (2), даже съ своею родною сестрою — Соломоніею, настоятельницею монастыря. Неудивительно послѣ этого, что, въ случаѣ нарушенія кѣмъ-либо обѣта цѣломудрія, такіе ревнители „суроваго житія“ не щадили виновныхъ, не хотѣвшихъ „чистоты тѣлесныя хранити“. Подобныхъ нарушителей „отеческихъ законовъ“ настоятели монастыря подвергали разнаго рода эпитиміямъ, иногда очень тяжелымъ, а въ случаѣ нераскаянности грѣшниковъ совершенно исключали ихъ изъ братства и изгоняли изъ пустыни (3).

Такимъ образомъ, проповѣдуя безбрачіе и всѣхъ обязывая къ дѣвственной жизни, поморцы, какъ ясно видно

(1) Истор. Выгов. пуст. гл. 24.

(2) Тамъ же, гл. 35.

(3) Тамъ же, гл. 26; подробнѣе о мѣрахъ къ охраненію цѣломудрія, употреблявшихся въ Выговской пустыни, см. въ Уложеніи Денисовыхъ (Пам. кн. Олон. губ. за 1868—69 г. Ч. III, стр. 106—116).

изъ всего вышесказаннаго, не на словахъ только являлись ревнителями чистоты тѣлесной, но и на самомъ дѣлѣ хранили, по возможности, цѣломудріе. А послѣ этого, повторимъ, мысль, будто безпоповцы, обрекая себя на безбрачіе, дѣлали это не вслѣдствіе невозможности вступить въ бракъ съ благословенія священника, а по склонности къ разврату, оказывается болѣе, чѣмъ несправедливою. Мы не споримъ, что впослѣдствіи времени безпоповщина въ нѣкоторыхъ толкахъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, стала снисходительно смотрѣть на блудное сожитіе мужчинъ и женщинъ; но на первыхъ порахъ своего появленія она строго преслѣдовала блудъ и обязывала всѣхъ своихъ послѣдователей къ строго-дѣвственной жизни. Если же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и встрѣчались между безпоповцами лица, которыя, не смотря на обѣты дѣвства, грѣшили противъ цѣломудрія, это не значитъ, чтобы такіе люди отвергали бракъ ради блуда, а показываетъ только немощь человѣческой природы, которая часто не еже хощетъ доброе творитъ, но еже не хощетъ злое, сіе содѣваетъ ([1]). Такъ напр. извѣстно, что безпоповцы новгородскіе еще въ то время, когда проповѣдь о безбрачіи имѣла въ расколѣ полную силу, жили, не смотря на свои обѣты дѣвства, крайне неблагопристойно. Нетолько простые раскольники, но даже наставники ихъ жили въ „келіяхъ на уединеніи съ зазорными лицы и съ духовными дочерьми, съ дѣвицами и женами“ ([2]), и подъ видомъ стряпухъ держали у себя любовницъ, чѣмъ соблазняли другихъ раскольниковъ. Но подобная распущенность нравовъ, бывшая слѣдствіемъ еще неустановившагося между раскольниками взгляда на брачную жизнь, тогда же вы-

([1]) Рим. VII, 19.
([2]) Іоаннов. стр. 95.

звала громкій протестъ со стороны самихъ безпоповцевъ, и на собраніи 1694 г. было положено строгое наказаніе тѣмъ, кто рѣшился бы на подобную зазорную жизнь на будущее время, и въ то же время опредѣлено всѣмъ жить дѣвственно. „Да и намъ отцемъ духовнымъ, читаемъ въ правилахъ этого мнимаго собора, подобаетъ противу правилъ святыхъ отецъ чинити. Отнынѣ повелѣваемъ сему правилу послѣдовать: всякому изъ насъ отцу духовному въ келіяхъ на уединеніи съ зозорными лицами и съ духовными дочерьми, съ дѣвицами и съ молодыми женами не жить и тѣмъ житіемъ православныхъ христіанъ братію нашу не соблазняти, какъ прежде доселева было у насъ недосмотрѣнія ради и слабенько попущено, и таковымъ бы намъ житіемъ, яко Содомляномъ, проклятымъ не быть, но подобаетъ намъ женъ средняго житія себѣ на послуженіе избрать, а молодыхъ женъ и дѣвицъ въ стряпухахъ отнюдь не держати и за келейницъ ихъ не почитати. Аще же которые изъ насъ отцы духовные не будутъ по сему писанному уставу творити и тако жити, яко же соборомъ симъ узаконяемъ, но по своему нраву будутъ такожъ сожительницъ таковыхъ держати и съ ними единодомовнѣ жити, — и намъ съ ними не буди отселѣ ни части, ни жребія; ибо отъ сего бываетъ отъ вѣрныхъ подозрѣніе и соблазнъ, отъ невѣрныхъ же укоръ и хула велія, и мнози таковыхъ ради винъ веліе сомнѣніе имѣютъ и къ вѣрѣ Христовой не приступаютъ и отъ вѣрныхъ мнози сихъ ради винъ отступаютъ ([1]). А которыя дѣти наши духовныя, живущія по келіямъ юноши или мужи, послѣ сего нашего соборнаго уложенія и братскаго приговора, буде кто возметъ къ себѣ женскаго пола, или престарѣлую дѣвицу,

([1]) Послѣднія слова прямо опровергаютъ мысль, будто безпоповщина, установивъ безбрачіе и тѣмъ самымъ давъ поводъ къ разврату, хотѣла этимъ средствомъ привлечь на свою сторону народную массу, склонную къ грубой, развратной жизни; Русск. раск. старообр. Щапова стр. 177—184.

на сожительство извѣстіемъ немощи ради тѣлесныя и единокелейное пребываніе имѣти будутъ, и если окажется у нихъ дѣторожденіе съ тѣми женами или дѣвицами,—и таковыхъ явственныхъ единокелейныхъ сожительствующихъ вкупѣ подобаетъ намъ отцемъ духовнымъ разводить отъ общаго сожитія и по преданію святыхъ отецъ отъ единенія церковнаго отлучить и во общее богомоліе не пущать, и въ питіи и въ яденіи не сообщаться, и въ такомъ дѣлѣ, еже есть противно христіанскому положенію, отнюдь не потакать. А которые до сего времени жили съ зазорными лицы и въ тѣхъ лицѣхъ веліе сомнѣніе стяжали, въ томъ и на вѣру Христову и на христіанъ хула и порицаніе и гоненіе воздвизаются,—а нынѣ аще ли отъ тѣхъ женъ и дѣвицъ пріидутъ на покаяніе и обѣщаются уже совершенное чистое житіе сохранити и вѣру Христову соблюсти, подобаетъ принять на покаяніе и потомъ намъ въ тоже самое время отослать въ иное мѣсто спокойное для совершеннаго душевнаго спасенія, гдѣ не бываетъ близу мужескаго пола“ (1). Что же касается нѣкоторыхъ толковъ, упоминаемыхъ еще св. Димитріемъ Ростовскимъ, которые, отвергши бракъ, возвели блудъ, такъ сказать, въ принципъ, считая его любовію Христовою (2), то, по нашему мнѣнію, и послѣдователи этихъ, уже давно изчезнувшихъ съ лица земли, толковъ предавались безпорядочной жизни не изъ любви къ разврату, а также вслѣдствіе мнимой невозможности вступать въ бракъ и удовлетворять требованіямъ природы законнымъ образомъ. Это видно изъ того, что въ своемъ отрицаніи брака стефановщина дѣйствовала, по словамъ святителя, на основаніи тѣхъ же началъ, на которыхъ утверждали свое ученіе о безбрачіи и ѳедосѣевцы; а эти послѣдніе, какъ извѣстно, отвергали

(1) Сборн. библ. м. Григорія, № 154, л. 161—2, прав. 14—17.
(2) Розыск. стр. 605—6.

бракъ потому, что не имѣли въ своемъ обществѣ „православныхъ іереевъ“, которые могли бы освящать своимъ благословеніемъ брачные союзы. Притомъ и самъ св. Димитрій Ростовскій, дѣлая общую характеристику безпоповщины, къ которой принадлежала и стефановщина, о причинѣ ея безбрачія и слѣдовавшаго за нимъ нерѣдко разврата замѣтилъ слѣдующее: „а живутъ не въ законномъ супружествѣ, а въ беззаконіи блудномъ... учатъ бо учители ихъ, яко лучше есть жити безъ вѣнчанія, неже вѣнчатися по еретически (насъ православныхъ нарицаютъ еретиками), и гнушаются тѣхъ, иже вѣнчаны суть по церковному чину въ супружество. И аще въ тѣхъ, иже по церковному чину и христіанскому закону вѣнчашася въ супружество, родится отроча, то уже они съ ними тогда не ядятъ, ни піютъ, ни бесѣдуютъ, ни молятся, яко съ погаными. Того ради отцы и матери, кія имѣютъ дщерей, невдаютъ ихъ законному браку, но велятъ безъ вѣнчанія съ кѣмъ хотя жити“ (1). Съ другой стороны самыя извѣстія о существовавшемъ будто бы развратѣ въ стефановщинѣ не на столько опредѣлительны, чтобы нельзя было сомнѣваться въ нихъ. Во-первыхъ, говоря о развратѣ послѣдователей діакона Стефана, святитель передаетъ въ этомъ случаѣ не свое личное наблюденіе надъ жизнію и нравами сектантовъ, а чужія слова, слышанныя притомъ имъ отъ обратившагося къ православію раскольника,—слѣдовательно слова, быть можетъ, нечуждыя преувеличенія и прикрасъ, хотя и темнаго свойства. „То сказывалъ намъ, замѣчаетъ св. Димитрій, монахъ Макарій, иже родомъ есть уѣзду Ростовскаго, села Звѣринца, а жилъ близь скитовъ Брынскихъ межъ раскольщиками лѣтъ пять. Таже обратися къ православію и постриженся во иночество“. Во-вторыхъ, въ самомъ извѣ-

(3) Тамъ же, стр. 604.

стіи монаха Макарія касательно нравовъ стефановщины есть нерѣшительность и даже противорѣчіе, обличающія его незнаніе закулисной жизни раскольниковъ. „Въ томъ толкѣ, разсказывалъ святителю бывшій раскольникъ, бракъ блудомъ нарицаютъ, сами же зовутся дѣвственники; а живутъ купно съ женскимъ поломъ и блудствуютъ, ниже ставятъ себѣ въ грѣхъ блуда, но въ любовь. Обаче таятся предъ нашими правовѣрными, аки бы дѣвственно живутъ. Но самое тѣхъ съ женами въ единыхъ келліахъ пребываніе обличаетъ ихъ. Како бо можетъ сѣно со огнемъ вмѣстити“? Не споримъ, что сѣну нельзя не загорѣться отъ огня; но думаемъ, что единокелейное пребываніе мужчины съ женщиной не всегда должно производить нравственный пожаръ, истребляющій цѣломудріе сожительствующихъ, если только они по своимъ моральнымъ свойствамъ не представляютъ изъ себя того нравственнаго сѣна, о которомъ говоритъ Апостолъ (1). А потому пребываніе раскольниковъ толка стефановщины въ однѣхъ кельяхъ съ женщинами еще не можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ того, что въ этомъ толкѣ господствовалъ развратъ, а можетъ указывать только на то, что раскольникамъ, гонимымъ повсюду, часто приходилось жить, какъ попало и съ кѣмъ случилось, и что въ ту пору, когда существовала стефановщина, ревнители старины нерѣдко не имѣли для жилья не только „разножилыхъ келій“, а даже простыхъ шалашей, и зачастую проводили цѣлые мѣсяцы подъ открытымъ небомъ. Если же мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что стефановцы ничѣмъ не заявляли предъ православными своего разврата, что, отвергши бракъ, они въ тоже время называли себя дѣвственниками и старались по крайней мѣрѣ казаться такими, то, кажется, не погрѣшимъ противъ

(1) 1 Кор. III, 12.

*

правды, если скажемъ, что мысль, будто блудъ они не считали грѣхомъ, представляется болѣе, чѣмъ сомнительною; сомнительно по крайней мѣрѣ, чтобы блудъ они возвели въ принципъ, какъ увѣряютъ въ этомъ нѣкоторые (1), и чтобы ради разврата установили и самое безбрачіе. Нѣтъ; что̀ бы и сколько бы ни говорили о распущенности нравовъ, существовавшей въ нашемъ народѣ предъ временемъ появленія у насъ раскола (2), мы все-таки никогда не согласимся признать справедливою мысль, будто безпоповщина, установляя безбрачіе, хотѣла этимъ „освятить мрачный недостатокъ народной нравственности русской стараго времени“, хотѣла отрицаніемъ брака открыть путь разврату. Какъ ни своеобразны были раскольники въ своихъ понятіяхъ о добродѣтели, все же они не были на столько грубы и дики, чтобы безнравственность стали считать нравственностію. А послѣ этого и въ наставленіи Аввакума: „аще кто не имать іереевъ, да живетъ просто“, вмѣсто запрещенія вступать въ бракъ въ православной церкви и совѣта жить безбрачно, но дѣвственно, видѣть разрѣшеніе на блудъ, значитъ предполагать, что разстриженный протопопъ вмѣстѣ съ священствомъ потерялъ и царя въ головѣ, такъ какъ прежде разстриженія Аввакумъ, какъ извѣстно, и самъ былъ строгій дѣвственникъ и другихъ, по его безцеремонному выраженію, „унималъ отъ блудни“, — даже съ опасностію жизни (3). Наконецъ, самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что безпоповцы обрекли себя на безбрачіе по неимѣнію священства, а не священство (православное) отвергли, чтобы въ отсутствіи совершителей брака найти для своей совѣсти поводъ къ развратной жизни, служатъ

(1) Русск. раск. старообр. Щапов. стр. 184.
(2) Тамъ же, стр. 177—183.
(3) Житіе Аввакум. стр. 13, 14, и 19.

сочиненія тѣхъ раскольниковъ, которые послѣ возстали противъ безпоповщинскаго дѣвства и рѣшились ввести у себя бракъ безъ благословенія священника. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, какъ увидимъ послѣ, проповѣдники безбрачія осуждаются не за принципъ, во имя котораго они установили всеобщее дѣвство и который указывается одинъ и единственный—отсутствіе православняго священства, а за слѣдствія, къ которымъ привело со временемъ безпоповщинское безбрачіе и которыя состояли въ крайнемъ развратѣ всѣхъ, кто не могъ вынести дѣвственной жизни. А вѣдь нельзя не сознаться въ томъ, что сами раскольники могутъ лучше знать истинныя стремленія своихъ собратій, чѣмъ посторонніе изслѣдователи раскола; хотя не можемъ не замѣтить, что до самаго послѣдняго времени и православные изслѣдователи раскола смотрѣли на причины безпоповщинскаго безбрачія согласно съ нами (1).

Впрочемъ, указывая на неимѣніе безпоповцами священства, какъ на причину установленнаго ими безбрачія, мы не отвергаемъ, что на такое рѣшеніе ревнителей старины имѣли вліяніе и другія обстоятельства, въ которыхъ находился расколъ въ концѣ XVII вѣка. Сознать, что не можетъ быть болѣе брака, безпоповцы могли очень естественно, когда увидѣли, что „древле-православные“ священники, находившіеся въ расколѣ, которые одни имѣли право совершать это таинство, перемерли; но заставить всѣхъ, принадлежавшихъ къ безпоповщинской сектѣ, раскольниковъ, а равно и переходившихъ въ расколъ изъ православія, принять безбрачіе за неизмѣнное правило для жизни, не въ состояніи были бы никакіе ревнители дѣвства, если бы самыя обстоятельства, въ которыхъ находился расколъ, не располагали заблуждающихъ къ та-

(1) Андр. Іоаннов. стр. 123; Истор. русск. раск. стр. 263.

кому образу жизни. Первымъ изъ такихъ обстоятельствъ было ученіе раскольниковъ о наступленіи послѣднихъ временъ міра и царствованіи въ немъ антихриста. Извѣстно, что еще первые расколоучители, видя мнимое истребленіе вѣры православной патріархомъ Никономъ, приходили къ вопросу, не послѣднія ли настали времена, не приближается ли царство сына погибели? Такъ протопопъ Аввакумъ, въ негодованіи на церковныя преобразованія, писалъ: „никоніане изъ церкви все выбросили и жертву перемѣнили, молитвы и пѣніе, все на антихристово лице устроили. Чему быть? дѣти ево: отцу своему угладили путь. Аще и не пришелъ еще онъ, послѣдній чертъ, но скоро уже будетъ: все уготовали предтечи его, и печатью людей бѣдныхъ слѣпыхъ перепечатали, тремя персты и развращенною малаксою“ (1). „Вся священная писанія проидохомъ, писалъ тотъ же протопопъ по поводу исправленія книжнаго, ветхая и новая, а не обрѣтохомъ нигдѣ, что въ послѣднее время исправятъ вѣру добрѣ и обрящутъ истину. Нѣсть тако. Но вси пророцы и апостоли Христовы и вси святіи отцы вопіютъ, согласно истинному Христу своему учителю, яко въ послѣдняя времена возстанутъ лжехристи и лжеучители, и священная писанія превратятъ и исказятъ, отступятъ отъ вѣры, и внесутъ ереси погибельныя, и Христа Бога отметатися будутъ, и отеческія преданія загладятъ, и по своей похоти начнутъ писати, и не будетъ службы святыя въ олтарѣхъ, ни приношенія. Яко вси уклонишася отъ Бога святаго и лестцу вѣру яша. И дастъ имъ прескверный, вмѣсто креста Спасителева, подобное свое знаменіе“ (2). Подобные же возгласы о наступленіи послѣднихъ временъ міра и царства антихри-

---

(1) Опис. раск. соч. ч. II, стр. 11.
(2) Тамъ же, стр. 46.

стова слышались и отъ другихъ расколоучителей (1). Напуганные страшными предсказаніями расколоучителей о приближеніи царства антихристова и кончины міра, ревнители старины дѣлали даже разнаго рода вычисленія, посредствомъ которыхъ хотѣли опредѣлить годъ наступленія владычества сына погибели (2). И хотя первые расколоучители, въ успокоеніе своихъ учениковъ, писали: „а о послѣднемъ антихристѣ не блазнитеся. Еще онъ не бывалъ. Нынѣшнія бояре его комнатныя, ближнія друзья, возятся яко бѣси, путь ему подстилаютъ и имя Христово выгоняютъ. Да какъ вычистятъ вездѣ, такъ Илія и Енохъ обличители прежде будутъ, потомъ антихристъ во свое ему время“ (3); тѣмъ не менѣе простой народъ, изстари привыкшій видѣть въ каждомъ, болѣе или менѣе необыкновенномъ, событіи признаки близкой кончины міра, почти съ самаго начала книжнаго исправленія вѣрилъ, что сынъ погибели уже воцарился. Такъ уже отцы московскаго собора 1666—7 года замѣчали въ свое время, что „во многихъ отъ народа вниде мнѣніе, яко ересьми многими и антихристовою скверною осквернены церкви и чины и таинства и послѣдованіе церковное“ (4). Когда же на этомъ соборѣ, вопреки ожиданіямъ раскольниковъ, что съ паденіемъ Никона падутъ и его ереси, всѣ церковныя преобразованія патріарха были одобрены, а на упорныхъ ревнителей мнимой истинной вѣры была положена анаѳема, раскольники еще болѣе убѣдились, что погибло на Руси православіе, что настало царство антихриста, что скоро загремитъ труба архангела и будетъ страшный судъ Христовъ, а затѣмъ и кончина міра. Убѣжденіе это

(1) Русск. раск. стар. стр. 88—89; Прав. Обозр. 1862 г. Мартъ, стр. 377—386.

(2) Тамъ же, стр. 378—9; Щапов. стр. 75.

(3) Опис. раск. соч. ч. II, стр. 16.

(4) Дополн. къ акт. истор. т. V, стр. 460.

расколоучители старались поддержать въ народѣ указаніемъ на тѣ самыя книги, которыя народъ считалъ „богодухновенными“ и которыя теперь были признаны неправильными. Собирая вокругъ себя кружки, они читали смущенному народу слѣдующее мѣсто изъ книги о вѣрѣ: „дѣти, послѣдняя година есть, и якоже слышасте, яко антихристъ грядетъ, и нынѣ антихристи мнози. О правдѣ, яко много предотечевъ, но и самъ уже близь есть по числу, еже о немъ, 666: число бо человѣческо есть антихристово. Кто вѣсть, аще въ сихъ лѣтѣхъ, 1,666 явственныхъ предотечевъ его или того самаго не укажетъ... По тысящномъ лѣтѣ, егда 595-е дохождаше лѣто, явственное бысть отступленіе и прельщеніе нарицающихся юнитовъ отъ святыя восточныя церкве къ западному костелу. А по исполненіи лѣтъ числа тысящи шести сотъ шестидесяти шести, не непотребно и намъ отъ сихъ винъ опасеніе имѣти, да не нѣкое бы что зло пострадати, по преждереченныхъ исполненія писанія свидѣтельствъ: яко настоитъ день Христовъ, якоже рече Апостолъ, и нѣсть ли быти готовымъ подобаетъ, аще кто достигнетъ тѣхъ временъ, на брань съ самимъ діаволомъ“ (1). Послѣ такихъ чтеній, въ слушавшемъ народѣ, державшемся двуперстія и другихъ вещей, осужденныхъ соборомъ 1666 года, не оставалось уже ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что съ этого именно года настало царство человѣка беззаконія и что затѣмъ скоро послѣдуетъ и самая кончина міра. Когда же наступитъ страшный часъ всеобщаго суда и кончины міра, спрашивали своихъ вождей раскольники, желая достойнымъ образомъ приготовить себя къ встрѣчѣ грознаго Судіи? Дня и часа, когда придетъ Сынъ человѣческій, нельзя знать никому, отвѣчали расколоучители, но годъ указать можно. Такъ какъ, по ученію святыхъ отцевъ,

(1) Гл. 30, л. 270—1.

царство сына погибели будетъ продолжаться три съ половиною года, а началось это царство съ 1666 года, то въ 1669 году кончина міра должна послѣдовать неминуемо. И вотъ, въ наступившемъ 1669 году, по всему пространству необъятной Россіи, и въ поморьѣ (1), и по всему поволжью (2), и въ отдаленной Сибири (3), раскольники, оставивъ свои обычныя занятія, бѣгутъ цѣлыми семействами изъ домовъ въ лѣса и пустыни и здѣсь, собравшись толпами, постятся, молятся, приносятъ другъ другу покаяніе во грѣхахъ, пріобщаются старинными дарами и, надѣвъ чистыя рубахи и саваны, простившись съ земнымъ міромъ, ложатся въ заранѣе приготовленные долбленые гробы и, лежа въ нихъ, въ ожиданіи трубы архангела, поютъ заунывнымъ напѣвомъ:

Древянъ гробъ сосновый
Ради мени строенъ.
Въ немъ буду лежати,
Трубна гласа ждати.
Ангели вострубятъ,
Изъ гробовъ возбудятъ.
Я хотя и грѣшенъ,
Пойду къ Богу на̀ судъ.
Къ Судьѣ двѣ дороги,
Широкія, долги;
Одна-то дорога
Во царство небесно,—
Другая дорога
Во̀ тьму кромѣшну.

Особенно же громко раздавались эти и подобныя пѣсни по ночамъ, такъ какъ, по сохранившемуся доселѣ въ на-

(1) Іоаннов. стр. 122.
(2) Истор. очер. поповщины Мельникова стр. 30.
(3) Исторія русск. раск. стр. 242.

родѣ мнѣнію, кончина міра послѣдуетъ не иначе, какъ ночью, и именно—или въ ночь съ субботы на воскресенье предъ масляницей,—въ это воскресенье въ старину въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, совершали особый обрядъ страшнаго суда,—или въ ночь на Троицынъ день (1).

Но тогда какъ одни изъ раскольниковъ, напуганные мыслію о близкой кончинѣ міра, ежеминутно въ страхѣ и трепетѣ ожидали, что вотъ—вотъ земля потрясется, камни распадутся, солнце и луна померкнутъ, звѣзды, какъ дождь, посыплются на землю, и потекутъ рѣки огненныя и пожрутъ всю тварь земнородную,—другіе, болѣе рьяные и фанатичные, не ожидая страшной кончины міра, шли добровольно на костеръ и сожигались съ женами и дѣтьми, чтобы избѣжать мукъ мнимаго антихриста и перейти въ вѣчность съ чистою, непорочною вѣрою. „А иные ревнители закона, писалъ Аввакумъ, суть уразумѣша лесть отступленія, да не погибнутъ злѣ духомъ своимъ, собирающеся во дворы съ женами и дѣтьми и сожигахуся огнемъ своею волею“ (2). Миновали страшныя ночи, въ которыя раскольники по преимуществу ожидали явленія грознаго Судіи со тьмами ангеловъ, прошелъ и весь роковой 1669 годъ, а міръ стоялъ по прежнему, солнце обычнымъ порядкомъ восходило и заходило, дни по прежнему состояли изъ 24 часовъ (3). Казалось бы, обманутымъ въ своихъ вычисленіяхъ и ожиданіяхъ ревнителямъ старины нужно было отрезвиться послѣ этого и понять свое заблужденіе. Къ удивленію, исторія свидѣльствуетъ, что съ окончаніемъ 1669 года мысль раскольниковъ объ антихристѣ и близкой кончинѣ міра не только не кончи-

(1) Мнѣніе о свѣтопреставленіи въ Троицынъ день существуетъ въ народѣ не только у насъ, но и въ другихъ странахъ Европы. Вечерн. Газет. 1866 г. № 114, стат. „Новая секта“.

(2) Опис. раск. соч. ч. II, стр. 5.

(3) Іоаннов. стр. 122.

лась, но получила новое, еще большее развитіе. „Нѣцыи глаголютъ, писалъ патріархъ Іоакимъ въ 1682 году, яко уже нынѣ антихристъ въ мірѣ, друзіи же глаголютъ, яко уже и царствуетъ, иніи глаголютъ, яко вскорѣ имать правовѣрныхъ рабовъ мучити“ (1). Мало этого: даже тѣ, кои прежде говорили, что антихристъ еще не пришелъ, а только скоро будетъ, и указывали признаки, которые будутъ предварять наступленіе царства сына погибели, именно: явленіе въ міръ Иліи и Еноха, — теперь стали проповѣдывать, что человѣкъ беззаконія уже явился, хотя Иліи и Еноха никто нигдѣ не видалъ. Такъ протопопъ Аввакумъ, писавшій прежде, что „Илія и Енохъ обличители прежде будутъ, потомъ антихристъ во свое ему время“, къ концу своей жизни сталъ говорить объ антихристѣ, какъ очевидецъ: „я, братія моя, писалъ онъ въ одномъ изъ посланій, видѣлъ антихриста, собаку бѣшеную, право видѣлъ. Плоть у него вся смрадъ и зѣло дурна, огнемъ пышетъ изо рта, а изъ ноздрей и изъ ушей пламя смрадное исходитъ“ (2). Чтобы понять, какъ Аввакумъ могъ написать такую грубую ложь, нужно помнить, что первые расколоучители, подъ вліяніемъ внѣшнихъ бѣдствій, которыя они переносили за свое упорство, подъ вліяніемъ горькихъ, болѣзненныхъ чувствъ, которыя они испытывали при видѣ мнимаго нарушенія правой вѣры, дѣйствовали и писали не столько подъ руководствомъ спокойной, обдуманной мысли, сколько по внушенію своего ожесточеннаго, озлобленнаго сердца; а слѣдствіемъ этого было то, что внутреннее, душевное состояніе ихъ доходило иногда до крайней напряженности, до самыхъ странныхъ экстазовъ, до галлюцинацій, почти до умопомѣшательства—такъ, что мысль нерѣдко пред-

(1) Слово благодарст. въ Древн. Росс. Вивліое. ч. XV, стр. 269.
(2) Истор. очерк. поповщины, Мельникова, стр. 33.

ставлялась имъ въ живыхъ образахъ и картинамъ воображенія часто усвояли они образную дѣйствительность. Только такимъ душевнымъ настроеніемъ и можно объяснить тѣ явленія, о которыхъ разсказываетъ напр. Аввакумъ въ своихъ сочиненіяхъ и которыхъ будто бы онъ удостоился за свою твердость въ вѣрѣ (1). Какъ бы впрочемъ ни было, только несомнѣнно, что и послѣ 1669 г. мысль о наступленіи царства антихристова и—скорой кончинѣ міра не изчезла въ расколѣ. Мало этого: явились люди, которые, на основаніи разныхъ соображеній и вычисленій, снова стали указывать самый годъ начала царства сына погибели и затѣмъ — втораго Христова пришествія. Такъ, одинъ старецъ соловецкій, по имени Діонисій, говорилъ въ 1674 году на допросѣ: „видѣлъ-де онъ въ монастырѣ (Соловецкомъ) у головщика у старца Матвѣя, а родомъ горожанина, который бывалъ у всемилостиваго Спаса въ дьячкахъ, письмо его руки; а въ

(1) Вотъ что, напр., разсказывалъ Аввакумъ въ посланіи къ царю Алексѣю Михайловичу: „въ нынѣшнемъ 187 году, въ великій постъ, на первой недѣлѣ, по обыкновенію своему въ понедѣльникъ я не ѣлъ хлѣба, также во вторникъ и среду не ѣлъ; потомъ и въ четвергъ пробылъ не ѣвши, а въ пятницу до часовъ началъ я келейное правило (псалмы давидовы) пѣть. И напала на меня страшно сильная озноба, такъ что и „на печи зубы мои разбило съ дрожи“. Но я, лежа на печи, въ умѣ своемъ перебиралъ псалмы (ибо Богъ далъ мнѣ способность знать всю псалтырь наизусть). Прости, Государь, невѣжеству моему: отъ дрожи той напалъ на меня мытъ и я такъ изнемогъ, что даже отчаявался въ жизни настоящей: не принималъ я пищи уже дней до десяти и больше. Лежа такимъ образомъ на постели своей, я упрекаю себя, думая, что вотъ въ такіе великіе дни не могу совершать правила и поклоны, но только по четкамъ считаю молитвы. И „Божіимъ благословеніемъ“ ночью второй недѣли, наканунѣ пятницы, распространился языкъ мой и сталъ очень великъ, потомъ и зубы мои сдѣлались большими, и вотъ и руки и ноги стали велики, потомъ и весь я широкъ и пространенъ подъ небомъ: распространился по всей земли. А потомъ Богъ помѣстилъ въ меня небо и землю и всю тварь. Я же въ то время, не переставая, читалъ молитвы и перебиралъ „лѣствицу“. Такъ продолжалось съ небольшимъ полчаса“. Разсказ. изъ истор. старообр. стр. 102—3. Очевидно, Аввакумъ былъ въ горячкѣ, или другой какой-либо болѣзни, и бредъ больной головы принялъ за видѣніе.

томъ письмѣ написано про пришествіе Христово, что-де пришествіе Христово будетъ въ 199 (т. е. 1691) году“ (1). И многіе раскольники, какъ видно изъ ихъ сочиненій, были несомнѣнно убѣждены, что съ этого года настало по крайней мѣрѣ царство антихриста. „Несомнѣнно намъ вѣрить и прочимъ ученіе творить, писали въ 1694 году новгородскіе раскольники, еже есть по грѣхомъ нашимъ въ кончину вѣка достигохомъ, въ няже и антихристъ царствуетъ въ мірѣ нынѣ... и вся таинства истребилъ, и всякую святыню омрачилъ и свое новодѣйствіе возстановилъ“ (2). По выкладкамъ другихъ выходило нѣсколько иначе. Вспомнивъ, что книга о вѣрѣ, на основаніи которой раскольники ждали кончины міра въ 1669 г., начинаетъ свое пророчественное лѣтосчисленіе съ года Рождества Христова, между тѣмъ какъ сатана былъ связанъ на тысячу лѣтъ въ день воскресенія Спасителя, раскольники пришли къ мысли, что для опредѣленія времени явленія въ міръ антихриста нужно къ 1666 году, указываемому писателемъ книги о вѣрѣ, приложить $33^1/_2$ года— время земной жизни Іисуса Христа, и на основаніи такого расчета стали утверждать, что сынъ погибели придетъ въ 1699 году (3). Наконецъ, явились такія личности, которыя, на основаніи седмеричнаго числа различныхъ предметовъ, о которыхъ говорится въ св. Писаніи, и числа, находящагося въ раскольническомъ чтеніи имени Спасителя Ic т. е. 210, полагали, что царство антихриста наступитъ чрезъ 7000 лѣтъ съ прибавленіемъ къ этому числу 210, т. е. въ 1702 году (4). Этотъ послѣдній срокъ, среди начавшихся реформъ великаго преобра-

(1) Акт. истор. т. IV, 536. Истор. Русск. церк. Филарета, пер. патр. стр. 283, примѣчаніе.

(2) Сборн. № 154, л. 256 об. прав. 1-е.

(3) Истор. очерк. поповщины стр. 32.

(4) Хр. Чт. 1863 г. ч. III, стр. 83—4.

зователя, казавшихся большинству неправославными, антихристіанскими, представлялся до того вѣроятнымъ, что мысль о наступленіи царства антихристова въ началѣ XVIII вѣка сдѣлалась достояніемъ не только раскольниковъ, но и многихъ изъ православныхъ,—такъ, что проповѣдь Талицкаго слушалась съ одинаковымъ вниманіемъ и народомъ, и самыми высшими лицами изъ духовенства и бояръ, и одинаково пугала и тѣхъ и другихъ (1). Среди такихъ-то обстоятельствъ расколъ остается безъ іерархіи и въ безпоповщинѣ начинается проповѣдь, что за неимѣніемъ „православнаго священства“ брака вѣнчать некому и всѣмъ остается проводить жизнь дѣвственную. Не трудно понять, послѣ всего сказаннаго, какъ тяжелое бремя, налагавшееся этою суровою проповѣдью на всякаго безпоповца, могло показаться легкимъ ревнителямъ старины, наэлектризованнымъ мыслію о послѣднихъ временахъ міра. Русскій благочестивый человѣкъ издавна, готовясь предстать на судъ Божій, спѣшилъ разрывать всѣ узы съ грѣшнымъ міромъ и облекался въ иноческую одежду, нерѣдко и въ схиму (2). Ужели же теперь, когда явился въ міръ человѣкъ беззаконія, когда каждаго истиннаго христіанина ожидаютъ однѣ только бѣды, и притомъ—такія, какихъ не видѣли люди отъ начала міра, когда особенное горе грозитъ *непраздным* и *доящимъ*, — ужели въ такое страшное время думать объ удовольствіяхъ плоти, о радостяхъ семейной жизни? Нѣтъ, не жена, изъ-за попеченій о которой и въ обыкновенное время не легко угодить Богу (3), должна занимать человѣка въ виду близкаго пришествія страшнаго Судіи, а спасеніе души,—спасеніе, къ которому самый вѣрный путь — отреченіе отъ

(1) Тамъ же, стр. 521—2.

(2) Невскій сборн. 1867 г. т. I, стр. 81; Максимъ Грекъ, соч. Иконникова, 1865 г. стр. 256.

(3) Тамъ же, стр. 257.

міра. А потому не только тѣ, кои еще не вступали въ бракъ, должны проводить жизнь дѣвственную, но и „имущіи жены“ обязаны вести себя, „яко не имущіи, яко время сокращенно“. И вотъ проповѣдь безпоповщинская о всеобщемъ дѣвствѣ, которая въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, могла бы показаться, по меньшей мѣрѣ, насиліемъ, теперь, благодаря мысли о близкой кончинѣ міра, является въ глазахъ раскольниковъ не больше, какъ благочестивымъ совѣтомъ, не исполнить котораго можетъ развѣ только тотъ, кто не дорожитъ своимъ вѣчнымъ спасеніемъ. И учители безпоповщинскіе, какъ видно изъ ихъ сочиненій, требуя отъ своихъ учениковъ безбрачной жизни—вслѣдствіе невозможности заключать бракъ съ благословенія „православнаго“ священника, никогда не опускали случая, для большей убѣдительности своихъ словъ, указывать, между прочимъ, на послѣднее время міра, какъ на обстоятельство, которое могло ослаблять плотскія движенія въ самыхъ кипучихъ натурахъ. „Увѣщеваше же, пишется объ инокѣ Корниліѣ въ его житіи, приходящія цѣломудрствовати, прикладствуя апостоловы глаголы: время скращено есть, прочее да имущія жены, яко не имуще будутъ“. Новгородскіе безпоповцы, узаконяя на соборѣ 1694 года всеобщее безбрачіе, ссылались между прочимъ и на то, что „нынѣ царствуетъ въ мірѣ антихристъ“ и что слѣдовательно вѣнчаться въ такое время пришлось бы не иначе, какъ только у „антихристовыхъ поповъ“, о чемъ страшно и подумать (1). Мало этого: нашлись люди, которые, подъ вліяніемъ мысли объ антихристѣ, стали доказывать, будто, по писанію, въ царство человѣка беззаконія даже и не можетъ быть браковъ—по самому порядку вещей, имѣющему быть въ это бѣдственное для

(1) Сборн. № 154, л. 256 об. и 257, прав. 1-е и 5-е.

христіанъ время (1). Другимъ явленіемъ, имѣвшимъ непосредственную связь съ ученіемъ раскольниковъ о близкой кончинѣ міра, было то, что большая часть заблуждающихъ, обрекшихъ себя на безбрачіе, не ограничивалась одною этою жертвою въ пользу своего спасенія, но окончательно разрывала всѣ связи съ міромъ, бросала свои домы, оставляла имущество и, удалившись въ пустыню, вступала въ монашество. Въ житіи инока Корнилія и въ исторіи выговской пустыни есть множество сказаній о томъ, что удалявшіеся въ выговскую пустынь раскольники принимали на себя иноческій чинъ. „Прихождаху къ блаженному Корнилію, пишется между прочимъ въ Житіи, людіе мнози и отъ мірскихъ селъ и отъ градовъ всякаго чина и возраста... Онъ же, яко чадолюбивый отецъ, вся пріимаше... Крѣпко обаче приходящія первее испытоваше, аще желаютъ древнее благочестіе, до лѣтъ Никона патріарха содержащееся, хранити цѣло, и елицы обѣщавахуся, тыя прешедшія лѣты чрезъ покаяніе пріобщеніе сподобляше, младыя же зѣло потязоваше и потомъ крещаше, и всеусердно желающіе спастися въ иноческій образъ облачаше“. Подобное явленіе въ средѣ раскольниковъ, обрекшихъ себя на безбрачіе, яснѣе всякихъ разсужденій показываетъ, что безпоповцы, постановившіе себѣ правиломъ вести дѣвственную жизнь, рѣшились на этотъ смѣлый шагъ въ началѣ не по неуваженію къ браку, не по склонности къ развратной, ничѣмъ и никѣмъ нестѣсняемой, жизни, а подъ вліяніемъ религіозной восторженности, возбужденной ожиданіями близкой кончины міра и видѣвшей въ безбрачіи болѣе удобный путь

(1) Эту мысль, какъ увидимъ послѣ, приводили раскольники ѳедосѣевцы въ основаніе своего безбрачія до самаго послѣдняго времени. Даже Иванъ Алексѣевъ, возставшій противъ всеобщаго безбрачія ѳедосѣевцевъ, въ концѣ первой части своей книги: „О тайнѣ брака“ увѣщеваетъ читателя пребывать въ дѣвствѣ указаніемъ на послѣднія времена міра.

къ достойному приготовленію себя къ встрѣчѣ грознаго и праведнаго Судіи. Это, такъ сказать, внутренній мотивъ, благодаря которому жизнь первоначальнаго безпоповщинскаго общества получила печать строгаго аскетизма, или, какъ выражаются сами раскольники, „жестокаго житія“, чуждаго всякихъ мірскихъ удовольствій.

Но было не мало и внѣшнихъ обстоятельствъ, среди которыхъ находился расколъ въ первую пору своей жизни и которыя почти неизбѣжно вели ревнителей старины къ жизни одинокой, холостой, безбрачной. Къ числу такихъ обстоятельствъ относится, главнымъ образомъ, немиролюбивое отношеніе къ расколу власти, какъ церковной, такъ и свѣтской. Мы считаемъ несправедливыми увѣренія раскольниковъ, будто еще съ самаго начала книжнаго исправленія, начатаго патріархомъ Никономъ, церковная власть стала самыми разнообразными мѣрами гнать и преслѣдовать всѣхъ, кто не соглашался покориться церковнымъ преобразованіямъ, — будто еще при Никонѣ „всюду мучительства мечь обагрей кровію неповинною новыхъ страстотерпцевъ видяшеся, всюду плачь, и вопль, и стонаніе, вся темницы во градѣхъ и въ селѣхъ наполнишася христіанъ древняго держащихся благочестія, вездѣ цепи бряцаху, вездѣ вериги звеняху, вездѣ тряски и хомуты Никонову ученію служаху, вездѣ бичи и жезліе въ крови исповѣднической повсядневно омочахуся“, вслѣдствіе чего будто бы „обліяхуся вся грады кровію, утопаху въ слезахъ села и веси, покрывахуся въ плачѣ и стонаніи пустыни и дебри“ (1). Всѣ подобныя іереміады раскольниковъ слишкомъ отзываются сочинительствомъ и риторикой, чтобы имъ можно было повѣрить во всемъ безусловно. А истинная исторія показываетъ, что не только при Никонѣ, но и долго послѣ него, масса раскольниковъ

(1) Исторія Выговской пустыни, изд. Кожанчикова, стр. 25.

жила спокойно, не подвергаясь никакимъ преслѣдованіямъ. Если и терпѣли иногда за непринятіе новопечатныхъ книгъ, то только частныя лица—первые расколоучители, бывшіе справщиками книгъ при патріархѣ Іосифѣ, и другіе вожди раскола, болѣе видные по своему положенію, напримѣръ, настоятели монастырей, приходскіе священники и протопопы. Правда, уже московскій соборъ 1666—7 года постановилъ, что „еретики и раскольники не токмо церковнымъ наказаніемъ имутъ наказатися, но и царскимъ, сирѣчь градскимъ закономъ и казненіемъ“ (1); но это постановленіе, обрекавшее всѣхъ раскольниковъ безъ различія на гражданскія казни, долгое время, какъ свидѣтельствуетъ исторія, оставалось безъ исполненія. Не говоримъ уже объ епархіяхъ, далекихъ отъ Москвы, — въ самой Москвѣ—центрѣ тогдашняго управленія церковнаго и гражданскаго — ревнители старины долго и послѣ московскаго собора 1666—7 года жили тихо и мирно безъ всякихъ преслѣдованій за свои убѣжденія со стороны власти. Объ этомъ засвидѣтельствовалъ соборъ 1681 года, бывшій въ Москвѣ и заявившій, что до этого времени въ самой Москвѣ раскольники не только жили, но и свободно дѣйствовали въ пользу своихъ убѣжденій, напримѣръ, свободно продавали разныя тетради, листы и столбцы, въ которыхъ излагалось раскольническое ученіе и которыми защитники старины старались совращать православныхъ въ расколъ (2); а когда начался (въ 1682 г.) въ Москвѣ извѣстный раскольническій бунтъ, оказались въ столицѣ православія цѣлыя тысячи народа, державшагося старины; самые вожди раскола разгуливали въ это время по улицамъ Москвы свободно и безпрепятственно, уча народъ стоять твердо за „древнее благочестіе“. Что же касается

(1) Полн. Собр. Зак., т. I, № 413, стр. 706.
(2) Акты истор. т. V, № 75.

указанія раскольниковъ на осаду Соловецкаго монастыря, то это — частный и притомъ единственный случай, когда власть простерла свое неблаговоленіе на цѣлое общество людей, объявившихъ себя противъ преобразованій патріарха Никона, и подвергла ихъ за это всѣмъ непріятностямъ осаднаго положенія. Но если несомнѣнно, что раскольники въ первую пору своей жизни пользовались относительною свободою, то съ другой стороны выше всякаго сомнѣнія и то, что вскорѣ послѣ такъ называемаго стрѣлецкаго раскольничьяго бунта положеніе ихъ сдѣлалось болѣе, чѣмъ тяжелымъ. Въ 1684 году, въ правленіе той самой Софьи Алексѣевны, которая для того, чтобы сдѣлаться правительницею государства, обращалась за помощію къ стрѣльцамъ—раскольникамъ и не только позволяла, но даже приказывала имъ совершать въ Москвѣ всевозможныя безчинства: грабить домы, убивать бояръ—приверженцевъ партіи Нарышкиныхъ и проч., явилось противъ раскола постановленіе, узаконявшее пытки для пріобрѣтенія дознанія отъ оговоренныхъ въ расколѣ и огненную смерть для тѣхъ, которые „покоренія св. церкви не принесутъ“, — узаконеніе, подвергавшее „жестокому наказанію“ кнутомъ тѣхъ православныхъ, которые держали у себя раскольниковъ и не доносили о нихъ,—осуждавшее „на смерть безъ всякаго милосердія“ перекрещивателей, хотя бы они раскаялись, „церкви Божіей покореніе принесли и отца духовнаго принять и св. таинъ причаститися желали истинно“,—подвергавшее кнуту всѣхъ, перекрещивавшихся у раскольниковъ, даже и въ томъ случаѣ, если „они въ томъ учнутъ винитися безъ всякія противности“,—осуждавшее на кнутъ даже тѣхъ раскольниковъ, которые „отъ неразумія или въ малыхъ лѣтахъ стояли въ упрямствѣ въ новоисправленныхъ книгахъ“, т. е., которыхъ вся вина состояла только въ томъ, что они по

недосмыслію не принимали новопечатныхъ книгъ,—подвергавшее конфискаціи движимаго и недвижимаго имѣнія и раскольниковъ и тѣхъ, у кого они жили, и поручителей, которые ручались за нихъ,—постановленіе, которымъ полагалось бить кнутомъ даже тѣхъ, кто доставлялъ раскольникамъ пищу, питье и проч., хотя бы эти благотворители сами и не держались раскола, и проч. и проч. (1). Поражены были раскольники, узнавъ о такомъ распоряженіи бывшей прежде милостивою къ нимъ правительницы государства, и начали думать крѣпкую думу о томъ, что дѣлать имъ теперь, когда новымъ указомъ содержаніе „древняго благочестія“ запрещалось рѣшительно и безусловно. Слѣдствія этой думы извѣстны. Тѣ изъ раскольниковъ, которые жили вблизи границъ, на окраинахъ государства, не желая попасть на костеръ, или по меньшей мѣрѣ испытать на своихъ спинахъ ударовъ кнута, оставляли любимое ими отечество и переходили за „рубежъ“, въ надеждѣ найти „ослабу древнему благочестію“ въ странахъ иновѣрныхъ. „Таковому указу разгласившуся, говорится въ одномъ раскольническомъ сочиненіи, ревнители древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разсѣяшася... видѣвше людіе толику бурю гоненія на нихъ возстающа, обща вси совѣтъ положиша отъити въ Польшу, и тако усовѣтоваша поидоша и поселишася во области пана Халецкаго при рѣцѣ Вѣтки... Гоненію въ великороссіи на старовѣрцы належащу, мнози, оставляюще своя отечества, течаху во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствіе, оземствованіе паче утѣшенія своихъ мѣстъ со отступленіемъ, и сицевыми народы пустая мѣста и звѣропастьственная населяхуся, и вмѣсто древесъ людей умноженіе показася“ (2). Но не одна Польша насе-

(1) Полн. Собр. Зак., т. II № 1,102.

(2) Исторія о бѣгств. священств.

лилась нашими раскольниками въ это время; ревнители старины бѣжали и въ другія страны: въ Швецію, на Кавказъ, въ Пруссію, въ Турцію и проч. „Здѣсь по крайней мѣрѣ возведемъ окрестъ мысленніи очи свои, говоритъ сочинитель раскольнической церковной исторіи, и пробѣжимъ общимъ взглядомъ не токмо по россійскимъ предѣламъ, но и по всей Европѣ, а частію и Азіи, для чувствительнаго понятія и справедливаго заключенія о важности сего церковнаго превратa, чего не случалось въ россійской церкви даже въ цѣломъ ея вѣкѣ. Како изъ той божественной ограды столь разгнаны были словесныя овцы, что исполнились ими и горы и холмы и непроходимыя дебри. Населились отъ вѣковъ незаселяемыя отдаленныя сибирскія и кавказскія горы, умножились россійскимъ народомъ области: Малороссійская, Бѣлорусская, Польская и Бессарабская. Надѣлились тѣмъ же удѣломъ въ значительномъ числѣ цѣлыхъ обществъ многія державы: Турція европейская и азіатская, Валахія, Молдавія, Австрія и Пруссія. И се такое безчисленное множество россійскаго народа и многое число духовенства отъ иноческаго и священническаго чина единственно по причинѣ невозможности внутрь Россіи содержать древле церковныхъ чиновъ и уставовъ, которое тамъ запрещено было подъ жестокимъ притѣсненіемъ и казнію, вынуждены были оставить всю приверженность свою къ отечественной природѣ и искать прибѣжища и свободы вѣры въ чужихъ предѣлахъ“ (1). Само собой понятно, что переселеніе раскольниковъ за „рубежъ“ не могло не отзываться тяжелыми послѣдствіями для ихъ экономическаго быта, или, по выраженію автора церковной исторіи, „кореннаго домохозяйства“; а это, въ свою очередь, не могло не имѣть вліянія и на семейный бытъ переселенцевъ. Оставляя оте-

(1) Ч. III, стр. 140—1.

чество, раскольники, естественно, должны были „лишатися домовъ и стяжаній“, которыми владѣли въ Россіи, должны были на новыхъ мѣстахъ жительства обзаводиться снова хозяйствомъ, а эти заботы для многихъ могли служить сильнымъ препятствіемъ къ вступленію въ бракъ; время ли думать объ удовольствіяхъ семейной жизни человѣку, у котораго нѣтъ ни кола, ни двора? Случалось при этомъ и то, что мужъ по ревности къ „древнему благочестію“ бѣжалъ за границу, а жена, какъ „слабѣйшая, не хотяще стяжанія и дома лишитися“, а можетъ быть и по другимъ соображеніямъ, къ „новодогматствованію приступала“ и тѣмъ пріобрѣтала право на спокойное пребываніе въ отечествѣ, и такимъ образомъ происходилъ разрывъ семьи,—новый поводъ для многихъ оставаться внѣ брака.

Если же въ жизни даже тѣхъ раскольниковъ, которые бѣжали за границу и пользовались тамъ относительною, а иногда и полною, свободою, было не мало такого, что удерживало заблуждающихъ отъ брачныхъ связей, то что же сказать о тѣхъ ревнителяхъ старины, которые по какимъ либо обстоятельствамъ должны были оставаться въ отечествѣ? Положеніе этихъ послѣднихъ раскольниковъ было таково, что семья вмѣсто счастія и радостей могла приносить имъ однѣ только бѣды и несчастія. Вотъ краткій очеркъ тѣхъ явленій, которыми полна была жизнь раскольниковъ, оставшихся въ Россіи, послѣ изданія указаннаго выше узаконенія противъ заблуждающихъ. Одни изъ ревнителей старины болѣе другихъ слабые и малодушные, а можетъ быть и болѣе другихъ сильные и фанатичные, не ожидая встрѣчи съ агентами правительства, собирались толпами и—сожигались. „А елицы не могоша вышеписанныхъ мукъ терпѣти, говоритъ историкъ выговской пустыни, мнози же и число превосходящіи народи,

вооружающеся вѣрою, собирахуся, кому гдѣ возможно бяше. При нашествіи мучителей и отъ нихъ сожигахуся, а овыя отъ ихъ наѣзду съ оружіемъ и съ пушками, боящеся ихъ мучительства, сами сожигахуся“ (1). „И до таковыя скорби доведе то лютое мучительство, говорится въ другомъ раскольническомъ сочиненіи, яко хранящіи древнее благочестіе обоего пола людіе, не могуще тѣхъ мучительныхъ, жестокихъ и долговременныхъ томленій понести, а скрытися отъ ищущихъ повсюду лютыхъ гонителей ни въ самыхъ горахъ и вертепѣхъ, ни въ непроходимыхъ дебрѣхъ мѣста не обрѣтаху, и того ради принуждени бяху съ малолѣтными отрочатами и съ престарѣлыми и немощными родительми сбиратися въ едину храмину и при наѣздѣ хотящихъ яти ихъ для жестокаго принужденія къ новинамъ многихъ свирѣпыхъ воиновъ сами себе огнемъ и дымомъ горцѣй смерти предаваху“ (2). Такъ въ 1687 году раскольники въ числѣ 2,700 человѣкъ сожглись въ Палеостровскомъ монастырѣ; въ томъ же монастырѣ въ 1689 году сгорѣло до 500 раскольниковъ. Въ 1693 году въ деревнѣ Строкиной (Новг. губ.) сгорѣло до 800 раскольниковъ (3). Въ исторіи выговской пустыни указывается весьма много подобныхъ же случаевъ самосожигательства раскольниковъ. Такъ въ 1687 году дошли до живших въ лѣсу съ нѣкоимъ Пименомъ раскольниковъ слухи, что для поимки ихъ посланы сыщики; раскольники, скрывшись у нѣкоего „христолюбца“, собрались „въ большую храмину и около хоромъ стѣну крѣпкую оградиша“; явились сыщики. „Видѣвъ же отецъ Пименъ со своими собранными ихъ лютое нападеніе, суровое свирѣпство, звѣриную на-

(1) Истор. Выгов. пуст. стр. 26.

(2) „Бесѣда увѣщательная къ хранящимъ древлеотеческое православіе христіаномъ, иже нарицаеми суть отъ новолюбителей раскольники“, рукоп. сборн. моей библіот. № 21, л. 4 об. и 5.

(3) Истор. Русск. раск. стр. 252—4.

глость, въ руки немилостивыя вдатися трепетаху, да не како собранное его стадо въ расхищеніе и попраніе будетъ, скончашеся огнемъ благочестно и съ нимъ къ другой тысящи нѣсколько народу“ (1). Въ 1689 году нѣкто Іосифъ собралъ около себя толпу раскольниковъ и при приближеніи сыщиковъ, опасаясь, чтобы кто либо по малодушію не отпалъ отъ „древлеотеческаго церковнаго благочестія“, со „своимъ собраннымъ народомъ благочестно по законѣхъ отеческихъ съ пяти стами или съ шестью огнемъ скончатися изволи“ (2). Неизвѣстно, въ которомъ году, сожглось недалеко отъ Олонца около 1,000 раскольниковъ, близь Корельскихъ Лопскихъ селъ — 480 человѣкъ, въ Шуйскомъ погостѣ — 25 раскольниковъ, въ селѣ Совдозерскомъ 280 человѣкъ (3); около 100 человѣкъ сгорѣло съ нѣкіимъ Петромъ, по прозванію Ошмарь (4). Всѣ указанные случаи самосожигательства раскольниковъ происходили въ сѣверной Россіи; но подобныя же кровавыя явленія случались и въ другихъ мѣстахъ, — въ центрѣ Россіи. Такъ по свидѣтельству Розыска (5), неизвѣстно, въ какомъ году, крестьяне разныхъ селъ (Княгинина и Мурашкина) и деревень Нижегородской губерніи собрались въ овинъ, причастились своимъ причастіемъ, связались „тонкими вервями по два и по три въ снопы“ и въ такомъ видѣ сожглись. Въ 1709 году донесено было св. Димитрію Ростовскому іеромонахомъ Игнатіемъ, что въ его приходѣ (пошехонскаго уѣзда) „сожглося душъ обоего пола и всякаго возраста 1920, кромѣ иныхъ окрестныхъ селъ и деревень, въ коихъ безчисленное множество народа пожгошася“,—такъ, что „исполняшеся воздухъ отъ труповъ

(1) Истор. Выгов. пуст. стр. 31 и 34.
(2) Тамъ же, стр. 70.
(3) Тамъ же, стр. 60—2.
(4) Тамъ же, стр. 71—2.
(5) Розыск. стр. 573.

сгорающихъ смрадной вони на многи дни“ (1). Вообще въ слѣдствіе узаконенія 1684 года, подвергавшаго раскольниковъ строгимъ преслѣдованіямъ и смерти, у насъ гибли тысячи народа. И притомъ огненная смерть считалась ревнителями мнимо древняго благочестія не единственнымъ исходомъ изъ безвыходнаго положенія, въ которое поставлены были защитники старины распоряженіемъ Софьи Алексѣевны. Бывали случаи, что раскольники доводили себя до смерти намѣреннымъ голодомъ (2), иные, при встрѣчѣ съ сыщиками, бросались въ воду и утопали (3) и проч. „Иніи же, урвавшеся отъ кровоядныхъ мучителей, въ водѣ утопаху и ножемъ зарѣзовахуся и въ разженную въ домѣ своемъ пещь вривахуся, и кто какъ можаше, для сохраненія древняго благочестія самоубійственно вездѣ и всюду умираху“ (4). Трудно и даже невозможно опредѣлить въ точности числа раскольниковъ, такъ или иначе погибшихъ въ концѣ XVII и въ самомъ началѣ XVIII вѣка, въ слѣдствіе строгаго преслѣдованія властію ревнителей старины; но во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что число пострадавшихъ было не мало (5) и что въ то время вообще никто изъ заблуждающихъ не могъ считать себя спокойнымъ и безопаснымъ. А послѣ этого нужно ли доказывать, что приверженцы „древняго благочестія“ самымъ внѣшнимъ положеніемъ своимъ почти невольно побуждались къ исполненію ученія о безбрачіи, явившагося въ расколѣ въ слѣдствіе прекращенія въ немъ

(1) Розыск. стр. 585.

(2) Тамъ же, стр. 591—3.

(3) Истор. Выгов. пуст. стр. 25.

(4) „Бесѣд. увѣщат. къ хран. др. прав.“, сбор. № 21, л. 5.

(5) По свидѣтельству Питирима, погибло раскольниковъ отъ самосожигательства „многочисленныя тысящи“ (Пращица, отв. 84, л. 168); а по словамъ раскольниковъ, „лютыми разными смертьми во убѣганіи отъ новинъ тмочисленное множество народа въ разныхъ пустыняхъ и весѣхъ отъ сего временнаго вѣка въ Божіе щедрое правосудіе отъиде“ (Бесѣд. увѣщат. л. 5).

законнаго священства? Въ исторіи выговской пустыни разсказывается слѣдующій интересный случай, имѣющій отношеніе къ развиваемой нами мысли. Въ одной пустынѣ Каргопольскаго уѣзда жило не мало раскольниковъ; дошелъ слухъ объ этомъ до властей; послано было нѣсколько сыщиковъ схватить раскольниковъ и представить ихъ въ Каргополь; при приближеніи посланныхъ раскольники заперлись въ часовнѣ и не сдавались; а такъ какъ число агентовъ власти было мало въ сравненіи съ числомъ раскольниковъ, то въ настоящій разъ все дѣло ограничилось только тѣмъ, что сыщики часовню оцѣпили карауломъ и послали извѣстіе объ этомъ въ Холмогоры съ просьбою прислать подкрѣпленіе. Доколѣ шла эта переписка, доколѣ изъ Холмогоръ шли на помощь посланнымъ „стрѣльцы со оружіемъ воинскимъ“, времени прошло не мало, „яко близь полугодища“, а раскольники между тѣмъ все сидѣли „въ затворѣ“. Наконецъ, прибывшіе на мѣсто дѣйствія стрѣльцы, вмѣстѣ съ понятыми и Каргопольскими солдатами, обступили часовню, „хотяще всѣхъ живыхъ взяти“. Видя это, раскольники зажгли часовню „и отъ дыму падоша вси ницъ и быша мертви“. Солдаты бросились къ часовнѣ, пробили въ стѣнѣ отверстіе и начали чрезъ него таскать крюками лежавшихъ безъ чувствъ раскольниковъ. Изъ вытащенныхъ такимъ образомъ раскольниковъ одни оказались задохшимися отъ дыму и совершенно мертвыми, другіе были только въ обморокѣ и скоро были приведены въ чувство. Оставшіеся въ живыхъ послѣ сами признались, что они „были не безъ искушенія и грѣха въ запорѣ“, и вотъ въ какія разглагольствія пускается авторъ исторіи выговской пустыни по поводу этого обстоятельства: „ахъ наше бѣдное житіе и безстрашіе, сѣдяще въ запорѣ къ смерти готовляхуся, а страсти плотскіе и діаволъ и плоть ратуетъ: ибо внутрь

никакой преграды не имѣлося, напередъ не сдѣлана; а тутъ и дѣлать не изъ чего и хранити было невозможно, что вси люди стали молодыя, а жили въ одномъ мѣстѣ, въ одной часовнѣ и въ однихъ кѣліяхъ, а кѣлей было близъ часовни мало и въ тѣхъ преградъ никакихъ не было, такоже и въ часовни, а кои кѣльи были у овыхъ свои подалѣ, и въ тѣ отходить не смѣли и свои не спускали для наѣзду гонителей, а тутъ тѣснота, житіе и спаніе въ одномъ мѣстѣ; аще бы не Господь малыми людьми укрѣплялъ, и вси бы сдалися сами, того ради Богъ и изъ огня отринулъ, что недостойны къ смертному скончанію: и быша кіи непорочны, тіи и близь проломленнаго мѣста сгорѣша, а овыя сказали, на другой сторонѣ быша, которые въ грѣхопаденіи повинны, и отъ другой стѣны выволочены быша вонъ. Богъ сіе разбираше, а не человѣкъ. Веляше Богъ готовымъ всѣмъ быти готовитися къ смерти: готовыхъ Богъ пріемлетъ и вѣнчаетъ, а не готовыхъ съ милостію своею еще и на покаяніе оставляетъ. И выволоченныхъ изъ часовни свезоша на Холмогоры, отдаша за караулъ и въ допросахъ жестокихъ вси повинушася и сдашася, къ новинамъ приведоша ихъ по своему обыкновенію и послѣ распустиша“ (1). Изъ этого повѣствованія ясно видно, какъ смотрѣли на чувственныя удовольствія раскольники, обрекавшіе себя на огненную смерть. Они видѣли въ нихъ неодолимое человѣческими силами препятствіе къ полученію мученическаго вѣнца за вѣру, ради чего собственно и жертвовали жизнію доведенные до фанатизма гоненіями ревнители старины, видѣли признакъ слабости въ вѣрѣ, недостойный истиннаго христіанина. А отсюда легко понять, какого сочувствія могла ожидать себѣ проповѣдь о безбрачіи отъ подобныхъ искателей мученичества; въ безбрачіи они видѣли не только дѣло не-

(1) Истор. Выгов. пустын. стр. 55—7.

обходимости, но и нравственный долгъ всякаго, кто за вѣру готовъ былъ на всевозможныя жертвы, даже на смерть.

Но не всѣ же изъ раскольниковъ, оставшихся въ предѣлахъ отечества, сожигались, или умирали какимъ либо другимъ образомъ, изъ опасенія среди мученій отказаться отъ древняго благочестія. На подобный отважный шагъ, требующій особеннаго нравственнаго закала, или особенно устроенной организаціи, были способны только особенныя личности. Что же оставалось дѣлать большинству, массѣ заблуждающихъ, которая, не желая разстаться съ любимою стариною, въ то же время не имѣла ни малѣйшей охоты добровольно и преждевременно жертвовать для сохраненія этой старины жизнію, хотя и не прочь была терпѣть изъ за этого разныя невзгоды? Оставалось или защищать свои убѣжденія предъ властію, преслѣдовавшею эти убѣжденія, — силою, или, не надѣясь на собственныя средства, чтобы противостоять власти, — бѣжать отъ ней въ лѣса и трущобы и тамъ устроять религіозную жизнь на тѣхъ началахъ, противъ которыхъ была объявлена правительствомъ конца XVII вѣка безпощадная война. Но очевидно, что первый изъ указанныхъ шаговъ былъ слишкомъ рискованный, чтобы на него могли рѣшиться многіе. Правда, въ концѣ XVII вѣка главная сила власти заключалась въ стрѣльцахъ, которые сами сочувствовали ревнителямъ мнимой старины; но надѣяться на эту силу раскольники все-таки не могли много, такъ какъ стрѣльцы уже показали однажды, что за „вино и пиво“ они готовы выдать власти „свою братію“ съ руками и головами. Отъ того-то мы и видимъ, что тогда какъ нѣкоторые изъ раскольниковъ, преслѣдуемые правительствомъ, группируются подъ руководствомъ расколоучителей въ шайки и съ оружіемъ въ рукахъ защищаютъ предъ властію свои

вѣрованія,—большинство, не надѣясь на свои силы и въ то же время не имѣя возможности жить спокойно въ городахъ и селахъ, бѣжитъ въ лѣса непроходимые, въ пустыни ненаселенныя, — туда, гдѣ до того времени, быть можетъ, не ступала и нога человѣческая. „А которіи хранящіи древнее благочестіе, говоритъ историкъ выговской пустыни послѣ описанія разныхъ страданій, которымъ подвергались раскольники на основаніи узаконенія 1684 года,—мукъ не могоша терпѣти и вышеписаннымъ смертемъ предаватися, вси бѣгаху въ непроходимыя пустыни, крыющеся отъ лютости нестерпимыя и гоненія многомучительнаго, домы своя оставляюще“ (1). Нужно ли доказывать, что внѣшнее положеніе тѣхъ и другихъ раскольниковъ, т. е. какъ рѣшавшихся силою отстаивать предъ властію свои мнѣнія, такъ и скрывавшихся отъ власти, было одинаково благопріятно развитію въ массѣ заблуждающихъ ученія о безбрачіи и всеобщемъ дѣвствѣ? Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ напр. положеніе раскольниковъ, которые, послѣ разныхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто, засѣли наконецъ „въ большихъ крѣпостяхъ Тамбова и Козлова“ — съ цѣлію отстоять въ случаѣ нужды „свою древнюю вѣру“ силою. Вотъ извѣстіе объ этомъ доходитъ до правительства; посылается приказъ „тѣхъ воровъ переимать и пристанища ихъ разорить и непослушниковъ соборной и апостольской церкви и... царскому величеству казнить смертію“. Отрядъ воиновъ въ 1000 человѣкъ окружаетъ захваченныя раскольниками крѣпости; начинается битва, кончающаяся тѣмъ, что 500 раскольниковъ не сдались тысячѣ казаковъ; это ободрило ревнителей старины, но на долго ли? Правительство, узнавъ объ упорствѣ раскольниковъ, шлетъ новое предписаніе донскому атаману — съ приказаніемъ по крайней мѣрѣ

(1) Истор. Выгов. пустын. стр. 34.

„однолично тѣхъ воровъ переимать“, если уже нельзя взять ихъ всѣхъ вмѣстѣ, а до этого благопріятнаго исхода дѣла—окружить пристанища раскольниковъ карауломъ и „стеречь накрѣпко, чтобъ къ тѣмъ ворамъ ни съ которыя стороны хлѣбныхъ и иныхъ харчевыхъ никакихъ запасовъ не пропустить“, т. е. по просту: морили раскольниковъ голодомъ. Разумѣется, въ концѣ концевъ власть торжествовала, а раскольникамъ переловленнымъ чинили казнь и наказаніе, если они не изъявляли желанія быть „послушниками соборной и апостольской церкви и... царскому величеству“ (1). Если мы припомнимъ тотъ историческій фактъ, что на Руси всѣ общества, когда либо составлявшіяся для преслѣдованія какой либо трудной и опасной цѣли, первымъ условіемъ для своихъ членовъ поставляли безженство, то согласимся, что раскольники, рѣшавшіеся бороться съ властію за свои убѣжденія, въ виду указанныхъ опасностей и почти неминуемой смерти, не только могли, но даже должны были бы сами придти къ мысли о безбрачіи, если бы эта мысль не явилась въ расколѣ еще прежде въ слѣдствіе другихъ, выше указанныхъ нами, причинъ; потому что семья только увеличивала бы трудности ихъ и безъ того не легкаго положенія,—мало того: могла даже вредно дѣйствовать на ихъ энергію въ борьбѣ съ властію.

Положеніе раскольниковъ, оставлявшихъ города и села и скрывавшихся отъ преслѣдованій власти въ лѣсахъ и пустыняхъ, было нѣсколько иное. Но и эти бездомовные скитальцы терпѣли такое горе и нужду, что мысль о семьѣ никакъ не мирилась съ ихъ трудными обстоятельствами. Прежде всего, оставляя, изъ опасенія попасть въ руки власти, свои домы и имущества, раскольники, убѣгавшіе въ лѣса, дѣлались чрезъ то совершенно нищими,

(1) Полн. собр. зак. т. II, № 1310.

которымъ не рѣдко приходилось не имѣть насущнаго куска хлѣба и теплаго, спокойнаго пристанища. Жизнь такихъ скитальцевъ была болѣе, чѣмъ тяжела. Для пропитанія себя они должны были расчищать лѣсъ, готовить для посѣва землю, при чемъ распахивали ее вмѣсто сохи и бороны то „копоругою“, то „мотыкою“ (1), т. е. самыми простыми и неудобными инструментами; но и этотъ нечеловѣческій трудъ часто не вознаграждался; нерѣдко морозъ, „яко огнь“, по выраженію житія инока Корнилія, попалялъ землю, посѣянный хлѣбъ вымерзалъ недозрѣлый и бѣдные скитальцы принуждены были питаться сосновою и березовою корою, дубовыми желудями и разными травами (2); и подобные неурожаи иногда продолжались нѣсколько лѣтъ сряду. Чтобы укрыться отъ непогоды и холода, многіе изъ раскольниковъ-бѣглецовъ должны были, за неимѣніемъ келлій, жить въ шалашахъ, брошенныхъ рыболовами и звѣроловами, а нерѣдко согрѣвались при помощи только зажженныхъ костровъ (3), и такъ проводили нѣкоторые цѣлую зиму,—зиму сѣверную, суровую. Такъ, по свидѣтельству историка выговской пустыни, провелъ первую, по выходѣ изъ отцовскаго дома, зиму Андрей Денисовъ, извѣстный безпоповщинскій писатель, вмѣстѣ съ спутникомъ своимъ Іоанномъ Бѣлоутовымъ: „въ чащахъ лѣса скитающеся, говоритъ Иванъ Филиповъ, богорадное оно и самоозлобленное начинаютъ житіе; ни стѣны, ни покрова отъ зимнія студени имуще, огненной точію присѣдяще нудіи и отъ принесенныхъ съ собою потребъ мало вкушающе“ (4). Болѣе, чѣмъ странно, было бы думать подобнымъ людямъ объ удовольствіяхъ семейной жизни, когда жизнь ихъ не давала имъ ничего, кромѣ тяжкихъ

(1) Истор. Выгов. пуст. стр. 116 и 124.
(2) Тамъ же, стр. 123, 124 и 127.
(3) Тамъ же, стр. 97.
(4) Тамъ же, стр. 99; Раск. дѣла XVIII столѣт. Есипова т. I, стр. 274.

лишеній и неустаннаго труда. „Одна голова—не бѣдна“, говоритъ русская пословица, а женщина на Руси никогда не считалась хорошею помощницею въ трудномъ дѣлѣ. Далѣе: какъ ни тяжелы сами по себѣ голодъ и холодъ, которые терпѣли раскольники, скрывавшіеся въ лѣсахъ отъ преслѣдованій власти, но съ этими бичами бѣднаго человѣчества могли еще отчасти бороться тѣ изъ бѣглецовъ, у которыхъ были сильныя и здоровыя руки и любовь къ труду. Соединившись въ артели, они могли дружнымъ трудомъ и выстроить хижины для защиты себя отъ холода и выжать изъ земли по крайней мѣрѣ столько хлѣба, чтобы не умереть отъ голода. Но была въ жизни бѣглецовъ другая тяжелая сторона, которой не могли побѣдить уже никакія усилія человѣческія. Это—постоянное опасеніе за цѣлость своихъ потовыхъ, кровавыхъ трудовъ, и даже—за безопасность своей собственной личности. Оставляя свои родныя пепелища и убѣгая въ лѣса, раскольники надѣялись такимъ образомъ скрыться отъ взоровъ власти; но это однакоже не спасало бѣглецовъ. Лишь только исчезалъ изъ селенія какой-либо ревнитель старины, какъ немедленно лица, преданныя власти, давали знать объ этомъ, куда слѣдуетъ; и вотъ начинались поиски за бѣглецомъ по лѣснымъ трущобамъ; не легкое было дѣло—отыскать убѣжавшаго раскольника въ лѣсахъ, тянувшихся нерѣдко на цѣлыя сотни верстъ; но, не смотря на то, что ревнители старины старались выбирать для своего жительства самыя отдаленныя и глухія мѣста, что они употребляли всевозможныя предосторожности къ тому, чтобы хижины ихъ не были извѣстны никому изъ православныхъ,—сыщики часто нападали на слѣды обитателей лѣсныхъ трущобъ и, если не всегда успѣвали захватить ихъ въ свои руки, то, по крайней мѣрѣ, всегда считали своимъ долгомъ истребить жилища защитниковъ старины и за-

брать всѣ приготовленные ими съѣстные припасы. Въ исторіи выговской пустыни указывается не мало подобныхъ случаевъ. Такъ напр., говоря о нѣкоемъ Виталіѣ московскомъ, историкъ замѣчаетъ: „но зліи гонители христіанъ тако его озлобиша, яко и келію его сожгоша и запасы у него ограбиша, онъ же отъ нихъ убѣже на лѣсъ“ (1). Неудивительно послѣ этого, что напуганные сыщиками раскольники, лишенные крова и хлѣба, отмораживали себѣ руки и ноги и по 8 дней проводили безъ пищи (2); не удивительно также, что многіе изъ бѣглецовъ, не ожидая нападенія сыщиковъ, при первомъ извѣстіи о ихъ приближеніи, сами бросали свои жилища, выстроенныя съ такимъ трудомъ, и уходили въ болота и трясины въ надеждѣ хотя здѣсь скрыться отъ рукъ посланныхъ властію. „И бысть въ то время всѣмъ старовѣрцемъ страхъ велій, говоритъ Иванъ Филиповъ, по поводу погони сыщиковъ за старцемъ Питиримомъ, и въ то время Даніилъ Викуловъ съ Устрецкаго завода сестру свою съ мужемъ Леонтіемъ Баталовымъ и съ дѣтьми вывезъ съ заводу, и бысть изъ заводу въ слѣдъ ихъ погоня и сыскъ, и оной Даніилъ и съ сестрою и зятемъ, не смѣявше въ Суземокъ ѣхати, ни въ волостяхъ жити, для погоны, и заѣхавши въ Онежскую Кумсогубу и тамо по островамъ въ пустыхъ келіяхъ ловецкихъ и на лѣсу у нудей огненныхъ весь постъ скитахуся. А въ Суземки бысть страхъ всѣмъ боящимся гонителей и всякому жителю пустынному бѣжащу отъ своея келіи“ (3). А другіе сами жгли свои кельи—„того ради, дабы слухъ прошелъ, яко бы людіе гонимые сгорѣша“ (4). Но не всегда успѣхи

(1) Истор. Выгов. пуст. стр. 118.
(2) Тамъ же, стр. 119.
(3) Тамъ же, стр. 97; Раскол. дѣла XVIII стол. т. I, стр. 272—3.
(4) Истор. Выгов. пуст. стр. 98.

сыщиковъ ограничивались только тѣмъ, что они сожигали бѣдныя хижины раскольниковъ и забирали ихъ убогое имущество. Выбирая для своихъ поисковъ большею частію осеннее время и глухую, темную ночь, они часто успѣвали ловить и самихъ раскольниковъ. „И прислаша съ Олонца начальника съ солдаты, говоритъ сочинитель исторіи выговской пустыни объ одномъ изъ такихъ случаевъ, и взяша къ себѣ людей въ помощь, знающихъ по лѣсу ходити, и шедше въ выговскую пустыню къ Тамбичь озеру во осень нощію, и поймаша соловецкаго старца Германа да келейника его каргопольца Василія Быкова и келію разграбиша и сожгоша, а самихъ озлобиша и скованныхъ послаша за крѣпкимъ карауломъ въ новгородскій разрядъ“ (1). Такимъ образомъ къ кочевой, трудовой, холодной и голодной жизни раскольниковъ, скрывавшихся въ лѣсахъ, часто присоединялись еще канцелярскіе допросы, никогда не кончавшіеся добромъ для пойманныхъ раскольниковъ, если только они не хотѣли измѣнить мнимо „древнему благочестію“. А послѣ этого становится понятнымъ извѣстіе историка выговской пустыни, съ которымъ согласны и православные писатели, что не только тѣ изъ защитниковъ старины, жившихъ въ лѣсахъ, которые были не женаты, даже и не мечтали объ удовольствіяхъ семейной жизни, а скорѣе принимали иночество и жили „жестокимъ житіемъ“, но и тѣ, кои селились въ лѣсахъ въ однихъ кельяхъ съ женами, жили, „яко не имущіе женъ“ (2). Къ такому строгому, аскетическому цѣломудрію побуждала раскольниковъ,—кромѣ невозможности, по не имѣнію священства, заключать бракъ,—самая обстановка ихъ жизни. Людямъ, которые „днемъ

(1) Истор. Выгов. пуст. стр. 125; снес. Истор. очерки поповщины—Мельникова стр. 59—60.

(2) Іоаннов. Истор. изв. о раск. стр. 123.

обѣдали, а ужинать и не вѣдали что, многажды и безъ ужина жили", и часто вынуждены были питаться „соломяннымъ хлѣбомъ" (1),—которые при малѣйшей опасности со стороны агентовъ власти должны были переходить съ мѣста на мѣсто и прятаться въ трясины и болота, хотя бы это было въ дождливую осень, или въ зимній холодъ,—которымъ наконецъ не сегодня—такъ завтра предстояло удовольствіе попасть въ руки судей и испытать на своей спинѣ искусство заплечнаго мастера,—такимъ людямъ не до наслажденій супружеской жизни, если бы даже этими наслажденіями можно было пользоваться законнымъ образомъ. Но „за разсыпаніемъ руки людей освященныхъ" законнаго брака для безпоповца не существовало, и слѣдовательно, отдаваясь влеченію плоти, онъ долженъ былъ грѣшить — и притомъ въ виду пытки и, можетъ быть, самой смерти. На подобный шагъ, разумѣется, не могли рѣшаться люди, у которыхъ доставало твердости воли, для сохраненія „истинной вѣры", терпѣть всѣ указанныя нами невзгоды жизни и которые, по выраженію историка выговской пустыни, были „въ гонительныхъ волненіяхъ,—аки въ нощи бурнѣй и темной" (2).

Наконецъ, не можемъ не поставить на видъ еще одного обстоятельства изъ жизни раскольниковъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованій въ лѣсныя захолустья. Оставляя, изъ опасенія попасть въ руки правительства, мѣста своего жительства, раскольники не рѣдко вмѣстѣ съ домами и имуществомъ бросали на произволъ судьбы и свою семью, не рѣшавшуюся, или даже не могшую, по обстоятельствамъ, пуститься въ неизвѣстное странствованіе. А отъ этого происходило то, что часто, безъ всякаго напередъ обдуманнаго намѣренія, единственно по требованію

(1) Истор. Выгов. пуст. стр. 109.
(2) Тамъ же, стр. 87.

обстоятельствъ, совершался въ средѣ раскольниковъ разрывъ семьи, и бѣглецы, помимо собственной воли, дѣлались безпріютными, одинокими скитальцами. Что же оставалось дѣлать подобнымъ невольнымъ „дѣвственникамъ“? Обзаводиться семьей снова не позволяли — и память о прежней семьѣ, покинутой, но все еще дорогой сердцу, и голосъ совѣсти, требовавшій вѣрности прежнему „закону“, и ученіе той вѣры, изъ-за которой одинокій скиталецъ разстался съ женой и дѣтьми, и наконецъ та страшная неизвѣстность будущаго, которая кошмаромъ давила каждаго изъ подобныхъ бездомовниковъ. И вотъ, чтобы заглушить въ себѣ самое воспоминаніе о прежнихъ радостяхъ и счастіи, подобныя личности начинали вести ту суровую жизнь, которая на языкѣ писателя исторіи Выговской пустыни извѣстна подъ именемъ „жестокаго житія“ и которая способна была убивать всякую мысль объ удовольствіи; являлись такимъ образомъ въ средѣ раскольниковъ люди, которые своимъ жесточайшимъ подвижничествомъ, на какое способенъ незнающій нѣжности простой человѣкъ, возбуждали въ толпѣ удивленіе и благоговѣніе и за которыми толпа шла безъ оглядки, куда бы ни вели ее эти подвижники, хотя бы къ самому строгому аскетизму.

Впрочемъ, независимо отъ указанныхъ проповѣдниковъ „суроваго житія“, учившихъ раскольниковъ строгому воздержанію и цѣломудрію, такъ сказать, по необходимости, вслѣдствіе тяжелыхъ семейныхъ испытаній, стояло въ это время во главѣ заблуждающихъ не мало и другихъ лицъ, которыя проповѣдывали своимъ кліентамъ необходимость дѣвства, такъ сказать, по призванію, по принципу,—и авторитетъ которыхъ во мнѣніи ревнителей старины былъ выше всякаго сомнѣнія. Это—монашествующая братія, возставшая противъ церковныхъ преобразо-

ваній п. Никона и потомъ разсѣявшаяся по всей необъятной Россіи съ проповѣдію о конечной погибели „истинной вѣры“. Что бы кто ни говорилъ о причинахъ появленія у насъ раскола, а исторія свидѣтельствуетъ неопровержимо, что, въ началѣ раскола, первыми и главными проповѣдниками „древняго благочестія“ были лица духовныя, и между ними—монашествующія. Народъ шелъ только въ слѣдъ за этими вожатаями. Фактъ не особенно пріятный, если имѣть въ виду сословную честь, но и не до такой степени возмутительный, чтобы въ объясненіе его нельзя было представить самыхъ серьезныхъ основаній. Прежде всего—духовенство болѣе всякаго другаго знало тѣ многообразныя формы, въ которыхъ выражалось у насъ предъ патріаршествомъ Никона православіе и благочестіе, а слѣдовательно оно скорѣе всякаго другаго могло замѣтить перемѣну этихъ формъ. Далѣе: признавая въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ эти формы единственно правильными, духовенство по тому самому не могло не заявить протеста противъ перемѣны ихъ; и въ этомъ протестѣ справедливость требуетъ видѣть не одно неповиновеніе власти,—дѣло непохвальное, — но и искреннюю преданность той доктринѣ, представителемъ которой духовенство являлось въ глазахъ общества,—черта, заслуживающая полнаго вниманія. Наконецъ, сознавая свои обязанности въ отношеніи къ народу, духовенство не могло не заявить о новомъ порядкѣ вещей и своимъ пасомымъ, а встрѣтивъ въ народѣ привязанность къ прежнему строю церковно-религіозной жизни,—тому строю, въ которомъ воспитали массы тѣ же пастыри церкви, лица духовныя должны были или сознаться предъ пасомыми, что они сами не знали до послѣдняго времени истины и учили другихъ лжи, или, находя такое признаніе страшнымъ не столько для человѣческаго самолюбія,

сколько для пастырской совѣсти,—должны были объявить народу, что вводимыя патріархомъ реформы не истинны и такимъ образомъ — стать во главѣ защитниковъ „древняго благочестія“. Исторія свидѣтельствуетъ, что большинство современнаго Никону духовенства рѣшилось на послѣдній шагъ,—шагъ опасный, не обѣщавшій сторонникамъ „древней вѣры“ ничего хорошаго, но во всякомъ случаѣ шагъ весьма естественный и даже не безчестный, особенно если имѣть въ виду то обстоятельство, что духовенству не были объяснены надлежащимъ образомъ причины какъ исправленія книгъ, такъ и изъятія изъ употребленія книгъ старыхъ (1). Впрочемъ долгъ справедливости требуетъ сказать, что духовенство бѣлое, объявивъ себя противъ церковныхъ преобразованій Никона, дѣйствовало въ этомъ направленіи, за исключеніемъ іосифовскихъ справщиковъ, довольно уклончиво и пассивно. Не признавая распоряженій патріарха правильными, но въ тоже время сознавая, что открытое неповиновеніе этимъ распоряженіямъ могло вызвать со стороны церковной власти строгія мѣры противъ непокорныхъ, духовенство бѣлое не противилось принятію новоисправленныхъ книгъ; только, принявъ ихъ и положивъ въ надежное мѣсто для храненія, оно продолжало совершать службу по книгамъ старопечатнымъ—со всѣми тѣми обрядовыми особенностями, противъ которыхъ вооружался п. Никонъ (2). Двоедушіе—не похвальное; но оно объясняется самою обстановкой жизни бѣлаго духовенства. Привязанные къ своимъ мѣстамъ — насущнымъ пропитаніемъ, обремененные семьей, нерѣдко многочисленной, приходскіе священники, по необходимости, должны были умѣрять свою рев-

(1) Крат. Росс. церк. истор. м. Платона т. II, стр. 234—5.

(2) Дополн. къ акт. истор. т. V, стр. 459; снес. Собр. постан. по част. раск. 1860 г. кн. I, стр. 78.

ность „къ древнему благочестію“ и дѣйствовать противъ новаго порядка вещей съ благоразумною осторожностію. Иначе имъ грозила опасность лишиться своего прихода и чрезъ то обречь себя и семью на голодное существованіе, а можетъ быть, и на бо́льшія бѣды. Въ другомъ совершенно положеніи находились лица духовныя — монашествующія. Привыкшее къ лишеніямъ и нуждамъ всякаго рода по самому образу своей жизни, не связанное съ міромъ никакими сердечными узами, духовенство монашествующее могло смѣло возстать противъ мнимаго нарушенія истинной вѣры, зная, что ему нечего терять отъ немилости церковной власти, или вѣрнѣе: съ радостію готовое—къ прежнимъ подвигамъ жизни по вѣрѣ присоединить новые подвиги страданій за вѣру. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Не ограничиваясь открытымъ протестомъ противъ церковныхъ преобразованій въ своихъ монастыряхъ, многіе изъ монаховъ, лишь только стали разсылаться по церквамъ новоисправленныя книги, бросили свои обители и начали, по выраженію п. Іоакима, „по мірскихъ дворѣхъ волочитися“ (1) съ проповѣдію о повреженіи патріархомъ истинной вѣры (2). Это странствованіе монашествующей братіи по Россіи съ проповѣдью о неправильности новоисправленныхъ книгъ усилилось еще болѣе послѣ московскаго собора 1666—7 года, изъ опредѣленій котораго ревнители старины увидѣли, что не одинъ п. Никонъ, но и прочіе архипастыри русской церкви признали прежнюю церковную практику во многомъ неправильною, и—особенно послѣ осады и взятія Соловецкаго монастыря, когда приверженцы стараго порядка вещей убѣдились, что ихъ не могутъ спасти отъ преслѣдованій власти ни крѣпкія стѣны, ни „пушечки—галаночки“. По словамъ Денисова, по прибытіи къ Соло-

(1) Увѣт. л. 47 об.

(2) Истор. русск. раск. стр. 269—171.

вецкому монастырю Игнатія Волохова, обитатели монастыря „собираются вси въ соборную келію и совѣтуютъ крѣпкодушнымъ мужемъ во обители пребывати, немощнымъ же и страшливымъ сердцамъ къ брани на брегъ морскій отъѣхати“. И хотя раскольничій историографъ здѣсь же замѣчаетъ, что „сему совѣту во уши всѣхъ братій возвѣстившуся, *мали нѣцыи* отъ инокъ и бѣлецъ на брегъ изыти восхотѣша“ (1), но это, очевидно, пристрастное извѣстіе Денисовъ самъ же опровергаетъ, говоря въ концѣ своей исторіи слѣдующее: „егда воинство осадити и разорити киновію готовяшеся, тогда отецъ киновійскихъ общесоборнымъ совѣтомъ *мнози* на брегъ моря отъѣхавше иноцы и бѣльцы, по пустынямъ поселившеся“ (2). Исторія же свидѣтельствуетъ, что въ числѣ выходцевъ изъ Соловецкаго монастыря были и „многострадальный Епифаній“, и „дивный отецъ Савватій“, и „діаконъ и экклесіархъ бывый киновіи Игнатій“, и „смиренномудрый и крѣпкій Германъ“, и „Іосифъ, глаголемый сухой“, и „Евфимій дивный“, и „дивніе пустынножителіе, Павелъ священно-инокъ, Сераіонъ діаконъ и Логинъ слуга“, и „Геннадій, глаголемый Качаловъ“ и множество другихъ лицъ (3). Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ грозы, разразившейся надъ Соловецкою обителію, монахи и другихъ монастырей, не считая себя безопасными въ своихъ обителяхъ, оставляли мѣста своего жительства и начинали бродить по Россіи. По крайней мѣрѣ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ жаловался отцамъ собора 1681 года, что „многіе монахи отходятъ отъ монастырей своихъ“, что, странствуя по разнымъ мѣстамъ, они „церковное пѣніе отправляютъ не по исправнымъ книгамъ“, что „люди“, которые встрѣчаются съ

(1) Истор. объ отц. и страд. Солов. л. 17.
(2) Тамъ же, л. 55. об.
(3) Опис. раск. соч. ч. I, стр. 106—108.

ними, „имѣютъ ихъ за страдальцевъ“ и что „отъ того урастаетъ на святую церковь противленіе“ (1). На долю Поморья, гдѣ образовался первый и главный безпоповщинскій толкъ, пришлось особенно много учителей раскола изъ выходцевъ — монаховъ. Пустынная и лѣсистая мѣстность этого края была причиной того, что сюда бѣжали монахи не только изъ ближайшихъ монастырей, но и изъ самыхъ отдаленныхъ обителей. Главную же роль здѣсь играли выходцы Соловецкаго монастыря—такъ, что, по словамъ самихъ раскольниковъ, извѣстная выговская пустыня была ни что иное, какъ „малая рѣчка, истекшая отъ источника великаго, Соловецкія преподобныхъ отецъ и мирскихъ молитвенниковъ Зосимы и Савватія обители“ (2).

Что же дѣлали и чему учили эти новые учители старой, какъ говорили они, вѣры? „Прочіи отецъ соловецкихъ, говоритъ Денисовъ послѣ поименнаго перечисленія разныхъ выходцевъ обители, ови во время разоренія по странамъ россійскимъ во оземствія, ови же прежде изшедше, странствованіемъ благочестивнѣ разсѣяшася, и идѣже аще во градѣхъ и весѣхъ, аще въ пустынѣхъ, скитѣхъ и отхожденіи житіе стяжавше, добродѣтельными исправленьми многи на стези древле благочестивыхъ церковныхъ законовъ навратиша, многи на спасительное житіе наставиша“ (3). Изъ этихъ словъ видно, что монахи, уходившіе изъ своихъ монастырей вслѣдствіе недовольства церковными преобразованіями, поставляли себѣ задачей не только утверждать народъ въ храненіи „древлеблагочестивыхъ церковныхъ законовъ“, т. е. всѣхъ тѣхъ обрядовыхъ особенностей, которыя были измѣнены Никономъ, но и учить его „спасительному житію“. „Навращая массы на стези древлеблагочестивыхъ

(1) Истор. акт. т. V, № 75, стр. 117.
(2) Истор. Выгов. пуст. стр. 81.
(3) Истор. объ отц. и страд. Солов. л. 63.

церковныхъ законовъ", учители—монахи не вводили въ систему раскольническихъ вѣрованій ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, чему учили своихъ прихожанъ и приходскіе священники, ставшіе на сторонѣ раскола. Но „наставляя слушателей на спасительное житіе", они, по самому складу своихъ понятій о благочестіи, не могли не вдаться и дѣйствительно вдались въ крайность. Привыкши къ своему монастырскому образу жизни, считая этотъ образъ жизни единственно правильнымъ и спасительнымъ, учители раскольническіе изъ монаховъ хотѣли и жизнь мірянъ, слушавшихъ и принимавшихъ ихъ ученіе, устроить тоже на началахъ монастырскихъ, забывая, что рекомендуемый ими путь пригоденъ только для избранныхъ. Всего больше, какъ извѣстно, это стремленіе раскольниковъ—монаховъ къ проведенію своихъ началъ въ жизнь массъ раскольническихъ обнаружилось и осуществилось въ устройствѣ такъ называемой выговской пустыни. Порядокъ жизни въ этомъ первомъ и главномъ раскольническомъ скитѣ былъ устроенъ, благодаря вліянію соловецкихъ выходцевъ и монаховъ другихъ монастырей, на началахъ чисто монастырскихъ—такъ, что сами обитатели этаго скита съ гордостію говорили въ свое время, что „общежительство" ихъ „начало пріятъ и устроися отъ Соловецкія обители яко благословеніемъ, тако чиномъ и уставомъ" (1), что въ частности выговское „общежительство чиномъ и благословеніемъ соловецкихъ отецъ вкоренено, и священноигумена Досиѳея благословеніемъ насаждено, къ симъ же и староскитскаго отца Корнилія и прочихъ отецъ пустынныхъ молитвами и благословеніемъ утверждено" (2). Само собой понятно, что, обязывая всѣхъ къ монастырскому образу жизни, учители раскольническіе изъ мона-

(1) Истор. Выгов. пуст. стр. 81.
(2) Тамъ же, стр. 86.

ховъ не могли не коснуться и той стороны изъ жизни мірянъ, которою послѣдніе всего менѣе походили на монастырскихъ затворниковъ, т. е. брачныхъ связей ихъ. Призывая „къ спасительному житію“ всѣхъ безъ различія, и мужчинъ и женщинъ, и холостыхъ и женатыхъ, расколоучители — монахи, подъ вліяніемъ своего взгляда на брачное сожитіе, какъ на дѣло, по меньшей мѣрѣ, не чистое, не прежде принимали слушателей своихъ въ число своихъ учениковъ, какъ взявъ съ нихъ обѣтъ—вести на будущее время жизнь строго — дѣвственную, и поэтому холостыхъ и незамужнихъ обязывали къ всегдашнему безбрачію, а женатыхъ „разводили на чистое житіе“. „Къ сему блаженному отцу, говорится въ исторіи выговской пустыни объ Игнатіѣ, Соловецкомъ выходцѣ, мнози отъ благочестивыхъ прицѣпившеся, моляху его съ нимъ пребывати и предводительствомъ его спасеннымъ быти, еже и сотвори боголюбная она душа... и нача въ сей пустыни общее житіе не токмо по благословенію отецъ соловецкихъ, но и благословеніемъ игумена Досиѳея: бяше бо отецъ духовный, иже повелѣ ему женскъ полъ особь въ пустыни отъ братіи зданіемъ жилищъ отдѣлити и веліемъ опаствомъ цѣломудренное наблюдати житіе; иже и веліемъ опаствомъ по священнымъ писаніемъ общежительныя же и цѣломудренныя уставы соблюдаше“ (1). „И начаша людіе ко отцу Корнилію приходити, пишетъ псторикъ выговской пустыни о другомъ расколоучителѣ—монахѣ, съ градовъ и волостей отъ гоненія, онъ же ихъ учаше древлецерковное благочестіе хранити, а отъ Никоновыхъ новинъ бѣгати и удалятися, овыхъ крещаше, а овыхъ исповѣдаше, овыхъ же постригаше, и наказуя ихъ и уча къ пустынному терпѣнію, всякую нужду терпѣти, чистоту тѣлесную хранити, и веляше овымъ съ Даніиломъ и Андреемъ

(1) Тамъ же, стр. 83.

жити, а овымъ въ пустыни вселятися, гдѣ кто изволяше, по ихъ желанію и прошенію; токмо молодымъ людямъ веляше подъ началомъ жити и труды пустынныя носити“ (1), Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на толпу, расколоучители—монахи, требуя отъ всѣхъ дѣвственной жизни, прибѣгали нерѣдко къ разнаго рода выдумкамъ и анекдотамъ. Такъ инокъ Корнилій, по мысли и плану котораго и устроилось выговское общежительство, обрекавшее всѣхъ на безбрачіе (2), обязывая своихъ учениковъ къ дѣвству и желая доказать имъ, что подвигъ цѣломудрія—бремя не неудобоносимое, указывалъ имъ въ примѣръ, между прочимъ, самаго себя, какъ такаго человѣка, который выходилъ побѣдителемъ плотскихъ движеній въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. „Разъ, разсказывалъ онъ, случилось мнѣ заночевать у одной вдовы, красивой лицемъ и не старой возрастомъ. Она пустила меня, но сказала: хотя пущу ночевать, да спать тебѣ со мною. Я рѣшился ночевать за крайней непогодой: дулъ сильный вѣтеръ со снѣгомъ. Легъ я на мѣсто и уснулъ, хозяйка пришла и легла ко мнѣ, понуждая на дѣло блудное. Я отсылалъ ее отъ себя и поучалъ о спасеніи души ея и едва успѣлъ уговорить ее, увѣривъ, что крѣпости плотскія на это дѣло не имамъ. Тогда бо ми еще средовѣчіе имѣвшу и, яко во огни, въ страсти сея горящу“ (3). Когда же ученики спрашивали Корнилія, какъ онъ достигъ такой твердости въ искушеніяхъ плоти, инокъ отвѣчалъ: „постомъ и воздержаніемъ и чистымъ покаяніемъ, мало ядый и неспаніемъ томя себе... тако боряся, дондеже пятидесятъ лѣтъ достиже, тогда и безстрастія верхъ благодатію Божіею постиже“ (4). Или вотъ что напр. разсказывается въ ис-

(1) Тамъ же, стр. 116.
(2) Тамъ же, стр. 104—5.
(3) Разск. изъ истор. старообр. стр. 30.
(4) Житіе инока Корнилія гл. 7.

торіи выговской пустыни по поводу постройки однимъ раскольникомъ—бѣгледомъ, по имени Захаріемъ, кельи—для себя и своего семейства, состоявшаго изъ отца, матери и нѣсколькихъ сестеръ Захаріи. „Ей начинаемой здатися, необычно нѣчто и досточюдно случися, положившимъ убо имъ основаніе, или простѣ рещи, вѣнецъ первый отъ четырехъ древесъ, или бревенъ, за еже четыремъ стѣнамъ кѣліи быти умышленнымъ, таже моху на бревна возложенну и второму начинаему полагатися вѣнцу, бревна на мѣстахъ своихъ полагаеміи не лежаху обычно, но паче обычая горѣ подъемляхуся, спону и препятіе начатому творяще дѣлу; и множицею полагаеми множицею кромѣ рукъ отъ мѣста взимахуся: таже дѣлателемъ недоумѣніемъ вкупѣ и печалію о бывающемъ ятымъ, дѣло до другаго отложися дне; въ другій же день обѣдающимъ имъ, вложи Богъ во умъ Захаріи, еже двойную келію здати начати, т. е. посредѣ келіи учинити стѣну, да полъ—келіи будетъ мужеску полу, полъ же женску, чтобъ лучше бревна ладилися и вверхъ не поднималися, и особь бы имъ со отцемъ жити, а матери особь съ дочерьми своими; и сказа сіе послѣ обѣда отцу своему и матери, и имъ всѣмъ сіе угодно бысть; и пришедше на срубы, помолившеся Богу, и зачаша пятистѣнную келію и сѣни строити, положиша посредѣ бревна и начаша ладити, тѣже бревна скоро поладишася, того дни не единъ вѣнецъ сладиша, и нача имъ Богъ поспѣшествовати, и тако скоро келію поставиша, яко сами въ себѣ удивишася, и глаголаше старецъ отецъ Захаріевъ Савватій къ Захарію: чадо, тако Богу угодно, понеже являетъ Богъ, яко на семъ мѣстѣ двойное будетъ житіе, мужескому полу особь, а женскому особь“ (1). На мѣстѣ этой-то „необычно“ устроенной кельи и воздвигнутъ былъ въ послѣдствіи времени выговскій скитъ съ особымъ помѣ-

(1) Истор. Выгов. пуст. стр, 101—2.

щеніемъ для мужчинъ и отдѣльнымъ для женщинъ — для огражденія ихъ цѣломудрія. Впрочемъ, строго говоря, Корнилію и другимъ проповѣдникамъ дѣвственной жизни изъ монаховъ не за чѣмъ было прибѣгать къ разнаго рода разсказамъ для убѣжденія слушателей въ справедливости ученія о всеобщемъ безбрачіи. Авторитетъ этихъ выходцевъ изъ разныхъ монастырей былъ такъ великъ въ глазахъ толпы, что она вѣрила имъ на-слово. Вѣдь это были, какъ выражался царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, „страдальцы“ за вѣру, по мнѣнію народа. Притомъ многіе изъ нихъ вышли на свѣтъ Божій изъ такихъ обителей, предъ которыми народъ благоговѣлъ; такова, между прочимъ, Соловецкая обитель, пользовавшаяся въ глазахъ всего русскаго народа необыкновеннымъ значеніемъ, считавшаяся училищемъ православія и благочестія, куда сама власть посылала учиться всѣхъ, кого находила не твердымъ въ „христіанской вѣрѣ, истинномъ благочестіи и иноческомъ чинѣ“ (1),—нашимъ русскимъ Іерусалимомъ, куда каждогодно стекались цѣлыя тысячи русскихъ богомольцевъ. Наконецъ, по замѣчанію п. Іоакима, расколоучители-монахи являлись предъ народомъ „яко бы истинные христіаны постниками великими, сокровища и сребра нестяжательными, хмѣльнаго питія не піющими, мало спящими и много молящимися“ (2), т. е. самыми строгими аскетами, слову которыхъ народъ нашъ привыкъ вѣрить безусловно.

Вотъ тѣ историческія данныя, по которымъ и среди которыхъ возникло и утвердилось въ безпоповщинскомъ расколѣ ученіе о всеобщемъ дѣвствѣ. Прекращеніе въ расколѣ священниковъ стараго, до-никоновскаго поставленія, а съ ними—и таинствъ, было первой и главной причиной явленія въ немъ ученія о безбрачіи. Въ слѣдствіе развив-

(1) Челоб. Солов., изд. 1862 г., стр. 170.

(2) Слово благодарств. въ Древ. Росс. вивліоѳ. ч. XV.

шейся въ расколѣ мысли о скорой кончинѣ міра, это вынужденное и утвержденное на догматическомъ основаніи ученіе скоро получило въ глазахъ заблуждающихъ значеніе потребности благочестиваго чувства, потребности, которую ощущалъ въ себѣ всякій, кто дорожилъ спасеніемъ. Бѣдственное состояніе раскольниковъ, начавшееся вслѣдъ за изданіемъ въ 1684 году строгаго указа противъ ревнителей старины, было причиной того, что даже и тѣ изъ раскольниковъ, которые прежде вступили въ бракъ, теперь находили неудобнымъ продолжать супружескія отношенія. Расколоучители-монахи довершили остальное. По пристрастію ли къ началамъ собственной жизни, или по непониманію истиннаго значенія въ дѣлѣ спасенія жизни брачной, только они постарались и съумѣли свой односторонній взглядъ на дѣвство и семью—передать и своимъ слушателямъ. Такимъ образомъ, очевидно, безбрачіе установилось въ расколѣ не въ порицаніе брака,—а какъ дѣло печальной необходимости, вызванное тѣми обстоятельствами, въ которыхъ находился расколъ къ концу XVII столѣтія.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мягкія сравнительно съ прежними отношенія къ расколу власти въ царствованіе Петра I; слѣдствія такой перемѣны: спокойная и обезпеченная жизнь раскольничьихъ общинъ, устроенныхъ на началахъ монастырскихъ, и упадокъ въ нихъ прежняго аскетизма; раздѣленіе безпоповщины на два толка: поморщину и ѳедосѣевщину; признаніе польскими ѳедосѣевцами законности браковъ лицъ, вѣнчанныхъ въ православной церкви и послѣ переходившихъ въ расколъ, и отношеніе къ этому ученію поморцевъ; появленіе въ поморскомъ Выговскомъ скиту разврата, какъ слѣдствія безбрачія, и первая мысль поморцевъ о необходимости брачной жизни; отношеніе къ вопросу о бракѣ Андрея Денисова; Михаилъ Вышатинъ и его неудавшіеся поиски православнаго священства, необходимаго для заключенія браковъ; Иванъ Алексѣевъ и его ученіе о необходимости брака, вызванное крайнимъ ѳедосѣевскимъ развратомъ; сущность этого ученія.

Говоря о причинахъ появленія и утвержденія въ безпоповщинскомъ расколѣ ученія о безбрачіи, мы видѣли, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣли характеръ чистой случайности. Такъ, напримѣръ, указа 1684 г., вслѣдствіе котораго одни изъ раскольниковъ принуждены были бѣжать за границу, другіе добровольно шли на костеръ и сожигались, третьи прятались по лѣсамъ и болотамъ, не зная покоя ни днемъ, ни ночью, всѣ же вообще, по необходимости, предпочитали жизнь одинокую жизни семейной,— конечно, могло и не быть, если бы Софья Алексѣевна, видѣвшая услуги раскола въ лицѣ стрѣльцовъ, иначе цѣ-

нила заслуги заблуждающихъ. Съ другой стороны, осада Соловецкаго монастыря, давшая поводъ монахамъ этой обители разсѣяться по всему поморью съ проповѣдью о необходимости для всѣхъ строгой, дѣвственной жизни, принесла православію, какъ показалъ опытъ, больше вреда, чѣмъ пользы, и, слѣдовательно, начата была безъ внимательнаго обсужденія ея послѣдствій. А между тѣмъ эти случайныя распоряженія власти по дѣлу раскола имѣли весьма важное вліяніе на утвержденіе въ безпоповщинѣ ученія о безбрачіи,—вліяніе, почти не меньшее того, какое имѣло на него прекращеніе въ расколѣ священниковъ стараго, до-никоновскаго рукоположенія. Это видно, между прочимъ, изъ того, что, по словамъ Ивана Алексѣева, даже поповщина, рѣшившаяся принимать къ себѣ бѣглыхъ поповъ „новаго поставленія“, при помощи которыхъ могла безпрепятственно заключать свои браки, удерживалась отъ семейной жизни въ ту пору, когда, благодаря указу 1684 года, расколъ преслѣдовался всѣми возможными средствами (1). А послѣ этого уже не трудно понять, что

(1) Кн. „О тайнѣ брака“, ч. I, гл. 13. „О преложеніи прежнихъ дѣлъ и обычаевъ“. Считая такимъ образомъ писателемъ книги „О тайнѣ брака“ Ивана Алексѣева, мы, очевидно, противорѣчимъ издателю каталога Павла Любопытнаго (стр. 90, примѣч.), который говоритъ, что указанное сочиненіе не можетъ принадлежать Ивану Алексѣеву уже потому только, что сочинитель книги „О тайнѣ брака“ въ 7236 (1728) г. былъ въ поморскихъ странахъ для объясненія о разныхъ церковныхъ дѣлахъ съ Андреемъ Денисовымъ, а Ивану Алексѣеву тогда было не больше 11 лѣтъ. Для насъ необъяснима ошибка издателя каталога въ счетѣ лѣтъ. На стр. 89 онъ напечаталъ, что Иванъ Алексѣевъ умеръ въ Стародубьѣ 1776 г. 67 лѣтъ (слѣдовательно род. въ 1709 г.), а на стр. 90 утверждаетъ, что въ 1728 г. ему было не больше 11 лѣтъ, между тѣмъ какъ Алексѣеву былъ въ это время 19-й годъ. Возрастъ, правда, молодой, но Андрей Денисовъ, самъ сдѣлавшійся настоятелемъ Выговской пустыни съ небольшимъ 20-ти лѣтъ отъ роду, могъ удостоить своего вниманія и такого молодаго человѣка, какимъ былъ Алексѣевъ въ бытность свою въ Поморьѣ въ 1728 г. Касательно же того, что въ каталогѣ между сочиненіями Ивана Алексѣева совсѣмъ не упоминается сочиненія „О тайнѣ брака“, нужно замѣтить, что Любопытный часто по недосмотру, а иногда и намѣренно—съ предвзятою

при перемѣнѣ обстоятельствъ, при новомъ, болѣе мягкомъ отношеніи власти къ расколу, вопросъ о бракѣ, рѣшенный безпоповщиной въ пользу всеобщаго дѣвства, могъ снова явиться на сцену и вызвать заблуждающихъ на новое, болѣе согласное съ обстоятельствами, рѣшеніе его. Такъ и случилось.

Послѣ заточенія въ монастырь Софьи Алексѣевны самостоятельнымъ правителемъ государства сдѣлался Петръ Великій. Вслѣдъ за этой перемѣной не явилось въ безпоповщинѣ „улетѣвшее на небо“ священство, не уничтожилось въ умахъ заблуждающихъ мнѣніе о наступленіи царства антихристова и скорой кончинѣ міра, но внѣшнія обстоятельства раскола значительно измѣнились. Указъ 1684 г. продолжалъ еще существовать въ качествѣ дѣйствующаго закона, но практическое приложеніе его съ самаго начала

мыслію, невѣрно передаетъ заглавіе и содержаніе сочиненій, о которыхъ сообщаетъ свѣдѣнія, и основываться на его показаніяхъ нужно съ крайнею осторожностію. Такъ напр., по словамъ Любопытнаго, еще Ѳеодосій Васильевъ писалъ „посланіе въ Выгорѣцкую киновію о вѣчномъ бытіи въ Христовой церкви законныхъ браковъ и что они свято могутъ совершаться и кромѣ хиротоніи. Это посланіе, по словамъ Любопытнаго, есть разительное и тонкое обличеніе на ложное и малодушное посланіе Андрея Денисьевича Выгорѣцкаго киновіарха къ оному Ѳеодосію о торжественномъ отверженіи въ мірѣ существованія законныхъ браковъ“ (стр. 141). А между тѣмъ Ѳеодосій никогда не училъ, будто бракъ можно заключать и „кромѣ хиротоніи“,—это—мысль новоженовъ, явившаяся въ расколѣ спустя долго послѣ смерти Ѳеодосія,—равнымъ образомъ и Денисовъ, какъ показываютъ его посланія, не отвергалъ безусловно брака, а только говорилъ, что его нужно заключать въ православной церкви, съ благословенія православнаго (въ смыслѣ безпоповщинскомъ) священника. Кромѣ того, самъ же Любопытный въ своемъ историч. словарѣ называетъ Денисова „твердымъ признателемъ вѣчности брачнаго бытія въ Христовой церкви“. Можно ли же послѣ этого вѣрить безусловно Любопытному? Для насъ къ признанію Ивана Алексѣева писателемъ книги „О тайнѣ брака“ служитъ основаніемъ, кромѣ дѣльныхъ замѣчаній объ этомъ предметѣ А. Б. (Опис. раск. соч. ч. I, стр. 265 — 270), слѣдующее извѣстіе современнаго раскольническаго сочиненія, изданнаго за-границей, что еще при Андреѣ Денисовѣ „заблудшіе лжеучители находились Иванъ Алексѣевъ и Михаилъ Вышатинъ и усиливались весьма крѣпко, дабы возстановить безсвященнословныя браки въ

царствованія Петра сдѣлалось мягче, снисходительнѣе. Правда, и при Петрѣ, особенно въ началѣ его царствованія, было не мало случаевъ фанатическаго преслѣдованія раскольниковъ; но эти преслѣдованія были больше дѣломъ личнаго усердія къ исполненію 12 статей Софьи Алексѣевны областныхъ властей, нежели слѣдствіемъ внушенія со стороны высшей власти. Что же касается Петра, то еще до изданія указовъ, признавшихъ открытое существованіе раскола, онъ показалъ не мало снисходительности къ заблуждающимъ. Такъ еще въ 1702 г., когда Петру, проходившему изъ Архангельска въ Повѣнецъ чрезъ извѣстную рѣку Выгъ, было доложено, что на этой рѣкѣ живутъ раскольники, онъ, по свидѣтельству историка Выговской пустыни, отвѣчалъ: „пускай живутъ, и поѣхалъ смирно, яко отецъ отечества благоутробнѣйшій“ (1). Вскорѣ послѣ этого (въ 1705 г.) Петръ чрезъ

существо христіанъ“ („Истина“,—Яссы. 1864 г. стр. 14). Вышатинъ спорилъ съ Денисовымъ о бракѣ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія; писатель книги „О тайнѣ брака“ былъ въ Поморьѣ въ 1728 г. и также велъ рѣчь съ Денисовымъ о бракѣ; а изъ вышеприведенныхъ словъ видно, что съ Денисовымъ разсуждали о бракѣ только два лица: Вышатинъ и Алексѣевъ; слѣдствіе понятно. Кромѣ указаннаго сочиненія есть другое, также изданное за-границей въ 1866 г. (Истор. извѣщ. о безпр. прод. законнаго брака въ старовѣрахъ), въ которомъ (л. 11 об. и 12) книга „О тайнѣ брака“ прямо приписывается Ивану Алексѣеву. Кромѣ сочиненія „О тайнѣ брака“ Алексѣеву же принадлежитъ и другое: „слово обличительное на соборъ новоявленныхъ раздорниковъ“, хотя о сочиненіи съ такимъ заглавіемъ также не упоминаетъ Любопытный. Вотъ что говорится въ той же „Истинѣ“ объ этомъ предметѣ: „и вотъ первый новоженъ явился Иванъ Алексѣевъ и началъ попеченіе имѣть о бракахъ и сталъ говорить, что предки ихъ ошибались. И видя Ѳедосѣя Васильевича люди, что тако глаголетъ, абіе отъ церковнаго тѣлеси его отлучили (вотъ докательство, что Алексѣевъ принадлежалъ не къ поморскому, а къ ѳедосѣевскому толку), по доказательствамъ поморянина Андрея Денисьевича. Алексѣевъ новоженовъ до общества своего припустилъ и піяницъ въ обществѣ имѣлъ. Это первое звѣно съ безбрачными расколъ сдѣлалъ о бракахъ и отдѣлился“ (стр. 78 об. и 79). Знакомый съ содержаніемъ „слова обличительнаго“ пойметъ изъ приведенныхъ словъ, кому принадлежитъ это сочиненіе.

(1) Истор. Выг. пуст., стр. 113; Раск. дѣла XVIII стол., т. I, стр. 286.

своего любимца Меньшикова входитъ даже въ прямое сношеніе съ раскольниками Выговской пустыни—главнаго притона тогдашней безпоповщины—и, за согласіе ихъ работать на повѣнецкихъ заводахъ, даетъ имъ указомъ право на открытое, свободное отправленіе богослуженія по старопечатнымъ книгамъ (1). Мало этого, поручая въ 1706 г. Питириму заняться обращеніемъ раскольниковъ въ Нижегородской губерніи, великій преобразователь писалъ: „съ противниками церкви съ кротостію и разумомъ поступать, по апостолу: быхъ беззаконнымъ, яко беззаконенъ, да беззаконныхъ пріобрящу, быхъ всѣмъ вся, да всяко нѣкія спасу, а не такъ, какъ нынѣ жестокими словами и отчужденіемъ“ (2). Въ 1708 г., когда Карлъ XII, пользуясь измѣной Мазепы, вступилъ въ Малороссію и достигъ стародубскаго края, нѣкоторые изъ стародубскихъ раскольниковъ напали, по словамъ прот. Іоаннова, на непріятеля, „нѣсколько сотенъ побили и живыхъ захватя въ Стародубъ къ самому государю, тогда бывшему тамо, плѣнниками привели“. Въ награду за такой патріотизмъ, Петръ тогда же приказалъ полковнику Іергольскому переписать всѣхъ стародубскихъ раскольниковъ и утвердилъ ихъ за собою „съ тѣмъ, чтобы впредь оными никто не могъ владѣть“. Эта „перепись, по словамъ Іоаннова, тѣмъ счастіемъ слобожанъ наградила, что они промыслами своими, торгами и художествами и нынѣ въ купеческомъ состояніи безпрепятственно пользуются“ (3). Ожили раскольники, узнавъ обо всѣхъ этихъ милостяхъ къ нимъ новаго царя, хотя рѣзкое противорѣчіе этихъ милостей все еще неотмѣненному указу 1684 г. и приводило нѣкоторыхъ въ недоумѣніе касательно истиннаго взгляда на ревнителей мнимо-древ-

(1) Раск. дѣла т. I, стр. 288; Истор. Выг. пуст. стр. 114.
(2) Раск. дѣла т. II, стр. 218.
(3) Истор. извѣстіе о раск. стр. 223.

няго благочестія великаго преобразователя. Но вотъ наступаетъ 1714 годъ и Петръ торжественно своими именными указами даруетъ раскольникамъ право, наравнѣ со всѣми другими подданными, жить въ селеніяхъ и городахъ безъ всякаго сомнѣнія и страха, только бы они объявляли о себѣ въ приказахъ церковныхъ дѣлъ и записывались въ платежъ двойнаго оклада (1). „Буде ко св. Церкви (раскольники) не обратятся, говорилось въ одномъ изъ этихъ указовъ, а похотятъ быть въ своей раскольнической прелести, и такіе бъ приходили и записывались въ платежъ двойнаго оклада, объявляя доношеніями о себѣ по домашнимъ своимъ (вѣроятно: и о домашнихъ своихъ) въ приказахъ церковныхъ дѣлъ, безъ всякаго сомнѣнія и страха". Припомнивъ распоряженіе касательно раскола Софьи Алексѣевны и сравнивъ съ нимъ вышеприведенныя слова, всякій пойметъ, какая рѣзкая перемѣна должна была произойти во внѣшнемъ быту раскольниковъ вслѣдствіе указаннаго постановленія Петра Великаго. Изъ людей, рѣшительно нетерпимыхъ властію, раскольники дѣлались теперь членами государства, имѣвшими право на открытое существованіе. Если же мы обратимъ вниманіе еще на то обстоятельство, что указами 1719, 1720 и 1722 годовъ (2) позволено было раскольникамъ не ходить на исповѣдь, вѣнчаться не у церкви, носить бороду и стариннаго покроя платье,—съ условіемъ только платить за все это штрафъ, то должны будемъ согласиться, что съ царствованіемъ Петра для ревнителей старины настали сравнительно свѣтлые дни. Вмѣсто прежняго странствованія по лѣсамъ и болотамъ, раскольники могли теперь спокойно селиться въ городамъ и селахъ и пользоваться

(1) Полн. собр. зак. т. V, № 2996; сн. съ №№ 2991, 3232 и т. VI, № 3547.

(2) Тамъ же, т. V, №№ 3340 и 3547, т. VI, № 3944.

всѣми удобствами жизни осѣдлой. Тѣ же изъ нихъ, кои по ревности къ „древнему благочестію“ не хотѣли жить вмѣстѣ съ мнимыми еретиками, могли по прежнему устроять въ пустыняхъ скиты, не опасаясь уже болѣе, что труды рукъ ихъ будутъ истреблены агентами власти. Неудивительно послѣ этого, что многіе изъ раскольниковъ въ царствованіе Петра не только прекратили свое враждебное отношеніе къ власти, но старались всячески услужить царю и даже не находили словъ достойно восхвалить великодушнаго монарха. Такъ, по словамъ историка Выговской пустыни (1), подтверждаемымъ и оффиціальными документами (2), „настоятели Выговскаго скита, Даніилъ и Андрей, по совѣту съ братіями и суземскимъ старостою и съ выборными, всегда посылающе своихъ посланныхъ съ письмами и съ гостинцами къ Его Императорскому Величеству, съ живыми и стреляными оленями, и со птицами, ово коней сѣрыхъ пару, а ово быковъ большихъ подгнаша ему, и являхуся и письма подаваху. И императорское величество все у нихъ милостивно и весело принимаше и письма ихъ всѣмъ въ слухъ читаше“. Мало того: Андрей Денисовъ, по свидѣтельству Павла Любопытнаго, писалъ даже „панегирикъ, заключающійся въ десяти резонахъ, витійственно изражающій высоту, отличіе въ россійскихъ вѣнценосцахъ перваго императора Петра Алексѣевича, и особенное его покровительство старовѣрческихъ церквей и всѣхъ старообрядцевъ отъ тиранской руки Никона (т. е. послѣдователей прав. церкви), патріарха московскаго“ (3).

Впрочемъ долгъ справедливости требуетъ сказать, что, если снисходительныя мѣры Петра противъ раскола, да-

(1) Истор. Выг. пуст. стр. 140.
(2) Раск. дѣла т. I, стр. 308.
(3) Катал. Павла Любопытнаго 1861 г. стр. 41.

вавшія заблуждающимъ возможность жить спокойно, безъ преслѣдованій, и принимались многими изъ ревнителей старины за благодѣянія, то, съ другой стороны, было въ это время въ числѣ раскольниковъ не мало и такихъ лицъ, которыя, не смотря на всю снисходительность Петра къ заблуждающимъ, ненавидѣли его отъ всей души и вмѣсто того, чтобы жить спокойно въ городахъ и селахъ, платя за это двойной окладъ, по прежнему скрывались въ лѣсахъ и даже сожигались. Причина этого страннаго явленія заключалась въ реформаторскихъ дѣйствіяхъ Петра: царь, увѣровавшій въ поганыхъ нѣмцевъ до того, что, по обычаю ихъ, и самъ обрилъ себѣ бороду — образъ и подобіе Божіе—и переодѣлся въ ихъ поганое платье,— царь, не соблюдающій постовъ, не уважающій святыни, уничтожившій патріаршество, обратившій монастыри въ богадѣльни для раненыхъ солдатъ, заточившій первую супругу въ монастырь и женившійся на нѣмкѣ,—царь, который, самъ перерядившись въ нѣмца, приказываетъ сдѣлаться нѣмцами и своимъ подданнымъ, брѣетъ имъ бороды, одѣваетъ ихъ въ нѣмецкіе кафтаны, перемѣняетъ даже то, что во власти одного Бога,—времена и лѣта, установивъ праздновать начало новаго года 1 января—вмѣсто 1 сентября, наконецъ царь, не пощадившій своего собственнаго сына—наслѣдника престола—и въ заключеніе по гордости назвавшій себя императоромъ,—такой царь большинству раскольниковъ (и не имъ однимъ), преданныхъ старинѣ и роднымъ обычаямъ, казался врагомъ Богу и Церкви, антихристомъ. Съ другой стороны, Петръ хотя и далъ право раскольникамъ жить свободно въ городахъ и селахъ, но двойной окладъ, платимый ими за это право, не всегда спасалъ ревнителей старины отъ застѣнковъ преображенскаго приказа. Правда, Ромодановскій, Ушаковъ и Толстой пытали раскольниковъ чаще всего не за церковный

расколъ, а за оскорбленіе Величества, за разные неблагопріятные отзывы о лицѣ Государя и его дѣйствіяхъ; но вѣдь пытаемымъ, распускавшимъ о царѣ-преобразователѣ странные слухи именно по привязанности къ старинѣ, которую Петръ ломалъ, отъ этого было не легче. Притомъ бывали случаи, что, по приказанію Петра, летѣла съ плечъ голова и такихъ раскольниковъ, которые, кромѣ раскола, ни въ чемъ не были виноваты. Таковъ, между прочимъ, діаконъ Александръ, которому въ Нижнемъ-Новгородѣ, при всенародномъ собраніи, была отсѣчена голова, а тѣло сожжено марта 21-го дня 1720 г. (1). Особенно же неблагосклонно сталъ смотрѣть на расколъ Петръ Великій послѣ страшной исторіи царевича Алексѣя Петровича, въ сочувствіи которому подозрѣвались всѣ приверженцы стараго порядка вещей, и слѣдовательно— всего больше раскольники. Этому предубѣжденію противъ заблуждающихъ помогали наконецъ и внушенія „равноапостольнаго“ Питирима, какъ величалъ его Петръ (2), писавшаго Государю въ 1718 году: „раскольники благополучію государственному не радуются, а радуются несчастію; безпоповщина въ молитвахъ царя не поминаетъ, а поповщина именуетъ царя благороднымъ“ (3). Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, Петръ, объявившій еще въ 1702 году, что онъ, „по дарованной ему отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаетъ и охотно предоставляетъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей“, и обѣщавшій „крѣпко смотрѣть, чтобы никто какъ въ своемъ публичномъ, такъ и въ частномъ отправленіи богослуженія обезпокоенъ не былъ“ (4), при концѣ своей жизни—въ

(1) Раск. дѣла т. I, стр. 641.
(2) Расколъ, обличаемый своею исторіею, стр. 167.
(3) Раск. дѣла т. II, стр. 219—220.
(4) Полн. собр. зак. т. IV, № 1910.

1724 году вынужденъ былъ причислить раскольничьи дѣла къ „злодѣйственнымъ“ за то, что, по его словамъ, „раскольничья прелесть, упрямства наполненная, правовѣрію противна“. А слѣдствіемъ этого было то, что, тогда какъ одни изъ раскольниковъ, на основаніи указа о платежѣ двойнаго оклада, жили спокойно въ своихъ поселеніяхъ и даже хвалили великодушіе Государя, другіе по прежнему скитались по лѣсамъ и распускали о царѣ самые нелѣпые, оскорбительные толки, за что, разумѣется, попадали на виску и подъ кнутъ.

Нужно впрочемъ замѣтить, что въ эту страшную пору существованія „слова и дѣла“ подвергались преслѣдованію только тѣ изъ заблуждающихъ, которые были неосторожны въ словѣ, или не отличались благоразуміемъ въ дѣйствіяхъ, т. е. люди экзальтичные, не умѣвшіе своихъ вѣрованій, которыя Петру казались пустяками, мирить съ новыми порядками царя, казавшимися имъ неправославными, однимъ словомъ: фанатики. Что же касается людей спокойныхъ, разсудительныхъ, осторожныхъ, то они съ разу поняли, что широкою вѣротерпимостію Петра можно отлично воспользоваться для своихъ сектаторскихъ цѣлей, и вели свои дѣла такъ, что, вполнѣ оставаясь вѣрными своему „древнему благочестію“, въ тоже время были на хорошемъ счету и у правительства, и не только не терпѣли отъ него никакихъ невзгодъ, напротивъ пользовались самымъ внимательнымъ покровительствомъ его. И къ удивленію, такъ мастерски умѣла устроить свои отношенія къ власти та часть раскольниковъ, которая извѣстна была подъ именемъ безпоповщины и которая, какъ извѣстно, въ своихъ взглядахъ на православную Церковь и православную власть была суровѣе, фанатичнѣе остальныхъ своихъ братій—поповщины. Этой услугой обязана была безпоповщина извѣстнымъ раскольн-

ническимъ писателямъ Андрею и Семену Денисовымъ. Эти два человѣка, ставъ во главѣ поморскаго безпоповщинскаго раскола, умѣли, при своемъ несомнѣнномъ умѣ и рѣдкой практической ловкости, выставить предъ правительствомъ свое общество въ такомъ благопріятномъ видѣ, что свѣтская власть не только сама оказывала ему всевозможное покровительство и милости, но даже защищала Выговцевъ отъ различныхъ притязаній къ нимъ со стороны правительства церковнаго; а при своемъ необыкновенномъ, впрочемъ вполнѣ заслуженномъ, вліяніи на толпу, Денисовы успѣли убѣдить своихъ подчиненныхъ, что можно, и находясь „подъ игомъ работы Его Императорскаго Величества“, оставаться „истиннымъ христіаниномъ“. Слѣдствіемъ всего этого было то, что поморская безпоповщина, сосредоточившаяся въ извѣстномъ Выговскомъ скиту, вмѣщавшемъ въ себѣ цѣлыя тысячи раскольниковъ, „въ вѣрѣ и моленіи по старопечатнымъ книгамъ отъ разоренія и обидъ, по ея собственнымъ словамъ, умилостивленная“ (1), обратилась теперь къ устройству своего матеріальнаго быта и при помощи разныхъ оборотовъ успѣла въ короткое время собрать такое богатство, что обитатели пустыни, созданной на началахъ монастырскихъ, получили теперь возможность вести жизнь не только спокойную, но и болѣе, чѣмъ довольную. Богатство Выговскаго скита было такъ велико, что обитатели его, прежде, во времена гоненій, сами нерѣдко терпѣвшіе голодъ, теперь нашли возможнымъ помогать изъ своихъ средствъ не только „суземскимъ жителямъ“, т. е. раскольникамъ, жившимъ по разнымъ мѣстамъ Выговской пустыни и бывшимъ въ зависимости отъ монастыря, но и лицамъ стороннимъ, разумѣется, съ тайною мыслію привлечь ихъ на свою сторону. „Всякое изобильство, говорится въ исторіи

(1) Раск. дѣла т. I, стр. 304.

Выговской пустыни, въ обѣихъ обителяхъ умножашеся и распространяшеся отъ пашень и отъ торговъ и отъ морскихъ промысловъ, вездѣ изобильствующе, скоту умножающуся, конскіе дворы коньми и кобылами и жеребятами наполняхуся и доилицъ дворы огустѣваху. Платія и обущи въ обѣихъ обителяхъ изобильствующе: вся сія вышняго Бога промысломъ безъ всякой тѣлесной нужды братство упокоевашеся. И видѣша отцы надъ собою милосердіе и посѣщеніе Божіе, положиша залогъ—всѣхъ приходящихъ гостей и проѣзжихъ и нищихъ и странныхъ кормити безъ разбору, и бѣднымъ и нищимъ помогати во всякихъ нужныхъ случаяхъ. И въ то время бысть въ Олонецкомъ и Каргопольскомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ и во всѣхъ околнихъ волостяхъ и въ Лопскихъ погостахъ хлѣбная скудость и недородъ и гладъ великій, многіе мірскіи нищіи найдоша въ монастырь, овіи на коняхъ, а иніи пѣши по зимамъ, и скитахуся изъ монастыря въ монастырь и по скитамъ, просяще милостыни и кормящеся множество народа, и къ лѣту въ свои домы отхождаху. И тогда бысть двѣ дороги чрезъ монастырь, одна въ Каргопольскій уѣздъ, а другая къ морю. И начаша людіе оными дорогами ѣздити, приставая въ гостиной, и приказаша настоятели всѣхъ проѣзжихъ и нищихъ кормити безъ разбору“ (1). Весьма естественно, что спокойная и безбѣдная жизнь въ скитахъ Выговскаго общежитія произвела значительную перемѣну въ поморскихъ раскольникахъ; фанатизмъ ихъ, обнаруживавшійся прежде въ открытой враждѣ власти и въ покушеніи къ самосожигательству, сталъ теперь мало по малу слабѣть, а въ слѣдъ за этимъ началъ ослабѣвать и ихъ прежній аскетизмъ. Проповѣдники „суроваго житія“, проводившіе прежде самую строгую жизнь—по необходимости, теперь, среди общаго изобилія и довольства во

(1) Истор. Выгов. пуст. стр. 190.

всемъ, стали позволять себѣ такія удовольствія въ жизни, которыя ясно показывали, что ревнители „иноческаго житія“ не прочь и отъ наслажденія благами міра сего. Если къ этому мы прибавимъ, что въ средѣ поморскихъ раскольниковъ уже не было въ это время тѣхъ выходцевъ изъ разныхъ монастырей, которые прежде весь раскольническій міръ хотѣли превратить въ одну громадную монастырскую общину, что далѣе — ученіе безпоповцевъ о наступленіи послѣднихъ временъ міра и царствованіи антихриста хотя и продолжало существовать въ Выговскомъ скиту, но уже только въ одной теоріи, да и то не вполнѣ мирилось съ тѣмъ спокойнымъ и обезпеченнымъ положеніемъ, въ какомъ находились поморскіе раскольники; то поймемъ, что обстоятельства, среди которыхъ возникло и утвердилось въ безпоповщинскомъ расколѣ ученіе о всеобщемъ дѣвствѣ, значительно измѣнились въ послѣдніе годы царствованія Петра перваго. Что же? Эта перемѣна во внѣшнемъ быту раскольниковъ-безпоповцевъ имѣла ли какое-либо вліяніе на ученіе ихъ о всеобщемъ безбрачіи? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы изложимъ слѣдующій не большой эпизодъ изъ исторіи раскола.

Въ концѣ XVII вѣка, одинъ изъ новгородскихъ раскольниковъ, принадлежавшій къ поморскому безпоповщинскому толку, именно Ѳеодосій Васильевъ, вздумалъ основать отдѣльное раскольническое общество съ тѣмъ, чтобы самому стать во главѣ его. Съ этою цѣлію Ѳеодосій оставляетъ Новгородъ, бѣжитъ со всею семьею въ Польшу и здѣсь основываетъ отдѣльный толкъ, получившій отъ его имени названіе ѳедосѣевщины. Проповѣдуя своимъ ученикамъ общее безпоповщинское ученіе, Ѳеодосій, вѣроятно, для того, чтобы рѣзче отдѣлить свою общину отъ поморщины, сталъ учить и многому такому, чего поморцы не принимали. Въ числѣ особенностей ученія Ѳеодосія было,

между прочимъ, то, что бракъ двухъ лицъ, заключенный въ православной церкви до перехода ихъ въ расколъ, нужно считать законнымъ и не расторгать (1). Трудно сказать, что́ заставило Ѳеодосія Васильева быть защитникомъ законности браковъ, заключенныхъ въ православной церкви. Быть можетъ, бывшій крестецкій дьячекъ рѣшился на этотъ шагъ въ надеждѣ такою снисходительностію переманить къ себѣ въ Польшу побольше послѣдователей изъ Россіи, гдѣ поморцами подобные браки расторгались, или, можетъ быть, онъ сдѣлалъ это потому, что спокойная жизнь ѳедосѣевцевъ внѣ предѣловъ Россіи не представляла тѣхъ неудобствъ къ продолженію семейной жизни, какія испытывали раскольники, жившіе внутри отечества. Какъ бы то ни было, только Ѳеодосій своимъ ученіемъ о бракѣ сталъ въ явное противорѣчіе съ своими прежними единомышленниками—поморцами. Само собою разумѣется, что особенности ученія Ѳеодосія въ скоромъ времени стали извѣстны поморцамъ и вызвали со стороны ихъ сильный протестъ. Когда Ѳеодосій Васильевъ прибылъ изъ Польши въ Выговскій скитъ—съ цѣлію убѣдить

(1) Сборн. правит. свѣд. о раск. Кельсіев. вып. 4, стр. 250; Истор. извѣщ. о безпрер. прод. законнаго брака въ старовѣрахъ л. 8 об и 9; Катал. Любоп. стр. 141, № 614—15; посл. Андрея Денисова къ Ѳеодосію Васильеву, писанное въ 1710 г., въ которомъ Выговскій киновіархъ съ грустію замѣчалъ: „послѣ 666 года за святую вѣру страждущіи, якоже въ Поморіи Соловецкіе прочіе отцы, также и около Новаграда страдальцы великое опасеніе имѣяху, чтобъ тайнодѣйствія никакого отъ никоніанъ не пріяти; сихъ ради и вѣнчавшихся отъ нихъ утверждаху въ чистотѣ жити и въ законъ онаго сопряженія не имѣти. Сему чину и по инѣмъ странамъ около Волги и донынѣ слѣдуютъ. За рубежемъ же выдался обычай, елицы въ невѣдѣніи вѣнчалися, тѣхъ оправдати... Утверждаютъ же мнѣніе сіе апостольскимъ словомъ, повелѣвающимъ мужу вѣрну съ невѣрною женою жити, аще волитъ, или женѣ вѣрной съ мужемъ невѣрнымъ. Но намъ же видится, сіе позволеніе тѣхъ брака не подтверждаетъ: понеже у сихъ оба крестятся, а не едина часть, и о ихъ брацѣ, иже оба крестятся, еще же и отъ простолюдина (по мнѣнію безпоповцевъ, священники православные, какъ еретики безблагодатные,—тоже, что простые міряне), ничего у апостола не написано“ (Сборн. № 154, л. 141).

поморцевъ къ принятію особенностей его ученія, послѣдніе составили совѣтъ, на которомъ рѣшились доказать, что Ѳеодосій самъ заблуждаетъ въ своемъ ученіи,—и особенно въ ученіи „о внѣшнихъ бракахъ“. Сдѣлать это поморды могли безъ особеннаго труда. Рѣшившись принимать браки, вѣнчанные въ православной церкви, какъ законные, Ѳеодосій сталъ въ противорѣчіе и съ самимъ собою и вообще съ основнымъ ученіемъ безпоповщины, котораго онъ не отвергалъ. Еще въ 1694 г. Ѳеодосій вмѣстѣ съ другими новгородскими раскольниками положилъ на соборѣ: „а которые наши дѣти духовные юноши или дѣвы, будучи у насъ на исповѣди, и по наказанію отцевъ своихъ духовныхъ, преступятъ таковый законъ (т. е. жить дѣвственно) и женитися пожелаютъ, а дѣвицы замужъ пойдутъ, и вѣнчаться станутъ у еретиковъ—отъ русскихъ поповъ, иже служатъ антихристу... и приживутъ межъ собою дѣти, а потомъ пріяты быти на покаяніе, или изъ насъ кого духовнаго отца призывати станутъ въ домы своя, или крестить дѣтей своихъ,—и намъ, отцы и братія, духовнаго дѣла отнюдъ не творить, опасаяся лишенія сана, на духъ таковыхъ не принимать, дѣтей у нихъ не крестити, и рожаницамъ молитвы не давати, и съ ними ни пити, ни ясти, ни на молитвѣ вкупѣ стояти и на службу къ себѣ ни пускати, развѣ только при самой смерти; понеже вѣдаючи таковое отступленіе самовольное сотворили“ (1). Правда—здѣсь рѣчь идетъ не о бракѣ лицъ, вѣнчавшихся въ православной церкви до перехода въ расколъ, а о вѣнчаніи у православныхъ священниковъ лицъ, принадлежащихъ къ расколу; но если Ѳеодосій считалъ этихъ священниковъ еретиками, слугами антихриста, то само собой понятно, что, надъ кѣмъ бы они ни совершали таинство

(1) Сборн. № 154, л. 258, прав. 8-е; снес. Іоаннов. историч. изв. о раск. стр. 97.

брака, дѣйствія ихъ польскимъ расколоучителемъ должны были почитаться одинаково незаконными и нечестивыми. Съ другой стороны, между правилами новгородскаго раскольническаго сборища 1694 г., на которомъ игралъ самую важную роль Ѳеодосій Васильевъ, есть и такія, которыми бракъ лицъ, вѣнчанныхъ въ православной церкви до перехода ихъ въ расколъ, прямо признавался незаконнымъ. „Приходящимъ отъ иновѣрія къ нашей православной христіанской вѣрѣ, читаемъ въ 4-мъ правилѣ указаннаго собора, аще мужъ съ женою, то повелѣваемъ настоятелямъ и отцу духовному прежде имъ о томъ предложить искусно, что наша истинная церковь (?) женимыхъ въ соединеніе не пріемлетъ; а если согласятся они на то, еже церковь наша повелѣваетъ—по крещеніи въ чистотѣ и цѣломудріи пребывать, тѣлеснаго же совокупленія не имѣть, а кольми паче мужу съ женою, а женѣ съ мужемъ, тако и за бракъ не почитать и мужа мужемъ не называть, такоже и жену женою не нарицать, а быть по крещеніи въ духовномъ братствѣ: того ради во удостовѣреніе цѣломудреннаго и дѣвственнаго житія и повелѣваемъ единому куму и кумѣ воспріять ихъ отъ святаго крещенія. И аще на сіе будутъ согласны, то по совершеніи четыредесятаго поста крестить ихъ по преданію соборныя нашея церкве“ (1). Далѣе: если Ѳеодосій, наравнѣ со всѣми другими безпоповцами, училъ, что въ православной церкви нѣтъ никакой святыни, что таинства, совершаемыя православными священниками,—скверна, и на этомъ основаніи, подобно поморцамъ, перекрещивалъ всѣхъ, переходившихъ къ нему изъ православія, то на какомъ же основаніи онъ сталъ признавать законнымъ таинство

(1) Сборн. № 154, л. 257, прав. 4-е; а въ правилѣ 7-мъ замѣчено: „приходящихъ отъ иновѣрія женатыхъ, по пріятіи вѣры и крещенія нашего исповѣданія, довлѣетъ таковыхъ разводить на чистое житіе непремѣнно“.

брака, совершенное въ православной церкви,—и при томъ одно это таинство? Наконецъ, за бракомъ, по закону естества, слѣдуетъ рожденіе, и родившая, какъ нечистая, требуетъ, по закону, очищенія, которое можетъ дать только священникъ: кто будетъ давать это очищеніе родившимъ у ѳедосѣевщины, у которой, какъ у всей вообще безпоповщины, нѣтъ уже православнаго священства? Придется или родившихъ оставлять нечистыми, или обращаться за очищеніемъ ихъ къ тѣмъ же еретическимъ священникамъ, дѣйствія которыхъ не освящаютъ, а оскверняютъ истиннаго христіанина (1). Не ограничиваясь всѣми этими соображеніями, которыми поморцы старались лично доказать Ѳеодосію, что онъ поступаетъ незаконно, принимая и оставляя „безъ развода на чистое житіе“ лицъ, вѣнчанныхъ въ православной церкви, глава поморскаго раскола—Андрей Денисовъ писалъ еще польскому расколоучителю нѣсколько посланій „о уничтоженіи брачнаго таинства во всемъ мірѣ“ (2), въ которыхъ, не отвергая супружества въ пользу дѣвства, онъ однако же старался доказать, что въ настоящее время брака быть не можетъ, такъ какъ, „за разсыпаніемъ руки освященныхъ“, т. е. за прекращеніемъ православнаго священства, его не кому совершать.

Не смотря впрочемъ на то, что въ приведенныхъ выше соображеніяхъ поморцевъ и въ посланіяхъ Андрея Денисова были представлены, по замѣчанію писателя „повѣсти о зачалѣ раздора ѳедосѣевцевъ съ выгорѣцкимъ общежительствомъ“, „доводы праведнѣйшіе отъ св. писа-

(1) Послѣднее соображеніе—о молитвѣ родильницѣ—представляется мелочнымъ; но въ глазахъ раскольника, ратующаго нерѣдко за одну букву, оно имѣетъ весьма важное значеніе, такъ что Иванъ Алексѣевъ долженъ былъ писать въ опроверженіе этого возраженія нѣсколько сочиненій. Кат. П. Любоп. стр. 93, №№ 329 и 370.

(2) Тамъ же, стр. 37, №№ 84 и 85.

нія на непринятіе новолюбной тайны брачной", Ѳеодосій до конца своей жизни († 1711 г.) не согласился съ поморцами въ ученіи о „внѣшнихъ бракахъ" (1), а нѣкоторые послѣдователи его въ это время даже сами вступали въ бракъ и вѣнчались въ церкви православной (2). За то по смерти Ѳеодосія ученики его скоро поняли несостоятельность (съ безпоповщинской точки зрѣнія) ученія своего наставника о бракахъ, вѣнчанныхъ въ православной церкви и, по примѣру поморцевъ, а можетъ быть и по убѣжденію ихъ, стали переходившихъ въ расколъ изъ православія разводить „на чистое житіе". Когда послѣдовало это измѣненіе ученія Ѳеодосія, опредѣленно сказать трудно. Судя по тому, что въ посланіи Андрея Денисова къ ѳедосѣевцамъ, жившимъ на Ряпиной мызѣ, писанномъ въ 1716 году, уже нѣтъ рѣчи о бракѣ, можно думать, что въ это время послѣдователи Ѳеодосія, при пріемѣ въ расколъ вѣнчанныхъ въ православной церкви, поступали уже согласно съ поморцами. Это соображеніе подтверждается и тѣмъ, что одинъ изъ ѳедосѣевцевъ, бывшій духовникомъ всѣхъ главныхъ учителей этаго толка, говорилъ въ 1719 году на допросѣ, что, по мнѣнію учителей Евстрата Ѳедосѣева и Егора Васильева, равно какъ и по его собственному мнѣнію, „бракъ, въ святой церкви бываемый у православныхъ христіанъ, пороченъ... за перемѣну вѣры и книгъ неправославныхъ" (3). Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія поморцы не только сами учили и требовали отъ всѣхъ жизни безбрачной, но и другихъ безпоповцевъ убѣждали къ подобному же образу жизни. И это

(1) Споры безпоп. Преобр. кладбищ. и Покров. часовни о брак. стр. 43.

(2) Опис. дѣлъ и докум. Св. Синод. 1868 г. т. I, стр. 438.

(3) Раск. дѣла т. I, стр. 94. А послѣ этого мысль, будто преемникъ Ѳеодосія Васильева, — сынъ его Евстратъ, признавалъ, подобно отцу, законность браковъ, вѣнчанныхъ въ православной церкви (Истор. изв. о безпр. продолж. зак. брак. въ старов. л. 9), мы считаемъ несправедливою.

понятно. Хотя милости Петра перваго къ выговцамъ начались еще съ самаго начала XVIII столѣтія, но эти милости были частною мѣрою великаго преобразователя къ небольшому кружку заблуждающихъ и не могли ручаться за спокойствіе и безопасность всего вообще раскола. Съ другой стороны и самыя средства выговской пустыни были въ началѣ прошлаго столѣтія еще не такъ велики, чтобы у обитателей ея могла родиться мысль о перемѣнѣ своей скромной, отшельнической жизни на жизнь болѣе полную, радостную, семейную. Иное дѣло, когда указомъ о платежѣ двойнаго оклада Петръ, такъ сказать, далъ расколу свое царское слово въ томъ, что онъ не намѣренъ преслѣдовать заблуждающихъ огнемъ и мечемъ, и когда выговцы, воспользовавшись новымъ положеніемъ раскола, пріобрѣли себѣ такое богатство, при помощи котораго тѣ изъ нихъ, которые были не особенно склонны къ аскетизму, могли позволять себѣ такую обстановку въ жизни, при которой отсутствіе жены является самымъ важнымъ недостаткомъ... Какъ же отнеслась къ вопросу о бракѣ поморская безпоповщина въ это время? Извѣстія раскольниковъ объ этомъ предметѣ противорѣчатъ другъ другу. По однимъ сказаніямъ, Андрей Денисовъ, бывшій главою безпоповщинскаго раскола, до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1730 г., продолжалъ доказывать необходимость безбрачной жизни для всѣхъ безпоповцевъ (1); по извѣстіямъ другихъ, этотъ проповѣдникъ „жестокаго житія“ къ концу своей жизни сталъ снисходительнѣе смотрѣть на брачное сожитіе раскольниковъ (2). Намъ думается, въ этихъ извѣстіяхъ нѣтъ прямаго противорѣчія; разнорѣчи-

(1) Кн. „О тайнѣ брака“, ч. I, гл. 12: „О обычаяхъ отецъ настоящаго времени“; снес. Опис. раск. соч. ч. I, стр. 268—9.

(2) Истор. извѣщ. о безпр. прод. зак. брака въ старовѣрахъ л. 9 об. и 12; Невскій Сборникъ 1867 г. т. I, стр. 85; Истор. словар. Любопытнаго—въ ст. о Мануилѣ Петровѣ.

выя показанія раскольниковъ объ отношеніи Андрея Денисова къ вопросу о бракѣ показываютъ только, что этотъ человѣкъ всегда и во всемъ дѣйствовалъ двулично, приспособляясь къ обстоятельствамъ, и что въ случаѣ нужды этотъ страстный приверженецъ раскола не прочь былъ сдѣлать своимъ подчиненнымъ, равно какъ и правительству, разнаго рода уступки, лишь бы только первые оставались вѣрными „древнему благочестію“, а послѣднее не преслѣдовало ревнителей старины. Такъ напр. Денисовъ, смотрѣвшій на современную ему власть, какъ на еретическую, и по этому запретившій въ своей общинѣ молиться за нее, когда нужно было торжественно заявить правительству о своихъ отношеніяхъ къ нему, не усомнился написать въ своихъ знаменитыхъ Поморскихъ Отвѣтахъ: „Христосъ Богъ во священномъ Евангеліи научаетъ, глаголя: воздадите убо яже кесарева, кесареви, и яже Божія, Богови. Симъ спасительнымъ его наказаніемъ и мы грубіи научаемся, яже въ богослуженіе и въ богоугожденіе надлежатъ, благочестія таинства, церковная уставохраненія, спасительная дѣла воздавати всевѣрно Богови: тако и отъ Его вседержащія Божія десницы поставленному и славою и честію вѣнчанному, всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшему императору, всемилостивѣйшему нашему государю, должныя чести и покоренія, благодаренія и всевѣрная служенія всеусердно воздавати. Сице мы отъ апостольскаго священнаго наказанія научаемся, глаголющаго: Бога бойтеся, царя чтите... Мы аще о внесенныхъ отъ Никона новопреданіихъ сомнѣваемся, но не сомнѣваемся о богопоставленнѣмъ самодержавствіи богохранимаго и богопомазаннаго самодержца, но его боговѣнчанное и богочтенное, премудрое и всемилостивѣйшее величество, всепресвѣтлѣйшаго императора Петра Великаго, отца отечества, богохранимаго самодержца, всеми-

*

лостивѣйшаго нашего государя, всеговѣйно почитаемъ и всеусердно прославляемъ и всежеланно благодарствуемъ и благодарствовати и почитати никогда не престанемъ, мы его государскаго благочестія не истязуемъ, но Господа Бога за его милосердое величество молимъ, по реченному псалмопѣвца: Господи, спаси царя и услыши ны, въ онь же день аще призовемъ Тя. Мы и прочыя отъ Бога почтенныя всероссійскія градоправителей и военачальниковъ персоны должны не судити, но чествовати и Бога за нихъ молити, яко за почтенныя отъ Бога, яко за радители и правители государства“ (1). Точно также Денисовъ, въ угоду своимъ подчиненнымъ, а можетъ быть и по собственному убѣжденію, писавшій „о бытіи послѣдняго времени и противникѣ Божіемъ антихристѣ: что существующее время по всѣмъ обстоятельствамъ самое послѣднее“ (2), въ тоже время требовалъ отъ своихъ учениковъ самыхъ усердныхъ трудовъ и устроялъ свою общину въ матеріальномъ отношеніи такимъ образомъ, какъ будто выговцы надѣялись прожить цѣлые вѣка. Неудивительно послѣ этого, что хитрый Денисовъ—видимо—противорѣчилъ и въ своемъ ученіи о бракѣ. Когда расколъ подвергался преслѣдованію со стороны власти, когда поморскіе безпоповцы отъ страха гоненій бродили по лѣсамъ, не зная покоя ни днемъ, ни ночью, когда вслѣдствіе этого семейная жизнь могла только препятствовать безопасности ревнителей старины, Денисовъ, подъ вліяніемъ наставленій своихъ учителей и руководителей — соловецкаго выходца Игнатія, инока Корнилія и другихъ, писалъ „похвалы честному и высокому дѣвству“ (3), въ которыхъ доказывалъ, что съ прекращеніемъ въ мірѣ истиннаго священства „уни-

(1) Пом. отв. 52.
(2) Катал. П. Любопытнаго стр. 27, № 10 и стр. 37 № 79.
(3) Тамъ же, стр: 31, № 34.

чтожилась въ Христовой церкви супружеская тайна“ (1) и что по этому всѣмъ, желающимъ угодить Богу, остается проводить строго дѣвственную жизнь. Когда же обстоятельства раскола перемѣнились, когда заблуждающимъ дано было властію право гражданства и они получили чрезъ это возможность жить осѣдло не только въ скитахъ, но и въ селахъ и городахъ,—неудивительно, что въ это время умный Денисовъ пришелъ къ мысли, что при подобныхъ обстоятельствахъ трудно заставить всѣхъ ревнителей древняго благочестія проводить жизнь безсемейную и въ тоже время строго-дѣвственную. Если, какъ зналъ Денисовъ изъ своей настоятельской практики, и въ тяжелыя времена для раскола, чтобы предохранить жителей пустыни отъ разврата, нужны были не только постоянныя „поученія о подвигѣ добродѣтели, о чистотѣ сердца, о всегдашнемъ воздержаніи отъ грѣха“ и проч., но и болѣе энергическія мѣры, то какими же средствами можно было оградить цѣломудріе невольныхъ дѣвственниковъ теперь, когда жизнь ихъ стала спокойная и обезпеченная? Что же, однако, дѣлать? Истиннаго священства, которое могло бы желающихъ благословлять на бракъ, нѣтъ по прежнему; вѣнчаться въ православной церкви, которая Денисову казалась царствомъ тьмы и нечестія, нельзя; допустить въ обществѣ „свободу ложа“ — грѣшно, да и не всякій рѣшится на такой скотскій образъ жизни. Послѣ такихъ соображеній намъ понятною становится несогласная съ кореннымъ ученіемъ безпоповщины, заявившей въ началѣ, что „истинное священство навсегда улетѣло на небо“, попытка поморцевъ и, разумѣется, во главѣ ихъ Андрея Денисова,—отыскать себѣ архіерея,—попытка, въ которой, какъ видно, Денисовъ принималъ самое живое, горячее участіе. Такъ, по словамъ Любопытнаго, онъ не разъ

(1) Тамъ же, стр. 37, №№ 84 и 85.

писалъ „нравственное и ободряющее посланіе путешествующему брату Михаилу Вышатину (избранному на это дѣло) ради церковной и благочестивой пользы о хиротоніи“ (1), писалъ „похвальное и благодарственное посланіе“ и спутникамъ Вышатина, увѣщевая ихъ къ „ревностному отысканію православнаго священства“ (2). Что Денисовъ, или, какъ выражается Любопытный, „старѣйшины поморской церкви“ рѣшились, вопреки своему коренному ученію о конечной погибели въ мірѣ священства, отправить Вышатина на Востокъ для отъисканія архіерея главнымъ образомъ изъ-за вопроса о бракѣ (3), не малымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить извѣстіе Любопытнаго о томъ, что Вышатинъ имѣлъ съ выгорѣцкими старѣйшинами неоднократное разсужденіе о бракѣ, доказывая имъ его необходимость (4). По всей вѣроятности, дѣло было такъ; когда настали для Выговской пустыни спокойныя времена, люди умные и размышляющіе, къ числу которыхъ принадлежалъ и Михаилъ Вышатинъ, такъ какъ онъ, по словамъ Любопытнаго, былъ „мужъ ученый, вѣдущій греческій и латинскій языки“, увидѣли, что надѣяться на продолженіе введеннаго въ общинѣ всеобщаго безбрачія значитъ предаваться неосуществимымъ мечтамъ. Въ скоромъ времени опытъ подтвердилъ справедливость подобныхъ опасеній. По свидѣтельству прот. Іоаннова, „съ начала многіе поморскаго монастыря послушники по ревности своей отходили молиться въ лѣсъ, гдѣ и подѣлали для себя уединенныя келліи, но со временемъ уединеніе сіе такъ имъ наскучило, что они безъ келейницъ больше быть не могли. Послушницы на пер-

(1) Тамъ же, стр. 40, №№ 99 и 100.

(2) Тамъ же, стр. 39 № 92; снес. примѣч. стр. 40.

(3) Іоанновъ смотритъ нѣсколько иначе на дѣло, стр. 195.

(4) Истор. слов. Любоп.; снес. Истор. изв. о безпр. прод. зак. брака въ старов. л. 7 и 10.

вый разъ приносили подвижникамъ симъ одно только нужное, а потомъ начали приносить имъ и отъ чрева своего пустынные плоды“ (1). Видя такое безобразіе и понимая, что положить конецъ ему можно только допущеніемъ брака, Вышатинъ и подобные ему „нравоучители ближнихъ“ обратились къ настоятелю Выговской пустыни Андрею Денисову съ заявленіемъ ему и своихъ опасеній и указанныхъ безпорядковъ. Вопросъ былъ такъ важенъ, что для обсужденія его потребовались „соборы выгорѣцкихъ старѣйшинъ“. Нетрудно себѣ представить, что происходило на этихъ „соборахъ“. Защитники всеобщаго безбрачія ссылались въ свое оправданіе на отсутствіе православнаго священства, на послѣднія времена міра, на голосъ „древнихъ отцевъ“, т. е. первыхъ безпоповщинскихъ расколоучителей и проч. Вышатинъ и подобные ему указывали на появившійся въ средѣ невольныхъ дѣвственниковъ развратъ и говорили, что при такомъ образѣ жизни ни къ чему не послужитъ и содержаніе „древняго благочестія“, такъ какъ блудники и прелюбодѣи царствія Божія не наслѣдятъ. Какими же средствами положить предѣлъ разврату, не измѣняя въ тоже время „древнему благочестію“, спрашивали Вышатина „выгорѣцкіе старѣйшины“? Вѣдь бракъ, который одинъ могъ бы прекратить зло, можетъ быть заключенъ только съ благословенія православнаго священника, а такого священника нѣтъ между нами, да и есть-ли гдѣ, неизвѣстно. Нѣтъ православнаго священства, отвѣчалъ Вышатинъ подъ вліяніемъ ходившихъ въ расколѣ слуховъ, у насъ — въ Россіи, но есть такое священство далеко—на Востокѣ (2). Гдѣ же на Востокѣ, спрашивали Вышатина неотвязчивые ревнители дѣвства, въ какой землѣ, въ какомъ царствѣ? Хотя хо-

(1) Полн. истор. извѣст. о раск. стр. 139.
(2) Истор. очерк. поповщ. стр. 38—39.

дившіе въ расколѣ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія слухи указывали на Антіохію, какъ такую страну, гдѣ сохранялись неизмѣнно святая вѣра и древнее благочестіе, однако Вышатинъ по чему-то предполагалъ существованіе „Христовой хиротоніи“ не въ Антіохіи, а въ Палестинѣ, и на эту страну указалъ поморцамъ, какъ на вмѣстилище православнаго священства. Само собой понятно, что въ виду такого указанія защитникамъ всеобщаго дѣвства не оставалось ничего болѣе, какъ только просить Вышатина „ради церковной и благочестивой пользы“ отправиться въ Палестину и тамъ искать „Христовой хиротоніи“, съ пріобрѣтеніемъ которой спорный вопросъ о бракѣ рѣшался бы самъ собою. А до этого времени рѣшено было оставить дѣло въ томъ видѣ, какъ оно существовало прежде, т. е. всѣхъ, переходившихъ въ поморскую общину, обязывали—нѣ женатыхъ къ всегдашнему дѣвству, а женатыхъ—разводили на „чистое житіе“.

Судя по тому, что Вышатинъ рѣшился отправиться въ далекое и трудное странствованіе уже въ преклонныхъ лѣтахъ, можно думать, что онъ искренно вѣрилъ въ существованіе въ Палестинѣ „православнаго священства“; а изъ того, что Андрей Денисовъ писалъ Вышатину и его спутникамъ письма, въ которыхъ ободрялъ ихъ въ трудномъ дѣлѣ указаніемъ на пользу, какая могла быть для раскола отъ удачнаго исполненія взятаго ими на себя порученія, видно, что и старѣйшины „поморской церкви“ раздѣляли надежду Вышатина на отысканіе въ Палестинѣ „Христовой хиротоніи“. Неизвѣстно опредѣленно, въ которомъ году происходили въ Выговскомъ скиту „соборныя“ разсужденія о бракѣ и когда именно Вышатинъ отправился на Востокъ. Но несомнѣнно, что въ 1728 году вопросъ о бракѣ уже занималъ поморцевъ. Въ этомъ году случилось быть въ „поморскихъ стра-

нахъ“ другому защитнику брачной жизни, писателю извѣстной книги: „О тайнѣ брака“, который, въ числѣ вопросовъ, поданныхъ имъ „самому Андрею Денисьевичу съ прошеніемъ, да благословитъ соборнымъ судомъ на оныя рѣшенія подати“, предлагалъ и вопросъ о бракѣ. Какъ бы впрочемъ ни было, только надеждѣ поморцевъ на отысканіе въ Палестинѣ православнаго священства не суждено было исполниться. Вышатинъ, послѣ „долговременнаго“ странствованія по Палестинѣ, въ 1732 году скончался и его спутники возвратились въ отечество ни съ чѣмъ. Еще прежде, именно въ 1730 г., скончался и Андрей Денисовъ, принимавшій такое горячее участіе въ отысканіи „Христовой хиротоніи“. Слѣдствіемъ всего этого было то, что и вопросъ о бракѣ, изъ-за котораго по преимуществу и рѣшились поморцы на отысканіе православнаго священства и который находилъ себѣ въ Вышатинѣ жаркаго защитника, остался не рѣшеннымъ.

Въ то время, какъ шестидесятилѣтній поморецъ Вышатинъ „торжественно поражалъ возникавшее тамъ пагубное бракоборство, изумлялъ своими глаголы соборъ выгорѣцкихъ старѣйшинъ и врачевалъ защитниковъ бракоборства“ (1), явился въ „поморскихъ странахъ“ другой защитникъ брачной жизни, болѣе счастливый въ своемъ желаніи ввести въ среду безпоповщинскаго раскола семейную жизнь. Это былъ молодой человѣкъ, небольшаго роста, красивой наружности и „рѣшительнаго духа“, по выраженію Любопытнаго, по имени Иванъ Алексѣевъ. Родившись въ Великороссіи въ 1709 г., Иванъ Алексѣевъ еще въ молодыхъ лѣтахъ оставилъ отечество и семью свою и удалился въ Малороссію, вѣроятно, въ надеждѣ найти здѣсь больше свободы своимъ раскольническимъ наклонностямъ. Выше мы сказали, что Петръ Великій, послѣ

(1) Историч. словар. Любопытнаго.

побѣды надъ Карломъ XII, велѣлъ переписать всѣхъ стародубскихъ раскольниковъ и, утвердивъ ихъ за собою, даровалъ имъ разнаго рода льготы. Вѣроятно, свободная жизнь этихъ раскольниковъ въ стародубскихъ слободахъ была причиной того, что Иванъ Алексѣевъ рѣшился пріютиться въ Стародубьѣ и даже записался въ число стародубскихъ государственныхъ крестьянъ. Привольно было жить Алексѣеву въ слободахъ, гдѣ никто не смѣлъ безпокоить ревнителей древняго благочестія,—но не такова была натура у этого человѣка, чтобы онъ могъ довольствоваться скромною ролью слобожанина. Выучившись грамотѣ, „крюковому сладимому пѣнію“, „чистописанію уставомъ“ и „изографству святыхъ иконъ“, Алексѣевъ вскорѣ сдѣлался человѣкомъ замѣтнымъ въ расколѣ. А его страстная преданность расколу или, какъ самъ онъ выражался, „рачительство о правости догматъ церковныхъ“, изъ-за котораго онъ „родъ и отечество оставилъ и тѣхъ ради претерпѣвалъ многіе недостатки и отщетился земнаго утѣшенія, единъ лишенъ пребывая, не имѣя обстоянія сродства земнаго, всегда желая въ дому закона церковнаго неисходно до кончины пребывати, не измѣняючи то ни на славу мірскую, ни на прибытки текущія“,— подавали единомышленникамъ Алексѣева надежду, что этотъ безродный скиталецъ, при своемъ умѣ и книжномъ наученіи, можетъ много сдѣлать въ пользу „древняго благочестія“. Раскольники не обманулись въ своихъ надеждахъ на Алексѣева. Живя въ Стародубьѣ — главномъ гнѣздѣ раскольниковъ поповщинской секты—и входя съ ними въ частыя сношенія, Иванъ Алексѣевъ, принадлежавшій самъ къ безпоповщинѣ, и именно къ ѳедосѣевскому толку (1), до того изучилъ слабыя стороны своихъ

(1) Любопытный называетъ Алексѣева членомъ поморской церкви (Катал. стр. 89); но это несправедливо; по свидѣтельству современныхъ писателей

противниковъ, что сдѣлался впослѣдствіи самымъ непобѣдимымъ обличителемъ ихъ „невѣжества и суевѣрія“ и особенно „ихъ явнаго заблужденія въ пріемѣ пресвитерства отъ Никоновой церкви, вѣруя быть оному правильному и святому и Духа Божія въ ихъ дѣйствіи бытіе имущему“. На эту тему, т. е. въ опроверженіе „всѣхъ глупыхъ и суевѣрныхъ доводовъ поповщинскихъ о ихъ бѣгствующемъ беззаконномъ іерействѣ“, Алексѣевъ написалъ столько самыхъ дѣльныхъ сочиненій, что безпоповцы справедливо могли считать этотъ вопросъ поконченнымъ (1). Писалъ Алексѣевъ и противъ православія (2). Радовались ѳедосѣевцы, пріобрѣтя въ Алексѣевѣ такого горячаго защитника своихъ интересовъ, съ умиленіемъ читали его сочиненія противъ поповцевъ и противъ православія и, разумѣется, не допускали и мысли, чтобы этотъ „славный творецъ разныхъ сочиненій въ защиту Христовой церкви (т. е. безпоповщинскаго ѳедосѣевскаго толка) и въ обличеніе враговъ ея, торжественно поражавшій никоніанизмъ и заблужденіе старообрядцевъ“ (т. е. поповщины), рѣшился когда либо взять въ руки перо для пораженія „ѳедосіанскихъ заблужденій и ихъ гнуснаго бракоборства“ (3), т. е. возсталъ противъ собственнаго своего общества. А между тѣмъ случилось именно такъ. Внимательно изучая слабыя стороны своихъ противниковъ, Алексѣевъ не закрывалъ глазъ и при встрѣчѣ съ недостатками общества, къ которому принадлежалъ самъ; а на бѣду ѳедосѣевцевъ, въ этомъ обществѣ было „тьмы и суевѣрія, невѣжества и глупости“ не меньше, чѣмъ въ поповщинѣ и другихъ толкахъ. Самое главное зло, какое встрѣтилъ Алексѣевъ въ

раскола („Истина“—соч., издан. въ Яссахъ въ 1864 г., стр. 78 и 79), Алексѣевъ принадлежалъ къ толку ѳедосѣевцевъ.

(1) Катал. Любопытнаго стр. 91—92 №№ 315—324.

(2) Тамъ же, № 312.

(3) Историч. словар. Любопытнаго.

обществѣ ѳедосѣевцевъ и съ которымъ никакъ не могла помириться его душа, состояло въ крайнемъ развратѣ, которому предавались ѳедосѣевцы — всѣ отъ мала до велика, отъ молодыхъ людей до преклонныхъ старцевъ, занимавшихъ роль наставниковъ, и который былъ прямымъ слѣдствіемъ ученія безпоповцевъ о всеобщемъ дѣвствѣ.

Мы видѣли выше, что ѳедосѣевцы сначала снисходительно смотрѣли на бракъ и даже принимали безъ развода „на чистое житіе“ вѣнчавшихся въ православной церкви. По смерти Ѳеодосія, ученики его, подъ вліяніемъ убѣжденій поморцевъ, установившихъ въ своей общинѣ всеобщее безбрачіе, измѣнили ученіе своего наставника и, подобно поморцамъ, стали требовать отъ всѣхъ послѣдователей своего толка строгаго дѣвства. На такихъ началахъ и была устроена ѳедосѣевцами община на Ряпиной мызѣ, въ уѣздѣ Юрья Ливонскаго. Но тогда какъ поморцы, убѣдившіе ѳедосѣевцевъ въ необходимости безбрачной жизни, подъ строгимъ надзоромъ своихъ умныхъ настоятелей и при монастырскомъ устройствѣ своей общины, вели жизнь, по возможности, цѣломудренную, ѳедосѣевцы никакъ не могли высокаго ученія своего о дѣвствѣ приложить къ жизни. На той же Ряпиной мызѣ дѣло дошло до того, что „поселившіеся ту, скажемъ словами поморца (1), начаша жити житіемъ многозазорнымъ, пьянственные и всякихъ безчинствъ умножилися сонмы и всякая возрасте нечистота“. Поручикъ Зиновьевъ, посланный въ 1721 году „для сыска и переписи раскольниковъ“, жившихъ въ ямбургскомъ, копорскомъ, дерптскомъ и др. уѣздахъ, нашелъ, что почти всѣ ѳедосѣевцы, находившіеся здѣсь, „жили съ работницами, или женами невѣнчанными, а изъ дѣтей одна половина была крещена, а другая оставлена

(1) Повѣсть о зачалѣ раздора выговц. съ ѳедосѣевцами.

безъ крещенія“ (1); тѣ же изъ ѳедосѣевцевъ, которымъ совѣсть не позволяла развратничать, обращались къ православнымъ священникамъ, съ благословенія ихъ вступали въ браки и затѣмъ обращались въ православіе. Такъ поступилъ, между прочимъ, самъ настоятель Ряпиной мызы, по имени Константинъ Ѳедоровъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи ямбургскимъ протоіереемъ и своими дѣйствіями въ пользу православія доведшій ѳедосѣевцевъ до необходимости бросить Ряпину мызу и снова переселиться въ Польшу (2). Подобное, печальное для раскола, обстоятельство, казалось бы, должно было внушить ѳедосѣевцамъ мысль, что высокое само по себѣ ученіе ихъ о всеобщемъ дѣвствѣ рѣшительно не осуществимо въ жизни и ведетъ только къ крайней деморализаціи общества. Къ сожалѣнію, ѳедосѣевцы, не имѣвшіе, до основанія извѣстнаго Преображенскаго кладбища, школъ, въ которыхъ бы могли получать хотя небольшое образованіе, въ большинствѣ своихъ

---

(1) Опис. док. и дѣл. св. Сѵнод. стр. 661—2.

(2) Вотъ какъ говоритъ писатель повѣсти „О зачалѣ раздора выговцевъ съ ѳедосѣевцами“ о дѣйствіяхъ Константина Ѳедорова: „во оной Ряпиной мызѣ на конечное попусти Богъ умиленное паденіе, ибо во оной настоятель Константинъ Ѳедоровъ, сплетшійся любострастными юзами, всякому безчинію рачитель явися. Таже совокупляется страстный таковой же страстницѣ любодѣйнѣ, бывшей прежде у него духовной дщери, съ нею же вѣнчася новолюбными іереями, и потомъ, совершенный, о жалости!—отступникъ показуется, всѣми новостей связуется веригами и бываетъ лютый на христіаны и презельный гонитель. Пришедъ въ С.-Петербургъ и подробно синодскимъ членамъ старовѣрцевъ дѣла подноситъ. Они же его протопопомъ въ Ямбургъ опредѣляютъ и даютъ ему всеполную власть надъ старовѣрскими дѣлами, гдѣ бы они въ тѣхъ мѣстамъ ни находились. Онъ же, пріемъ сію власть, весь во антихристову личину облечеся и помазаннымъ мечемъ новолюбства на старовѣрство вооружается. И толико стѣсни оныхъ жительство въ Копорщинѣ и во оной Ряпиной обители, яко и слѣда обрѣстися во оныхъ мѣстахъ старовѣрства невозможе. И многихъ подклони подъ иго новолюбныхъ законовъ. Паче же оныхъ ряпинскихъ жителей всѣхъ развѣя, яко и останку оныхъ на томъ мѣстѣ не обрѣстися. Послѣди же часовня ихъ въ чухонскую превратися въ кирку“; снес. Собр. зак. т. V, № 3161; Опис. док. и дѣл. св. Сѵнода стр. 434—8.

членовъ отличались крайнимъ невѣжествомъ отъ прочихъ безпоповцевъ, и особенно—поморцевъ, которые еще при жизни Андрея Денисова завели у себя школы, доставлявшія, по словамъ историка Выговской пустыни, „наслажденіе отъ книжнаго поученія“ не только обитателямъ скитовъ Выговскаго и Лексинскаго, но и окрестнымъ жителямъ ([1]). Вотъ какъ характеризуетъ послѣдователей Ѳеодосія Иванъ Алексѣевъ: „возгнушася душа моя людьми сими, кои въ законѣ хвалятся и о томъ ины гонятъ, а сами слѣпи суще и силы законныя не разумѣютъ и въ невѣжествѣ своемъ вопіютъ: „удаляйся, удаляйся, что крѣпче, то лучше“, и на сіе доводы слабыя и церкви святѣй неприличныя показуютъ и неразумно вопіютъ: „писано есть, писано есть“; а что писано, и сами силы совершеннаго разума не знаютъ“ ([2]). По словамъ Алексѣева, сами наставники ѳедосѣевскіе его времени были крайніе невѣжды и знали только часословъ и псалтырь. „Посмотримъ нынѣ нѣкихъ учителей, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, иже токмо вѣдятъ изученіе часовника и псалтыри, и то нужно, по безумію же своему собраша изъ писанія нѣкія тетрадки, и въ нихъ ни разума истиннаго взыскавъ никто, ниже безстрастныхъ учителей испыта, яко нѣкій нетопырь темный, зрящихъ истинно досаждаетъ и, яко вранъ, крачетъ и невѣжда сый о себѣ слѣпымъ наставникъ и вождь является“. Недостатокъ знакомства съ книжнымъ ученіемъ ѳедосѣевцы думали замѣнить тупымъ, рабскимъ подражаніемъ примѣру своихъ „стариковъ“ и слово ихъ считали чуть не выше ученія евангельскаго. „О несмысленная и косная сердца ваша къ послушанію разума истины, писалъ Иванъ Алексѣевъ по этому поводу, не каменная ли та ваша

([1]) Истор. Выгов. пустын. стр. 123.

([2]) „О тайнѣ брака“, введеніе: „О святой церкви Христовѣ, яко знати ю подобаетъ отъ основанія ея“.

сердца и разума истиннаго непріемлющія главы; старики что творили ваши, то твердый вамъ законъ, отъ него же и сказать нечего: а что древніи старики, самовидцы и слуги Божію Слову, святіи апостолы и намѣстники ихъ архипастыри церковніи, Духа Святаго испольшеся, говорили, то вамъ ни за что... Не вѣсте ли, яко не всякое всякаго старика слово согласно съ Божіею волею: ибо древле во іудеехъ старческая преданія опасно хранима бяху: но Христосъ на сія рече имъ: за преданіе старцевъ вашихъ разористе заповѣдь Божію“ (1). Само собой понятно, что при такой косности ума ѳедосѣевцевъ и при такомъ упорномъ консерватизмѣ ихъ, и по переселеніи съ Ряпиной мызы въ Польшу, они остались неизмѣнными въ своемъ ученіи о всеобщемъ дѣвствѣ. А послѣдствіемъ этого было то, что развратъ, появившійся между ѳедосѣевцами на Ряпиной мызѣ и бывшій причиной „оскудѣнія“ этаго притона, не только не ослабѣлъ въ польской ѳедосѣевской общинѣ, но, благодаря сравнительно большей безопасности здѣсь ѳедосѣевцевъ, развился еще больше и дошелъ до самыхъ безобразныхъ предѣловъ. Не только „юноши и дѣвы“, лишенные возможности вступать въ бракъ, а между тѣмъ „страстію порѣваеми похоти“, собирались „въ темныя ночи или по гумнамъ, или по лѣсамъ, или по сводническимъ домамъ, по посидѣлкамъ нечистымъ“, и здѣсь, сами „досмотрѣвши юноши дѣвъ, а дѣвы юношей“, предавались разврату, причемъ нерѣдко вступали въ любовныя связи лица самаго близкаго родства между собою,— но даже сами руководители ѳедосѣевскаго безбрачнаго общества—наставники держали у себя женщинъ подъ видомъ „стряпухъ“ и жили съ этими „рабами Христовыми“ блудно. „Елицы отъ грамотныхъ, или отъ наставниковъ, или и отъ простыхъ, аки доброе указаніе о себѣ имущихъ,

(1) Слово облич. на соб. новоявл. раздорниковъ.

стряпухи и покойщицы имутъ; тіи—рабы Христовы и стряпухи ихъ—рабыни Христовы, замѣчаетъ съ ироніей Алексѣевъ, чего ради мнози и бѣлая носятъ и одежды простыя и шапки старинныя, во знакъ рабовъ Божіихъ и святыни своея“ (1). И пусть бы такая скотская жизнь имѣла мѣсто только въ какой либо польской трущобѣ, среди лицъ, потерявшихъ съ любовію къ отечеству и чувство совѣсти и стыда. Нѣтъ; по свойственному людямъ невѣжественнымъ фанатизму и прозелитизму, наставники ѳедосѣевскіе, какъ саранча, разлетались по всѣмъ мѣстамъ Россіи, проникали въ села и города, въ домы честныхъ людей, и своимъ обязательнымъ требованіемъ дѣвства всюду поселяли развратъ. „Горе вамъ книжницы и фарисеи—лицемѣры, рече Христосъ, писалъ Алексѣевъ, яко преходите море и сушу сотворити единаго пришельца: а егда будетъ вамъ, творите его сына геены сугубѣйша васъ. И таково есть дѣло Ѳедосѣева согласія: обходятъ бо грады и веси и домы честныхъ и лицемѣрною своей святынею на воздержное и дѣвственное житіе люди увѣщеваютъ. А егда будетъ имъ общь, блуда и сквернодѣянія исполняютъ, чего все согласіе ихъ доверха оплываетъ“ (2). Путешествуя по разнымъ мѣстамъ Россіи и даже за границей (въ тогдашней напр. Польшѣ и др. мѣстахъ), Иванъ Алексѣевъ видѣлъ все это безобразіе жизни своихъ братій по вѣрѣ и, какъ человѣкъ честный, не могъ не возмутиться имъ. Еще и прежде, будучи ребенкомъ, Алексѣевъ смутно чувствовалъ что-то мрачное въ средѣ своихъ единовѣрцевъ. Играя съ дѣтьми своего возраста, онъ, самъ лишенный семьи и родныхъ, нерѣдко любопытствовалъ узнать о семьѣ и родныхъ своихъ маленькихъ товарищей,— и, къ удивленію, всегда слышалъ одинъ отвѣтъ, что

(1) Книга „О тайнѣ брака“.

(2) Слово облич. на соб. новоявл. раздорниковъ.

игравшія съ нимъ дѣти были сироты, которыя не знали ни отца, ни матери. Тогда будущій защитникъ семейнаго начала не понималъ грустнаго значенія слышаннаго имъ отвѣта; въ ребяческой наивности онъ думалъ, что, вѣроятно, сиротство—общая участь дѣтей. Теперь, когда Алексѣевъ съ лѣтами достигъ большей способности понимать людей и въ тоже время узналъ въ подробности закулисную жизнь своихъ единовѣрцевъ,—теперь онъ нашелъ ключь къ разгадкѣ общаго сиротства ѳедосѣевскихъ дѣтей. Оказалось, что эти дѣти были плоды ѳедосѣевскаго дѣвства, только непризнанные своими родителями и потому жившіе въ обществѣ подъ именемъ сиротъ. Проповѣдники безбрачія, предаваясь разврату, считали необходимымъ въ тоже время являться въ глазахъ своего общества строгими дѣвственниками. А потому они или умерщвляли незаконные плоды своего разврата (1), или по крайней мѣрѣ считали долгомъ не признавать ихъ своими дѣтьми. Отецъ, или мать, назвавшіе своего ребенка — *своимъ*, подвергались разнаго рода эпитиміямъ и даже отлученію отъ общества, въ которомъ, по его ученію о всеобщемъ дѣвствѣ, не могло быть ни родителей, ни дѣтей. И вотъ такимъ образомъ являлось въ ѳедосѣевскомъ обществѣ молодое поколѣніе—какъ будто изъ земли. Не видѣли эти дѣти ни заботъ отца, ни ласки матери,—и жили они между своими, какъ чужіе. Крайне безнравственнымъ и возмутительнымъ показался честному Алексѣеву такой порядокъ вещей въ ѳедосѣевскомъ обществѣ, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, положить конецъ безпоповщинскому безбрачію, которое вело къ такимъ гибельнымъ слѣдствіямъ. Нельзя не сознаться, что Алексѣевъ задался трудною задачею; но у него достало твердости духа преслѣдовать ее съ непоколе-

(1) Умерщвленіе незаконно прижитыхъ дѣтей и особенно подкидываніе ихъ по деревнямъ началось въ расколѣ очень рано. Опис. докум. и дѣл. св. Сунод. стр. 179 и 185.

бимою настойчивостію до конца своей жизни, и, къ общей радости честныхъ родителей и невинныхъ дѣтей, онъ достигъ своей цѣли. Много пришлось потерпѣть Алексѣеву за свое намѣреніе ввести въ безпоповщину семейное начало: но „великая туга сердца и печаль“, какія испытывалъ онъ при видѣ ѳедосѣевскаго разврата со всѣми его послѣдствіями, и „польза народная“, которую имѣлъ Алексѣевъ въ виду, преслѣдуя свою цѣль, дали ему силы великодушно перенести всѣ невзгоды.

Сначала Алексѣевъ рѣшился узнать, откуда ведетъ свое начало безпоповщинское безбрачіе. Это—для того, чтобы, если можно, поразить зло въ корнѣ. И вотъ къ какимъ результатамъ пришелъ онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о „началѣ безженства“ въ расколѣ: „егда привведенія ради новинъ многи народи въ разныя страны и мѣста разбѣгошася, хотяще древняя сохранить, и въ сихъ разная вожделѣнія пріяся: овіи требующе іерейство ради мірскаго жительства, а друзіи, вящшее ѳпасеніе отъ новшества имуще, возжелаху безбрачно житіе водити, а брачніи своихъ женъ, какъ сестръ, имѣти. Не имущіи поповъ исперва совѣтомъ и желательно изволиша вси обще безбрачно быти, а брачніи кромѣ смѣшенія со женами жити, кое пожеланіе ихъ тогда по ревности свѣжей сносно бяше. И единъ предъ другимъ желающе паче въ лѣсахъ и пустыняхъ умерщвленно жить. На нихъ же и сопряженніи, смотряще, тщахуся тожде творити: и въ томъ овіи состарѣшася, овіи и помроша, не требующе женскаго совокупленія, и сіе обыкновеніе, на долзѣ проходя, крѣпость воспрія; браки начаша отвергати, а сопряженніи дѣтородіе. И аще кто немощи естественныя не возмогъ понести, живучи со женою дѣтородіе сотворитъ, начаша тѣхъ отъ яденія и питія и молитвъ отлучати“ (1). Такимъ обра-

(1) „О тайнѣ брака“ предисловіе.

зомъ неимѣніе священства и строгій аскетизмъ первоначальныхъ безпоповцевъ, жившихъ, въ слѣдствіе внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ лѣсахъ и пустыняхъ,—вотъ, по мнѣнію Алексѣева, причины появленія въ безпоповщинѣ всеобщаго безбрачія. Не трудно было Алексѣеву понять и доказать своимъ единовѣрцамъ, что многое изъ того, что́ было причиной введенія въ первоначальной безпоповщинѣ всеобщаго дѣвства и служило охраной безпоповщинскаго цѣломудрія, теперь измѣнилось. Расколъ находился теперь въ болѣе благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, чѣмъ прежде. Ревнители дѣвства, жившіе прежде въ лѣсахъ и пустыняхъ, теперь селились въ селахъ и городахъ,—среди міра и его соблазновъ. Вмѣсто прежней „свѣжей ревности“ къ цѣломудрію теперь повсюду замѣчалось ослабленіе аскетизма и наклонность къ распущенности въ жизни. „Отцы наши, писалъ Алексѣевъ, жили далече отъ міра, проходяще пустынное житіе и скитское: сего ради нетокмо сіи, но и самая поповщина, тамо жившая, брачныхъ не требовала, не въ гнушеніе вещи, но да не смутятъ мѣсто и пустыню да не сотворятъ міръ. Мы же живемъ посредѣ міра, суще и ходяще во всѣхъ соблазнахъ мірскихъ пребываемъ, на всякъ день зримъ толикая, елико душу смяти и потрясти сердца довлѣюще, чего тіи въ пустыняхъ весьма удаленни были... Тѣмъ и не во образецъ оныхъ намъ пребываніе“ (1). Не ограничиваясь этою общею мыслію, Алексѣевъ указывалъ и частные случаи къ соблазну въ жизни своихъ братій по вѣрѣ. „Отверзите очи ваши, писалъ онъ, и видите, како вы сами многажды дѣтемъ своимъ подгнѣтою бываете, дающе имъ власть въ пищахъ, во украшеніи тѣлесномъ, во обхожденіи разныхъ домовъ, въ гуляніи излишнемъ, яже вся сія великимъ поджогомъ огня похотнаго

(1) „О тайнѣ брака“ ч. I, гл. 13.

бываютъ". „Нынѣ, писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ, мужіе и жены, юноши и дѣвы вкупѣ собираются въ домы и, едини со другими гуляюще и играюще, и едини на другихъ огнемъ любви распалени и совѣстію естественно связуеми, и къ другъ другу влекоми несытнымъ вожделѣніемъ, и другъ предъ другомъ себѣ украшающе, и на се послѣднее истощающе, да въ свѣтлая облекутся, единыя ради блудныя совѣсти. Что же рѣщи о дѣвахъ? во отчаяніи браковъ суще, ради прочихъ лбы златомъ украшаютъ, власы умащаютъ, ризами свѣтлыми уцвѣчаютъ и весь поставъ тѣла во угодіе блудно прехищряютъ, имъ же бы лучше мужа законно пріяти". Но если Алексѣеву не трудно было доказать, что многое въ жизни безбрачныхъ безпоповцевъ измѣнилось въ пользу брачной жизни, то съ другой стороны нельзя было ему, какъ безпоповцу, не сознаться и въ томъ, что главное, что́ заставило безпоповцевъ установить въ своемъ обществѣ всеобщее дѣвство, оставалось безъ перемѣны; безпоповцы по прежнему не имѣли „православнаго священства", которое одно могло бы благословлять на бракъ ревнителей древняго благочестія. Какъ было устранить это препятствіе къ введенію въ безпоповщинѣ семейнаго начала?

Мы видѣли, что Михаилъ Выгатинъ, для устраненія указаннаго затрудненія, рѣшился отправиться въ Палестину для отысканія тамъ „Христовой хиротоніи". Иванъ Алексѣевъ избралъ для этого другой путь. Узнавъ отъ своихъ единовѣрцевъ, что Ѳеодосій Васильевъ, основатель ѳедосѣевщины, къ которой принадлежалъ Алексѣевъ, принималъ въ свое общество лицъ, вѣнчанныхъ въ православной (а по мнѣнію раскольниковъ, еретической, внѣшней) церкви безъ развода ихъ „на чистое житіе" и такимъ образомъ, очевидно, признавалъ подобные браки законными, Иванъ Алексѣевъ обратилъ вниманіе на это обстоя-

тельство и, не смотря на то, что обычай Ѳеодосія былъ признанъ поморцами неправильнымъ и оставленъ самими ѳедосѣевцами, рѣшился изслѣдовать, законно ли поступалъ въ этомъ случаѣ глава ѳедосѣевщины. Много времени употребилъ Алексѣевъ для рѣшенія указаннаго вопроса, много перечиталъ онъ „правилъ и исторій“; но за то результатъ подобныхъ трудовъ былъ самый утѣшительный для человѣка, рѣшившагося уничтожить ѳедосѣевскій развратъ и ввести въ безпоповщинѣ бракъ. На основаніи своихъ изслѣдованій, Алексѣевъ убѣдился не только въ томъ, что Ѳеодосій Васильевъ поступалъ законно, признавая правильными, вѣнчанные въ православной церкви, браки лицъ, переходившихъ послѣ въ расколъ, и что ѳедосѣевцы грѣшатъ противъ истины, расторгая подобные браки, но и въ томъ, что сами раскольники могутъ вѣнчаться въ церкви православной и что браки ихъ въ этомъ случаѣ будутъ законными. Вотъ что говоритъ Алексѣевъ по этому поводу: „видѣвъ азъ нестроеніе церковное во многихъ, помощію Божіею воспріяхъ трудъ изслѣдовати оное древлеположеніе безженства, на коемъ основаніи дѣло сіе положеніе имать, и аще коими святыми подтвердися и восточною святою церковію объяснися; и се многими времены созирая и великими труды и нищетою тѣлесныхъ потребъ многія правилы и многія исторіи, аще было такое гдѣ отъ святыхъ повелѣніе, или такіе случаи въ восточной церкви, дабы по какой либо нуждѣ внѣвѣнчанныя въ бракъ расторгати и за отпадшія вмѣняти и яденія и питія и молитвъ сихъ отлучати; и ни во единомъ мѣстѣ тако писано обрѣтохомъ, кромѣ сего, что таковыя браки церковію святою пріяты и неразведше со всѣми правовѣрными вочтени, а кои отвергаху сіи и наложницъ держаху, къ еретикамъ пріобщени“ (1). За-

(1) „О тайнѣ брака“ предисловіе.

пасшись такими свѣдѣніями, Алексѣевъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ уже въ силахъ начать свою проповѣдь о томъ, что „человѣку брачное сожитіе есть необходимо, что предки ихъ, кои учили противному, въ томъ ошибались, и что дѣвственная жизнь на произволеніе наше оставлена, и то только для тѣхъ, кои оную вмѣстить могутъ и изволяютъ“ (1). На вопросъ безпоповцевъ: какъ же заключать бракъ, когда нѣтъ православнаго священства, отвѣтъ у Алексѣева уже былъ готовъ.

Впрочемъ прежде, чѣмъ начать свою проповѣдь о необходимости брачной жизни, Алексѣевъ рѣшился узнать мнѣніе объ этомъ предметѣ другихъ лицъ, и именно тѣхъ, которыя въ то время играли самую видную роль въ безпоповщинскомъ расколѣ и слыли за искусныхъ знатоковъ „божественныхъ писаній“. Съ этою цѣлію, въ 1728 г., на 19-мъ году своей жизни, отправляется Алексѣевъ въ Поморье, главный тогдашній притонъ безпоповщины, и здѣсь, въ числѣ 24 вопросовъ „о разныхъ церковныхъ дѣлахъ“, предлагаетъ извѣстному Андрею Денисову и вопросъ „о новыхъ бракахъ, кои по познаніи (т. е. раскольническаго ученія) тако сопрягошася (2), какъ съ ними поступати“? Андрей Денисовъ отвѣчалъ: „таковыхъ у насъ обще подъ цѣломудренное житіе и соединеніе братства церковнаго пріимать положено“. Сознавая свои молодые годы, Алексѣевъ не могъ спорить съ Денисовымъ, подобно Вышатину, который на такой же отвѣтъ Денисова замѣтилъ ему рѣзко: „я-де вамъ не товарищъ буду на судѣ Божіи въ томъ, яко браки затвористе“, и настоялъ, чтобы отправлено было въ Палестину посольство для отысканія тамъ „православнаго священства“. Слыша не по

(1) Іоаннов. стр. 153.

(2) Значитъ, Алексѣевъ спрашивалъ о бракахъ не лицъ православныхъ, переходившихъ послѣ въ расколъ, а о бракахъ самихъ раскольниковъ.

сердцу и не по убѣжденію отвѣтъ Денисова, Алексѣевъ только подумалъ, что настоятель Выговскаго скита хитритъ и говоритъ такъ не по убѣжденію, а „по немощи развращеннаго народа“, — „чтобы обществу было не подъ раздоръ“. Не ограничиваясь Поморьемъ, Алексѣевъ, для разъясненія и подтвержденія своихъ мыслей о необходимости брачной жизни, рѣшился посѣтить Москву, „подольскую страну окрестъ Бара“, „Польшу-Куты (1) при Венгерской земли“ и другія раскольническія убѣжища въ Россіи и за границей. Здѣсь Алексѣевъ нашелъ больше сочувствія своимъ мыслямъ. Такъ, въ Москвѣ въ пользу „новыхъ браковъ“ были расколоучители „Антонъ Ивановичъ и Семенъ Артемьевичъ“; въ Польшѣ—„въ Кутахъ при Венгерской земли“ Алексѣевъ встрѣтилъ учениковъ Михаила Вышатина, которые „ему персонально о семъ Михаилѣ сказаша подробно, какъ о брачныхъ милосердіе имѣлъ“; тоже извѣстіе подтвердили и раскольники „Волоцкой земли“; наконецъ даже Леонтій Ѳедосіевичъ, человѣкъ, по выраженію Алексѣева, „отъ боку Андрея Денисьевича бывшій“, т. е. самый близкій Денисову, въ бытность свою въ Малороссіи, во время пребыванія тамъ Ивана Алексѣева, также говорилъ и дѣйствовалъ въ пользу „новыхъ браковъ“ (2). Однимъ словомъ: путешествуя по разнымъ мѣстамъ, Алексѣевъ убѣдился, что многими изъ безпоповцевъ уже сознавалась крайность въ ученіи о всеобщемъ безбрачіи и что слѣдовательно его проповѣдь о необходимости и за-

(1) Куты или Кутъ на галицкомъ берегу рѣки Черемоша, текущаго въ Прутъ и составляющаго границу Галиціи съ Буковиной, а въ XVIII ст.— границу королевства Польскаго съ Молдавіей. Противъ Кута, на буковинской сторонѣ Черемоша, городъ Вишница; это неподалеку отъ знаменитой нынѣ Бѣлой Криницы, тогда еще не существовавшей (Истор. очерк. поповщ. стр. 88).

(2) Всѣ эти свѣдѣнія взяты изъ книги: „О тайнѣ брака“ ч. I, глава: „о обычаяхъ отецъ настоящаго времени“; см. также въ истор. изв. о безпр. прод. зак. брак. въ старов. л. 5, 7 и 11.

конности брачной жизни будетъ падать на почву, хотя и не вполнѣ приготовленную, но и не совсѣмъ лишенную способности къ воспріятію и произращенію сѣмени слова правды. Тогда-то, скажемъ словами Павла Любопытнаго, „мужъ тщательный въ благовѣстіи Христовомъ и твердый въ своихъ предпріятіяхъ“, Алексѣевъ рѣшился начать открытую, смѣлую рѣчь противъ безпоповщинскаго дѣвства и въ пользу брачной жизни. Доказывать много, что требованіе безпоповщины отъ всѣхъ строгаго дѣвства — незаконно, что тѣ только обѣты дѣвства угодны Богу, которые даются по доброй волѣ, а не по принужденію, какъ это было у безпоповцевъ, что къ дѣвству призываются Господомъ только тѣ, кои могутъ нести этотъ высокій подвигъ, что бракъ не можетъ препятствовать спасенію истиннаго христіанина, что онъ также, какъ и дѣвство, установленъ отъ Бога и святъ, что обязывать всѣхъ обѣтами дѣвства значитъ неизбѣжно вести слабыхъ къ паденію, идти противъ воли Творца, сотворившаго мужа и жену, и обрекать родъ человѣческій на уничтоженіе, что церковь Христова тѣхъ, кои рѣшительно и безусловно отвергали бракъ, признавала еретиками и проч., и проч.,— доказывать все это Алексѣеву не стоило особенныхъ трудовъ. И слово Божіе, и ученіе церкви, и живыя доказательства безпоповщинскаго разврата въ лицѣ дѣтей-сиротъ,—все служило подтвержденіемъ его словъ. Не такъ легко было Алексѣеву убѣдить безпоповцевъ въ справедливости той своей мысли, что они, не смотря на свое исключительное положеніе, все же могутъ законно вступать въ браки, что, по неимѣнію „православнаго священства“, имъ можно вѣнчаться и въ церкви „внѣшней“ (т. е. православной) и что такіе браки, и по ученію слова Божія, и по ученію церкви, законны и не должны быть расторгаемы. Читая эти мысли Алексѣева, можно подумать, что

онъ, преслѣдуя свою цѣль—введеніе въ безпоповщинскую общину брака, измѣнилъ своимъ раскольническимъ убѣжденіямъ и изъ безпоповца, который чуждается какой бы то ни было связи съ церковію православною, сдѣлался поповцемъ—сторонникомъ той самой „хиротоніи", отъ которой получило начало поповщинское бѣглое священство, противъ котораго Алексѣевъ такъ горячо и побѣдоносно ратовалъ. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ мы видимъ не то. Зависимость отъ церкви православной, въ какую ставилъ Алексѣевъ своихъ единовѣрцевъ, убѣждая ихъ вѣнчать въ ней браки, была чисто внѣшняя и, такъ сказать, механическая; и проповѣдуя подобную зависимость, Алексѣевъ смотрѣлъ на православную церковь не иначе, какъ на вмѣстилище всевозможныхъ ересей, чуждое всякой святыни, т. е. подобно всѣмъ безпоповцамъ. Чтобы понять такую странность, нужно обратить вниманіе на то, какъ смотрѣлъ Алексѣевъ на бракъ.

Бракъ, по мысли Алексѣева, есть тайна, но не въ смыслѣ таинства, какъ понимаетъ его православная церковь,—таинства, въ которомъ чрезъ пресвитерское вѣнчаніе и благословеніе сообщается брачущимся особенная благодать св. Духа, а въ смыслѣ таинственнаго значенія супружеской любви, какъ образа любви Христа къ Церкви. Продолжая развивать свой взглядъ на бракъ, Алексѣевъ говоритъ, что бракъ установленъ самимъ Богомъ еще при созданіи первыхъ людей, что основаніемъ его служитъ благословеніе, преподанное Богомъ Адаму и Евѣ, а чрезъ нихъ и всѣмъ ихъ потомкамъ, и что поэтому для заключенія брака требуется только взаимная любовь брачущихся и согласіе ихъ на вступленіе въ бракъ, выраженное словами предъ свидѣтелями, и согласіе родителей; послѣднее необходимо для того, чтобы выразить въ немъ законную родительскую власть надъ дѣтьми и чтобы не допустить

въ бракѣ какихъ либо злоупотребленій, напр. близкаго рòдства, дурнаго выбора жениха или невѣсты и проч. Что же послѣ этого значитъ церковное вѣнчаніе брака, принятое въ христіанской церкви? Это, по словамъ Алексѣева, не больше, какъ „общенародный христіанскій обычай“, не имѣющій прямаго отношенія къ существу брака; введено же церковію вѣнчаніе для того, чтобы имъ отличить законное сопряженіе брачущихся лицъ отъ блуднаго сожитія, и въ соотвѣтствіе „нѣкоему чину“, употреблявшемуся при заключеніи браковъ еще въ ветхомъ завѣтѣ между іудеями, и „общенародному обычаю“, существовавшему въ древности въ разныхъ формахъ и существующему до нынѣ между язычниками и другими народами. Поэтому вѣнчаніе необходимо, но оно не составляетъ существенной стороны въ бракѣ и не даетъ брачущимся никакой особенной благодати. Отсюда Алексѣевъ выводитъ такое заключеніе, что, при неимѣніи православнаго священства, можно вѣнчаться и въ церкви еретической. Христіанскій общенародный обычай чрезъ это будетъ соблюденъ, а благодать, необходимая для брака и которой еретики не имѣютъ, зависитъ не отъ вѣнчанія, а отъ первоначальнаго Божія благословенія. Таково въ краткихъ чертахъ ученіе Ивана Алексѣева о бракѣ и вѣнчаніи, развиваемое имъ въ книгѣ: „о тайнѣ брака“. Очевидно, что онъ смотритъ на бракъ съ естественной, а не съ христіанской, точки зрѣнія, и разумѣетъ собственно бракъ, такъ называемый, гражданскій. Какъ ни страннымъ можетъ показаться читателю, что Алексѣевъ – раскольникъ, котораго мы привыкли считать жаркимъ ревнителемъ старины и буквы, еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія ([1]) заговорилъ о бракѣ по-

([1]) Книга: „О тайнѣ брака“ написана въ 1762 г., но ученіе свое о бракѣ Алексѣевъ началъ проповѣдывать раскольникамъ еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

добно современнымъ намъ ревнителямъ женской эмансипаціи, однако смѣемъ увѣрить, что мы изложили ученіе его совершенно вѣрно. Теперь остается вопросъ: какъ Алексѣевъ дошелъ до такого взгляда на бракъ и вѣнчаніе и чѣмъ онъ защищаетъ свой взглядъ?

Прежде всего, перечитывая разныя старинныя книги, Алексѣевъ нашелъ въ нихъ такія опредѣленія брака, въ которыхъ не говорится о существенномъ значеніи для него пресвитерскаго вѣнчанія и въ которыхъ, повидимому, подается та мысль, что единственнымъ основаніемъ брака служитъ первоначальное Божіе благословеніе, данное въ лицѣ Адама и Евы всѣмъ ихъ потомкамъ, и затѣмъ—взаимное согласіе желающихъ вступить въ бракъ, выраженное словами предъ свидѣтелями. Такъ, въ большомъ катихизисѣ на вопросъ: „что есть бракъ“, дается такой отвѣтъ: „бракъ есть тайна, еюже женихъ и невѣста отъ чистыя любве своея въ сердцы своемъ усердно себѣ изволятъ и согласіе между собою и обѣтъ сотворятъ, яко произволительно по благословенію Божію во общее и нераздѣлимое сожитіе сопрягаются: якоже Адамъ и Ева прежде паденія и безплотьскаго смѣшенія правъ и истинный бракъ имѣста; и есть сопряженіе мужа и жены по законномъ чину въ сожитіе нераздѣльное, иже отъ Бога пріемлютъ особнѣ сію благодать, дабы дѣти добрѣ и христіански родили и воспитали, и да соблюдутся отъ мерзостнаго блуднаго грѣха и невоздержанія“; а на вопросъ: „кто есть дѣйственникъ тайны брака“, находимъ въ катихизисѣ отвѣтъ такого рода: „первое убо самъ Богъ, яко Моисей Боговидецъ пишетъ: и благослови я Господь Богъ глаголяй: растителся и множителся и наполняйте землю и обладайте ею, иже и Господь въ Евангеліи утверждаетъ глаголяй: яже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ; посемъ сами брачущіися сію себѣ тайну дѣйствуютъ, глаголюще: азъ

тя посягаю въ жену мою, азъ же тебе посягаю въ мужа моего: аки самъ кто продается, самъ есть вещь и купецъ; сице и въ сей тайнѣ сами себѣ продаются и предаются оба себѣ купно въ сію честную работу“ (1). Правда, въ другихъ старинныхъ книгахъ, уважаемыхъ раскольниками, Алексѣевъ въ статьяхъ о бракѣ встрѣчалъ рѣчь и о священническомъ благословеніи; но образъ выраженій этихъ статей такъ не точенъ, что Алексѣевъ и въ нихъ не находилъ прямаго указанія на существенное значеніе для брака священническаго благословенія. Такъ, въ Кормчей говорится, что „Форма, сіесть образъ или совершеніе брака, суть словеса совокупляющихся, изволеніе ихъ внутреннее предъ іереемъ извѣщающая“ (2). Выраженіе: „предъ іереемъ“ привело Алексѣева къ той мысли, что, по смыслу Кормчей, священникъ, участвующій въ заключеніи брака, есть не больше, какъ одинъ изъ свидѣтелей взаимнаго согласія брачущихся на вступленіе въ брачный союзъ, но ничуть не совершитель этого священнодѣйствія; и потому, приведя указанныя слова Кормчей, Алексѣевъ даетъ на основаніи ихъ такое понятіе о бракѣ: „тѣмъ же бракъ основаніе свое имать на любовныхъ слогахъ обоихъ лицъ жениха и невѣсты по закону, на которыхъ слогахъ и согласіяхъ и древле окончевахуся брачная жениха и невѣсты сопряженія. Твердость же сего согласія и любве — оное Божіе слово: да будетъ оба плоть едина“ (3).

Далѣе, изучая библейскую и другія „многіи исторіи“, Алексѣевъ замѣтилъ, что было время, когда браки заключались въ родѣ человѣческомъ безъ всякаго „священнословія“—по одному взаимному согласію лицъ, желавшихъ вступить въ брачный союзъ, и согласію родителей бра-

(1) Больш. Катих. л. 391—393.

(2) Кормч. ч. II, гл. 50, л. 198.

(3) „О тайнѣ брака“, глава: „о браковѣнчаніи православныхъ въ еретикахъ“.

чившихся. Такъ, по словамъ Алексѣева, „по Адамѣ сущіи народы на единомъ любовномъ основаніи брака начало и конецъ творяху. Начало сего—благохотѣніе взаимное, конецъ же словеса общаго хотѣнія родителей жениха и невѣсты и самихъ жениха и невѣсты“ (1). Такъ браки заключались, по словамъ Алексѣева, „въ естественномъ законѣ даже до закона писаннаго“,—и не только между язычниками, но и между іудеями. Въ примѣръ подобныхъ браковъ между послѣдними, Алексѣевъ указываетъ на бракъ Исаака съ Ревеккою (Быт. гл. XXIV). Въ послѣдствіи времени, говоритъ Алексѣевъ, „нѣціи отъ языкъ уже въ капищахъ стали поимать себѣ женъ“ (2), а у іудеевъ „приложися нѣкій чинъ приводити новобрачныя предъ храмъ Господень и отъ храма Божія симъ закрѣплятися“. Но такъ какъ этотъ „чинъ“ явился уже „въ законѣ писанномъ“, а браки заключались и прежде и считались законными, то очевидно, говоритъ раскольническій учитель, что заключеніе браковъ іудеями въ храмѣ и язычниками въ капищахъ было введено не потому, будто безъ этого брачныя сопряженія не имѣли законности и силы, а единственно для того, чтобы при заключеніи подобнымъ образомъ браковъ, кромѣ согласія родителей, согласія жениха и невѣсты, дать мѣсто еще и „согласію общенародному“ и тѣмъ съ одной стороны сдѣлать брачныя сопряженія формально болѣе твердыми, такъ какъ вступавшіе въ бракъ при участіи „общенароднаго согласія“ тѣмъ самымъ обязывались къ взаимной вѣчной любви не только другъ предъ другомъ и предъ родителями, но и предъ цѣлымъ обществомъ,—въ лицѣ нѣкоторыхъ его членовъ, присутствовавшихъ при бракѣ въ качествѣ свидѣтелей.

(1) „О тайнѣ брака“, глава: „разглагольствіе краткое къ вопрошающимъ о разньствіи суда въ пріятіи нововѣнчавшихся брачно“.

(2) „О тайнѣ брака“, глава: „впна, ея же ради и еретиковъ и елиновъ и прочихъ невѣрныхъ не лѣть есть расторгати или повторяти браки“.

или, какъ выражается Алексѣевъ, „въ большее и лучшее извѣщеніе брака“, съ другой—чтобы предохранить вступившихъ въ брачное сожитіе отъ разнаго рода нареканій, показавъ всѣмъ и каждому, что они вступили въ сожитіе не „яко татіе“, какъ дѣлаютъ блудники, а „подобательнымъ путемъ“, т. е. открыто, чрезъ бракъ. Въ существѣ же дѣла, и при указанныхъ формальностяхъ, „сила сопряженія отъ онаго содѣтельства Божія и словесе (да будетъ два плоть едина) таинство пребы и пребываетъ“.

Обращаясь за тѣмъ къ исторіи новозавѣтной, Алексѣевъ и въ ней нашелъ мнимыя основанія думать, будто церковное вѣнчаніе не имѣетъ существеннаго значенія для брака. Такъ онъ говоритъ, что и въ церкви христіанской „первѣе бяше бракъ, сему же послѣдоваше церковное дѣйство“, и въ подтвержденіе своихъ словъ указываетъ на книгу Діонисія Ареопагита „о церковномъ священноначаліи“, изъ которой будто бы видно, что при апостолахъ не было еще обычая заключать браки въ церкви: „яко въ апостольскихъ дняхъ не быти о бракахъ чиновнаго установленія, свидѣтельствуетъ о томъ святый Діонисій Ареопагитъ въ книгѣ 3-й о церковномъ священноначаліи, въ ней же пишетъ главы о священноначаліи, о евхаристіи святой, о составленіи мура, о священническихъ чинахъ, о совершеніи иночества, о усопшихъ и о образѣ божественныхъ священникъ, а о браковѣнчаніи не положи главы“ (1); „мнится, замѣчаетъ по этому поводу Алексѣевъ, что еще не бысть во оныя времена уставленія о томъ, еже послѣди святыми уставися“ (2). Слово: „мнится“ показываетъ, что Алексѣевъ самъ не довѣрялъ, можно ли изъ молчанія Діонисія Ареопагита о таинствѣ брака заключать, что бракъ во времена апостольскія за-

(1) „О тайнѣ брака“ гл. 5.
(2) Тамъ же, гл. 9.

ключался безъ церковнаго вѣнчанія. И потому, въ подтвержденіе своей мысли о несущественномъ значеніи для брака церковнаго вѣнчанія, онъ указываетъ на другое обстоятельство изъ практики первенствующей церкви, именно — на то, что при обращеніи къ вѣрѣ Христовой язычниковъ церковь, при пріемѣ ихъ въ свои нѣдра, совершала надъ ними крещеніе, мvропомазаніе и другія таинства, но никогда не совершала надъ ними брака, если обращавшіеся были въ брачномъ сожитіи до обращенія, а позволяла имъ жить по прежнему, какъ мужу и женѣ. Точно также, говоритъ Алексѣевъ, поступала церковь и съ еретиками, и при томъ не только съ такими, которыхъ принимала чрезъ одно отреченіе отъ ереси и въ обществѣ которыхъ слѣдовательно предполагалась и іерархія и законныя таинства, но и съ такими, надъ которыми при пріемѣ совершалось крещеніе. Наконецъ, Алексѣевъ указываетъ на то, что церковь православная никогда не перевѣнчивала лицъ православныхъ, которыя, по какимъ либо обстоятельствамъ, вступали въ бракъ въ церквахъ еретическихъ, хотя никогда не одобряла подобнаго уклоненія отъ православной святыни. „Вси святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ правила, пишетъ Алексѣевъ, и всея святыя церкве обычаи и исторіи свидѣтельствуютъ, елико пріемляху браки отъ эллинъ, еликія отъ еретикъ, яко же въ вѣдѣніи и не въ вѣдѣніи, вси равно въ церковь не повторно, не разведше, пріемляхуся; зри, колико быша сего во дни аріанства, во дни единовольныхъ еретикъ, во дни иконоборства, егда вси грады, вси страны въ то принуждахуся: обаче ни едина исторія не помяне, чтобы браковѣнчанніи въ тѣхъ еретикахъ правовѣрніи или повторялися, или разводилися, или не принималися“. „Видимъ, говоритъ Алексѣевъ въ другомъ мѣстѣ, яко по эллински, яко по жидовски, такожде по еретически браки воспріявше,

церковь Божія равно въ пріятіи поступаетъ, о чемъ весь народъ христіанскій, пришедый отъ оныхъ въ познаніе истины, свидѣтельствуетъ наши словеса не ложны быти. Аще же кои и познавше свѣтъ евангельскаго разума и потомъ случаемъ какимъ либо браковѣнчашася въ еретикахъ, и тако браковѣнчанно паки со женами возвращахуся къ соборной церкве, не разведше, ниже второвѣнчанно въ соборную пріимахуся церковь, и не токмо пріимахуся таковіи тако, но и призывахуся. Свидѣтельсвуютъ сіе вси церковніи исторіи, свидѣтельствуютъ соборные каноны, свидѣтельствуютъ вси обычаи христіанскіи“ (1). Изъ такой церковной практики Алексѣевъ выводитъ слѣдующія заключенія: во-первыхъ изъ того, что церковь принимала безъ повторенія языческіе, іудейскіе и еретическіе браки, Алексѣевъ заключаетъ, что церковное вѣнчаніе, по суду самой церкви, не существенно необходимо для брака и что бракъ и безъ него можетъ быть законенъ; во-вторыхъ на томъ основаніи, что еретическіе браки церковію не расторгались и не повторялись, Алексѣевъ внушаетъ своимъ единовѣрцамъ, что и они, за неимѣніемъ православнаго священства, могутъ вѣнчаться въ церкви еретической (т. е. нашей православной) и что такіе браки ихъ вполнѣ будутъ законны; въ-третьихъ тѣмъ, что церковь православная, принимая браки еретиковъ безъ повторенія, не принимала другихъ ихъ (только нѣкоторыхъ) таинствъ, Алексѣевъ доказываетъ мысль, что и безпоповцы, вѣнчаясь въ церкви православной (по мнѣнію Алексѣева, еретической), не должны принимать отъ ней никакихъ другихъ „дѣйствъ“, или таинствъ; наконецъ въ-четвертыхъ изъ того, что церковь различно смотрѣла на таинства, совершаемыя еретиками, и именно: браки ихъ принимала, а прочія таинства не признавала, Алек-

(1) „О тайнѣ брака“, гл. 5.

сѣевъ выводитъ заключеніе о существенномъ различіи между бракомъ и прочими христіанскими таинствами и объясняетъ это различіе тѣмъ, что „тайна брака не такъ отъ церковнаго дѣйства силу имать, какъ отъ Божіяго онаго содѣтельства и Божіихъ оныхъ словесъ (т. е. первоначальнаго благословенія Божія мужу и женѣ)... Прочіи же тайны церковныя на страданіи Христовѣ основаніе имутъ и точію благодатію св. Духа совершаются: аще крестити, аще рукоположити, аще мvро освятити, вездѣ благодати потреба чрезъ Христа, коея еретицы не имутъ: тѣмъ же и тайны сія не могутъ за тайны вмѣняться, яко не отъ Христа и Духа святаго начало и совершенство свое имутъ... Посему церковь не разнственно всѣ браки имяше... И отъ всякаго языка, аще отъ еллинъ, незнающихъ Бога, аще отъ жидовъ, и аще отъ еретиковъ приходящія со своими ихъ браки пріемлетъ въ томъ же дѣйствѣ, точію бы въ нихъ было законно по коегождо обычаю совокупленіе. Прочія же тайны, кромѣ сея единыя, святая церковь не пріемлетъ“. Но если бракъ можетъ быть законно заключенъ по взаимному согласію жениха и невѣсты и согласію родителей и если церковное вѣнчаніе не существенно необходимо для брака, то для чего же послѣ этого и вѣнчаться и при томъ—въ церкви еретической? Нельзя ли просто вступать въ бракъ по одному согласію родителей и—жениха и невѣсты? Эти весьма естественные вопросы приходили на мысль и Алексѣеву, и вотъ какъ онъ рѣшаетъ ихъ: „немощно, понеже треми согласіи бракъ составляется: согласіемъ родителей, согласіемъ жениха и невѣсты и согласіемъ общенароднымъ. Но мы, вѣрніи, Христа познавше основателя спасенія нашего, и по той вѣрѣ обычаи вси воспріяхомъ, аще правовѣрніи, аще еретики, браки въ церкви священнодѣйствомъ заключати. Тѣмъ же оная два согласія воспріявшу, потреба и

сей третій обычай брака въ церкви заключати. И тако благонадежно и твердо брака дѣло будетъ, обычаемъ подтвержденное, и честно по апостолу и любве суще нерѣшимыя назидательно. И зри убо, обычай народный есть крѣпость большая брака и честь: по коему дѣлу и во языцѣхъ обычаемъ подтверждашеся бракъ, аще и каковъ бяше; также и въ еретикахъ обычаемъ народнымъ имяше бракъ честь и подтвержденіе. Такъ и въ православныхъ христіанскимъ обычаемъ бракъ честенъ и законенъ. Тѣмъ же поиматися на единомъ согласіи домовномъ не твердо и не честно, и великихъ бѣдъ и предъ Богомъ и человѣки ходатайственно, откуда содомству, блуду и нестроеніемъ нужно явитися". Такимъ образомъ на вѣнчаніе Алексѣевъ смотритъ просто, какъ на обычай, но обычай такой, котораго нельзя оставить — потому, что онъ даетъ браку крѣпость и честь, впрочемъ не по существу своему, а единственно по выраженію въ немъ „общенароднаго согласія", т. е. даетъ крѣпость и честь чисто формальную, такъ сказать, гражданскую, такъ какъ на вступившихъ подобнымъ образомъ въ бракъ налагается отвѣтственность за неразрывность ихъ союза предъ цѣлымъ обществомъ.

Путемъ такихъ-то историческихъ данныхъ и, основанныхъ на нихъ, разнаго рода соображеній и умозаключеній дошелъ Алексѣевъ до своеобразнаго понятія о бракѣ и вѣнчаніи и убѣдился въ возможности вступать въ бракъ безпоповцамъ въ церкви православной — безъ опасенія сдѣлаться чрезъ это причастными ея мнимымъ ересямъ. Какъ же отнеслась къ новому ученію томившаяся въ оковахъ невольнаго безбрачія безпоповщина?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Отношеніе къ ученію о бракѣ Ивана Алексѣева—безбрачныхъ безпоповцевъ; клеветы ихъ на Алексѣева; основанія, на которыя ссылались противники брачной жизни въ защиту своего ученія о всеобщемъ дѣвствѣ; разборъ и опроверженіе ихъ Алексѣевымъ; появленіе въ безпоповщинѣ такъ называемыхъ новоженовъ—послѣдователей Алексѣева, вступавшихъ въ браки съ благословенія православной церкви, но по обрядамъ дониконовской церковной практики, запрещеннымъ властію; отношеніе къ новоженамъ, заключавшимъ браки въ церкви православной, — самаго Алексѣева—неоднаковое,—ѳедосѣевцевъ—крайне враждебное и поморцевъ — довольно уклончивое; появленіе въ безпоповщинѣ новоженовъ, вступавшихъ въ брачныя сожительства безъ церковнаго благословенія и вѣнчанія, — по одному взаимному согласію жениха и невѣсты, — безъ согласія даже родителей; причины такого явленія; злоупотребленія, къ которымъ вели подобныя безсвященнословныя супружества; обращеніе нѣкоторыхъ ѳедосѣевцевъ за брачными свидѣтельствами къ польскимъ ксендзамъ; отношеніе къ безсвященнословнымъ бракамъ новоженовъ — Алексѣева, поморцевъ и ѳедосѣевцевъ.

При первомъ взглядѣ на ученіе Ивана Алексѣева о бракѣ и на способъ, какой онъ указывалъ своимъ единовѣрцамъ для законнаго вступленія въ супружество, можно было опасаться, что слово его объ этомъ предметѣ, вмѣсто вниманія и сочувствія, встрѣтитъ въ безпоповцахъ однѣ только насмѣшки и укоризны. Въ самомъ дѣлѣ, людямъ, смотрѣвшимъ на бракъ, какъ на таинство, которое не можетъ быть совершенно ни кѣмъ, кромѣ лица „хиротонисаннаго“ и притомъ православнаго, серьезно доказы-

валось, что бракъ „силу имать не такъ отъ церковнаго дѣйства, какъ отъ Божіяго содѣтельства и отъ Божіихъ словесъ“, изреченныхъ Господомъ еще первымъ людямъ, и что пресвитерское вѣнчаніе есть не больше, какъ обычай, не имѣющій существеннаго значенія для законности брака. Ревнителямъ „древняго благочестія“, считавшимъ православную церковь исполненною всевозможныхъ „новшествъ“, ересей, тьмы, и нечестія, вслѣдствіе чего она будто бы сдѣлалась царствомъ человѣка беззаконія и сына погибели, убѣдительно предлагалось Алексѣевымъ заключать свои браки въ этой именно церкви. Какого пріема должна была ожидать себѣ проповѣдь Алексѣева въ средѣ такихъ людей? Шутникъ должно быть этотъ Алексѣевъ, говорили о немъ люди веселаго характера и недалекаго ума, по легкомыслію своему думавшіе, что въ хорошемъ расположеніи духа можно поглумиться и надъ такимъ важнымъ предметомъ, каково, по существу своему, брачное сожитіе. Опасный человѣкъ, думали о немъ другіе, понимавшіе, какую страшную мину подвелъ стародубскій государственный крестьянинъ для взрыва шатавшагося уже отъ разврата зданія безбрачной безпоповщины. Дерзкій мальчишка, вопіяли третьи и именно—люди, по мнѣнію толпы, самые почтенные, украшенные „сѣдиною, яко плѣснію“, и полагавшіе все достоинство и мудрость „учителя въ сѣдинахъ добрыхъ“. Великій сластолюбецъ, вѣроятно, этотъ почитатель „великороссійскаго вѣнчанія“, замѣчали объ Алексѣевѣ четвертые, на словахъ защищавшіе дѣвство, а на дѣлѣ мѣнявшіе „посестрій“, какъ кафтаны, и обо всѣхъ судившіе по себѣ. Пьяница, ошалѣвшій отъ вина до бреда, кричали наконецъ въ азартѣ пятые,—потому ли, что, по своему непроходимому невѣжеству, не могли отличить умныхъ рѣчей Алексѣева отъ болтовни нетрезваго человѣка, или, быть можетъ, только во имя

высказаннаго однимъ нашимъ писателемъ дикаго замѣчанія, что на Руси умный человѣкъ или пьяница, или... но Алексѣевъ имѣлъ красивую наружность. Иной на мѣстѣ Алексѣева, пожалуй, растерялся бы отъ такого хаоса различныхъ злорѣчивыхъ сплетней и пересудовъ на счетъ его личности и, затаивъ въ душѣ свой любимый идеалъ, свою завѣтную мысль, продолжалъ бы, скрѣпя сердце, жить по прежнему въ мирѣ и согласіи съ поднявшими крикъ „гусями“,—по крайней мѣрѣ до поры—до времени, до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Но не таковъ былъ характеръ у этаго человѣка; задавшись извѣстною цѣлію, онъ не только не останавливался предъ встрѣчавшимися къ достиженію ея препятствіями, напротивъ находилъ въ нихъ для себя новый источникъ энергіи и силы. Съ другой стороны, намѣреваясь внести въ изсохшую отъ разврата безпоповщинскую среду начало семейной жизни, Алексѣевъ раньше предвидѣлъ, что миссія его не обойдется безъ разнаго рода пожертвованій съ его стороны. А потому, ни мало не смутившись отъ злорѣчія своихъ противниковъ, онъ, въ сознаніи правоты своего дѣла, совершенно спокойно сталъ объяснять имъ, что, начавши свою проповѣдь о необходимости брачной жизни, онъ и не думалъ шутить, а напротивъ рѣшился на этотъ шагъ „отъ великія туги сердца и печали“, при видѣ безпорядковъ въ обществѣ мнимыхъ дѣвственниковъ, что видѣть въ его проповѣди какую-то опасность для раскола—несправедливо, потому что эта проповѣдь предпринята имъ единственно „въ красоту и честь собранія церковнаго и пользу народную“, что ставить въ вину ему молодость и изъ-за нея не довѣрять самому ученію его значитъ забывать, что „не всякое всякаго и старика дѣло согласно съ волею Божіею“; въ опроверженіе же клеветы, будто Алексѣевъ сталъ учить о необходимости брачной жизни „ради нѣкія

страсти“ и будто онъ „зѣло прилежалъ хмѣльному питію“(1), защитникъ брака писалъ цѣлыя главы въ своей книгѣ: „о тайнѣ брака“ и, между прочимъ, указывалъ на свое безбрачіе. Такимъ образомъ всѣ дурные слухи, пущенные въ ходъ противниками брачной жизни—съ цѣлію очернить въ глазахъ невольныхъ дѣвственниковъ честную личность Алексѣева, оказались не больше, какъ злорѣчивой сплетней. А потому, оставивъ въ сторонѣ самаго Алексѣева, безпоповщинскіе наставники обратились къ его ученію и стали доказывать всѣмъ, кто сочувствовалъ этому ученію, что оно исполнено лжи и разнаго рода ересей. Въ прежнее время, пожалуй, такой голословный судъ объ ученіи Алексѣева былъ бы принятъ раскольниками за чистую монету; но защитникъ брачной жизни уже успѣлъ пошатнуть авторитетъ „стариковъ“ безпоповщинскихъ, показавъ и доказавъ ихъ грубое невѣжество; а потому, не ограничиваясь голословнымъ обвиненіемъ ученія Алексѣева, безпоповщинскіе учители сочли нужнымъ представить самыя основанія, по которымъ они произнесли объ немъ такой суровый приговоръ. Мы изложимъ эти основанія съ возможною подробностію, такъ какъ большая часть ихъ и до настоящаго времени приводится безпоповцами въ оправданіе существующаго между ними безбрачія.

Въ защиту своего безбрачія и въ опроверженіе мысли Алексѣева о необходимости брачной жизни для тѣхъ, кои не могутъ почему либо нести высокаго подвига дѣвства, безпоповцы указывали на исключительность своего положенія, по которому они не имѣютъ православнаго священства, которое одно имѣетъ право заключать браки, и живутъ будто бы уже въ послѣднія времена міра,—въ царство антихриста, когда, по ученію слова Божія, истин-

(1) Послѣдняя клевета была основана на знакомствѣ Алексѣева съ нѣкоторыми нетрезвыми людьми („Истина“,—Яссы, 1864 г. стр. 79).

ные послѣдователи Христа не только обязаны избѣгать всѣхъ мірскихъ связей, и между ними—по преимуществу связей брачныхъ, но и не могутъ даже вступать въ эти связи, вслѣдствіе прекращенія во всемъ мірѣ православной іерархіи. Въ этомъ случаѣ безпоповщинскіе наставники ссылались на слѣдующія слова апостола Павла: имущіи жены, якоже не имущіи будутъ (1), и на слова Спасителя: горе непраздным и доящимъ въ тыя дни (2).

Само собой понятно, что Алексѣеву, учившему, что бракъ можетъ быть законно совершенъ и въ церкви еретической (т. е. нашей православной), не трудно было доказать своимъ противникамъ, что указаніе ихъ „на оскудѣніе духовныхъ“ не можетъ служить достаточной причиной къ безусловному отверженію браковъ. Что же касается мысли о послѣднихъ временахъ міра, въ которыя будто бы истинный христіанинъ не долженъ вступать въ брачныя связи, то, не оспоривая справедливости самой мысли о наступленіи царства антихристова, Алексѣевъ говорилъ, что ни въ словѣ Божіемъ, ни въ ученіи отцевъ церкви, нѣтъ прямаго и безусловнаго запрещенія вступать въ бракъ въ это бѣдственное для послѣдователей Христовыхъ время. Въ словахъ Спасителя: горе непраздным и доящимъ въ тыя дни,—по толкованію блаженнаго Ѳеофилакта, рѣчь идетъ не о бѣдствіяхъ христіанъ въ послѣднее время міра, а о бѣдствіяхъ жителей Іерусалима, какія имѣли испытать они во время разрушенія этого города; точно также ничего не говорятъ противъ брачной жизни въ царство антихриста и слова апостола Павла: имущіи жены, якоже не имущіи будутъ; „понеже, писалъ Алексѣевъ, то апостолъ о прехожденіи міра сего образа писа, въ немъ же, елика суть содѣваются, прейдутъ, а не о на-

(1) 1 Коринѳ. VII, 29.
(2) Мѳ. XXIV, 19.

стоящемъ брака совокупленіи, аки бы уже имущему жену не можетъ нарещися жена, но блудница, какъ ваши учители разсуждаютъ, не сполна воспріемлюще писаніе“ (1).

Не желая согласиться съ мыслію Алексѣева о необходимости брачной жизни, безпоповцы указывали на то обстоятельство, что всѣ они связаны обѣтами дѣвства и что по этому самому не могутъ и не должны вступать въ бракъ, такъ какъ, по словамъ апостола, вдовица, измѣнившая своему обѣту, вѣры отвергается и идетъ въ слѣдъ сатаны (2), а по ученію Василія Великаго, нарушившая обѣтъ дѣвства подвергается наказанію, какъ прелюбодѣйца (3); кромѣ того въ оправданіе своего безбрачія безпоповцы ссылались еще на примѣръ прежнихъ отцевъ.

Въ опроверженіе этого, повидимому, важнаго обстоятельства, Алексѣевъ говорилъ, что слова апостола Павла неприложимы къ безпоповцамъ: у апостола рѣчь идетъ о вдовицахъ, которыя добровольно обрекали себя на без-

---

(1) „О тайнѣ брака“ ч. II, гл. 1. „Но мы сполна апостольское слово воспріимемъ, писалъ далѣе Алексѣевъ, да разумно покажется глаголемое. Что же се глаголетъ апостолъ; слышимъ: аще и оженился, не согрѣшилъ есть: и аще посягаетъ дѣва, не согрѣшила есть. Скорбь же плоти имѣти будутъ таковіи. Азъ же, щажа вы, се глаголю, братіе, яко время прекращенно есть, да имущія жены, яко не имущія будутъ: плачущіися, яко не плачущіи: и радующіися, яко не радующеся: и купующіи, яко не содержаще: и требующіи міра сего, аки не требующе: преходитъ бо образъ міра сего. То апостолъ: Но видите ли что нынѣ обрѣтаемое: кто требуетъ міра, тотъ и нынѣ содержитъ продаемое; веселящіися въ мірѣ, такъ и нынѣ веселятся: кому печаль есть и туга въ понужденіи слезъ, той и нынѣ плачетъ. Убо по сей лѣствицѣ речемъ и сіе: кто получи себѣ жену, той и нынѣ также имать жену. Тѣмъ же всуе наведеніе се вами апостольское, аки бы онъ о нынѣшнихъ бракахъ писалъ: жену получаяй обычаемъ, не будетъ ему за жену; не попуститъ бо сице умствовати вышереченная лѣствица: ибо Павелъ не о единыхъ женахъ писа, но и о купцахъ и прочихъ, кои вси, какъ и прежде, видими пребываютъ. Но сіе разумѣти подобаетъ о скращеніи житія сего, яко все прейдетъ и богатство и слава и жены: преходитъ бо, рече, образъ міра сего“.

(2) 1 Тимоѳ. V, 11. 12. 14.

(3) Прав. 18.

брачіе и служеніе церкви и притомъ давали этотъ обѣтъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ (60 лѣтъ); юныхъ же вдовицъ апостолъ повелѣлъ отрицаться и совѣтовалъ имъ вступать въ бракъ. Между тѣмъ безпоповцы обязываютъ къ дѣвству мужчинъ и женщинъ безъ различія возраста, и старыхъ и молодыхъ, оставляя притомъ жить ихъ вмѣстѣ въ однихъ домахъ, что не можетъ не вести къ разнаго рода искушеніямъ (1). Точно также, продолжалъ Алексѣевъ, и правило Василія Великаго о вдовицахъ и черноризицахъ не можетъ служить оправданіемъ безпоповщинскаго безбрачія: „обѣщаніе, о коемъ пишетъ Василій, не есть сообразно вашему обѣту. Ибо тѣхъ бяше обѣщаніе дѣвствовати по самой воли обѣщающагося и по довольномъ свидѣтельствѣ. Но аще и ваши учители новоприходящихъ въ свое согласіе также испытуютъ и обѣты подлинные воспріемлютъ отъ таковыхъ“, но обѣты „усильные“, вынужденные, такъ какъ „новоприходящій къ вамъ истязуется, будешь ли съ нами дѣвственное житіе имѣти,

(1) „Апостолъ не о повсемственныхъ вдовицахъ то пишетъ, замѣчалъ Алексѣевъ, но о вчиненныхъ въ церковныя вдовицы, коимъ вдовицамъ обыкновенно быть тогда по воли своей отрицатися міра и мірскихъ сластей и обѣщатися при церкви быти Божіи въ служеніи. Но въ таковыя церковныя вдовицы нѣкія юныя вдовицы вчинившеся неразсмотрѣнно и потомъ юностію возбужденіи отвергшеся вчинанія, вдашася сластемъ, яко и во слѣдъ сатаны нѣкоимъ поити на укоризну христіанства. Сего ради Павелъ и пишетъ къ Тимоѳею, глаголя: юныхъ вдовицъ отрицайся, се есть, не пріимати ихъ во обѣтъ церковныхъ вдовицъ, да некако бо, рече, разсвирѣпѣютъ о Христѣ, посягати восхотятъ, имуще грѣхъ отверженіе обѣта... Тѣмъ же и глаголетъ: хощу убо юнымъ вдовицамъ посягати, чада рождати, домъ строити, ни едину вину даяти противнику клеветы ради... Вчиняти же въ церковныя вдовицы повелѣ не меньше шестидесяти лѣтъ. Тѣмъ же вы, безъ разсмотрѣнія зіяюще на се, едино вопіете: вдова, отвергше свой обѣтъ, прелюбодѣйца есть, а того не обзираете, яко вы на страшномъ судѣ Божіи понесете грѣхи сихъ, яко всякаго возраста вводите во обѣтъ дѣвственнаго житія: а обѣтъ той взявши, мужей со женами, а женъ съ мужьями оставляете купно пребывати и судите только то, кто бракъ воспріяа, а той, кто и десять браковъ имать, ничто вамъ то есть, но рабъ Божій и раба Христова. О слѣпоты перомъ неописанныя!“

то пріимемъ въ согласіе: аще ли не будешь дѣвственно жить, то съ нами не имаши общества и христіаниномъ быть не можешь. То сицевыми словесы новоприходяй, устрашенъ бывъ безнадежною спасенія виною, и не хотя даетъ обѣтъ усильный на единъ путь дѣвственнаго житія чюждеумно, коимъ святая церковь не усиловаше, токмо оніи древніи маркіониты, монтанисты... и подобніи имъ, сперва на дѣвственное житіе воспріемлюще и безбрачно жити устрояюще и къ дѣвству обязующе, жити со женами и дѣвами оставляху, какъ и въ васъ видимъ вашихъ дѣвственниковъ“ (1). Остановивъ вниманіе на той мысли, что обѣты дѣвства даются въ безпоповщинѣ по принужденію—въ слѣдствіе опасенія, за несогласіе вести безбрачную жизнь, подвергнуться отлученію отъ общества, Алексѣевъ замѣчалъ, что подобные обѣты не имѣютъ никакой нравственной цѣны предъ Богомъ и что самое дѣвство лицъ, давшихъ вынужденные обѣты, не можетъ считаться добродѣтелію. „Святый апостолъ Павелъ и Василій Великій о произвольныхъ обѣтахъ глаголютъ, а не усильныхъ. Слышите бо о томъ самаго апостола глаголюща: хощу, да вси человѣцы будутъ, якоже и азъ: но кійждо

(1) „И то ли есть безженнаго и дѣвственнаго житія у васъ истинный обѣтъ, продолжалъ Алексѣевъ, что юнымъ и мужемъ купно съ женскимъ поломъ сожительствовати такъ, что на малѣ у коего и наставника не быти стряпухи, а наипаче въ Москвѣ жительствующихъ. Еда давшіи сіи въ васъ обѣты плоти сея страстныя отрѣшишася и быша, аки безплотни, что такъ не опасно единъ со другимъ мужіе и жены купно ходятъ, гуляютъ по гумнамъ, по пунямъ, по лѣсамъ, по домамъ собираются тамичишнымъ: сіе ли есть сообразіе оныхъ древнихъ, обѣщающихъ дѣвственно жити: и то ли есть правильнаго положенія наблюденіе... Не тако убо, не тако, о друзи, оныхъ дѣвства обѣты исполненіе бысть: тіи бо, по обѣщаніи дѣвственнаго житія, освященіе отъ архіереевъ мнози пріемлюще и сокровенная мѣста въ домахъ и въ церквахъ имяху и подъ стражею блюдоми, по свидѣтельству святаго Амвросія. Тѣмъ же ужасно есть воистину того дѣвства обѣщаніе, кое соединено со женами, а браки до конца отлучаетъ и ненавидитъ“. „О тайнѣ брака“ ч. II, глава: „На ѳедосѣевы, отвергающія браки и на разводы ихъ въ бракахъ“.

свое дарованіе имать отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице. Глаголю же безбрачнымъ и вдовицамъ, добро имъ есть, аще пребудутъ, якоже и азъ. Аще ли не удержатся, да посягаютъ: лучше бо есть женитися, нежели разжизатися. Добродѣтель убо есть и глаголется дѣло доброе произволеніемъ, а не по нуждѣ бываемо: аще же нужею бываемо доброе дѣло, нѣсть добродѣтель истинна, ниже мзду имать. Тѣмъ же церковь Христова на произвольную добродѣтель, а не на нужную, призываетъ. Могій, рече Христосъ, вмѣстити да вмѣститъ. Сему разсужденію и мы подражающе, дѣвство почитаемъ, а бракъ не отвергаемъ, но на власти оставляемъ“... (1). Что же касается примѣра „прежнихъ отцевъ“, на который ссылались противники Алексѣева въ оправданіе своего безбрачія, то, по словамъ Алексѣева, „ко внѣшнимъ сей отвѣтъ не увѣтливъ и ищущимъ правды не надеженъ: ибо и всякое согласіе на то можетъ ссылатися: отцы наши такъ творили, но на семъ пря не можетъ окончатися... У отцевъ нашихъ, дондеже нуждѣ не явитися, о богомоліи не бяше проповѣди: егда же нужда явися, явишася и доводы въ нихъ о богомоліи (2). Тако и въ насъ: не бяше нужда въ народѣ о бракѣ, не бяше о томъ и словесъ: егда же нужда явися о томъ, и взысканіе содѣяся. Но не подобаетъ сему дивитися и отскакати въ сомнѣніе, глаголюще: яко у отецъ нашихъ не было. Вѣдати же не страстно о семъ подобаетъ, яко отцы наши жили далече отъ міра, проходяще пустынное житіе и скитское, сего ради брачныхъ не требовали не въ гнушаніе вещи, но да не сму-

(1) Тамъ же, гл. „Изысканіе о обѣтахъ, яко не по согласію святыя церкве обѣты не имутъ силы и преступаяй сія не подлежитъ канонамъ“.

(2) Извѣстно, что нѣкоторые изъ польскихъ ѳедосѣевцевъ ввели у себя молитву „за державную власть“ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія; потомъ, по переселеніи въ Стародубье, они удержали этотъ обычай и здѣсь (Хр. Чт. 1863 г., ч. II, стр. 34—6).

тятъ мѣсто и пустыню да не сотворятъ міръ. Мы же живемъ посреди міра суще и во всѣхъ соблазнахъ мірскихъ пребываемъ... Тѣмъ же и не во образъ оныхъ намъ пребываніе“ (1).

Желая доказать, что Алексѣевъ, проповѣдуя законность браковъ, заключенныхъ въ еретической (т. е. православной) церкви, самъ еретичествуетъ и что подобные браки суть не больше, какъ блудодѣянія, защитники дѣвства ссылались въ подтвержденіе своихъ словъ во 1-хъ — на 31-е правило Лаодикійскаго собора, на 14-е правило IV вселенскаго собора и 72-е правило VI вселенскаго собора, въ которыхъ запрещается лицу правовѣрному вступать въ бракъ съ лицомъ еретическимъ; во 2-хъ — на слова Алексѣя Комнина и Іоанна митрополита (русскаго), въ которыхъ бракъ, не заключенный въ православной церкви, называется блудомъ; и въ 3-хъ—на 135-е правило Тимоѳея Александрійскаго и на 168-е правило Ѳеодора Вальсамона, гдѣ бракъ, вѣнчанный въ еретической церкви, прямо называется прелюбодѣяніемъ, которое повелѣвается расторгать, если вѣнчанные такимъ образомъ не согласятся на новое вѣнчаніе въ церкви православной.

Противъ перваго изъ указаныхъ основаній, т. е. противъ соборныхъ правилъ, Алексѣевъ говорилъ, что въ нихъ рѣчь идетъ „не о вѣнчаніи въ еретикахъ, но о бракахъ вѣрну съ еретики, о чемъ намъ, замѣчалъ Алексѣевъ, нѣтъ при. Ибо въ насъ настоитъ не о поятіи еретическихъ лицъ, но о вѣнчаніи обоихъ вѣрныхъ въ еретикахъ взысканіе“. Соглашаясь далѣе, что „бракъ правовѣрныхъ съ еретики возбраненъ правилами“, Алексѣевъ указываетъ и причину этого запрещенія: „понеже отъ брака съ еретики многимъ правовѣрнымъ въ ереси падати случашеся и случается: вѣнчаніе же въ еретикахъ не тако.

(1) Тамъ же, гл. „О преложеніи прежнихъ дѣлъ и обычаевъ“.

Ибо аще еретическими обѣты вѣнчавшійся не обяжется, не вмѣнится ему во отступленіе вѣры. Разно есть, замѣчалъ онъ, еже правыя вѣры отступити и еже въ ересѣхъ браковѣнчаніе воспріяти. Лице правовѣрное, совокупльшеся со иновѣрнымъ, временемъ можетъ едино отъ другаго развратитися". Потому „и святіи отцы больше на сіе возстаютъ, дабы не поималося правовѣрное лицо со иновѣрнымъ, а о вѣнчаніи въ еретикахъ умалчиваютъ" (1)... „Сего ради уже къ тому не извольте намъ сихъ правилъ во свидѣтельство о вѣнчаніи представляти, вѣдуще, яко ино есть бракъ и ино есть вѣнчаніе брака: брака бо составленіе бываетъ договоромъ и сложеніемъ обоихъ лицъ родителей и самихъ тѣхъ сложеніемъ жениха и невѣсты—въ домахъ: и на томъ единомъ имя полагается брака. А самое вѣнчаніе брака, или и прежде сего обрученіе брака, совершеннѣйше отъ вины домовнаго сложенія законно бываетъ въ церкви, или каковъ обычай нужди позовется, обаче іереемъ. И святая Божія церковь не умствуетъ внѣшнее вѣнчаніе браковъ за блудническое сходбище, но за сущій бракъ и законный; о чемъ и шестаго вселенскаго собора правило 72 ясно показуетъ: къ сему же и весь повсемственный обычай пріятіемъ такихъ браковъ свидѣтельствуетъ законными браки. Аще же речете сіи браки незаконные, то церковь незаконными, или рещи беззаконными, браки составляется. Убо и порочна есть отъ васъ церковь, яко отъ еретикъ вѣнчанные браки пріемлетъ... Вы внѣшніе браки, аки безъ священнословія бываемые, вмѣняете за блудническое сшествіе: а церковь ихъ пріемлетъ. Убо по васъ блудниками церковь Божія исполнена. Змія порожденія ехиднова, заключалъ Алексѣевъ, тако ли вамъ подобаетъ дщерь Божію злохульно

(1) „О тайнѣ брака" ч. I, глава: „Изысканіе третіе о внѣшнемъ браковѣнчаніи".

нарицати, тако ли вамъ невѣсту Христову нетлѣнную, непорочную, бѣлѣйшую и чистѣйшую, аки луну, порочити. Богъ освяти, вы же тако ю далекими наводы порочите, глаголюще: внѣшніе браки—блудное сшествіе, а она сія пріемлетъ“ (1). Такимъ образомъ, не ограничиваясь указаніемъ истиннаго смысла соборныхъ правилъ, которыми защитники дѣвства старались доказать незаконность браковъ, вѣнчанныхъ въ еретической церкви, Алексѣевъ показалъ еще безпоповцамъ, что они сами являются хулителями церкви, называя подобные браки блудомъ.

Еще легче было Алексѣеву показать несостоятельность другого основанія, на которомъ хотѣли утвердить проповѣдники дѣвства свою мысль, будто браки, вѣнчанные въ еретической церкви, суть не больше, какъ блудное сожитіе. На приводимыя ими слова Алексѣя Комнина: „елико аще безъ священныхъ молитвъ своя рабы на сочетаніе брака совокупляюще, не боголюбивъ бракъ составляютъ имъ, но блудническое смѣшеніе утверждаютъ; ихъ же бо не совокупи Богъ, священными молитвами призываемъ, тіи вси сходятся на грѣхъ“ (2), Алексѣевъ писалъ и весьма справедливо: „сія словеса не о іерейскихъ каковыхъ браковѣнчаніихъ глаголются, но о тѣхъ, иже никогда никако браковѣнчанно имутъ жены, каковъ было прившелъ тогда господамъ обычай—самѣмъ священными молитвами поимати жены, рабомъ же просто поимати жены, да не погибнетъ ихъ на рабѣхъ господство“, т. е., по мысли Алексѣева, Алексѣй Комнинъ называлъ блудническимъ смѣшеніемъ не бракъ, вѣнчанный въ еретической церкви, а сожитіе лицъ, нигдѣ не вѣнчанныхъ. Слѣдовательно, слова Комнина не имѣютъ никакого отношенія къ бракамъ, ко-

(1) „О тайнѣ брака„ ч. I, глава: „Изслѣдованіе истиннаго разума святыхъ отецъ правилъ, ихже нѣціи по ложному мнѣнію на отрѣваніе браковъ пріемлютъ“.

(2) Кормч. ч. II, гл. 43, л. 36 об.

торые онъ защищалъ и которые предлагалъ вѣнчать въ православной (по мнѣнію раскольниковъ, еретической) церкви—православными священниками. Защитники дѣвства замѣчали, что эти священники—еретики, и потому хотя и „имутъ въ дѣйствѣ браковѣнчанныя молитвы, обаче не имутъ на сочетаніе творительныя силы духа Святаго“; слѣдовательно „и не совокупляетъ Богъ вѣнчанныя ими“, и они (т. е. вѣнчанные еретиками) суть не больше, какъ блудники. Алексѣевъ, учившій и доказавшій, что существо брака заключается во взаимномъ согласіи жениха и невѣсты и что вѣнчаніе само по себѣ не даетъ брачущимся никакой особенной благодати, а есть только „всенародный“ обычай, дающій браку формальную, гражданскую твердость, могъ, отвѣчая на указанное замѣчаніе, ограничиться только слѣдующими словами: „вѣнчаніе, кѣмъ бы оно ни совершалось, хотя бы и еретическимъ священникомъ, церковь не равняетъ просто поимающимъ, якоже прежде речено“ (1). Точно такой же смыслъ, говорилъ Алексѣевъ, заключается и въ словахъ митрополита Іоанна: „аще кто кромѣ святыя церкве сотворитъ свадьбу, яко блудникомъ епитимія“, на которыя также ссылались противники еретическаго браковѣнчанія. Здѣсь опять называются блудниками не лица, вѣнчавшіяся въ церкви, хотя бы и еретической, но лица, вступившія въ сожитіе безъ всякаго вѣнчанія, и притомъ тайно, т. е. дѣйствительные блудники: „о невѣнчанно поемлющихся глаголетъ (Іоаннъ митр.), писалъ Алексѣевъ, и тайно по себѣ домовно сопрягающихся, о чемъ выше въ царской (Алексѣя Комнина) заповѣди, или и у насъ въ новогородскихъ еретикахъ стригольникахъ, такіе случаи быша, отвращающеся священниковъ и дѣйства ихъ не пріемлюще, своевольно со

(1) „О тайнѣ брака“ ч. I, гл. „Изысканіе третіе о внѣшнемъ браковѣнчаніи“.

женами совокупляхуся, а не о еретическихъ браковѣнчаніяхъ“ (1). „Внѣшняя церковь, продолжали возражать противники еретическаго вѣнчанія, не есть церковь святая и во внѣшней церкви браковѣнчанныя не совокупляетъ Богъ, яко священнословія тамо не бываетъ: убо вси тамо браковѣнчанныя сходятся на блудъ, а блудныхъ церковь не пріимаетъ, не разведше: а посему и сихъ неинако, но, браки расторгше, пріяти въ церковь подобаетъ“. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этого умствованія, Алексѣевъ замѣчалъ только: „ложенъ ихъ въ доводѣхъ сихъ на отрѣваніе новыхъ браковъ глаголъ, паче же и сопротивенъ есть святѣй церкви. Зане святая соборная церковь благоволи внѣшніе браки, яко истинные, пріяти браки. Но аще по инымъ доводамъ не быша тіи совокуплены священными молитвами и блудники суть,—убо святая церковь внѣшніе браки пріятъ, блудниковъ пріятъ“. А отсюда слѣдуетъ, будто „вся святая церковь въ пріятіи такихъ браковъ погрѣши, едини сіи не погрѣшаютъ, отрѣвающе оные браки“; въ заключеніе Алексѣевъ дѣлаетъ такое, рѣдкое въ устахъ безпоповца, замѣчаніе: „святая церковь не умствуетъ о внѣшней церкви такъ, аки бы въ ней священныхъ не было молитвъ, но глаголетъ молитвы, бываемыя въ ней, молитвы священныя, и вси сосуды и одежды внѣшнія церкви и дѣйства не суть простая, но суть священная“ (2).

---

(1) Тамъ же, въ ст. „доводъ второй подобообразный первому“.

(2) Тамъ же, ч. I, гл. „изслѣдованіе истиннаго разума святыхъ отецъ правилъ, ихже нѣціи по ложному мнѣнію на отрѣваніе браковъ пріимаютъ“. Эти слова напоминаютъ намъ слова другаго расколоучителя, протоп. Аввакума, который допускалъ, подобно Алексѣеву, существованіе въ церкви православной священныхъ вещей, но о „дѣйствахъ“-православныхъ священниковъ и молитвахъ православной церкви отзывался, какъ о еретическихъ, дьявольскихъ: „а воду ту святитъ, писалъ онъ о водѣ, освящаемой православнымъ священникомъ, хотя истинный крестъ погружаетъ, да молитву дьявольскую говоритъ. Въ правилѣхъ пишетъ, и образу Христову въ ере-

Что же касается до 135-го правила Тимоѳея Александрійскаго и 168-го правила Ѳеодора Вальсамона, которыми противники Алексѣева хотѣли поразить защитника „еретическаго вѣнчанія“, такъ какъ въ томъ видѣ, какъ приводили эти правила безпоповцы, они прямо называютъ браки, вѣнчанные въ еретической церкви, не браками, а прелюбодѣяніемъ; то, вмѣсто ожидаемой побѣды надъ Алексѣевымъ, защитники дѣвства сами потерпѣли на этомъ пунктѣ страшное пораженіе отъ него. Дѣло въ томъ, что, воспитанные на „часовникѣ и псалтири“, противники Алексѣева не сочли нужнымъ справиться съ подлинными правилами александрійскаго архипастыря, помѣщенными въ Кормчей, и съ подлинными сочиненіями знаменитаго толкователя правилъ церковныхъ, и привели подъ ихъ именемъ такія правила, которыя не только чужды смысла св. писанія и св. отцевъ, но и не отличаются смысломъ грамматическимъ. Вотъ эти мнимыя правила указанныхъ писателей. „Еже отъ еретикъ вѣнчани по вѣрѣ еретической, то не браки, но прелюбодѣйчище есть. Аще имутъ истинныхъ іереевъ, да вѣнчаются снова; аще ли не имутъ, да живутъ просто“. Это—мнимое 135-е правило Тимоѳея Александрійскаго. А вотъ какія умствованія выдали безпоповщинскіе защитники безбрачія подъ именемъ 168-го правила Ѳеодора Вальсамона: „и якоже рекло писаніе, яко еретическій бракъ нѣсть бракъ, но прелюбодѣйчище. Аще обратятся къ соборной апостольской церкви, а крещени, мѵромъ помазуются токмо. Аще хотятъ жити совокупно, аще и дѣти будутъ, паки да вѣнчаются въ церкви. Да аще въ нѣкоей Палестинѣ не будетъ священника и церкви, и имъ плакати во все время живота сво-

---

тическомъ соборѣ не кланятися. Егда онѣ престанутъ отъ молитвы, тогда послѣ ихъ кланяйся. А тутъ же хотя и крестъ, да еретическое дѣйство“. Опис. раск. соч. ч. II, стр. 19.

его, кождо во своихъ храминахъ порозну, и дастъ ей грамоту отпустную. А святыхъ таинъ при смерти сподобляются оба лика. Аще же и священникъ есть, а церкви нѣсть; а въ простой храминѣ не вѣнчать. Аще невѣрніи и не крещени, да крещаются святымъ крещеніемъ. Или едино лице познаетъ вѣру истинную, а другое не познаетъ, и отцемъ духовнымъ ихъ разлучити. И апостолъ рече сице: яко мужъ невѣренъ святится о женѣ вѣрнѣ; или жена невѣрна святится о мужѣ вѣрнѣ. И се во указъ и во образъ церкви не приводите: тамо апостольское слово къ вѣрнымъ, здѣ же воспомянуто о еретическомъ брацѣ, а не о иныхъ. Пріемляй сихъ чрезъ правила святыхъ и не повинуяйся писанію: аще епископъ, или іерей, да извержется изъ сана". Кто былъ сочинителемъ этихъ странныхъ, противорѣчивыхъ умствованій, мы не знаемъ. Послѣднія слова мнимаго правила Тимоѳея александрійскаго невольно напоминаютъ приведенныя нами въ первой главѣ разглагольствія протопопа Аввакума о томъ же предметѣ (1); а мнимое привило Ѳеодора Вальсамона, по своему смыслу и выраженіямъ (2), такъ и просится въ книгу истаго ѳедосѣевца. Какъ бы впрочемъ ни было, только противники ученія Ивана Алексѣева о законности браковъ, вѣнчанныхъ въ церкви еретической, сдѣлали большую ошибку, сославшись въ спорѣ съ нимъ на приведенныя выше правила. Они знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, знали, что Алексѣевъ слишкомъ много читалъ, чтобы не знать, что напр. правилъ Тимоѳея александрійскаго находится въ Кормчей всего только 15, и слишкомъ хорошо знакомъ былъ съ невѣжествомъ безпоповщинскихъ наставниковъ, чтобы вѣрить имъ на слово, особенно при рѣшеніи такого во-

(1) См. перв. гл. стр. 19.

(2) Напр., „и отцемъ духовнымъ ихъ разлучити"; снес. 24-е правило ѳедосѣевскаго собора, бывшаго въ Польшѣ въ 1752 г. въ полн. истор. извѣст. Іоаннова стр. 165.

проса, изслѣдованію котораго онъ посвятилъ всѣ свои силы. А потому, дѣйствуя противъ Алексѣева, при помощи подложныхъ правилъ, они рисковали не только не достигнуть цѣли, напротивъ повредить себѣ и дѣлу, которое защищали, и подвергнуться самому рѣзкому обличенію со стороны своего противника. Такъ и случилось. Доказавъ „подметность“ мнимыхъ правилъ Тимоѳея александрійскаго и Ѳеодора Вальсамона (1), Алексѣевъ обращается затѣмъ къ своимъ противникамъ съ слѣдующею безпощадною рѣчью: „затворитеся врата адова, заградитеся уста еретическія, умолкните языки, блядословищіи на святую церковь. Доколѣ вамъ сія сатанинскія жабы изъ нѣдръ вашихъ испускати, и аки зміеве и ехидны, души христолюбивыхъ уязвляти. Доколѣ вамъ такія діавольскія клеветы на угодниковъ святыхъ Божіихъ и на учителей и столповъ церковныхъ отрыгати. Сія ли ваша святымъ почесть, сицево ли говѣніе свѣтиломъ церковнымъ, еже ихъ безчестити наводами сихъ богомерзкихъ правилъ... И како вы чрезъ оныхъ навѣты Бога надѣетеся узрѣти и милости чрезъ нихъ получити. Нестерпимы воистину сицевыхъ враговъ хулы, яко ни страха Божія, ни стыда человѣческаго имуще, безчувственныя нѣкія невѣжды таковыхъ архипастырей церковныхъ облыгаютъ и своимъ безуміемъ высокоученую ихъ премудрость безчестятъ, и въ Духъ Святый согрѣшаютъ, догматами такихъ учителей церковныхъ свое блядословіе называютъ. Блюдитеся вы, сынове церковніи, такихъ блядословцевъ и не соплетайтеся съ ними, но бѣгайте ихъ, аки злосмрадныя гагрены; слово бо имъ не бываетъ во исцѣленіе, понеже двоими язвами сими гніютъ — властолюбіемъ и упрямствомъ, тѣмъ и въ цѣльбу здраваго ученія необыкновенніи приходити, но

(1) „О тайнѣ брака“ въ главѣ: „Изысканіе третіе о внѣшнемъ браковѣнчаніи“.

токмо, аки крастовыя, прикасающеся здравымъ, крастою своею надѣляти. Вѣдайте, аще величайшіи учители наши не могоша въ нихъ добраго чювства вложити, что же мы содѣяти имъ можемъ, только сіе — не бесѣдовати ради суетнаго съ ними упражненія въ томъ и въ домы своя не припущати ихъ“ (1).

Судя по тому, что на всѣ возраженія безпоповщинскихъ наставниковъ противъ ученія Алексѣева о необходимости брачной жизни и о возможности (законной) заключать браки въ церкви православной были представлены сочинителемъ книги: „о тайнѣ брака“, какъ видѣлъ читатель изъ всего вышесказаннаго, самыя основательныя опроверженія, можно бы думать, что защитники всеобщаго, безусловнаго дѣвства оставятъ свое упорство и признаютъ ученіе Алексѣева справедливымъ. Но „язвы властолюбія и упорства“, которыми, по словамъ Алексѣева, гнили эти люди, были до того застарѣлы и глубоки, что защитникъ брака, какъ видно изъ послѣднихъ его словъ, даже и не надѣялся на исцѣленіе ихъ. И если онъ писалъ опроверженія на разные „доводы“ своихъ противниковъ, то, кажется, единственно для того, чтобы освободить отъ лжеученія бракоборцевъ молодое поколѣніе, на которое Алексѣевъ по преимуществу и расчитывалъ, обращаясь къ своимъ единовѣрцамъ съ проповѣдію о необходимости брачной жизни (2). И Алексѣевъ не обманулся въ своихъ

---

(1) Тамъ же, ч. I, гл. „О преложеніи древнихъ дѣлъ и обычаевъ“.

(2) Въ одномъ мѣстѣ Алексѣевъ, сказавъ, что безпоповщинскіе проповѣдники дѣвства, „не хотяще богопреданному ученію и церковному преданію покоритися, свои нѣкія ложныя и блядословія полныя догматы избираютъ“, замѣчалъ: „того ради и не хотѣлъ писати на ихъ блядословныя догматы, яко сами отъ себѣ ложны и безумны быти познаются, но любве ради спасенія ищущихъ въ трудъ сей вдахся, да не вредятся отъ сихъ лукавыхъ догматъ, наипаче же да знаютъ гнилое основаніе раздорныхъ сихъ безумцевъ и да вѣдаютъ, коль богопротивное ученіе подъ святынею ихъ (аки зміи ядовитыи подъ листомъ) таится; тѣмъ же и глаголю: блюдитеся сынове

надеждахъ. Потому ли, что ученіе защитниковъ всеобщаго дѣвства со всѣми основаніями, на которыхъ оно утверждалось, будучи сопоставлено съ ученіемъ Алексѣева о бракѣ, являлось въ глазахъ людей непредубѣжденныхъ и безпристрастныхъ слишкомъ натянутымъ и фальшивымъ, или потому, что нужда брачнаго сожитія слишкомъ живо чувствовалась невольными дѣвственниками, вслѣдствіе господствовавшаго въ средѣ ихъ разврата, только все, что было въ безпоповщинѣ болѣе честнаго и способнаго на принятіе слова истины, стало на сторону Алексѣева и готово было воспользоваться его совѣтами въ устроеніи своей жизни. Мы не можемъ сказать, какъ велико было число послѣдователей Алексѣева, рѣшившихся дѣвственную жизнь перемѣнить на брачную; но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать, что число ихъ было не мало. Въ 1757 г. около Алексѣева сгруппировалось уже цѣлое „общество“ людей, которыхъ противники его называли „новоженами“. И такъ какъ слово Алексѣева о необходимости брачной жизни было обращено ко всѣмъ вообще безпоповцамъ, то не удивительно, что въ обществѣ, главою и руководителемъ котораго сдѣлался Алексѣевъ, были люди разныхъ толковъ: и ѳедосѣевцы, и поморцы (1), словомъ: всѣ тѣ изъ безпоповцевъ, кои не въ силахъ были вынести безъ паденія высокаго подвига дѣвства и въ тоже время считали грѣхомъ предаваться разврату. Жизненный вопросъ о бракѣ заставлялъ этихъ людей забывать взаимную вражду между собою изъ–за нѣкоторыхъ обрядовыхъ разностей и становиться подъ одно знамя, поднятое Алексѣевымъ. Теперь остается рѣшить вопросъ: какъ и гдѣ безпоповцы, рѣшившіеся, по слову Алексѣева, вести брач-

святыя церкве таковыхъ и не прельщайтеся на словеса ихъ притворная и на мнимую ихъ святыню“ („О тайнѣ брака“ ч. I, гл. „На новообрѣтенный потребникъ, глаголемый Іоанна Кущника, обличеніе“).

(1) О бракѣ въ другихъ безпоповщинскихъ толкахъ будетъ рѣчь послѣ.

ную жизнь, заключали свои браки? Алексѣевъ, какъ мы видѣли выше, указывалъ для этого одинъ путь—вѣнчаться въ православной церкви. Но могли ли раскольники воспользоваться этимъ путемъ? Предлагая этотъ вопросъ, мы имѣемъ въ виду не самихъ безпоповцевъ, считавшихъ всякое общеніе съ православною церковію за тяжкій грѣхъ, за ересь,—вопросъ о возможности вѣнчаться въ церкви еретической (т. е. православной), безъ опасенія сдѣлаться чрезъ это отступникомъ отъ „истинной вѣры", былъ рѣшенъ Алексѣевымъ удовлетворительно и это рѣшеніе было признано послѣдователями его правильнымъ,—но церковь православную, молитвами которой рѣшились безпоповцы освящать свои брачныя сожитія. Извѣстно, что вскорѣ послѣ учрежденія Св. Сѵнода церковная власть издала по вопросу о бракахъ раскольниковъ постановленія, по которымъ раскольники могли вѣнчаться въ церкви православной не иначе, какъ принявъ предварительно православіе. Такъ, въ указѣ Св. Сѵнода отъ15-го мая 1722 года сказано: „въ брачныхъ раскольниковъ съ православными сочетаніяхъ лице раскольничье, православному сопрягаемое, первѣе да пріиметъ церкви святѣй обѣщаніе съ присягою; обоихъ, расколъ держащихъ, лицъ не вѣнчать"; а если бы кто изъ священниковъ нарушилъ это постановленіе, тотъ подвергался наказанію, какъ наказанію подвергались и сами вѣнчавшіеся (1). Въ томъ же 1722 году, 16-го іюля, было постановлено о томъ же предметѣ слѣдующее: „раскольники, ежели похотятъ дѣтей своихъ вѣнчать отъ православныхъ іереевъ, и таковыхъ православнымъ іереямъ вѣнчать по чину церковному и по новоисправленныхъ требникамъ, какъ и прочихъ правовѣрныхъ, точію... брачущихся обязывать присягою и сказками, что имъ впредь расколу не держать, но быть въ

(1) Собраніе постановл. по части раскола 1860 г. кн. I, стр. 34.

содержаніи правовѣрія твердымъ и съ раскольниками никакого согласія не имѣть и разговоровъ о раскольническомъ ихъ мнѣніи не употреблять и раскольническихъ учителей при себѣ не держать, и нигдѣ съ ними не общаться, подъ жестокимъ штрафомъ“ (1). Этотъ послѣдній указъ былъ подтвержденъ въ 1736 году (отъ 21-го марта) (2) и съ нѣкоторыми ограниченіями (3) существовалъ въ качествѣ дѣйствующаго закона до 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія (4), когда, какъ увидимъ послѣ, позволено было православнымъ священникамъ вѣнчать раскольниковъ, не обязывая ихъ обращаться къ церкви православной. Такимъ образомъ, по силѣ указанныхъ постановленій церковной власти, послѣдователи Алексѣева ставились въ большое затрудненіе. По ученію своего руководителя, они могли вступать законно въ браки только въ нашей православной церкви, а между тѣмъ церковь не соглашалась вѣнчать раскольниковъ безъ предварительнаго обращенія ихъ къ православію. Согласиться на это послѣднее условіе безпоповцы, конечно, не могли; да и самъ Алексѣевъ училъ, что только тому, кто, вѣнчаясь въ церкви еретической (т. е. нашей православной), „еретическими обѣты не обяжется, не вмѣнится“ вѣнчаніе „во отступленіе вѣры“ (5). Съ другой стороны самое вѣнчаніе въ православныхъ храмахъ „по чину церковному и по новоисправленнымъ требникамъ“, какъ требовали того указы Св. Синода 1722 и 1736 годовъ, могло смущать ревнителей древняго благочестія. Вѣнчаясь подобнымъ образомъ, пришлось бы послѣдователямъ Алексѣева ходить около аналоя противъ солнца, а не по солнцу, получать пастыр-

(1) Тамъ же, стр. 53—54.
(2) Тамъ же, стр. 304—308.
(3) Тамъ же, стр. 694.
(4) Тамъ же, кн. II, стр. 241—242; снес. стр. 374, 380—384, 387—388.
(5) „О тайнѣ брака“ гл. 5.

ское благословеніе именословное, а не двуперстное и проч., все — такія вещи, изъ-за которыхъ главнымъ образомъ и отдѣлились отъ церкви раскольники. Что же однако было дѣлать? Исходъ изъ тяжелаго, невыносимаго для многихъ, пребыванія въ дѣвствѣ къ законной супружеской жизни былъ, по видимому, такъ легокъ, и вотъ является препятствіе съ той стороны, откуда всего меньше можно было ожидать его (1). Къ радости Алексѣева и его послѣдователей, въ то время, когда издавались указы съ предписаніемъ вѣнчать раскольниковъ не иначе, какъ „по церковному чину и новоисправленнымъ требникамъ“ и по присоединеніи ихъ къ православію, между православнымъ духовенствомъ было не мало лицъ, которыя считали распоряженія власти, чего бы они не касались, не для нихъ писанными, или по крайней мѣрѣ „за пенязи“ готовы были нарушать ихъ—при всякомъ удобномъ случаѣ. Что слова наши — не клевета на православное духовенство первой половины прошлаго столѣтія, а сущая правда, — на это можно представить множество доказательствъ. Такъ, еще въ 1716 году изданъ былъ Высочайшій указъ „о сборѣ во всемъ государствѣ штрафа съ неисповѣдавшихся и о переписи и обложеніи раскольниковъ двойнымъ окладомъ противъ ихъ платежей“. Между тѣмъ въ 1722 году протоинквизиторъ іеродіаконъ Пафнутій доносилъ Св. Суноду, что означенный указъ „приводится въ исполненіе только въ московской и нижегородской епархіяхъ“. 21-го февраля того же года Сунодъ опредѣлилъ „во всѣ епархіи ко ар-

(1) Церковная власть, кажется, и сама сознавала непрактичность своего распоряженія о вѣнчаніи раскольниковъ подъ непремѣннымъ условіемъ обращенія ихъ къ церкви, когда, еще до оффиціальнаго отмѣненія этого постановленія, признавала раскольническіе браки, вѣнчанные вопреки указу 1722 г., нерасторжимыми, а священниковъ, вѣнчавшихъ подобные браки, свободными отъ суда. Собраніе постановл. по части раск. 1860 г. кн. II, стр. 103—104.

хіереямъ послать Его Императорскаго Величества указы, дабы они каждый въ своей епархіи учинили подлинныя вѣдомости по состоявшемуся (1) Его Императорскаго Величества имянному указу 1716 года, февраля 8-го дня". 16-го іюля того же года Св. Сѵнодъ уже вмѣстѣ съ Сенатомъ „приговорили: прежде состоявшіеся о раскольникахъ Его Императорскаго Величества указы *возобновить и повторительно распубликовать*, дабы всякъ вѣдалъ и незабытно памятовалъ, что по первому, февраля 1716 года состоявшемуся, Его Императорскаго Величества имянному указу велѣно" (2). И что же? Октября 16-го того же года Св. Сѵнодъ нашелъ нужнымъ—„во епархіи ко архіереямъ о присылкѣ надлежащихъ бородачамъ и раскольникамъ вѣдомостей въ самомъ скоромъ времени послать съ прежнихъ отпусковъ *третьи* указы, въ которыхъ написать такое подтвержденіе: ежели по тѣмъ третьимъ указамъ оныхъ о раскольникахъ вѣдомостей на указной по генеральному регламенту срокъ не пришлется, то Св. Сѵнодъ будетъ впредь поступать такъ, какъ Его Императорскаго Величества именной, 1721 года января 27-го дня состоявшійся, указъ повелѣваетъ" (3). Не смотря впрочемъ на такую угрозу, дѣло не подвигалось впередъ, и въ 1724 году (ноября 16-го) Св. Сѵнодъ сознался, что по всѣмъ его указамъ „достодолжнаго исполненія не учинено" и „изъ многихъ епархій вѣдомостей о раскольникахъ не присланожъ" (4). Наконецъ, когда въ 1726 году велѣно было вѣдомости о раскольникахъ и о сборѣ съ нихъ денегъ передать въ сенатъ, сѵнодальный оберъ-прокуроръ Баскаковъ объявилъ, что въ сѵнодальной конторѣ находятся вѣдомости одной только московской губерніи, а изъ про-

(1) Собраніе постановл. по части раск. 1860 г. кн. I, стр. 25.
(2) Тамъ же, стр. 45.
(3) Тамъ же, стр. 65.
(4) Тамъ же, стр. 118—119.

чихъ губерній онѣ не присланы;—когда же сенатъ настаивалъ, чтобы Сѵнодъ сообщилъ ему вѣдѣніе, сколько гдѣ собиралось съ раскольниковъ денегъ, послѣдній, указомъ 18-го марта 1726 года, снова требовалъ вѣдомостей „изъ всѣхъ мѣстъ для отсылки въ высокій сенатъ“ и съ этою цѣлію послалъ указы „во всѣ епархіи, кромѣ кіевской и переяславской, ко архіереямъ“ (1). Но и послѣ этого вѣдомости не присылались, какъ видно изъ указовъ отъ 6-го іюня и 7-го декабря того же 1726 года (2). Если же такъ медленно исполнялись распоряженія власти высшимъ епархіальнымъ начальствомъ, то что же сказать о простыхъ сельскихъ священникахъ, изъ которыхъ многіе въ первой половинѣ прошлаго столѣтія едва могли прочитать сѵнодскіе указы? И удивительно ли послѣ этого, что многіе изъ православныхъ священниковъ или незнали о распоряженіяхъ власти—вѣнчать рискольниковъ не иначе, какъ по присоединеніи ихъ къ церкви, или по крайней мѣрѣ не считали этихъ распоряженій обязательными для себя—особенно, когда неисполненіе ихъ могло принести имъ какую либо выгоду. И это—не предположеніе только, а опять горькая правда, засвидѣтельствованная самою властію церковною. Такъ, не смотря на указъ Св. Сѵнода 15-го Мая 1722 года, которымъ опредѣлялось „поповъ, которые по раскольническому содержанію противно что дѣйствуютъ, лишать священства и отдавать въ наказаніе гражданскому суду“,—не смотря на разосланную повсюду Св. Сѵнодомъ въ томъ же году (17-го мая) присягу, которую каждый изъ духовныхъ долженъ былъ дать и въ которой, между прочимъ, значилось: „клянусь и еще Богомъ живымъ, что во всю мою жизнь церковнымъ раскольникамъ сообщаться и никакихъ съ ними согласій употреблять ни подъ какимъ

(1) Тамъ же, стр. 163—169.
(2) Тамъ же, стр. 173—175 и 178.

предлогомъ отнюдь не дерзну“ (1),—было не мало „поповъ нѣкіихъ окаянныхъ“, по выраженію одного Сѵнодскаго указа, которые не только готовы были исправить для раскольниковъ какую угодно требу, но и сами придерживались раскольническихъ мыслей. Такъ, изъ дѣлъ Св. Сѵнода видно, что въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія потворствовали раскольникамъ весьма многіе священники Новгородской губерніи, показывая ихъ въ исповѣдныхъ сказкахъ бывшими у исповѣди и св. причастія, между тѣмъ какъ раскольники никогда не бывали и въ церкви (2). Въ 1723 году открылось, что въ Калугѣ находилось въ ту пору множество священниковъ, которые, „по учиненіи присяги, по раскольническому обыкновенію отправляли церковныя и прочія требы, маня раскольникамъ“ (3). А по другимъ извѣстіямъ, въ это время въ Калугѣ не только „всѣ священники всякое священное служеніе отправляли по старопечатнымъ требникамъ и служебникамъ и другимъ книгамъ, и обхожденіе круга имѣли по солнцу, и служили литургію на седьми просфорахъ подъ видомъ осьмиконечнаго креста“, но даже архимандритъ Калужскій „Каріонъ“, вмѣсто того, чтобы „воспрещать приходскимъ попамъ отправлять требы по старопечатнымъ требникамъ, и самъ оное чинилъ и во исповѣди былъ у раскольническихъ поповъ и причащался, а въ церкви нигдѣ св. таинъ не пріобщался“ (4). Въ томъ же 1723 году „по допросу явился въ противности церковной и въ расколѣ попъ Прохоръ Спиридоновъ изъ Коломенской епархіи“ (5); а другой „Коломенскій попъ Яковъ Семеновъ“ ѣздилъ въ

(1) Собраніе постановл. по части раск. 1860 г. кн. I, стр. 38—39.

(2) Опис. докум. и дѣлъ св. Сѵнод. стр. 210 и 260; снес. Собр. пост. по части раск. 1860 г. кн. I, стр. 69 и 143—144.

(3) Собр. пост. по части. раск. 1860 г. кн. I, стр. 78.

(4) Опис. докум. и дѣлъ св. Сѵнод. стр. 333; см. также стр. 180—1 и 343.

(5) Собр. пост. по части раск. 1860 г. кн. I, стр. 79.

Москву и здѣсь „въ домахъ у людей разныхъ чиновъ дѣйствовалъ раскольническимъ обыкновеніемъ по старопечатнымъ книгамъ“ (1). Въ томъ же 1723 году ходатайствовала предъ Св. Сѵнодомъ жена одного московскаго священника, по имени Ѳеодора Матвѣева, бывшаго у Покровской, что за Смоленскими воротами на пескахъ, церкви и за потворство раскольникамъ сосланнаго въ Соловецкій монастырь (2). Въ одно время съ Ѳеодоромъ Матвѣевымъ судился за расколъ священникъ московскаго уѣзда, села Селивачева, Сергѣй Никитинъ (3). Кромѣ „укрывателя“ раскольниковъ попа Ѳеодора Матвѣева, было въ Москвѣ въ указанное время не мало и другихъ священниковъ, которые или потворствовали раскольникамъ, или даже сочувствовали имъ. Такъ, „по доношенію бывшихъ управителей московской Тіунской палаты“ (въ приказѣ церковныхъ дѣлъ), двухъ московскихъ священниковъ, Ивана Ѳеоктистова Вознесенской, что за Серпуховскими воротами, церкви, и Никифора Михайлова Воскресенской, что въ Монетчикахъ, церкви, въ Москвѣ потворствовали раскольникамъ 60 священниковъ (4), а по доношенію Златоустовскаго архимандрита Антонія, такихъ укрывателей было 78 человѣкъ (5). Но что важнѣе всего: самъ Антоній, бывшій судьею въ приказѣ церковныхъ дѣлъ, на обязанности котораго лежало наблюденіе за нерадивыми священниками, обвинялся въ „потаковничествѣ“ расколу (6). Въ 1725 году „попъ села Опыхова, Бѣлевскаго уѣзда, Никифоръ Львовъ“ показалъ на допросѣ въ канцеляріи Св. Сѵнода, что онъ „издѣтска крестное на

(1) Опис. докум. и дѣлъ св. Сѵнода стр. 310.
(2) Собр. пост. по части раск. 1860 г. кн. I, стр. 87—8.
(3) Опис. докум. и дѣлъ св. Сѵнода стр. 91.
(4) Тамъ же, стр. 343.
(5) Тамъ же, стр. 570.
(6) Тамъ же, стр. 345.

себѣ знаменіе изображалъ, по наученію отца своего, двоеперстнымъ сложеніемъ лѣтъ съ 30 и больше; въ томъ числѣ и по поставленіи въ попа оное крестное знаменіе изображалъ лѣтъ съ 10, и мірскія потребы отправлялъ: младенцевъ крестилъ, и свадьбы вѣнчалъ, и дѣтей своихъ духовныхъ исповѣдывалъ по старопечатнымъ книгамъ“ (1). Въ 1726 г. Холмогорскій провинціалъ-инквизиторъ доносилъ чрезъ московскую, сѵнодальнаго правленія, канцелярію Св. Сѵноду, что „священники той епархіи укрываютъ раскольниковъ, а преосвященный Варнава, архіепископъ Холмогорскій и Важескій, по его доносамъ, о священническихъ нестроеніяхъ указа не чинитъ“ (2). Въ 1727 году преосвященный Нижегородскій Питиримъ, ревностный преслѣдователь раскола, просилъ Св. Сѵнодъ снова подчинить ему бывшіе въ вѣдомствѣ сѵнодальной области города: Арзамасъ, Ярополчь, Вязниковскую слободу и Гороховецъ съ уѣздами, и это—потому, что тамъ раскольники снова стали умножаться „за укрывательствомъ и потачкою тамошнихъ поповъ“, которые дѣйствовали такъ изъ-за „скверныхъ своихъ прибытковъ, которые имѣютъ за укрывательство раскольниковъ“ (3). Въ 1737 году раскольникъ Круглый въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ говорилъ на допросѣ, что онъ въ 1732 году женился на дѣвкѣ Настасьѣ Митрофановой, „а вѣнчалъ-де его Круглова въ церкви Преображенія Господня тоя церкви попъ Григорій Гавриловъ завѣдомо, что онъ Круглой раскольникъ и въ церковь не ходитъ, и тогда-де къ вѣнчанію въ церковь онъ, Круглый, пошелъ для того, что онъ попъ Григорій говорилъ ему, Круглому, что вѣнчать будетъ по старинному, и въ церкви-де при вѣнчаніи хожденіе вкругъ имѣ-

(1) Собр. постановл. по части раск. 1860 г. кн. I, стр. 125—126.
(2) Тамъ же, стр. 158.
(3) Тамъ же, стр. 188—189.

лось по солнцу, а за то-де оному попу, онъ Круглой, далъ денегъ пять рублевъ“ (1). Впрочемъ, къ чему много указывать на частные случаи (2). Лучшимъ доказательствомъ того, что въ числѣ духовенства православнаго не только въ прошломъ столѣтіи, но и до самаго послѣдняго времени, было не мало лицъ, которыя, изъ-за денегъ, или даже по искреннему сочувствію къ мнѣніямъ заблуждающихъ, готовы были оказывать раскольникамъ всевозможныя снисхожденія, служитъ пребываніе въ поповщинскомъ расколѣ, во всю его жизнь, и нерѣдко въ значительномъ количествѣ, такъ называемыхъ, бѣглыхъ поповъ, которые явно, открыто оставляли православіе и становились на сторону раскола. А послѣ всего сказаннаго очевидно, что, не смотря на постановленіе церковной власти — вѣнчать раскольниковъ не иначе, какъ по предварительномъ присоединеніи ихъ къ церкви, безпоповцы, рѣшившіеся, по ученію Алексѣева, вступать въ бракъ съ благословенія еретической (т. е. православной) церкви, могли заключать свои браки безпрепятственно, не обязываясь „еретическими обѣтами“, и даже не „по новоисправленнымъ требникамъ“, а по старопечатнымъ; такъ какъ, не смотря на усиленныя заботы церковнаго правительства объ изъятіи изъ употребленія старопечатныхъ книгъ (3), ихъ находилось въ прошломъ столѣтіи очень много не только у раскольниковъ, но даже въ православныхъ церквахъ. Такъ напр. въ 1723 году доведено было до свѣдѣнія Св. Сѵнода, что въ Калугѣ „во всѣхъ церквахъ“ служили по старопечатнымъ книгамъ (4); а въ Москвѣ въ началѣ 20-хъ

---

(1) Раск. дѣла XVIII ст. т. I, стр. 358.

(2) См. Опис. докум. и дѣлъ св. Сѵнода стр. 437, 662, 733 и др.

(3) Полн. собр. зак. № 3784; Собр. пост. по части раск. 1860 г. кн. I, стр. 54—5, 114—115, 196 и др.

(4) Собр. постановл. по части. раск. 1860 г. кн. I, стр. 78.

годовъ прошлаго столѣтія „книги харатейныя и старопечатныя“ продавались открыто (1).

Судя по тому, что послѣдователи Алексѣева могли заключать и, конечно, заключали свои браки хотя и въ православныхъ церквахъ, но съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ обрядовыхъ особенностей, которыя признавались заблуждающими единственно — правильными, можно бы думать, что противники брачной жизни обратятъ вниманіе на эту сторону „новыхъ браковъ“ и если не признаютъ ихъ вполнѣ правильными, то по крайней мѣрѣ предпочтутъ подобныя сожитія блуду. Къ удивленію, на дѣлѣ оказалось совершенно противное; брачныя сожитія, освящавшіяся въ православныхъ (а по мнѣнію раскольниковъ, еретическихъ) церквахъ, бракоборцы признали въ своемъ фанатическомъ ослѣпленіи не только блудомъ, но даже хуже блуда, и стали проповѣдывать, „яко лучше, хотя четырехъ или пять женъ или десять, невѣнчанныя въ бракъ имѣти и съ ними блудити, нежели едину бракомъ сопряженную“ (2). Подобныя „темнаго помраченія реченія“, какъ называетъ ихъ Алексѣевъ, должны были, естественно, показать всѣмъ, кто еще не рѣшался послѣдовать Алексѣеву, что защитники всеобщаго дѣвства, если не сошли окончательно съ ума, то по меньшей мѣрѣ погрязли въ развратѣ до того, что потеряли всякое чувство нравственное, — и ободрить несмѣлыхъ людей къ окончательному разрыву съ обществомъ, во главѣ котораго стояли проповѣдники такой дикой безнравственности, — и къ переходу на сторону Алексѣева. А слѣдствіемъ этого было то, что число „новоженовъ“ день ото дня болѣе и болѣе увеличивалось и, наконецъ, желавшихъ вступать въ браки оказалось такъ много, что самъ Алексѣевъ рѣшился вѣнчавшихся въ православныхъ

(1) Опис. докум. и дѣлъ св. Синода стр. 171.

(2) „О тайнѣ брака“ гл.: „О двоебрачныхъ и трибрачныхъ“.

храмахъ раскольниковъ подвергать разнаго рода стѣсненіямъ, и именно — однихъ изъ брачившихся онъ сталъ принимать въ свое общество безъ всякихъ ограниченій, допускалъ ихъ въ общія молитвенныя собранія и раздѣлялъ съ ними трапезу, другихъ сталъ лишать этихъ правъ общенія. Нѣтъ нужды говорить, что, допустивъ подобное различіе „въ пріятіи новыхъ браковъ“, Алексѣевъ измѣнилъ своимъ началамъ и впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Что же собственно заставило Алексѣева рѣшиться на такой, невыгодный для его ученія, шагъ, бывшій, какъ увидимъ послѣ, причиной того, что нѣкоторые изъ его послѣдователей оставили его? Вотъ какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ сочинитель книги: „о тайнѣ брака“: „сего разньства въ пріятіи новыхъ браковъ не есть вина человѣкоугодія, ниже заблужденія, но вина знаменательная, да будетъ того дѣла память безсмертна. Яко, да егда вопроситъ кто въ послѣдующая времена, для чего такъ овыя пріемлются, а овыя того же дѣйства не пріемлются: можетъ родъ грядущій сказати вину, яко сіе памятное знаменованіе уставися во храненіе внѣшнія страны: да егда видиши себе за бракъ сей отлучима, разумѣй то іерейство, отъ него же пріялъ еси вѣнчаніе брака, незаконно: дѣйство же его брака, за силу законнаго основанія и за случаи нужныи заключенія того и за повсемство чина христіанскаго, вмѣняется церковію за дѣйство сущее брака, а не за оно, чтобы и прочая дѣла того іерейства вмѣняти за сущая таинства“. Алексѣеву возражали, что „первенствующая церковь, по его собственнымъ словамъ, не разньственно“ принимала браки, вѣнчанные въ церквахъ еретическихъ,—почему же онъ допустилъ различіе „въ пріятіи нововѣнчанныхъ“? Въ отвѣтъ на это справедливое возраженіе Алексѣевъ писалъ: „прежде обычай бяше, во внѣшнихъ воспріявшу браковѣнчаніе, ко іерейству со-

борныя церкви обращшуся приходити и тамо послѣдующая брака исполняти, се есть: родовъ исправленіе, крещенія младенцевъ и прочихъ: такъ и отъ еллинъ, и отъ іудей, и отъ еретикъ обращеннымъ: нынѣ же тако браковѣнчанныя, не имущему іерейства собору, отъ внѣшняго іерейства безъ разньства посполито пріимати всѣхъ, что будетъ? развѣ се: *умноженіе явившееся браковѣнчанныхъ* временемъ востребуетъ и вся та іерейская таинства, глаголюще: аще едина тайна того іерейства въ насъ пріята, то что возбраняетъ о прочихъ тайнахъ пріяти. Итакъ, по малу и само іерейство незаконное воспріиметъ. Тѣмъ же, да не отъ свободы сея израстетъ злое послѣдованіе оно, уздою задержанія сего входа дается онымъ чювство, да знаетъ всякъ, яко іерейство оно не господствуетъ по инымъ дѣйствамъ, точію сего случайнаго брака". Сказавъ затѣмъ, въ оправданіе своего отступленія отъ порядка въ принятіи въ церковь вѣнчанныхъ въ еретикахъ, существовавшаго въ древности, что и „въ ветхомъ и новомъ писаніи" было не мало „заповѣданій не по силѣ естества вещей, но по нуждѣ простаго народа", что и въ древности „иныхъ паденія бо́льшаго облюденіемъ подобательное завѣщаніе въ неподобательно обращалось", т. е. для избѣжанія бо́льшаго зла допускалось меньшее, наприм., отмѣна однихъ правилъ и установленіе другихъ, Алексѣевъ продолжалъ: „такъ и въ насъ о новобрачныхъ, подобательное первенствующія церкве оставльше, въ различный судъ пріятія въ общество сихъ сотворися. Потреба была всѣмъ безъ разньства въ обществѣ быти: но сего нѣсть, да не симъ соединеніемъ сложатся къ чуждему приступити дѣйству. Зрите же, что и фарисеи вопрошаютъ Христа: достоитъ-ли человѣку по всякой винѣ жену свою отпущати, яко же Моисей заповѣда. На сіе Христосъ отвѣща имъ, яко Моисей по жестокосердію вашему написа

вамъ жены отпущати, изначала же не бысть тако. Здѣ ясно Христосъ объяви, яко мнози Моисеемъ заповѣди быша (даны) по народѣ непокоривомъ. То и мы глаголемъ, яко старшіи въ насъ уставиша сіе благоразумно, опасаючи неразсудный и слабый народъ отъ дѣйствъ новшественныхъ, посредѣ общества и отлученія новобрачныя опредѣлиша быти: не яко ненавидя новобрачныя, или браки, но братіею суще вмѣняючи, то отлученіе устроиша, нѣкіимъ даючи чювство неправильныхъ дѣйствъ. Ибо, замѣчаетъ Алексѣевъ, и то есть любовь, что (бы) нѣкоимъ противнымъ дѣйствомъ воспятить къ злобѣ сущей неразумныя приходити“ (1). Нѣтъ спора, что мысль, которою руководствовался Алексѣевъ, при установленіи различныхъ ограниченій для вѣнчавшихся въ православной церкви, могла казаться многимъ безпоповцамъ довольно уважительною, но нельзя не сознаться и въ томъ, что „неразсудный и слабый народъ“, изъ-за котораго собственно и ввелъ Алексѣевъ различіе въ пріемѣ „нововѣнчанныхъ“, могъ перетолковать ее по-своему—и притомъ не въ пользу того дѣла, защиту котораго взялъ на себя Алексѣевъ. Видя себя отлученными отъ общихъ молитвенныхъ собраній и лишенными общенія въ трапезѣ, вѣнчавшіяся въ православныхъ храмахъ лица, недалекія смысломъ, могли подумать, что вѣрно вѣнчаніе въ еретической церкви — незаконно, если за него налагается наказаніе, и что, слѣдовательно, и самый бракъ, заключенный подобнымъ образомъ, неправиленъ. Къ какимъ, невыгоднымъ для ученія Алексѣева, слѣдствіямъ могли вести подобныя думы, понятно всякому. Съ другой стороны указаннымъ ограниченіемъ въ пріемѣ „нововѣнчанныхъ“ Алексѣевъ давалъ поводъ къ обвиненію себя въ несправедливости и

(1) „О тайнѣ брака“ гл.: „Разглагольствіе краткое къ вопрошающимъ о разньствіи суда въ пріятіи нововѣнчавшихся брачно“.

въ самоуправствѣ и обнаружилъ крайнюю непрактичность. Въ самомъ дѣлѣ, однихъ изъ раскольниковъ, вѣнчавшихся въ православной церкви, принимать въ общество безъ всякихъ ограниченій, другихъ за то же самое подвергать разнымъ стѣсненіямъ, — развѣ это справедливо? Кромѣ того, чѣмъ, кромѣ произвола, могъ руководствоваться Алексѣевъ, сортируя на разныя группы своихъ послѣдователей? Наконецъ, если онъ принималъ въ общество безъ всякихъ ограниченій повѣнчанныхъ православными священниками раскольниковъ „разумныхъ“, а лишалъ общенія въ общей молитвѣ и трапезѣ „неразсудныхъ и слабыхъ“,—въ такомъ случаѣ онъ шелъ противъ большинства заблуждающихъ и притомъ такого, которое могло и не понять цѣли, съ какою установлено было это различіе въ пріемѣ „нововѣнчанныхъ“. Дѣйствуя на оборотъ, Алексѣевъ вооружалъ противъ себя людей вліятельныхъ въ расколѣ, которые своимъ авторитетомъ могли оттолкнуть отъ защитника брачной жизни массу. Но главная ошибка Алексѣева состояла въ томъ, что, рѣшившись подвергнуть нѣкоторыхъ изъ своихъ послѣдователей разнымъ стѣснительнымъ ограниченіямъ, онъ не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что положеніе раскольниковъ, послѣдовавшихъ его ученію, и безъ того было крайне тяжелое, благодаря тѣмъ возмутительно-жестокимъ отношеніямъ, въ какія поставили себя къ новоженамъ защитники всеобщаго дѣвства, и что, слѣдовательно, ему не слѣдовало увеличивать своими ограниченіями тяжесть этого положенія.

Видя, что клеветы на честную личность Алесѣева не достигли своей цѣли, а доводы, которыми безпоповцы старались доказать необходимость всеобщаго дѣвства, оказались слишкомъ слабыми въ сравненіи съ тѣми резонами, какіе указывалъ Алексѣевъ въ пользу брака,—защитники всеобщаго безбрачія рѣшились перемѣнить свою тактику

въ борьбѣ съ Алексѣевымъ и его послѣдователями и изъ области теоретическихъ преній и разглагольствій перешли на почву практическую, житейскую. Заклеймивъ всѣхъ, вступавшихъ въ браки въ православныхъ храмахъ, именемъ еритиковъ, отступниковъ отъ истинной вѣры, которымъ грозитъ въ будущей жизни одна вѣчная погибель, защитники дѣвства положили — прервать всякое общеніе съ подобными людьми, точно съ зачумленными. Съ этою цѣлію въ Польшѣ составляется въ 1752 году (1) ѳедосѣевцами (2) сборище, на которомъ они постановили противъ новоженовъ слѣдующія правила: „съ новоженомъ въ единой храминѣ не жити христіанамъ; аще ли начнутъ жити, и таковыхъ отлучать. Такожде и не стряпать въ новоженскихъ домѣхъ и не обѣдать; аще ли обрящутся таковіи, да состворятъ поклоновъ 100 до земли. Аще ли которые старостію погорблены и не имѣютъ гдѣ пристанища, таковымъ подобаетъ попустить и на моленіе ихъ пріимать, а сосуды имъ свои особные имѣть и съ христіанами имъ въ пищахъ не собщатися, и на единомъ столѣ съ новоженами не ясти и дѣтей ихъ новоженскихъ не пѣстовати; аще ли преслушаютъ, да отлучатся. А которыя дѣти новоженскія въ возрастѣ и восхощутъ быти съ христіаны, то жити имъ въ особныхъ храминахъ и стряпать имъ самимъ на себя; христіаномъ же съ сицевыми нужды ради ясти не возбраняемъ, а духовнымъ у таковыхъ не праздновать; аще ли преслушаютъ, да отлучатся. Въ отлученныхъ домахъ и въ мірскихъ и въ ново-

(1) У Іоаннова стр. 155 показанъ 1751 г., но, по другимъ извѣстіямъ, сборище ѳедосѣевцевъ происходило „осьмыя тысящи двѣсти шестдесятаго года“, т. е. въ 1752 г. (Сборн. для истор. старообр. Попова, т. I, стр. 11; Сборн. библіот. м. Григорія № 154, л. 140—147). На этотъ же годъ указываетъ и 35-е правило этого сборища (Полн. истор. извѣст. стр. 169).

(2) Дальнѣйшая рѣчь будетъ касаться исключительно ѳедосѣевцевъ; о поморцахъ скажемъ ниже.

женскихъ Христа не славить, аще ли обрящутся таковіи, да творятъ 300 поклоновъ до земли при соборѣ (1). Новоженовъ младыхъ и старыхъ безъ роспуста (т. е. безъ развода) на покаяніе отцемъ духовнымъ отнюдь не принимать. Аще ли кто безъ роспусту и старыхъ пріемлетъ на покаяніе, отлучить такового и съ новоженомъ онѣмъ отъ христіанъ; аще ли обѣщается отецъ духовный впредь тако не творити и въ томъ прощеніе принесетъ, да сотворитъ поклоновъ 300 при соборѣ. У новоженовъ дѣтей (разумѣются — дѣти больныя, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ), крестить съ обѣщаніемъ, чтобы имъ разойтися, а при смертномъ часѣ на христіанскія руки чтобы отдали младенца, и аще не разойдутся, и надъ таковыми младенцами погребенія не отпѣвать. Младенцевъ здравыхъ у новоженовъ ни духовнымъ, ни мірскимъ людемъ отнюдь не крестить. Аще ли духовный окрестить здраваго, и таковаго духовника отъ духовенства отставить, а простаго человѣка, отставивъ, отлучить. Аще ли покаются, да сотворятъ 300 поклоновъ до земли. Новожены аще восхощутъ къ покаянію, разводить ихъ въ разныя деревни и налагать имъ постъ на шесть недѣль, яко же и ко крещенію готовиться, и ходити имъ на всякую недѣлю къ соборному моленію и стоять ниже всѣхъ, а поклоны класть въ вечерни; а по отпустѣ службы, всякому человѣку исходящему кланятися до земли. А которые новожены раз-

(1) За общеніе въ пищѣ съ новоженами полагается отлученіе, а за славленье въ домахъ ихъ только 300 поклоновъ. Справедливъ же послѣ этого слѣдующій отзывъ Алексѣева о наставникахъ ѳедосѣевскихъ: „сицевымъ пастыремъ таково пастырство пріискренно: аще кто его почитаетъ, аще кто ему дары принесетъ, того токмо упасетъ, да не пріидетъ въ руки иному, что принося, а не душю его спасетъ. А кто не дарствуетъ, или вопреки возглаголетъ, обличитъ,—того изженетъ и оставитъ его по горамъ заблуждати и въ стремнинахъ погибати души его, ея же ради Христосъ умре. О пастырство сего корчемнаго, вина ученія силу погубляюща“. „О тайнѣ брака“ гл.: „Изысканіе о новобрачныхъ дѣтехъ крещеніи“.

болятся, и въ томъ ихъ дому безъ распусту на исповѣдь не принимать, и погребенія въ дому ихъ не стоять, а другую половину (т. е. жену) при погребеніи въ то время не пущать, дондеже исправится. Въ бани христіаномъ съ мірскими (такъ называютъ раскольники православныхъ) и съ новоженами не мытися и отнюдь не входить, и изъ единыхъ сосудъ въ оскверненной водѣ съ ними не мытися, но имѣти христіаномъ сосуды особныя; аще ли обрящется кто мыющійся изъ мірскихъ и изъ новоженскихъ сосудовъ, сей да сотворитъ поклоновъ 300 до земли при соборѣ“ (1). Чтобы понять всю тяжесть положенія, въ ка-

(1) Полн. истор. извѣст. о раск. Іоаннова ч. II, стр. 156 — 175, правил. 14, 24, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 42 и 46. Слич. сборн. для истор. старообр. Попова т. I, стр. 11—20. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что многія изъ указанныхъ нами правилъ, опредѣлявшихъ отношенія безбрачныхъ ѳедосѣевцевъ къ новоженамъ, были только повтореніемъ того, что уже существовало въ безпоповщинѣ прежде ѳедосѣевскаго сборища 1752 года. Такъ, еще на соборѣ новгородскихъ безпоповцевъ 1694 года было положено: „новоженъ молодыхъ и старыхъ съ общаго братскаго приговора законополагаемъ отнюдь безъ распусту, сирѣчь безъ разводу, на покаяніе отцемъ духовнымъ не принимать, доколѣ клятвою обѣщаются не совокуплятися съ женами. Аще ли и старыхъ кто пріиметъ на покаяніе ко обращенію въ нашу христіанскую вѣру, и таковаго отца духовнаго подобаетъ отлучить, яко нарушителя преданія нашего, отъ чинодѣйствія и сообщенія христіанскаго; равно и новожена онаго изврещи повелѣваемъ, аще не согласится съ женою разлучитися“. Равнымъ образомъ тогда же опредѣлено было не крестить дѣтей новоженовъ и не имѣть съ ними общенія ни въ пищѣ, ни въ молитвѣ (Сбор. № 154, л. 258—9, пр. 6 и 8). Снисхожденіе было оказано на соборѣ 1694 г. только тѣмъ изъ новоженовъ, которые до этого времени были приняты въ общество безъ развода „по слабости тогдашнихъ отцевъ и по недосмотрѣнію“; ихъ велѣно было „на покаяніе привести и епитиміею исправить за прежнее совокупленіе съ женами и за дѣторожденіе“, а на будущее время, въ случаѣ новыхъ рожденій, опредѣлено было „за первое дѣторожденіе“ отлучать виновныхъ „отъ соединенія церковнаго на 40 дней и по тысящи поклоновъ на день, за второе же рожденіе—на годъ, а за третіе на шесть лѣтъ“ (Тамъ же прав. 10 и 11), между тѣмъ какъ соборъ 1752 г. постановилъ „наказывать“ подобныхъ новоженовъ—„за перваго (ребенка) полгода отлучать, за втораго годъ, за третьяго два лѣта, да за очистительныя молитвы 3000 поклоновъ до земли“ (Іоанновъ, стр. 174, прав. 45). А изъ всего сказаннаго видно, что во 1-хъ новоженство, какъ исключеніе, существовало въ безпоповщинѣ еще прежде Ивана

кое поставлены были послѣдователи Алексѣева указанными правилами, необходимо помнить, что новожены, какъ мы уже говорили, не составляли отдѣльнаго общества въ безпоповщинскомъ расколѣ, а принадлежали каждый къ своему толку, и пребываніе въ этомъ толкѣ каждый считалъ единственно вѣрнымъ путемъ ко спасенію. Такъ смотрѣли на дѣло и новожены изъ ѳедосѣевцевъ; а между тѣмъ, благодаря указаннымъ правиламъ, они совершенно отлучались отъ ѳедосѣевскаго общества и слѣдовательно лишались, по ихъ мнѣнію, и надежды на спасеніе. Не только сами они не могли пользоваться теперь никакими утѣшеніями вѣры, но даже и дѣти ихъ обрекались на ту же безотрадную участь. Имъ, какъ еретикамъ, было отказано ѳедосѣевскими наставниками въ общеніи не только въ пищѣ и питіи, но даже въ молитвѣ, даже въ таинствахъ крещенія и покаянія, безъ которыхъ, по ученію самихъ безпоповцевъ, никто не можетъ получить спасенія. Напрасно Алексѣевъ всею силою своего краснорѣчія убѣждалъ ѳедосѣевцевъ перемѣнить свои отношенія къ новоженамъ изъ ихъ общества, напрасно онъ доказывалъ имъ, что „церковь святая внѣ вѣнчанныхъ“ не только не отвергала, напротивъ „призываше къ себѣ такихъ и, пріявше, совокупляше со своими и къ покаянію принуждаше, дѣти ихъ абіе крещаше, невѣрную часть привѣтствоваше, вѣрной о невѣрной молитися веляше, а вѣрную часть на церковныя молитвы приходити веляше“ (1),—ѳедосѣевцы оставались „глухи и нечювственны“

Алексѣева, и слѣдовательно авторъ брошюры: „историческое извѣщеніе о безпрерывномъ продолженіи законнаго брака въ старовѣрахъ“ отчасти справедливъ въ своей основной мысли, и во 2-хъ — имя „новоженъ“ явилось въ расколѣ не такъ поздно, какъ думаютъ нѣкоторые (Невск. сборн. 1867 г. т. I, стр. 86).

(1) „О тайнѣ бракѣ“ гл.: „Отвѣтъ ко отрѣвающимъ отъ покаянія новобрачныхъ“.

къ такимъ убѣжденіямъ защитника брачной жизни и по прежнему продолжали чуждаться новоженовъ, какъ отступниковъ отъ вѣры. Слѣдствія такихъ отношеній ѳедосѣевцевъ къ новоженамъ были самыя печальныя для послѣднихъ и для самой ѳедосѣевщины. У однихъ новоженовъ—ѳедосѣевцевъ дѣти, по свидѣтельству Алексѣева, оставались некрещеными „до лѣтъ трехъ, пятихъ и десятихъ и до двадесяти лѣтъ: нѣціи же и не крещени помроша“; другіе, не надѣясь получить крещеніе своимъ дѣтямъ отъ своихъ наставниковъ, „во иныхъ церквахъ младенцы своя крестиша“; сами же новожены, видя такое презрѣніе къ себѣ прежнихъ братій по вѣрѣ, одни „во ино согласіе отходили“ и являлись „хульницы и ругатели“ прежнихъ своихъ единовѣрцевъ,—другіе, потерявъ всякую надежду на спасеніе, начинали жить такъ, что своимъ поведеніемъ производили всеобщій соблазнъ,—третьи, понимая, что все неблаговоленіе къ нимъ мнимыхъ „духовныхъ“ зависитъ отъ вступленія ихъ въ бракъ, оставляли своихъ женъ, брали себѣ „стряпухъ въ покойщицы“ и по прежнему начинали жить блудно (1). Казалось бы, подобныя явленія въ средѣ новоженовъ-ѳедосѣевцевъ, неблагопріятныя для самой ѳедосѣевщины, должны были вразумить ѳедосѣевскихъ наставниковъ и побудить ихъ на отношенія къ новоженамъ болѣе мягкія. На дѣлѣ мы видимъ совершенно противное. Желая сдѣлать брачное состояніе, противъ котораго вооружались, какъ можно болѣе тяжелымъ и омерзительнымъ, ѳедосѣевскіе наставники придумали новую жестокость въ отношеніи къ новоженамъ. Читатели наши, быть можетъ, видѣли когда нибудь небольшую брошюрку г. Стебницкаго подъ названіемъ: „съ людьми древ-

(1) Тамъ же, гл.: „Изысканіе о новобрачныхъ дѣтехъ крещеніи“ и „О эрадованіи въ нарожденномъ“; снес. Полн. истор. извѣст. стр. 153—155.

няго благочестія“ (1); въ ней находится разсказъ автора о томъ, какъ одинъ разъ, во время путешествія по Россіи, ему пришлось остановиться въ одной раскольничьей деревнѣ, въ которой жили ѳедосѣевцы, и быть свидѣтелемъ, какъ онъ выражается, неописаннаго безчеловѣчія, состоявшаго въ томъ, что женщинѣ семейства того дома, въ которомъ г. Стебницкій останавливался, никто изъ родныхъ и сторонникъ не хотѣлъ оказать ни малѣйшей помощи въ самую трудную минуту ея жизни, именно—во время рожденія ею сына,—никто не хотѣлъ оказать помощи, не смотря на самыя страшныя мученія, какія испытывала рождавшая. И если бы не спутница г. Стебницкаго, одна провинціальная актриса, помогшая родильницѣ,—раскольница, можетъ быть, разсталась бы съ жизнію и вмѣстѣ съ младенцемъ. Для объясненія такого возмутительнаго факта г. Стебницкій пустился въ распросы, изъ которыхъ оказалось, что ѳедосѣевскіе наставники, считающіе бракъ скверною, признали скверною и самое рожденіе, и потому строго, подъ угрозой жестокаго наказанія, запретили своимъ ученикамъ и ученицамъ не только помогать родильницамъ, но даже присутствовать при совершеніи этой „скверны“. Читая этотъ разсказъ, изложенный въ игривой разговорной формѣ, иные, пожалуй, готовы были обвинять г. Стебницкаго въ сочиненіи разныхъ небылицъ. Мы не знаемъ, сочинилъ ли г. Стебницкій разсказанный имъ фактъ, или былъ личнымъ свидѣтелемъ его, — но должны сказать, что „неописанное безчеловѣчіе“, въ которомъ упрекаетъ г. Стебницкій ѳедосѣевцевъ, дѣйствительно водится за ними и притомъ — съ давнихъ поръ. Еще при Алексѣевѣ ѳедосѣевскіе наставники, чтобы остановить распространявшееся новожен-

(1) Это — оттискъ статьи, помѣщенной въ „Библіотекѣ для Чтенія“, изд. 1865 г.

ство, „уставъ положили, дабы отъ всякаго христіанскаго общенія и отъ домовъ родители и служащіи родамъ отгоними были“, и запретили „бабамъ помоществовати тому нужному дѣлу“, подъ угрозою „отлученія отъ молитвъ и ядѣнія“ за ослушаніе. Можно себѣ представить, какимъ тяжелымъ ударомъ должно было обрушиться это варварское распоряженіе мнимыхъ дѣвственниковъ на новоженокъ, которыя и безъ того жили среди безбрачныхъ ѳедосѣевцевъ, какъ овцы посреди волковъ; послѣ такого распоряженія непраздное состояніе, и само по себѣ не легкое, должно было представляться каждой новоженской женщинѣ еще болѣе ужаснымъ отъ мысли о совершенной безпомощности, въ какой будетъ находиться она во время мукъ рожденія. Если же мы припомнимъ, что за рожденіемъ слѣдовало для новоженки, по правиламъ ѳедосѣевцевъ, безусловное отлученіе отъ общества и слѣдовательно, по ея мнѣнію, и отъ спасенія, то не удивимся, что жены новоженовъ и послѣ рожденія испытывали, вопреки слову Божественной любви (1), не радость, а скорбь. Глубоко поразило Алексѣева это безчеловѣчное постановленіе ѳедосѣевскихъ вожаковъ, вслѣдствіе котораго „бѣдныя“, по его словамъ, новоженки испытывали „печали неутѣшимыя“, и онъ написалъ по поводу его такое ѣдкое и вмѣстѣ умное обличеніе фарисейской праведности ѳедосѣевцевъ, которое сдѣлало бы честь и современнымъ намъ раскольническимъ писателямъ, болѣе имѣющимъ средствъ къ научному образованію. „Человѣка истиннаго глаголю, писалъ Алексѣевъ, не отъ вида человѣческа по плоти узнавати, но отъ природнаго и первозданнаго его нрава, сирѣчь, отъ милости, отъ благотворенія. Ибо изначала сице естественнѣ быти человѣкъ отъ Бога получи, да знаетъ милость и, немощи человѣческія разсуждая, милуетъ, подаетъ руку

(1) Іоан. XVI, 21.

помощи страждущему. И егда убо Спасъ нашъ пріиде въ міръ, рекъ: милости хощу, а не жертвы. Велика убо воистину добродѣтель—милость... аще же кто не вѣсть милости, нѣсть человѣкъ, но и скотовъ и звѣрей и самыхъ бѣсовъ горшій". Сказавъ затѣмъ, что нѣтъ „бѣды, скорби и погибели" тяжелѣе „рожденія женъ, смертная бо врата сія ихъ суть", Алексѣевъ продолжалъ: „ты же не токмо самъ не сожалѣеши, но и пристоящимъ на то женамъ въ семъ бѣдствѣ не велиши спострадати и въ скорби оной помощи. И таковымъ своимъ немилосердіемъ бѣсовъ превосходиши въ злобѣ: и бѣсъ бѣсу на пагубу нашу многажды помогаетъ, ты же не хощеши и слышати, да человѣкъ человѣку въ смерти помоществуетъ". Указавъ потомъ изъ исторіи много примѣровъ того, какъ древніе христіане помогали въ несчастіяхъ даже невѣрнымъ язычникамъ, не только своимъ братіямъ по вѣрѣ, какъ въ частности многіе святые своими молитвами оказывали помощь рождавшимъ женамъ, какъ даже апостолъ Іоаннъ, дѣвственникъ и другъ Христовъ, не счелъ для себя оскверненіемъ войти въ домъ игемона, звавшаго апостола на помощь женѣ, не могшей разрѣшиться отъ бремени, Алексѣевъ писалъ: „вамъ же, толико страждущей рожденіемъ женѣ, требовательно заповѣдати своимъ, да не помощьствуютъ, и повелѣваете оставляти умрети той, нежели таковымъ болѣзнемъ оныя прикоснувшися осквернитися. И коего звѣря сіе немилосердіе; фарисейская бо сія есть чистота, о ней же самъ Христосъ глаголетъ: за преданіе старецъ вашихъ разористе заповѣдь Божію" (1). „Самъ Богъ глаголетъ: егда жена родитъ отроча, не помнитъ отъ радости скорби, яко человѣкъ родися въ міръ: а въ сихъ сей ли Божій гласъ въ родящихъ исполняется? никако, но егда родится въ нихъ отроча, то пропали ро-

(1) „О тайнѣ брака", гл.: „Изысканіе шестое о времени рожденія женъ".

дившіи, яко не знаютъ, къ кому главу преклонить, не могуще гдѣ рожденному исправу получить". Сказавъ далѣе, что, по закону справедливости и на основаніи примѣровъ древности, слѣдуетъ оказывать помощь даже блудницамъ рождающимъ, такъ какъ и „гражданство не въ ровенствѣ блудъ и рожденіе вмѣняетъ, разсуждаючи блудъ дѣло дьявольское, а рождаемое отъ блуда дѣло Божіе", и потому „блудъ казнятъ, а рождаемое опасно хранить повелѣваютъ", Алексѣевъ замѣчалъ: „вы же браковѣнчанныхъ хуже блудниковъ и хуже своихъ стряпухъ поставили, аки бы печать антихриста пріемшихъ, того ради ваши стряпухи и свободны и скорѣе вы справку рожденнымъ отъ нихъ сотворите, нежели нововѣнчаннымъ". Святые помогали женамъ рождающимъ и даже язычницамъ, „оніи же безумные воздержницы и враги и ненавистницы родовъ не токмо какъ собою сожалѣть и показать милость по (примѣру) святыхъ оныхъ къ родящимъ, но и бабъ, помогающихъ родамъ, предъ всѣмъ соборомъ епитиміею наказуютъ, отъ молитвъ и яденія отлучаютъ", не смотря на то, что „отъ сего жестокосердія во оныхъ родахъ двѣ души хощутъ погибнути, едина матерня, а другая—младенца"; а все это происходитъ отъ того, замѣчалъ Алексѣевъ, что эти фарисеи „буквари едини изучили" и ничего больше не смыслятъ (1). Не лестно было ѳедосѣевскимъ наставникамъ слышать и читать такія похвалы себѣ со стороны Алексѣева, но за то же они и отплатили ему за его „обличеніе" достойнымъ образомъ. Не смотря на то, что Алексѣевъ „отщетился земнаго утѣшенія, единъ лишенъ пребывая, не имѣя обстоянія сродства земнаго", т. е. велъ жизнь безродную и безбрачную, ѳедосѣевцы отлучили его, наравнѣ съ новоженами, отъ своего общества (около 1757—8 г.), и притомъ—безъ всякаго предварительнаго

(1) Тамъ же, гл.: „О срадованіи въ нарожденномъ".

объявленія ему о мнимыхъ винахъ его. Не трудно представить себѣ, какъ оскорбилъ Алексѣева такой поступокъ съ нимъ прежнихъ братій его по вѣрѣ; и вотъ въ 1759 г. онъ пишетъ: „слово обличительное на соборъ новоявленныхъ раздорниковъ“, въ которомъ, доказавъ всю несправедливость причинъ, по которымъ ѳедосѣевцы отлучили отъ своего общества Алексѣева, онъ пришелъ къ тому заключенію, что „соборъ“, рѣшившійся на отлученіе отъ общества своего брата, безъ всякихъ уважительныхъ къ тому причинъ, есть „соборъ богопротивный, душепагубный, раздорническій“, а въ 1762 году пишетъ огромную книгу „о тайнѣ брака“, въ которой съ безпощадною откровенностію разоблачаетъ предъ читателями темныя стороны жизни ѳедосѣевскаго общества, доходящій до цинизма развратъ его, грубое невѣжество ѳедосѣевскихъ наставниковъ, ихъ жадность къ деньгамъ и невниманіе къ своимъ обязанностямъ, даже ихъ еретичество, зависѣвшее отъ совершеннаго незнанія ими самыхъ основныхъ началъ вѣры и нравственности христіанской. Потому ли, что этимъ сочиненіемъ своимъ Алексѣевъ нанесъ сильный ударъ лживому и гибельному для нравственности ученію ѳедосѣевцевъ о безбрачіи, вслѣдствіе ли новыхъ, болѣе мягкихъ, отношеній къ расколу власти, начавшихся съ первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины II (1762 г.) и бывшихъ причиной того, что тяжелое бремя дѣвства сдѣлалось теперь для большинства раскольниковъ, поселившихся въ городахъ среди всевозможныхъ искушеній, почти невыносимымъ, или наконецъ изъ опасенія, чтобы оттолкнутые отъ общества новожены не перешли на сторону православія, такъ какъ съ царствованія Екатерины II церковная власть стала дѣйствовать на заблуждающихъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ для св. церкви,—только къ концу жизни Алексѣева нѣкоторые изъ ѳедосѣевцевъ измѣнили

свои варварскія отношенія къ новоженамъ на болѣе мягкія и человѣчныя. Такъ въ 1770 году (1) Московскіе ѳедосѣевцы, между прочимъ, постановили: „престарѣлыхъ новоженовъ и христіански живущихъ однажды въ годъ, кромѣ болѣзни, безъ развода въ покаяніе пріимать“, и кромѣ того опредѣлили „принимать въ покаяніе безъ развода и молодыхъ“ въ случаѣ ихъ болѣзни, а „дѣтей рождающихся отъ нихъ крестить“. Въ томъ же духѣ были опредѣлены отношенія къ новоженамъ и стародубскими ѳедосѣевцами въ 1771 году, съ тою разницею, что въ Стародубьѣ положено было „окромѣ болѣзни однажды въ годъ безъ разводу на покаяніе пріимать“ новоженовъ всѣхъ безъ различія—и старыхъ и молодыхъ (2). Въ послѣдствіи времени, какъ увидимъ, петербургскіе ѳедосѣевцы произнесли объ указанныхъ опредѣленіяхъ московскихъ и стародубскихъ ѳедосѣевцевъ слѣдующій отзывъ: „статьи или письма о новоженахъ, обносящіяся въ людѣхъ, говоренныя въ Москвѣ 7278 (1770) и въ Стародубѣ 7279 (1771) лѣта, и ежели гдѣ таковыя обрящутся, яко не бывшія вмѣняти и въ доказательство ихъ не приводити, а если которые будутъ во свидѣтельство ихъ приводити, или что изъ нихъ заимствовати во оправданіе, таковыхъ отъ церкви наказывати“ (3); но это было уже послѣ смерти Алексѣева.

Доселѣ мы говорили объ отношеніяхъ къ ученію Алек-

---

(1) Въ „Словѣ на соборъ новоявленныхъ раздорниковъ“ Алексѣевъ говоритъ, что еще „на бывшемъ лѣта 7265 (т. е. 1757 г.) съѣздѣ установленіе общее было“ у ѳедосѣевцевъ „отъ новоженъ точію крестити явѣ, кое въ нихъ доселѣ втай творено было“. Трудно понять точный смыслъ этихъ словъ. Не то ли хотѣлъ сказать Алексѣевъ, что ѳедосѣевцы, не смотря на грозное опредѣленіе 1752 г. не крестить новоженскихъ дѣтей, если родители ихъ предварительно „не разойдутся на чистое житіе“, тайно нарушали это опредѣленіе, а въ 1757 г. рѣшились крестить новоженскихъ дѣтей даже явно?

(2) Сборн. для истор. старообр. Попова т. I, стр. 66—67.

(3) Тамъ же, стр. 30—34.

сѣева о бракѣ и къ послѣдователямъ этого ученія одной части безпоповцевъ, именно—ѳедосѣевцевъ; какъ же отнесся къ „новому“ ученію стародубскаго жителя и къ новоженамъ другой главнѣйшій толкъ безпоповщины—поморщина? На этотъ вопросъ Алексѣевъ даетъ слѣдующій отвѣтъ. Сказавъ въ одномъ мѣстѣ своей книги „о тайнѣ брака“, что, по ученію ѳедосѣевцевъ, „бракъ внѣшній пріять—печать антихристову пріять, тѣмъ же появый жену отпаде отъ Бога, отпаде отъ церкве, изгнанъ отъ всякаго общества христіанскаго, и нѣсть ему никоея милости христіанскія, развѣ разведется съ женою, яже все ему спасеніе отъя, и да обѣщается чисто иночески жить“, онъ замѣчаетъ: „такъ въ ѳедосѣевыхъ; а во иныхъ судъ милостивѣйшій на таковыхъ; не разведше подъ цѣломудренное житіе, единодомовно жить оставляютъ. Обаче во обоихъ едино то, ежели кто родитъ, за се отъ общества отгоняютъ и дѣтище рожденное не крестятъ, развѣ великая просьба дойдетъ, и въ домы ихъ не входятъ, скверно быти вмѣняючи, слѣдовательно и живущія въ немъ имъ мерзки, и оставляютъ таковыхъ на пути отчаянія и погибели“ (1). Такъ, т. е. „подъ цѣломудренное“, но „единодомовное житіе“, принимали новоженовъ „въ общество церковное“, по свидѣтельству Алексѣева, во многихъ странахъ, какъ-то: „въ поморскихъ и понизовскихъ, въ сибирскихъ, въ великороссійскихъ, въ малороссійскихъ, въ польскихъ, и въ воложскихъ“. Такимъ образомъ, все различіе отношеній къ новоженамъ поморцевъ отъ отношеній къ нимъ ѳедосѣевцевъ, состояло, по словамъ Алексѣева, въ томъ, что, тогда какъ ѳедосѣевцы совершенно отлучали отъ своего общества вступавшихъ въ бракъ и въ случаѣ раскаянія разводили ихъ въ „разныя деревни“, поморцы не

(1) „О тайнѣ брака“ гл.: „О срадованіи въ нарожденномъ“.

отгоняли новоженовъ отъ своего общества, не лишали ихъ надежды на спасеніе и позволяли мужу и женѣ жить въ одномъ домѣ, но только съ условіемъ, чтобы они не имѣли между собою супружескихъ отношеній. Въ случаѣ нарушенія этого условія, обнаружившагося въ рожденіи, виновные, по словамъ Алексѣева, подвергались и у поморцевъ тѣмъ же наказаніямъ, какимъ подвергались за рожденіе дѣтей новожены—ѳедосѣевцы. Другія извѣстія представляютъ дѣло нѣсколько иначе. Такъ, по свидѣтельству Павла Любопытнаго, одни изъ поморцевъ, когда ученіе Ивана Алексѣева о необходимости брачной жизни стало находить себѣ послѣдователей, писали сочиненія, въ которыхъ по прежнему доказывали, что, за неимѣніемъ православнаго священства, брака быть не можетъ. Таковъ былъ, между прочимъ, Даніилъ Матвѣевъ, написавшій нѣсколько сочиненій, въ которыхъ защищалъ и доказывалъ одну главную мысль, что „тайна брака нынѣ въ Христовой церкви бытія своего не имѣетъ“, потому что „супружеству въ церкви безъ пресвитера быть нельзя“ (1). Другіе и, что важнѣе всего, сами настоятели Выговскаго скита думали будто бы о томъ же предметѣ совершенно иначе, и именно: не только соглашались съ ученіемъ Алексѣева, что бракъ необходимъ и будетъ существовать въ церкви вѣчно, но даже писали, что онъ можетъ быть законно совершенъ и безъ священническаго вѣнчанія. Таковъ, по свидѣтельству Любопытнаго, былъ Иванъ Филиповъ, бывшій настоятелемъ Выговскаго скита съ 1741 до 1744 года и будто бы писавшій „показаніе, или врачество злочестивымъ бракоборцамъ, увѣряя ихъ Духомъ Божіимъ, гласящимъ вездѣ, что законный бракъ въ Христовой церкви будетъ существовать вѣчно и онъ совершаться можетъ навсегда свято единымъ того суще-

(1) Катал. Любопытнаго стр. 82, №№ 278—280.

ствомъ, кромѣ хиротоніи, будучи предметъ случайной принадлежности, и благословеніемъ сопрягающихся родителей“ (1). Въ слѣдъ за Иваномъ Филиповымъ въ томъ же направленіи и духѣ писали будто бы и другіе поморцы—Иванъ Ѳедоровъ Ершъ (2) и Трифонъ Петровъ (3). Признаемся откровенно, мы не вполнѣ вѣримъ этому свидѣтельству Павла Любопытнаго (4). Что Даніилъ Матвѣевъ писалъ противъ брака, это—правда (5); но согласиться съ тѣмъ, что Иванъ Филиповъ и другія, указанныя выше, лица поморскаго толка писали въ пользу брака и притомъ „безсвященнословнаго“, не позволяетъ то обстоятельство, что когда въ Москвѣ, въ такъ называемой Покровской часовнѣ, поморянинъ Василій Емельяновъ сталъ учить, что „женившійся не согрѣшаетъ, бракъ чистъ и ложе нескверно“, и что бракъ можетъ быть заключенъ и безъ пресвитерскаго вѣнчанія, въ Выговскомъ скиту, какъ увидимъ послѣ, составилась (въ 1792 г.) сходка, на которой заставили Емельянова подписаться, между прочимъ, подъ слѣдующими опредѣленіями: 1) истиннымъ бракомъ признавать только благословленный священникомъ; 2) бра-

(1) Тамъ же, стр. 89, № 311.

(2) Тамъ же, стр. 96, № 343.

(3) Тамъ же, стр. 136, № 592.

(4) Еще прежде мы замѣчали, что Любопытному не во всемъ можно вѣрить; въ настоящій разъ, въ подтвержденіе той же мысли, укажемъ на слѣдующее его извѣстіе. Въ Каталогѣ, въ числѣ многихъ сочиненій Ивана Ѳедорова Ерша, Любопытный помѣстилъ и слѣдующее: „одинадцать вопросовъ къ главнымъ московскимъ пастырямъ душъ Василію Емельяновичу и Гавріилу Ларіоновичу Скочкову, что ѳедосіанцы по своему зломудрію есть сущіе еретики, за что достойны они отъ поморской быть крестимы вторительно“ (стр. 96, № 342); а между тѣмъ Ершъ, умершій въ 1755 г., конечно, не могъ переписываться съ Скочковымъ, родившимся въ 1753 году (въ Сборн. для истор. старообр. т. II, вып. V, прилож. стр. 91—указанъ 1745 годъ рожденія Скочкова—невѣрно; смотр. Катал. стр. 74; Истор. извѣщ. о безпр. продолж. зак. брак. въ старовѣр. л. 16 обор.; въ послѣднемъ сочиненіи невѣрно указанъ только годъ смерти Скочкова—1828-й, тогда какъ онъ умеръ 1821 г. 15-го августа).

(5) См. свидѣтельство этого писателя въ первой главѣ, стр. 21.

чущихся иначе и проповѣдующихъ брачную жизнь отлучать. Эти опредѣленія противъ „безсвященнословныхъ“ браковъ, составленныя въ 1792 году, были бы необъяснимы, если бы допустить, что еще Иванъ Филиповъ, бывшій настоятелемъ Выговскаго скита въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, училъ, что законный бракъ можетъ совершаться и „кромѣ хиротоніи“, и что, по примѣру Филипова, развивали подобный же взглядъ на бракъ Иванъ Ѳедоровъ Ершъ (ум. 1755 г.), Трифонъ Петровъ (ум, 1766 г.) и другіе. Можно впрочемъ указать и положительное свидѣтельство о томъ, что нѣкоторыя изъ указанныхъ лицъ не такъ смотрѣли на бракъ, какъ говоритъ объ этомъ Любопытный. Такъ въ 1738 г. одинъ раскольникъ показалъ на допросѣ въ Св. Сѵводѣ, что когда онъ по смерти первой жены пришелъ въ Выговскій скитъ и объявилъ объ этомъ старѣйшинамъ монастыря, „оные-Второшинъ (Семенъ Денисовъ), Иванъ Филиповъ, Мануилъ Петровъ, Данила Матвѣевъ говорили ему Круглому, чтобъ онъ болѣе не женился, вѣдь-де нынѣ брака истиннаго нѣтъ“ (1). Что же касается отношеній поморцевъ къ но-

(1) Раск. дѣла XVIII ст. т. I, стр. 479. Подтвержденіемъ свидѣтельства Любопытнаго о томъ, будто въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Выговскомъ скиту учили, что бракъ можетъ быть законно заключенъ и безъ пресвитерскаго вѣнчанія, можетъ, повидимому, служить доносъ (въ 1732 г.) на выговцевъ Петра Холтурина, въ которомъ было, между прочимъ, писано, что будто бы настоятели скита—„Даніилъ и Симеонъ и прочіи по градамъ и по селамъ ѣздятъ и людей прельщаютъ ученіемъ своимъ и дѣйство священническое дѣйствуютъ, крестятъ и исповѣдываютъ и *свадьбы вѣнчаютъ*“ (Раск. дѣла т. I, стр. 324—5, 333 и 348). Но по разслѣдованію доносъ не оправдался, и самъ Холтуринъ на допросѣ и очной ставкѣ „повинился и подписался, что доносилъ напрасно гнѣва ради прежняго, хотя тѣмъ своимъ неправеднымъ гнѣвомъ и клеветами на ихъ Выговскую пустыню гнѣвъ навести къ разоренію“ (тамъ же, стр. 354; снес. стр. 335). Мы не отвергаемъ того, что настоятели Выговской пустыни—Даніилъ и Семенъ Денисовъ крестили и исповѣдывали, но болѣе, чѣмъ сомнѣваемся, чтобы они и свадьбы вѣнчали (снес. Раск. дѣла т. I, стр. 424 и 430). Что же касается указа св. Сѵнода отъ 2 августа 1727 года, въ которомъ говорится, будто еще въ то время „главные учители“ выгорѣцкихъ раскольниковъ—Данила

воженамъ,—то въ доказательство того, что они были болѣе мягки, чѣмъ какими рисуетъ ихъ Алексѣевъ, можно указать на слѣдующіе факты. Когда Круглый, уйдя изъ Выговскаго монастыря, женился на „крестьянской правовѣрной Аннѣ Никитиной дочери", причемъ вѣнчался въ православномъ храмѣ и даже „противъ солнца" (1), а потомъ, овдовѣвъ, снова возвратился въ Выговскій скитъ,— настоятели монастыря не отвергли Круглаго, какъ принявшаго печать антихриста, какъ поступили бы ѳедосѣевцы, а только „велѣли ему шесть недѣль у часовни стоять у дверей, приходящимъ и исходящимъ къ часамъ, вечерни, повечерницѣ, полунощницѣ и утрени кланяться; а во время того, какъ оные раскольники обѣдаютъ, въ то время приказали въ понедѣльникъ, вторникъ, среду, четвергъ, пятницу молиться въ землю, а въ субботу и воскресенье молиться въ поясъ, что онъ Круглой и исполнилъ; а по прошествіи де шести недѣль стали его пускать въ часовню" (2). Затѣмъ, когда Круглый, вопреки совѣту выгорѣцкихъ старѣйшинъ, снова женился въ Выгозерскомъ погостѣ на дочери крестьянина Митрофана Панфилова,— „дѣвкѣ Настасьѣ Митрофановой", при чемъ вѣнчался также у православнаго священника, хотя и „по старинному— по солнцу" (3), Семенъ Денисовъ и послѣ этого не только не отлучилъ Круглаго отъ своего общества, напротивъ допускалъ его на богослуженіе въ часовню, когда Круг-

Викулинъ, Андрей Денисовъ и другіе, въ числѣ „церковныхъ дѣйствъ", которыя они „дерзали чинить", позволяли себѣ и „свадьбы вѣнчать" (Собр. пост. по части раск. 1860 г. кн. I, стр. 196); то указъ этотъ составленъ на основаніи донесенія о выговцахъ іеромонаха Неофита, — свидѣтеля не вполнѣ достовѣрнаго (Описан. докум. и дѣлъ арх. св. Сунода стр. 477—482), и кромѣ того противорѣчитъ указу отъ 7 іюля 1725 года, гдѣ сказано, что выговцы „живутъ прелюбодѣйно безъ вѣнчанія" (Собр. пост. по части раск. 1860 г. кн. I, стр. 141).

(1) Раск. дѣла т. I, стр. 364.

(2) Тамъ же, стр. 480; снес. стр. 381.

(3) Тамъ же, стр. 358.

лому случалось бывать въ раскольническихъ скитахъ, и приглашалъ его на общую трапезу, только при этомъ „сажали его особо и давали ему посуду и ложки особливыя для того“, какъ объяснялъ Круглый на допросѣ, „что почитали его Круглова за то, что онъ входилъ въ церковь для вѣнчанія на другой женѣ, за отпадшаго будто бы отъ ихъ православныя вѣры“ (1). Съ другой стороны, по свидѣтельству Круглаго, въ это время находилось въ зависимости отъ Выговской пустыни множество скитовъ, въ которыхъ жили раскольники съ женами и дѣтьми въ однѣхъ кельяхъ (2). Правда, эти семейные раскольники не были новожены, а были изъ числа перешедшихъ изъ православія въ расколъ и вступившихъ въ браки еще въ то время, когда принадлежали къ церкви (3); правда и то, что въ указанныхъ скитахъ „новорожденныхъ младенцевъ, по словамъ Круглаго, не было“ (4), и слѣдовательно означенные раскольники жили съ своими женами, хотя и „единокелейно“, однакоже „цѣломудренно;“ но уже одно то, что подобное „единодомовное“ пребываніе было допущено поморцами, показываетъ, что въ это время между ними сталъ слабѣть прежній суровый взглядъ на брачное сожительство. Кромѣ того, въ числѣ раскольниковъ, жившихъ въ разныхъ скитахъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, были и такіе, которые, по словамъ Круглаго, „прозываны новожены“ и которыхъ однакоже настоятели Выговскаго монастыря не чуждались, посылая „для ученія ихъ разныхъ наставниковъ изъ Выгорѣцкаго общежительства“ (5). Правда, отъ этихъ скитскихъ новоженовъ требовалось уста-

(1) Тамъ же, стр. 471.

(2) Тамъ же, стр. 378 и 425.

(3) Помор. устав. соборн. благоч. статья 29, см. Сборн. № 154, л. 142.

(4) Раск. дѣла т. I, стр. 378, 424 и 430.

(5) Тамъ же, стр. 449 и 489; снес. стр. 379; Истор. извѣщ. о безпр. прод. зак. брак. въ старов. л. 10.

вомъ, чтобы они „съ сшедшимися женами въ единомъ скитѣ отнюдь не жили“ и „спребыванія и бесѣды другъ съ другомъ весьма не чинили“, чтобы „къ себѣ таковыхъ же новоженовъ и иныхъ безчинныхъ приходящихъ не принимали, дабы безчиніе не умножилося“ (1); но, какъ видно изъ показаній Круглаго, эти требованія не всегда исполнялись строго и настоятели смотрѣли на нарушителей монастырскаго устава сквозь пальцы (2). А то обстоятельство, что новожены принимались въ Выговскомъ скиту только послѣ сорокодневныхъ поклоновъ у дверей часовни, когда въ ней отправлялось богослуженіе, прямо показываетъ, что дѣвственная „Выгорѣція“ перестала въ это время видѣть въ бракѣ какую-то скверну. Мало этого: „не рѣшаясь открыто признать потребнымъ законъ брачнаго сожитія“ у себя—въ скиту, настоятели и наставники Даниловскаго монастыря разсматриваемаго нами времени совсѣмъ иначе вели себя въ отношеніи къ новоженству внѣ монастыря, — къ новоженству мірскому. Буквально исполняя 27-ю статью „соборнаго устава благочинія: у новоженовъ въ скитѣ младенцевъ не крестити подъ великимъ запрещеніемъ“ и подчиняя скитскихъ новоженовъ разнаго рода стѣсненіямъ, они свободно крестили дѣтей новоженовъ, жившихъ „въ селахъ на брачномъ положеніи“, а самимъ новоженамъ „не отрицали, по выраженію одного, современнаго намъ, раскольническаго писателя, свое вѣдомство во святыхъ таинствахъ и во всемъ спасительномъ попеченіи“ (3). Какъ бы впрочемъ ни было, но изъ всего вышесказаннаго очевидно, что поморцы отнеслись къ новоженамъ снисходительнѣе, чѣмъ ѳедосѣевцы. И это естественно. Вопросъ о бракѣ былъ поднятъ между помор-

(1) Помор. устав. собор. благочинія ст. 24, 27 и 30, см. въ Сборн. № 154, л. 146.

(2) Истор. извѣщ. о безпр. продолж. закон. брака въ старовѣр. л. 10 об.

(3) Тамъ же, л. 10 об. примѣч.

цами еще раньше, чѣмъ началъ свое ученіе Алексѣевъ; и хотя усилія Вышатина въ пользу брака не увѣнчались успѣхомъ, но все же его умныя рѣчи объ этомъ предметѣ на „соборѣ Выгорѣцкихъ старѣйшинъ“ не могли пройти безслѣдно и не могли быть скоро забыты поморцами. Съ другой стороны, въ то время, какъ Алексѣевъ началъ проповѣдывать свое ученіе о необходимости брачной жизни, и между поморцами, не смотря на всѣ заботы настоятелей Выговскаго скита о благоустройствѣ своей общины, стали появляться соблазнительные безпорядки, какъ засвидѣтельствовали объ этомъ сами настоятели Выгорѣцкаго общежительства—Семенъ Денисовъ, написавшій „цѣлую книгу о нравственности“, направленную „на всѣ роды ненравственности его киновіи“ (1), и Иванъ Филиповъ, который писалъ (въ 1744 г.) въ своей „исторіи Выговской пустыни:“ „и у насъ въ выговской пустыни умножишася грѣхи и беззаконія и всякія неправды, ихъ же и писати не возмогаю срама ради“ (2). На разстройство монастырскихъ порядковъ особенно вліяло въ это время слѣдствіе по доносу Круглаго, продолжавшееся въ Выговскомъ скиту нѣсколько лѣтъ и бывшее причиной того, что, по свидѣтельству современника, „идѣже прежде церковные законы почитахуся, тамо тогда пѣсни бѣсовскія воспѣвахуся; идѣже обычаи отеческія укрѣпляхуся, тамо тогда самовольства умножахуся... вмѣсто молитвы Іисусовой скверное отъ устенъ слово идяше; вмѣсто поста и воздержанія вино и мясо утучневашеся, презорство во вся нравы водворяшеся, смиреніе и кротость отъ каждаго сердца изгоняшеся, бѣгаше правда, а ложь неисходно живяше, цѣломудріе увядаше, а скверное житіе цвѣтяше“ (3).

---

(1) Катал. Павла Любопытнаго стр. 128, № 592.
(2) Истор. Выгов. пустыни стр. 372.
(3) Памят. книжка Олонецк. губ. на 1867 г. ч. III, стр. 87.

Какъ видно изъ послѣднихъ словъ, въ средѣ невольныхъ дѣвственниковъ не малую долю беззаконій, на которыя жаловались настоятели, составляли грѣхи противъ цѣломудрія. Между грубыми и невѣжественными ѳедосѣевцами, жившими притомъ большею частію не въ общинѣ польской, а отдѣльными семействами—по городамъ и селамъ, подобныя преступленія не считались чѣмъ либо особеннымъ; не такъ должны были смотрѣть на развратъ своихъ подчиненныхъ настоятели поморскаго общежительства. Здѣсь преступленія частныхъ лицъ ложились пятномъ на цѣлое общество и развратъ нѣкоторыхъ изъ поморцевъ могъ вести къ невыгодному мнѣнію о самомъ общежительствѣ. А между тѣмъ это общество было не какое либо польское захолустье, куда вниманіе правительства могло и не проникать, а всѣмъ извѣстная „пустыня“, за которою власть зорко слѣдила и безпорядки которой слѣдовательно могли скоро сдѣлаться извѣстными правительству и вызвать со стороны его ту или другую мѣру, стѣснительную для раскольниковъ. Когда, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, поморцы проводили жизнь по возможности дѣвственную,—власть могла только сожалѣть о неправильномъ направленіи семейной жизни Выговскихъ раскольниковъ; въ случаѣ же разврата мнимыхъ „дѣвственниковъ“, правительство могло по справедливости наложить на безпорядки общины свою руку, а вѣскость этой руки хорошо знали раскольники. Наконецъ, въ числѣ послѣдователей поморщины было не мало раскольниковъ, которые, не переселяясь по какимъ либо обстоятельствамъ въ общежительство, жили по деревнямъ и погостамъ съ своими семьями. Заставить этихъ ревнителей „древняго благочестія“ жить съ своими женами „цѣломудренно“ не было въ рукахъ настоятелей ни какихъ средствъ, кромѣ нравственныхъ убѣжденій въ законности и спасительности подоб-

наго образа жизни; но эти убѣжденія не всегда оказывались дѣйствительными, а между тѣмъ оставить этихъ людей безъ руководства въ дѣлѣ вѣры настоятели Выговской пустыни считали грѣхомъ. И вотъ по необходимости подобные раскольники и съ женами допускались въ Выгорѣцкое общежительство, допускались даже въ часовню, гдѣ, вмѣстѣ съ обитателями пустыни, слушали „вечерню, заутреню и часы“ (1), а вмѣстѣ съ этимъ волей—неволей допускалась въ общинѣ и мысль о брачной жизни. Удивительно ли послѣ всего этого, что, когда между Поморцами нашлись люди, послѣдовавшіе ученію Алексѣева, настоятели Выгорѣцкаго общежительства, не признавая этого ученія истиннымъ, не рѣшились однако же строго преслѣдовать новоженство, какъ меньшее зло сравнительно съ развратомъ, который начиналъ появляться между поморцами и за который выговцы могли поплатиться очень дорого (2), хотя, въ силу своихъ прежнихъ убѣжденій, и не могли признать новоженовъ „истинными“ христіанами и потому подвергали ихъ въ своемъ обществѣ разнаго рода ограниченіямъ. Такое отношеніе поморцевъ къ новоженству, можно сказать, было вынуждено необходимостію, какъ необходимостію же доведены были они и до ученія о всеобщемъ дѣвствѣ.

Въ то время, какъ нѣкоторые изъ безпоповцевъ, слѣдуя ученію Ивана Алексѣева, рѣшились перемѣнить свое

(1) Раск. дѣла т. I, стр. 489.

(2) Это и случалось. Такъ одинъ раскольникъ, по неудовольствію на выговцевъ, „безчинно съ невѣнчанными дѣвками жившихъ“ по разнымъ скитамъ „описалъ“, а равно описалъ и то, „сколько въ коемъ скиту ребятъ родилось у дѣвокъ и кто прижилъ и проч. всякія крамолы“,—и подалъ это „доношеніе“ архимандриту Палеостровскаго монастыря. Разумѣется, начались розыски, причинившіе поморцамъ не мало хлопотъ и издержекъ. Другой разъ сами „дѣвки били челомъ въ коммиссію на тѣхъ, которые имъ ребятъ прижили и не кормятъ ихъ и дѣтей“; и это челобитье не обошлось для выговцевъ безъ „напастей и расходовъ“ (Истор. Выгов. пуст., изд. Кож., стр. 436, 456 и 462).

невольное дѣвство на брачную жизнь и стали заключать свои супружества въ православной (а по ихъ мнѣнію,—еритической) церкви, съ благословенія православныхъ священниковъ,—началось въ безпоповщинскомъ расколѣ другое движеніе въ пользу брака,—только въ направленіи, какого Алексѣевъ не ожидалъ и не желалъ. Мы разумѣемъ вступленіе нѣкоторыхъ безпоповцевъ въ брачныя сожительства безъ церковнаго благословенія и вѣнчанія, по одному взаимному согласію жениха и невѣсты, нерѣдко даже безъ согласія (по крайней мѣрѣ прямаго, открытаго) на то родителей ихъ ([1]). Явленіе на первый взглядъ—странное въ средѣ раскола, отличающагося привязанностію къ церковности, къ обряду; но оно легко объяснится, если мы припомнимъ ученіе Алексѣева о бракѣ и тѣ отношенія, въ какія стали безпоповцы къ послѣдователямъ этого ученія.

Мы видѣли, что Алексѣевъ, въ силу своихъ безпоповщинскихъ убѣжденій о прекращеніи въ мірѣ православнаго священства и о мнимомъ еретичествѣ нашей православной церкви, училъ, что церковное вѣнчаніе, которое, по его мысли, безпоповцы должны были получать отъ православныхъ священниковъ, не имѣющихъ, по ихъ мнѣнію, благодати св. Духа, не составляетъ существенной принадлежности брака, а есть только „всенародный“ обычай, дающій браку формальную, гражданскую твердость, что „весь бракъ совершенство имать на обыкновенномъ

([1]) Какъ видно изъ 8-го правила новгородскаго безпоповщинскаго сборища 1694 г., вожзки раскольническіе, рѣшительно отвергшіе бракъ, тогда же высказали опасеніе, чтобы духовныя ихъ дѣти, обреченныя на строгое дѣвство, не рѣшились, по неимѣнію православнаго съ безпоповщинской точки зрѣнія священства, „сходиться невѣнчанными“ и не стали „утверждать браки по любви и по благословенію родителей“ (Сборн. № 154, л. 258 об.). Опасеніе, какъ мы увидимъ сейчасъ, сбылось; но когда собственно появились въ ѳедосѣевщинѣ безсвященнословныя *брачныя* сожитія, объ этомъ мы не имѣемъ точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній.

и согласномъ поятіи, безъ коего, аще и соборныя церкве іерей сотворитъ вѣнчаніе, не твердо будетъ его вѣнчаніе“ (1). Высказывая подобный взглядъ на бракъ и вѣнчаніе его, Алексѣевъ имѣлъ въ виду добрую цѣль: убѣдить своихъ единовѣрцевъ въ возможности вступать въ законное и правильное не только по существу, но и по формѣ, брачное состояніе путемъ вѣнчанія въ православныхъ храмахъ; а между тѣмъ, развивая его взглядъ послѣдовательно, можно было придти къ заключеніямъ другаго рода. Въ самомъ дѣлѣ, если вѣнчаніе не имѣетъ существеннаго значенія для брака, а составляетъ только обычай, то очевидно, что въ случаѣ какихъ либо обстоятельствъ можно обойтись и безъ него. Правда, отъ исполненія этого обычая зависитъ формальная твердость брака; но въ случаѣ *нужды* можно измѣнять даже законъ, не только обычай и форму. А нужду эту чувствовалъ почти каждый безпоповецъ, считавшій общеніе съ православною (а по мнѣнію безпоповцевъ, еретическою) церковію, въ чемъ бы оно ни состояло, за грѣхъ, за отступленіе отъ истинной вѣры, грозившее опасностію самому спасенію. Правда, Алексѣевъ говорилъ, что вѣнчающійся въ еретической церкви истинный христіанинъ не дѣлается чрезъ то отступникомъ отъ вѣры, если только онъ не „обязывается еретическими обѣты“; но во 1-хъ прежніе расколоучители смотрѣли на этотъ предметъ совершенно иначе: они запрещали раскольникамъ не только принимать отъ православной церкви какія либо таинства, — но даже и присутствовать при ея богослуженіяхъ — въ качествѣ простыхъ зрителей (2); во 2-хъ, и это главное, если вѣнчаніе и даетъ браку истинныхъ христіанъ „крѣпость

(1) „О тайнѣ брака“, глава: „Изысканіе третіе о внѣшнемъ браковѣнчаніи“.

(2) См. свидѣтельства объ этомъ въ первой главѣ стр. 8—10.

и честь", то, разумѣется, вѣнчаніе „въ православной церкви"; въ „противной же церкви правовѣрну необычайно и не честно есть и не твердо поиматися въ бракъ" (1). Далѣе, по ученію самого Алексѣева, вѣнчаться въ еретической (т. е. нашей православной) церкви для соблюденія „всенароднаго обычая" можно истинному христіанину только „по прежнимъ святыхъ уставамъ"; а между тѣмъ въ новоисправленныхъ требникахъ, по которымъ должны были заключать браки раскольниковъ православные священники, уставы эти, по мнѣнію раскольниковъ, измѣнены, и, слѣдовательно, вѣнчаясь у такихъ священниковъ, безпоповцамъ необходимо было или невольно „пріобщаться мнимымъ ересямъ" (противосолонію, четвероконечному кресту, именословному благословенію, имени Іисусъ—при чтеніи апостола и евангелія и проч.), или подкупать священниковъ, чтобы они вѣнчали раскольниковъ „по старинному"; а это послѣднее условіе и „неблагообразно" само по себѣ и не всегда удобоисполнимо. Наконецъ, когда Алексѣевъ допустилъ „разньствіе суда въ пріятіи нововѣнчанныхъ", т. е. нѣкоторыхъ изъ вѣнчавшихся въ православной церкви раскольниковъ опредѣлилъ подвергать эпитиміи, — тогда многіе даже изъ такихъ безпоповцевъ, которые съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтили его проповѣдь о необходимости брачной жизни, отнеслись недовѣрчиво къ способу, какой предлагалъ имъ Алексѣевъ для заключенія браковъ. Если, разсуждали они, вѣнчаніе въ еретической церкви не грѣшно, то зачѣмъ въ такомъ случаѣ полагается наказаніе за него; если же наказаніе опредѣлено, значитъ ...Алексѣевъ только обманываетъ, когда говоритъ, что вѣнчаться въ этой церкви можно, безъ опасенія нарушить чистоту истинной вѣры.

(1) Это возраженіе было высказано безпоповцами самому Алексѣеву. См. „О тайнѣ брака", глава: „Разглагольствіе краткое къ вопрошающимъ о разньствіи суда въ пріятіи нововѣнчанныхъ брачно".

Такимъ образомъ, не прибѣгая ни къ какимъ либеральнымъ соображеніямъ, въ родѣ разглагольствій современныхъ ревнителей женской эмансипаціи касательно брачной жизни, а единственно на основаніи противорѣчиваго ученія Алексѣева объ этомъ предметѣ и неблагоразумнаго опредѣленія его нѣкоторымъ изъ вступавшихъ въ бракъ въ православной церкви раскольникамъ разнаго рода ограниченій, многіе изъ безпоповцевъ могли придти къ мысли о составленіи браковъ безъ вѣнчанія, по одному взаимному согласію жениха и невѣсты.

Но были и другія причины, уже ни мало не зависѣвшія отъ Алексѣева, которыя заставили нѣкоторыхъ изъ безпоповцевъ оставить указанный имъ способъ къ заключенію браковъ съ благословенія православной (а по мнѣнію раскольниковъ, еретической) церкви и избрать для этого другой путь,—путь браковъ „безсвященнословныхъ“. Эти причины скрывались въ тѣхъ варварскихъ отношеніяхъ къ новоженамъ ревнителей всеобщаго дѣвства, которыя мы указали выше. Вѣнчавшіеся, по слову Алексѣева, въ православной церкви безпоповцы были признаны, какъ мы видѣли, ихъ единовѣрцами-отступниками отъ вѣры, лишившимися надежды на спасеніе, съ которыми опредѣлено было прекратить всякое общеніе, и это—не столько за то, что они позволили себѣ нарушить дѣвство и рождать дѣтей,—на подобныя преступленія своихъ подчиненныхъ наставники безпоповщинскіе, по крайней мѣрѣ ѳодосѣевскіе, смотрѣли сквозь пальцы, такъ какъ и сами не отличались цѣломудріемъ,—но главнымъ образомъ за то, что они осмѣлились обратиться за разрѣшеніемъ на брачную жизнь къ церкви, которую нѣкоторые изъ безпоповцевъ считали царствомъ антихриста, всѣ же—церковію еретическою. „Новожены во инославной вѣнчалися церкви и сего ради отступницы суть святыя церкве“

(т. е. общества раскольническаго) (1),—вотъ общій крикъ безпоповцевъ, раздавшійся въ слѣдъ за появленіемъ въ ихъ обществѣ послѣдователей ученія Алексѣева. „Бракъ внѣшній пріять—антихристову печать пріять; тѣмъ же появый жену отпаде отъ Бога, отпаде церкве, изгнанъ отъ всякаго общества христіанскаго, и нѣсть ему никоея милости христіанскія, развѣ разведется съ женою, яже все ему спасеніе отъя, и да обѣщается чисто и иночески жизнь“ (2),—это—судъ о новоженахъ ѳедосѣевцевъ. Правда, Алексѣевъ доказывалъ, что судъ этотъ о новоженствѣ—несправедливъ, что безпоповцы могутъ и должны вѣнчаться въ еретической (т. е. православной) церкви въ слѣдствіе крайней нужды—„лишенія церкви“ православной, что „просто поиматися (въ бракъ) и церковныя и гражданскія достойно казни“ (3); но, очевидно, все это были только слова, а на дѣлѣ вѣнчавшіеся въ православныхъ храмахъ терпѣли отъ своихъ единовѣрцевъ такія жестокія преслѣдованія, подвергать себя которымъ не у всякаго безпоповца доставало силъ и охоты, хотя бы онъ и вѣрилъ словамъ Алексѣева. Если же мы припомнимъ еще то обстоятельство, что общество ѳедосѣевцевъ, современныхъ Алексѣеву, отличалось самымъ грубымъ невѣжествомъ и безусловнымъ довѣріемъ къ слову своихъ „стариковъ и учителей“, то не удивимся, что грозныя, хотя и бездоказательныя, опредѣленія ѳедосѣевскаго сборища 1752 г. касательно новоженовъ имѣли для многихъ изъ безпоповцевъ гораздо больше значенія, чѣмъ всѣ, нерѣдко самыя умныя и основательныя, разсужденія Алексѣева о законности, въ случаѣ нужды, „внѣшняго браковѣнчанія“. Что же однако оставалось дѣлать

(1) „О тайнѣ брака“, гл.: „Изысканіе о новорожденныхъ дѣтехъ крещеніи“.

(2) Тамъ же, глава: „О срадованіи въ нарожденномъ“.

(3) Тамъ же, глава: „Изысканіе нятое на омышленіе присутствія родителей или приставниковъ въ брацѣ сыновъ или подданныхъ“.

тѣмъ изъ безпоповцевъ, которымъ слово Алексѣева о необходимости брачной жизни пришлось по сердцу, но которые въ тоже время не желали, чрезъ вступленіе въ бракъ въ церкви православной, явиться въ глазахъ своихъ единовѣрцевъ отступниками отъ истинной вѣры и обречь себя за это ихъ преслѣдованіямъ? „И сихъ ради учительскихъ въ нихъ изглашеній на бракъ (т. е. въ слѣдствіе признанія наставниками брака, вѣнчаннаго въ церкви православной, блудомъ и даже хуже блуда), отвѣтимъ на этотъ вопросъ словами Алексѣева, послѣдующій злообычный ихъ народъ гражданскій обычай въ поятіи женъ весьма отложиша, да не горшіи блудниковъ предъ учительми своими явятся и милости ихъ не отщетятся. Тѣмъ же обычаемъ манихейскимъ мужъ со женою поемлются, и не въ бракъ, но въ блудъ. И такъ бѣгающе дыма, въ огнь еретичества впадаютъ поятіемъ“ (1); „вмѣняюще браковѣнчаніе во отступство, по себѣ самихъ женятся“ (2). Но такъ какъ наставники безпоповщинскіе требовали, „дабы отцы и матери сыновъ своихъ не женили и дщерей своихъ не выдавали бы, подъ отлученіемъ собранія своего: и сего ради, говоритъ Алексѣевъ, сынове ихъ и дщери ихъ юніи, страстію порѣваеми похоти, сами досматриваются, юноши дѣвъ, а дѣвы юношей, и сватовство свое или по нощемъ темнымъ, или по гумнамъ, или по лѣсамъ, или по сводническимъ домамъ, по посидѣлкамъ нечистымъ“ устроивъ, „безъ благословенія отца и матери и безъ всякаго чина гражданскаго и обычая, сами собою убѣгомъ и сокровеніемъ поемлются, и помѣшкавши или въ лѣсѣ, или гдѣ во отъѣздѣ, въ домъ свой, аки новобрачніи, пріѣзжаютъ“, а „отецъ и мать, аще и увидятъ послѣди“, въ чемъ дѣло, „но уже отъяти не могутъ“ (3).

(1) Тамъ же, ч. II, гл.: „догмата Христова о тайнѣ брака словеса“

(2) Тамъ же, ч. I, гл.: „изысканіе третіе о внѣшнемъ браковѣнчаніи“.

(3) Тамъ же, ч. I, гл. 1.

Такимъ образомъ, нѣкоторые изъ ѳедосѣевцевъ, не рѣшаясь вѣнчаться въ церкви православной, изъ опасенія подвергнуться за это отлученію отъ своего общества, но въ тоже время не желая предаваться разврату съ перемѣнными женщинами, избирали себѣ подругъ и вступали съ ними въ сожительство на правахъ мужей. Такія же сожительства завели у себя и нѣкоторые поморцы (1). Само собой понятно, что подобныя жены были въ строгомъ смыслѣ тѣже любовницы, какими пробавлялись „рабы Христовы"—наставники ѳедосѣевскіе, держа у себя „стряпухъ", о которыхъ, по сознанію ѳедосѣевскаго сборища 1752 г., ходила „въ христіанахъ великая молва" и отъ которыхъ происходило „смущеніе многимъ христіаномъ" (2); но все же въ бракахъ безпоповцевъ, заключавшихся безъ вѣнчанія, по одному взаимному согласію жениха и невѣсты, была сравнительно и хорошая сторона—та, что вступавшіе въ подобныя сожительства, очевидно, связь съ одною, избранною по сердцу, женщиною предпочитали разврату съ перемѣнными „посестріями", хотя съ другой стороны въ подобныхъ сожительствахъ допускались иногда и самыя возмутительныя злоупотребленія. Первое изъ такихъ злоупотребленій состояло въ томъ, что иногда вступали въ подобныя сожительства лица самаго близкаго родства, какъ кровнаго, такъ и духовнаго. Это зависѣло отъ того, что въ заключеніи такихъ „мордовскихъ", по выраженію Алексѣева, браковъ родители часто не принимали никакого участія и, слѣдовательно, выборъ подруги зависѣлъ вполнѣ отъ вкуса каждаго молодаго безпоповца. Но такъ какъ у ѳедосѣевцевъ, напр., дѣти нерѣдко не знали своихъ родителей, то случалось иногда, что нравились другъ другу и за тѣмъ вступали въ сожительство молодыя лич-

(1) Исторія Выговской пустыни, изд. Кожанчикова, стр. 436.
(2) Полн. истор. извѣст. Іоаннова, стр. 170, прав. 37.

ности, только жившія въ разныхъ домахъ, но получившія жизнь отъ одного и того же мнимаго дѣвственника. Разумѣется, родители, замѣтивъ подобное кровосмѣшеніе, могли прекращать сожительство своихъ дѣтей; но, во 1-хъ, для этого мнимому дѣвственнику нужно было сознаться предъ своими дѣтьми въ томъ, что онъ старался скрыть и отъ самаго себя; во 2-хъ, этимъ сознаніемъ только прекращалось, но ничуть не предупреждалось кровосмѣшеніе, такъ какъ рѣшавшіеся на безсвященнословное сожительство ѳедосѣевцы могли „пріѣзжать въ домъ свой“ не только „аки новобрачніи“, но уже какъ дѣйствительные супруги; не даромъ же они „мѣшкали“, по словамъ Алексѣева, „въ лѣсѣ, или во отъѣздѣ“. Было и другое зло отъ вступленія нѣкоторыхъ безпоповцевъ въ сожительства безъ вѣнчанія. Такъ какъ законы церковные и гражданскіе не признавали безсвященнословныхъ сожительствъ браками, то очевидно, что вся „крѣпость“ подобныхъ сожительствъ зависѣла отъ воли того, кто избиралъ себѣ для сожительства подругу. А слѣдствіемъ этого было то, что лишь только подруга начинала почему либо не нравиться своему мнимому мужу, онъ, если былъ человѣкъ безчестный и безнравственный, бросалъ ее и прижитыхъ съ нею дѣтей на произволъ судьбы, а иногда даже, какъ вещь, передавалъ ее другому охотнику до „мордовскаго поятія“; самъ же выбиралъ себѣ новую, по выраженію Алексѣева, „плутовку“, съ которою нерѣдко повторялась та же исторія (1). Само собой понятно, что брошенныя такимъ образомъ женщины, лишенныя чести и нерѣдко насущнаго куска хлѣба, не находя нигдѣ себѣ защиты, предавались съ отчаянія разврату и погибали нравственно и нерѣдко даже физически, налагая на себя съ горя руки.

(1) „О тайнѣ брака“, ч. II, гл.: „догмата Христова о тайнѣ брака словеса“.

Случалось правда, что покинутыя мнимыми мужьями своими „дѣвки“, не смотря на все свое отвращеніе къ „никоніанскому духоборному суду“, являлись въ разныя „комиссіи“ и „били челомъ на тѣхъ, которые имъ ребятъ прижили и не кормятъ ихъ и дѣтей“, и, обѣщавъ жить съ ними въ мнимомъ бракѣ, „обманули“ (2); но раскольники почти всегда успѣвали „умилостивлять“ судей, „окупая свое благочестіе“ (3), и челобитныя подобнаго рода оставались безъ всякихъ благопріятныхъ для просительницъ послѣдствій.

Потому ли, что женщины безпоповщинскія, увидѣвъ изъ примѣра своихъ подругъ, что браки ихъ безъ соблюденія „гражданскаго обычая“, т. е. безъ вѣнчанія, слишкомъ непрочны и отзываются своими тяжелыми послѣдствіями только на нихъ и на дѣтяхъ ихъ, стали неохотно вступать въ безсвященнословныя сожительства, во избѣжаніе ли „оглаголанія“ и нарѣканій за подобныя связи, какъ за блудное сожитіе, или наконецъ изъ опасенія подвергнуться за „безчинное сожительство съ невѣнчанными дѣвками“ преслѣдованію со стороны гражданской власти, — только нѣкоторые изъ ѳедосѣевцевъ, жившихъ въ Польшѣ, придумали новый способъ для заключенія своихъ браковъ. Они стали обращаться къ польскимъ ксендзамъ и за деньги покупали у нихъ фальшивыя свидѣтельства о мнимомъ вѣнчаніи ихъ браковъ въ костелахъ. Этими свидѣтельствами они думали блуднымъ своимъ сожитіямъ придать видъ законности въ глазахъ своихъ единовѣрцевъ, и особенно—въ мнѣніи свѣтской власти. „Бываетъ же, говоритъ Алексѣевъ, въ сицевомъ ихъ случаѣ понятія и такое невѣжество: понеже простое понятіе, или супружество, во обычаи гражданскомъ (кромѣ вѣнчанія церковнаго) казнится: тѣмъ же, извинующеся такого оглаголанія и суда,

(2) Истор. Выгов. пуст., изд. Кожанчикова, стр. 456.
(3) Тамъ же, стр. 462.

люди ихъ въ поятіи женъ приходятъ къ ксендзамъ и чрезъ подарунки просятъ, дабы письмо извинительное сопряженному далъ, будто въ его костелѣ браковѣнчанъ: и той ксендзъ даетъ ему отъ себя шлюбъ во оправданіе, яко онымъ браковѣнчанъ. И сіе той воспріимъ, благонадеженъ пребываетъ: ово яко извиненіе внѣшняго суда письмомъ имать, ово яко костельному дѣйству не причастенъ“ (1). „Есть между ними (польскими безпоповцами) и такіе изувѣры, говоритъ Іоанновъ, которые, гнушаясь церкви, не вѣнчаются нигдѣ, а живутъ съ наложницами беззаконно; но дабы не имѣть подозрѣнія или порицанія отъ людей, или чтобъ которая половина въ любви не измѣнила, то таковые за деньги покупаютъ у ксендзовъ фальшивые шлюбы (письма, свидѣтельствующія о бракѣ), яко бы вѣнчаны въ костелѣ“ (2).

Нѣтъ нужды доказывать, что Алексѣевъ, по ученію котораго истиннымъ и совершеннымъ бракомъ бываетъ только тотъ, который заключается не только по взаимному согласію жениха и невѣсты, но и съ соблюденіемъ „всенароднаго обычая“, т. е. посредствомъ церковнаго вѣнча-

(1) „О тайнѣ брака“, ч. II, гл. 1.

(2) Полн. истор. изв. Іоаннова, стр. 203. Здѣсь же говорится, что нѣкоторые изъ польскихъ перекрещиванцевъ даже вѣнчались въ уніатскихъ костелахъ. Этого извѣстія, не смотря на всю его справедливость, мы не рѣшаемся отнести ко времени жизни Алексѣева. Правда еще соборъ ѳедосѣевскій 1752 г. прямо говорилъ (въ 35 правилѣ), что нѣкоторые „русскіе люди поженились въ Польшѣ и вѣнчалися въ костелахъ“; но, судя по тому, что ѳедосѣевцы принимали ихъ въ свое общество чрезъ крещеніе, мы думаемъ, что вѣнчавшіеся въ костелахъ русскіе люди не принадлежали къ числу безпоповцевъ, а были изъ числа бѣглецовъ великороссійскихъ православнаго исповѣданія, поселившихся въ Польшѣ вслѣдствіе какихъ-либо невзгодъ въ отечествѣ. По крайней мѣрѣ, Алексѣевъ, хорошо знавшій закулисную жизнь польскихъ ѳедосѣевцевъ, не говоритъ ни слова о томъ, чтобы хотя нѣкоторые изъ нихъ вѣнчались въ польскихъ костелахъ. Къ такому, странному для раскольника, способу вѣнчанія, какъ увидимъ ниже, стали обращаться нѣкоторые изъ польскихъ безпоповцевъ уже послѣ смерти Алексѣева († 1776 г.).

нія, дающаго браку „большую крѣпость и честь“, —не могъ одобрить брачныхъ сожительствъ тѣхъ изъ безпоповцевъ, которые стали вступать въ супружескія отношенія съ избранными ими женщинами по одному взаимному согласію, или на основаніи фальшивыхъ свидѣтельствъ о бракѣ, выданныхъ польскими ксендзами. Но не смотря на то, что подобныя сожительства онъ называлъ „бездѣльничествомъ“, „мордовскимъ поятіемъ“, „бреднями“ и тому подобными именами, и доказывалъ, что „поиматися на единомъ согласіи домовномъ не твердо и не честно, и великихъ бѣдъ предъ Богомъ и человѣки ходатайственно, и церковныя и гражданскія достойно казни, и людскаго жительства подлежитъ изгнанія“, а обращаться за фальшивыми брачными свидѣтельствами къ ксендзамъ значитъ „пріобщаться костельному дѣйству“,—многіе безпоповцы все-таки не рѣшались вѣнчаться въ православной (а по ихъ мнѣнію, еретической) церкви, какъ желалъ того Алексѣевъ, и продолжали устроять свои браки „мордовскимъ образомъ“. Мы не знаемъ, какъ велико было число такихъ браковъ; но слова Алексѣева: „коего бездѣльничества нынѣ много видимъ, вмѣняюще браковѣнчаніе во отступство, по себѣ самихъ женятся“ (3), показываютъ, что охотниковъ до брачнаго сожительства „на единомъ домовномъ согласіи“ было не мало.

Брачныя сожительства безпоповцевъ безъ вѣнчанія въ еретической (т. е. нашей православной) церкви, конечно, въ глазахъ мнимыхъ дѣвственниковъ, ревнителей древняго благочестія, были менѣе преступны, чѣмъ браки, заключавшіеся съ благословенія еретическихъ (т. е. православныхъ) священниковъ. Но все же и они не гармонировали съ ученіемъ безпоповщины о всеобщемъ дѣвствѣ. Какъ же посмотрѣли на подобныя сожительства мнимые дѣв-

(3) „О тайнѣ брака“ гл.: „Изысканіе третіе о внѣшнемъ браковѣнчаніи“.

ственники? Поморцы отнеслись къ нимъ довольно снисходительно. Въ Выговскихъ скитахъ находилось въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія не мало лицъ, „жившихъ съ невѣнчанными дѣвками“ и рождавшихъ отъ нихъ дѣтей; и эти особаго рода „новожены“ жили въ мирѣ „съ скитскими жителями“, платили въ скиты деньги (вѣроятно, для уплаты двойнаго оклада) и крестили своихъ дѣтей у разныхъ наставниковъ (1). Правда, поморцы величали подобныхъ новоженовъ „безчинниками, своевольниками и безстрашниками“, и даже подавали на нихъ „челобитье въ сенатъ“ (2), но не за новоженство ихъ, а за то, что они иногда, по разнымъ неудовольствіямъ на скитское начальство, „затѣвали крамолы и клеветы на пустынныхъ старовѣрцевъ“ съ цѣлію „весь суземокъ къ разоренію привести“. Что же касается ѳедосѣевцевъ, то прежде всего невольно бросается въ глаза краткость постановленій, которыми они опредѣлили свои отношенія къ лицамъ, вступавшимъ въ брачныя сожительства безъ вѣнчанія. Тогда какъ при опредѣленіи отношеній своихъ къ новоженамъ, вѣнчавшимся въ православной церкви, ѳедосѣевцы не упустили изъ виду, какъ мы видѣли выше, самыхъ мелочныхъ обстоятельствъ и постановили особенныя правила на всѣ возможные случаи столкновеній съ ними,—касательно лицъ, вступавшихъ въ браки по одному взаимному согласію, они сдѣлали только слѣдующее опредѣленіе: „а которые и тако сошлися и не вѣнчалися нигдѣ, и таковыхъ разводить, якоже и новоженовъ“ (3). Далѣе, съ перваго взгляда можно подумать, что ѳедосѣевцы въ этомъ правилѣ тѣхъ изъ своихъ единовѣрцевъ, которые вступали въ брачныя сожительства безъ вѣнчанія, поставили на

(1) Истор. Выгов. пуст. изд. Кожанчикова, стр. 436 и 463—4.
(2) Тамъ же, стр. 439 и 441.
(3) Полн. истор. изв. Іоаннова, стр. 170, прав. 36.

одну доску съ новоженами, т. е. вѣнчавшимися въ православной церкви; но замѣчаніе Алексѣева о томъ, что многіе изъ ѳедосѣевцевъ „гражданскій обычай въ поятіи женъ весьма отложиша, да не горшіи блудниковъ предъ учительми своими явятся и милости ихъ не отщетятся“, невольно наводитъ на мысль, что ѳедосѣевскіе наставники не одинаково смотрѣли на новоженовъ и на тѣхъ, которые вступали въ бракъ безъ вѣнчанія. Если же мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что брачныя сожительства нѣкоторыхъ ѳедосѣевцевъ по одному взаимному согласію, въ существѣ дѣла, были ничто иное, какъ блудъ, только, такъ сказать, явный, открытый, а на блудъ, какъ извѣстно, ѳедосѣевскіе наставники смотрѣли довольно снисходительно, проповѣдуя своимъ ученикамъ, что „лучше хотя четырехъ или пять женъ или десять невѣнчанныя въ бракъ имѣти и съ ними блудити, нежели едину бракомъ сопряженную“ (1); то, кажется, не погрѣшимъ, если скажемъ, что учители ѳедосѣевскіе не могли даже преслѣдовать безсвященнословныя супружества своихъ учениковъ также строго, какъ преслѣдовали они новоженство, а должны были отнестись къ нимъ также, какъ относились они „къ единодомовному сожительству“ съ женщинами всѣхъ другихъ ѳедосѣевцевъ и къ собственному „единокелейному пребыванію съ стряпухами“, т. е. должны были смотрѣть на подобное явленіе, какъ говорится, сквозь пальцы. Затѣмъ самая краткость правила, въ которомъ ѳедосѣевцы высказали свой взглядъ на лица, „невѣнчавшіяся нигдѣ“, но жившія брачнымъ образомъ, не показываетъ ли, что безсвященнословныя сожительства составляли для мнимыхъ дѣвственниковъ такое больное мѣсто, о которомъ лучше и не распространяться много, такъ какъ, вооружаясь противъ нихъ, нужно было не щадить и себя. Не даромъ же

(1) „О тайнѣ брака“ ч. II, гл.: „О двоебрачныхъ и трибрачныхъ“.

вслѣдъ за указаннымъ опредѣленіемъ слѣдуетъ другое такого рода: „а о которыхъ стряпухахъ въ христіанахъ великая молва и смущеніе многимъ христіанамъ; и таковыхъ стряпухъ отнюдь не держать“ (1). Лица, постановившія такое опредѣленіе, могли преслѣдовать новоженовъ за вѣнчаніе ихъ въ мнимо-еретической церкви; но могли ли они по совѣсти преслѣдовать также строго и безсвященнословныя сожительства? Вѣдь каждый изъ ѳедосѣевцевъ, имѣвшихъ у себя невѣнчанную жену, могъ сказать, что онъ держитъ у себя только „стряпуху“, по примѣру самихъ же наставниковъ. Наконецъ, извѣстіе Алексѣева о томъ, что „бездѣльничества“, въ родѣ брачныхъ сожительствъ безъ вѣнчанія, было въ его время „много“, можетъ служить новымъ подтвержденіемъ той мысли, что лица, „тако сошедшіяся и невѣнчавшіяся нигдѣ“, не преслѣдовались такъ строго ѳедосѣевцами, какъ преслѣдовались ими новожены; иначе безсвященнословныя супруженства не могли бы усилиться. Что же касается тѣхъ ѳедосѣевцевъ, которые чрезъ „подарунки“ получали себѣ отъ ксендзовъ фальшивыя брачныя свидѣтельства и на нихъ хотѣли основать законность,—даже гражданскую, своихъ брачныхъ сожительствъ, то объ отношеніи къ нимъ наставниковъ ѳедосѣевскихъ Алексѣевъ говоритъ слѣдующее: „обаче ни тако сопрягшіися тіи милости отъ наставниковъ получаютъ, развѣ отвергше сицевый союзъ сопряженія: иначе же ни тіи сами, ни дѣти ихъ не пріемлются“ (2). И эта строгость ѳедосѣевцевъ къ своимъ братіямъ, обращавшимся за фальшивыми брачными свидѣтельствами къ ксендзамъ, весьма понятна. Если, вслѣдствіе отвращенія своего къ „римскому костелу“, бывшему будто бы источникомъ еретичества и для „греко-россійской церкви“, ѳе-

(1) Іоаннов. стр. 170, прав. 37.

(2) „О тайнѣ брака“ ч. II, гл. 1.

досѣевцы налагали по „300 поклоновъ до земли при соборѣ“ даже на „покупающихъ что въ польскихъ градѣхъ и кирмашѣхъ“ (1), то само собой разумѣется, что на вступавшихъ въ брачныя сожительства, на основаніи ксендзовскихъ шлюбовъ, они должны были посмотрѣть еще строже (2).

---

(1) Іоаннов. стр. 159, прав. 7.

(2) У Іоаннова (въ Полн. истор. извѣст. о раск. стр. 153) есть извѣстіе, повторяемое и послѣдующими историками раскола (Истор. русск. раск. стр. 279; Твор. св. Отцовъ, 1858 г., кн. 2, стр. 207), что еще при Алексѣевѣ „въ должность наставника вступилъ къ новоженамъ въ Москвѣ ѳеодосіанецъ Гаврила Артамоновъ, который ихъ чрезъ немалое время, яко пастырь, формально управлялъ. Браки ихъ (ежели кто не вѣнчался въ церкви) сочетовалъ, исповѣдывалъ, новорожденныхъ крестилъ и умершихъ отпѣвалъ. Почему съ начала новожены и назывались Гаврило-Артамоновы, или просто артамоновщина“. Не имѣя данныхъ совершенно отвергать это извѣстіе, мы однако же не можемъ не указать нѣкоторыхъ недоумѣній, которыя невольно рождаются при чтеніи указаннаго мѣста изъ книги Іоаннова. Если Артамоновъ былъ пастыремъ новоженовъ, вступавшихъ въ бракъ съ благословенія православной церкви, т. е. послѣдователей Алексѣева, то во 1-хъ не понятно, какъ могли ѳеодосѣевцы отлучить въ 1757—8 г. Алексѣева вмѣстѣ съ его послѣдователями, между прочимъ, за то, что они не имѣли у себя „отца духовнаго“ (Слов. на соборъ новоявлен. раздорниковъ); въ 2-хъ, почему не упомянулъ объ Артамоновѣ, какъ пастырѣ новоженовъ, самъ Алексѣевъ въ своей книгѣ: „О тайнѣ брака“, писанной имъ въ 1762 г., когда Артамоновъ былъ еще живъ (Гаврила Артамоновъ умеръ, по однимъ (Слов. Любопыт.), въ 1765 г., а по другимъ (Сборн. для истор. стар. Попова, т. II, вып. V, прилож. стр. 89), въ 1756 г.; послѣднее извѣстіе—несправедливо, какъ несправедливо и мнѣніе пр. Макарія (Истор. русск. раск. стр. 279) и другихъ (Невск. Сборн. 1867 г. т. I, стр. 87), будто Артамоновъ сдѣлался наставникомъ новоженовъ съ 1765 г.); въ 3-хъ, какъ не упомянули о немъ и на сборищѣ московскомъ, бывшемъ по поводу новоженовъ въ 1770 г. (Сборн. для истор. стар. Попова, т. I, стр. 66). Если же допустить, что Артамоновъ взялъ подъ свое покровительство тѣхъ изъ безпоповцевъ, которые, не желая вѣнчаться въ церкви православной, вступали въ брачныя сожительства по одному взаимному согласію, въ такомъ случаѣ въ 1-хъ не понятно извѣстіе о томъ, что онъ самъ „вѣнчалъ браки“, — во 2-хъ тогда необъяснимо молчаніе объ Артамоновѣ, какъ сторонникѣ браковъ „безъ пресвитерскаго вѣнчанія“, Павла Любопытнаго, который нерѣдко даже и тѣхъ изъ наставниковъ безпоповщинскихъ, которые писали противъ „безсвященнословныхъ браковъ“, причисляетъ къ своей партіи, ратовавшей за подобные браки. Наконецъ допустить, что Артамоновъ первый началъ заключать браки безпоповцевъ при помощи разныхъ молитвъ, или, какъ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Краткій очеркъ мѣръ противъ раскола въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й; появленіе въ это время благоустроенныхъ раскольничьихъ общинъ въ столицахъ,—и преимущественно въ Москвѣ; отношеніе къ вопросу о бракѣ Преображенскаго ѳедосѣевскаго кладбища, устроеннаго Ковылинымъ, и Покровской поморской часовни, основанной Васильемъ Емельяновымъ; безусловное отрицаніе брака Ковылинымъ и признаніе законности безсвященнословныхъ браковъ Емельяновымъ; успѣхъ проповѣди послѣдняго о необходимости брачной жизни; форма брачныхъ сопряженій раскольническихъ, устроенная Покровскою часовнею и ея послѣдователями; борьба съ Емельяновымъ изъ-за брака Выговской пустыни, болѣе впрочемъ «политичная», чѣмъ серьезная; борьба съ нимъ Преображенскаго кладбища, или вѣрнѣе: строителя его — Ковылина,— борьба опасная, вызвавшая Емельянова и его послѣдователей на усиленную литературную дѣятельность по вопросу о бракѣ—съ цѣлію доказать ѳедосѣевцамъ ложность ученія ихъ о всеобщемъ дѣвствѣ и мнимую законность безсвященнословныхъ браковъ Покровской часовни; подробное изложеніе ученія какъ противниковъ, такъ и защитниковъ, брачной жизни.

Въ 1762 году вступила на престолъ Екатерина Великая. Извѣстно каждому, какъ отнеслась эта государыня

выражается Любопытный, „обрядомъ нерукоположенныхъ лицъ“ (Катал. стр. 45), не позволяетъ извѣстіе Любопытнаго о томъ, что „первый открылъ въ Москвѣ начало брачнаго чина и первый изъ пастырей сталъ торжественно избавлять женящихся христіанъ отъ явной пропасти никоніанизма“—нѣкто Василій Емельяновъ, „славный пастырь и учитель поморской церкви (?) въ Москвѣ“ (Истор. слов. Любопыт.). О самомъ же Артамоновѣ Любопытный замѣтилъ только, что онъ сперва принадлежалъ къ ѳедосіанской церкви и былъ ревностнымъ учителемъ ея; а потомъ сдѣлался „основателемъ своей церкви, подъ названіемъ своего имени—Гаврилова церковь“; но что это была за церковь и чѣмъ отличалась она въ своемъ ученіи отъ другихъ безпоповщинскихъ толковъ,—объ этомъ у Любопытнаго нѣтъ ни слова (Сборн. для истор. стар. т. II, вып. V, прилож. стр. 90). Нѣкоторые

къ заблуждающимъ. Въ первый же годъ своего славнаго царствованія она издала указъ, которымъ позволялось всѣмъ, бѣжавшимъ изъ Россіи за границу, раскольникамъ возвращаться на родину, предоставлялись для ихъ поселеній любыя мѣста, при чемъ раскольники освобождались на шесть лѣтъ отъ всякихъ податей, могли избирать себѣ, какой угодно, родъ жизни, носить бороду, ходить не въ указномъ платьѣ и проч. (1). Въ слѣдующіе затѣмъ годы раскольники подчинены были общимъ присутственнымъ мѣстамъ, стали допускаться по тяжебнымъ дѣламъ къ присягѣ и свидѣтельству, были освобождены отъ двойнаго оклада, получили право на занятіе общественныхъ должностей, на безпрепятственное употребленіе своего любимаго двуперстія, а наконецъ въ 1783 году запрещено было употреблять самое наименованіе „раскольника“, какъ на бумагѣ, такъ „и въ словесномъ разговорѣ“ (2), между тѣмъ какъ прежнія постановленія гласили: „которые хотя

(Невск. сборн. т. I, стр. 87) думаютъ, что Артамоновъ не признавалъ брака, а сошелся съ новоженами въ Москвѣ или по денежнымъ расчетамъ, или по досадѣ на бракоборцевъ—ѳедосѣевцевъ, отъ которыхъ „откололся за старознаменное пѣніе“, утверждая, что въ богослуженіи надобно употреблять „пѣніе нарѣчное“. Что же касается извѣстія современныхъ намъ раскольническихъ писателей, будто при жизни Алексѣева и Артамонова дѣйствовали въ пользу безсвященнословныхъ браковъ Московскіе мѣщане: Михаилъ Григорьевъ и Михаилъ Кириловъ—и Саратовскій поморскій учитель Германъ (Истор. извѣщ. о безпр. прод. закон. брака въ старов. л. 13), то ни въ Каталогѣ, ни въ Историческомъ Словарѣ Любопытнаго, нѣтъ ни малѣйшаго подтвержденія этого извѣстія.

(1) Полн. собр. зак., т. XVI № 11,725; справедливость требуетъ замѣтить, что новыя, болѣе мягкія, отношенія къ расколу власти начались собственно въ кратковременное царствованіе Петра III-го (Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 527 — 8); это обстоятельство и было причиной того, что всѣ вообще раскольники доселѣ уважаютъ память этого государя, а нѣкоторые сектаторы (скопцы) даже признали его воплощеннымъ божествомъ.

(2) Собр. постановл. по части раскола, 1860 г. ч. I, стр. 599, 605, 707—9, 710—723; снес. слов. истор. Любопытнаго, въ статьѣ объ Андреѣ Борисовѣ.

святѣй церкви и повинуются и всѣ церковныя таинства пріемлютъ, а крестъ на себѣ изображаютъ двѣма персты, а не треперстнымъ сложеніемъ: тѣхъ, кои съ противнымъ мудрованіемъ, и которые хотя и по невѣжеству и отъ упорства то творятъ, обоихъ писать въ расколъ, не взирая ни на что“ (1). Слѣдствія снисходительныхъ мѣръ противъ раскольниковъ въ царствованіе Екатерины II также извѣстны. Большая часть раскольниковъ перестали скрываться въ лѣсныхъ трущобахъ, куда они бѣжали то отъ переписей, въ которыхъ видѣли прикрѣпленіе къ царству антихриста, то отъ разнаго рода преслѣдованій, продолжавшихся по мѣстамъ, не смотря на двойной окладъ, который платили раскольники за право оставаться въ расколѣ, то наконецъ отъ самаго двойнаго оклада, котораго многіе, по своей бѣдности, не могли платить,—и начали являться на свѣтъ Божій, селиться въ селахъ и городахъ, даже въ столицахъ, обзаводиться хозяйствомъ, пустились въ промышленность и торговлю, стали богатѣть и, въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ спокойной и правильной жизни, начали въ жизни общественной сближаться съ православнымъ обществомъ до того, что нѣкоторые ревнители „древняго благочестія“ отъ такого сближенія стали опасаться погибели мнимо-истинной вѣры (2). Но главное, что́ пріобрѣлъ расколъ при Екатеринѣ II и что́ дало ему новую жизнь, состояло въ устройствѣ почти всѣми его сектами и толками общинъ и молитвенныхъ зданій, или часовень, вмѣстѣ съ богадѣльнями (3), — и гдѣ же? — въ первопрестольной столицѣ—въ Москвѣ (4). Въ царствова-

(1) Собр. постановл. по части раскола, 1860 г. ч. I, стр. 35.

(2) Кельсіев. вып. 4, стр. 267—8, §§ 24 и 30; снес. стр. 277.

(3) Необходимая принадлежность каждой раскольничьей часовни, или вѣрнѣе: предлогъ для ея устройства.

(4) Устроены были въ это время раскольниками разныхъ толковъ часовни и въ Петербургѣ, но онѣ не имѣли того значенія для раскола, какимъ пользовались часовни московскія.

ніе Екатерины, какъ извѣстно, поповцы устроили себѣ такъ называемое *Рогожское кладбище* (1); изъ безпоповцевъ—ѳедосѣевцы создали знаменитое свое *Преображенское кладбище* (2), поморцы устроили себѣ часовню съ богадѣленнымъ домомъ подъ названіемъ *Покровской* (3), а филиповцы на деньги тверскаго купца Долина также выстроили себѣ часовню въ рогожской части въ Дурновомъ переулкѣ (4). Эти часовни, или вѣрнѣе: общины раскольническія, сгруппировавшіяся около этихъ часовень, вслѣдствіе пребыванія своего въ столицѣ, вслѣдствіе особеннаго своего устройства, по которому во главѣ каждой изъ нихъ, въ качествѣ попечителей, становились самые умные, богатые и вліятельные по своимъ связямъ прихожане, естественно, должны были сдѣлаться каждая для своего толка—главными центрами, около которыхъ стали группироваться всѣ раскольники провинціальные, жившіе въ городахъ и селахъ, и въ которыхъ по преимуществу сосредоточилась теперь жизнь религіозная разныхъ толковъ раскольническихъ. Каждый, возникавшій въ расколѣ, вопросъ теперь не только не могъ рѣшиться безъ участія въ немъ московскихъ общинъ, напротивъ отъ Москвы, отъ приговора московскихъ раскольниковъ, зависѣло нерѣдко такое, а не другое его рѣшеніе. Неудивительно послѣ этого, что и вопросъ о бракѣ, поднятый въ безпоповщинскомъ расколѣ еще Вышатинымъ и Алексѣевымъ и до настоящаго времени бывшій только предметомъ споровъ и ссоръ между мнимыми дѣвственниками, долженъ былъ теперь ожидать себѣ рѣшенія отъ московскихъ безпоповцевъ. Какъ же отнеслась къ этому вопросу Москва

(1) Русск. Вѣстн. 1866 г., май. Историч. очерки поповщины—Мельникова, стр. 16—17.

(2) Истор. Русск. раск. стр. 270—274.

(3) Прав. обозр. 1863 г., іюнь и іюль.

(4) Прав. обозр. 1864 г., январь, стр. 73—92.

съ своими Ковылиными, Емельяновыми, Скочковыми и другими знаменитостями раскольничьяго безпоповщинскаго міра?

„Пространные домы, скажемъ словами поморца—Заяцевскаго, прекрасные и свѣтлые покои, многоцѣнная трапеза и различные напитки, мягкія постели, красныя одежды, частые разговоры, близкія сношенія съ различнымъ поломъ, сѣданія и ласкательныя другъ къ другу помаванія“,—вотъ въ какой обстановкѣ жила большая часть прихожанъ Преображенскаго ѳедосѣевскаго кладбища. Казалось бы, людямъ, жившимъ при подобной обстановкѣ, всего естественнѣе было придти къ мысли о томъ, что пустынную жизнь невозможно вести въ городахъ, что суровый аскетизмъ и строгое подвижничество не мирятся съ столицей, и что слѣдовательно—*блудодѣянія ради кійждо жену себѣ да имать* (1). И однако же на дѣлѣ оказалось совершенно противное. Ѳедосѣевцы, съ главою и руководителемъ своимъ Ковылинымъ, владѣвшіе самыми громадными средствами, жившіе самымъ роскошнымъ образомъ, за что даже были укоряемы другими безпоповцами, не только не склонились, со времени основанія въ Москвѣ своего Преображенскаго кладбища, въ пользу брачной жизни, напротивъ усилили свои требованія объ обязательномъ для всѣхъ дѣвствѣ и такимъ образомъ чуть было не погубили всѣхъ трудовъ бывшаго своего единовѣрца—Алексѣева, понесенныхъ имъ при составленіи своей знаменитой книги: „о тайнѣ брака“. Чтобы понять такое направленіе московскихъ ѳедосѣевцевъ въ рѣшеніи вопроса о бракѣ, необходимо припомнить исторію основанія Преображенскаго кладбища. Этотъ притонъ ѳедосѣевскаго раскола и ѳедосѣевскаго разврата былъ устроенъ Ковылинымъ въ самое страшное для Москвы время,—во время

(1) 1 Коринѳ. VII, 2.

свирѣпствовавшей въ ней въ 1771 году чумы. Первыми насельниками кладбища сдѣлались тѣ изъ раскольниковъ и православныхъ москвичей, которые, въ виду опасности, искали здѣсь пріюта и помощи и которыхъ пощадила смерть. Принимая въ свою мнимую больницу всѣхъ безъ различія—и раскольниковъ и православныхъ, и мужчинъ и женщинъ, — но съ непремѣннымъ условіемъ—для раскольниковъ пожертвовать въ пользу кладбища все свое имущество, а для православныхъ, кромѣ того, перейти въ расколъ, Ковылинъ скоро увидѣлъ въ своихъ, на скоро выстроенныхъ, шалашахъ много послѣдователей Ѳеодосія и еще больше разнаго рода богатства. Миновала гроза, Москва стала успокоиваться, оставшіеся въ живыхъ обитатели Ковылинской больницы стали подумывать о возвращеніи къ прежней жизни и занятіямъ. Что оставалось дѣлать Ковылину при такихъ обстоятельствахъ? Распустить ихъ по домамъ значило лишиться и тѣхъ домовъ, которые вмѣстѣ съ деньгами были пожертвованы больными кладбищу. Была и другая опасность отъ возвращенія „въ міръ“ Ковылинскихъ питомцевъ. Многіе изъ нихъ приняли расколъ въ болѣзни, часто въ безпамятствѣ отъ физическихъ страданій и душевныхъ мукъ, при мысли о неминуемой смерти,—во всякомъ случаѣ не по доброй волѣ, а по убѣжденію или, вѣрнѣе,—по принужденію со стороны Ковылина. Подобныя личности, живя среди православнаго общества, могли снова сдѣлаться сынами церкви,—а этого-то Ковылину всего больше и не хотѣлось. И вотъ, чтобы удержать новыхъ учениковъ „премудраго Ѳеодосія“ на кладбищѣ, скоро занявшемъ своими постройками едва не цѣлый кварталъ, Ковылинъ сталъ доказывать имъ, что „принесенное однажды въ жертву Богу не можетъ быть возвращено; оно принято Богомъ и какъ бы сгорѣло, какъ сгараетъ, напр. свѣча, поставленная отъ

усердія предъ его иконой", Смыслъ этого разглагольствія понятенъ былъ каждому: ступай, куда хочешь, если желаешь быть нищимъ, тогда какъ, оставшись въ общинѣ, будешь сытъ, одѣтъ, спокоенъ. Такимъ образомъ, со стороны матеріальной Ковылинъ обезпечилъ созданіе рукъ своихъ—Преображенское кладбище. Нужно было теперь обратить вниманіе на нравственную сторону общины. Какъ человѣкъ умный и при томъ — истый безпоповецъ, Ковылинъ не могъ не знать, что нѣтъ лучшаго средства пріобрѣсть созданной имъ общинѣ уваженіе отъ всѣхъ ѳедосѣевцевъ и другихъ безпоповцевъ, какъ давъ устройству ея характеръ аскетическій, монастырскій. Съ этою цѣлію, нарядивъ насельниковъ Преображенскаго кладбища въ особаго покроя кафтаны, давъ имъ въ руки лѣстовки, отдѣливъ мнимыхъ иноковъ отъ инокинь и запретивъ имъ ѣсть мясо и пить вино (1), Ковылинъ тѣмъ изъ перекрещенныхъ раскольниковъ, которые до перехода въ расколъ были женаты и теперь, когда моровое повѣтріе миновало, хотѣли снова возвратиться къ жизни семейной, началъ доказывать: „вы вѣнчаны въ церквахъ русскихъ еретиками, браки ваши предъ Богомъ — блудъ, который будетъ наказанъ вѣчнымъ огнемъ, а потому если вы возвратитесь въ міръ и вступите въ брачныя связи,—вы погибли; одно расторженіе ихъ и посвященіе себя Богу можетъ спасти васъ". А это значило, что и тѣ, кои еще не вступали въ бракъ, должны жить дѣвственно, потому что православнаго священника, который могъ бы освящать молитвами брачныя сопряженія, нѣтъ, а вѣнчаться у еретиковъ грѣшно и гибельно для души. Вскорѣ послѣ устройства Преображенскаго кладбища Ковылинъ, вмѣстѣ съ своими „клевретами", составилъ „чинъ оглашенія входящимъ въ православную (т. е. ѳедосѣевскую) вѣру", въ

(1) Іоанновъ стр. 134.

которомъ еще яснѣе и подробнѣе изложилъ свое ученіе о бракѣ. Вотъ, между прочимъ, какія предписанія наставникамъ Преображенскаго кладбища находятся въ этомъ „чинѣ“: „всѣхъ, имѣющихъ по своему закону жены, испытавъ, распрашивать: не беззаконно ли ее како либо имѣетъ, или вводную, кромѣ своего закона, или отъ живаго мужа взятую; аще что таково явится, отнюдь безъ расторженія не пріемлются. Аще ли же сего не срящется, и явится, по испытаніи, совершенно внѣ всякаго зазрѣнія, а вѣру православную (т. е. ѳедосѣевскій расколъ) вседушно во всемъ пріемлетъ, тогда объявлять ясно и рѣчевито, что по крещеніи можетъ ли съ супружницею своею аще и единодомовно спребывати, но цѣломудренно и кромѣ плотскаго совокупленія. Понеже симъ не бракъ отметается, но, за разсыпаніемъ руки людей освященныхъ, на совокупленіе и дѣторожденіе благословенія получить ни отъ кого невозможно; кольми же паче въ рожденіи молитвословія и очищенія и четыредесятодневной молитвы, что все оное христіанскій законъ истязуетъ соблюдати; кольми же паче бѣдствіе при возрастѣ дѣтей и самимъ рождшимъ предъ очима предстоитъ погибель. И аще всему сему покоряется, да будетъ пріятъ; аще ли же предлагаетъ свое неможеніе и нехотѣніе, да отвержется: не бо таковый отрѣвается; но самъ отбѣгаетъ своего спасенія. И аще сіи брачные имѣютъ дѣти, онымъ совѣтовать приходить въ христіанство вседомовно... И еще надобно явственнѣ изрещи: аще бы дѣтемъ своимъ по крещеніи снискали каковымъ либо образомъ бракъ, тогда они, яко пагубу дѣтемъ снискавшіе отступствомъ и блудомъ, весьма отнюдь отъ церкви Божія (т. е. отъ ѳедосѣевскаго общества) отвергнутся, и не пріимутся въ сообщеніе во вся дни живота, дондеже не расторгнутъ беззаконнаго сочетанія чадъ своихъ; и даже ни при кончинѣ жизни и по смерти такожде

ни каковыя помощи не улучатъ, ни погребенія, ни поминовенія. Да и сіе внушати весьма подобаетъ, что, по прореченію церковныхъ учителей, послетъ сатана антихристъ свою прелесть провозглашать въ горы и въ вертепы съ бѣсы и съ чувственными человѣки, которые, по апостолу, поныряюще въ домы и плѣняюще женчища, сирѣчь, слабоумныхъ и маловѣрныхъ, шепчутъ, яко змій Евѣ, возможнымъ быти бракомъ составляемымъ; и сихъ хотящимъ воистину спастися подобаетъ всяко, заткнувъ уши, бѣгати, яко истовыхъ посланниковъ антихристовыхъ и губителей, и даже не внимати самаго перваго произношенія гласа ихъ, аще не хочутъ быти уловлени въ таковыя пагубныя и мерзкія сѣти; аще слова ихъ и мягки будутъ паче елея, но суть, по псаломнику, стрѣлы душеубивательныя. Не женатымъ такожде предъявлять, что, за неимѣніемъ священства и священниковъ тайносовершителей, бракосовершенія получить невозможно; ежели желаетъ въ православіи (т. е. въ ѳедосѣевщинѣ) единолично въ цѣломудріи безженно жизнь провождать, таковый пріятъ да будетъ, а инако—да отвержется. И еще внушать подобаетъ явственно, если дерзнетъ, по крещеніи, приступить какъ либо къ браку, тогда отверженъ будетъ отъ церкви (т. е. отъ общества ѳедосѣевскаго), яко вольный отступникъ, дондеже не расторгнетъ беззаконнаго сочетанія. Понеже извѣщенъ былъ при самомъ первоученіи и не можетъ притещи ни къ каковому извѣту о невѣдѣніи, но будетъ самоосужденъ, по евангельскому гласу: отъ устъ твоихъ сужду тя, рабе лукавый. И сіе надобно не умолчать: аще въ таковомъ случаѣ найдетъ внезапная смерть, ни каковыя помощи отъ церкви Божія (т. е. ѳедосѣевскаго общества) не улучитъ, ни погребенія, ни поминовенія, но изыдетъ отъ жизни, яко язычникъ и мытарь. Нужно и сіе испытовати отъ брачныхъ: не въ вѣдѣніи ли православной

вѣры (т. е. раскола ѳедосѣевскаго) брачился и, корчемствуя, приступилъ къ браку противъ совѣсти и сего ради крещеніе отлагалъ. Таковый совершенно долженъ быть отверженъ, или да расторгнется, какъ у предковъ содержашеся. Ибо сей недалече отступства: понеже и до вѣдѣнія православныя вѣры (т. е. ѳедосѣевскаго раскола) брачившіися не попущаются на совокупленіе и дѣторожденіе, кольми паче сіи корчемники; ибо отъ сихъ христіанству мало пріобрѣтеніе, но паче тщета и плевелосѣяніе... И сіе паки при оглашеніи всякому полу и возрасту, могущему разумѣти, внушати неотрочно подобаетъ: не токмо со иновѣрными ни въ чемъ не сообщатися, которые, по писанію, иного Бога имѣютъ, но и со отлученными отъ церкви (?), яко-то съ новожены и прочими. Болѣе же всего отвергать родителей, наведшихъ дѣтей своихъ на отступство и на беззаконное счетаніе, яко помощниковъ противнику Христову и сводителей съ спасительнаго пути въ невозвратную погибель. Ибо сіе нѣсть осужденіе и презрѣніе братства, но общемысліе церковное, по завѣщанію апостольскому, еже къ коринѳяномъ зач. 133 и 134“ (1). Такимъ образомъ, какъ показываютъ только-что приведенныя правила „чина оглашенія входящимъ въ православную вѣру“, ѳедосѣевщина, благодаря своекорыстнымъ расчетамъ Ковылина, и по перенесеніи центра своего средоточія въ Москву—на Преображенское кладбище, осталась такою же „бракоборною“, какою мы видѣли ее въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, съ тѣмъ только различіемъ, что до Ковылина ѳедосѣевцы на браки лицъ, вѣнчавшихся въ православной церкви и потомъ переходившихъ въ ѳедосѣевской расколъ, смотрѣли снисходительнѣе, чѣмъ на брачныя сопряженія, съ благословенія православной церкви, самихъ раскольниковъ, и хотя разводили такихъ супруговъ на „чистое

(1) Сборн. для истор. старообр. т. I, стр. 87—93.

житіе", однакоже, въ случаѣ рожденія ими дѣтей, отлучали ихъ отъ своего общества не навсегда, какъ поступали они съ „новоженами", а только на нѣкоторое время, назначивъ „за перваго" ребенка „полгода отлучать, за втораго годъ, за третьяго два лѣта", да кромѣ того „за очистительныя молитвы три тысячи поклоновъ до земли" (1); между тѣмъ Ковылинъ браки православныхъ, переходившихъ въ расколъ, призналъ блудомъ, достойнымъ вѣчнаго огня, и опредѣлилъ расторгать подобныя сожительства безъ всякихъ ограниченій.

Но если Ковылинъ, какъ фанатичный ѳедосѣевецъ (2), былъ убѣжденъ, что, вслѣдствіе мнимаго прекращенія въ мірѣ православнаго священства, уже не можетъ быть болѣе „брачной тайны", — то съ другой стороны, какъ человѣкъ, по замѣчанію Любопытнаго, „даровитый" и на самомъ дѣлѣ весьма умный, онъ не могъ не сознавать, что при той роскошной обстановкѣ жизни большей части прихожанъ Преображенскаго кладбища, какую мы указали выше, требовать отъ нихъ безбрачія и строгаго цѣло-

(1) Іоанновъ стр. 174, прав. 45.

(2) Доказательствомъ яраго фанатизма Ковылина можетъ служить, между прочимъ, слѣдующее обстоятельство изъ его жизни. Бесѣдуя однажды съ новоженомъ, Ковылинъ такъ велъ свою рѣчь: „я отъ васъ никакого книжнаго свидѣтельства не пріемлю, и не представляйте мнѣ ни седьми вселенскихъ соборовъ, ни девяти помѣстныхъ, ни апостольскихъ правилъ,—али въ концъ вамъ сказать: аще бы и Самъ Христосъ съ небесе сошелъ со архангелы и велѣлъ бы мнѣ: Илья! прими-де новоженовъ въ согласіе къ себѣ! А я бы Ему сказалъ: не послушаю Тебя, Христе; рече-де мнѣ такъ отецъ мой Илья Ивановъ (одинъ ѳедосѣевскій наставникъ, любимецъ Ковылина, управлявшій его душею, по замѣчанію въ Словар. истор., Любопытнаго) при смерти своей и приказалъ: какъ-де ты наученъ, въ томъ и стой, рече: аще онъ будетъ во адѣ, то и я съ нимъ, аще въ царствіи, то и я съ нимъ; того ради я ученія его не отстану и не измѣню. Еще скажу вамъ: аще вы будете и чудеса творить, или мертвыхъ воскрешать, не приму васъ въ общеніе себѣ" (Спор. безпоповц. Преображ. кладб. и покр. часовни о бракѣ, стр. 38). Понятно, что такой человѣкъ доказательства Алексѣева въ пользу брачной жизни, основанныя на „исторіяхъ и канонахъ" и изложенныя имъ въ 1762 г. въ книгѣ: „О тайнѣ брака", могъ считать за ничто.

мудрія — дѣло немыслимое. „Сила похоти есть столь велика, писали Ковылину и другіе безпоповцы, что можетъ противъ оныя вооружатися и твердо встати развѣ той, кому особенно вліяна есть благодать Божія за великіе подвиги и труды и многія добродѣтели. Скорѣе можетъ огонь со льномъ единокупно лежати, или порохъ на угліи ввергнутъ быти и не горѣти, чѣмъ живущій посредѣ дѣвъ и женъ, младостію цвѣтущихъ и свѣтоблистательными одеждами упещренныхъ, соблюсти себя чиста“ (1). Что же оставалось дѣлать въ виду такихъ соображеній? Прежніе ѳедосѣевскіе наставники, чтобы удержать своихъ учениковъ отъ вѣнчанія въ православныхъ храмахъ и въ тоже время уменьшить тяжесть бремени, налагавшагося на нихъ безбрачіемъ, смотрѣли сквозь пальцы на развратъ молодежи, но требовали, по крайней мѣрѣ, соблюденія при этомъ приличія, тайны, и, въ случаѣ явнаго соблазна, наказывали виновныхъ разнаго рода эпитиміями; тѣхъ же, кои открыто сожительствовали, по взаимному согласію, разводили по разнымъ деревнямъ (2). Ковылинъ, какъ „любитель пышной жизни и другой, по выраженію Любопытнаго (3), ненравственности по предмету удовлетворенія тѣла“, поступилъ въ этомъ случаѣ иначе. Самъ имѣя у себя любовницъ и живя съ ними завѣдомо для всѣхъ, онъ и ученикамъ своимъ торжественно разрѣшилъ предаваться „ненравственности по предмету удовлетворенія тѣла“. А чтобы не слишкомъ оскорбить подобнымъ разрѣшеніемъ „немощныя совѣсти“, онъ придумалъ, въ оправданіе разрѣшеннаго имъ разврата, слѣдующее „дьявольское“, по выраженію одного поморца, разсужденіе: „мы въ крайней нуждѣ находимся, нужда же всѣхъ средствъ,

(1) Спор. безпоповц. преображ. кладбища и покров. часовни о бракѣ стр. 30—1.

(2) Іоанновъ стр. 170 прав. 36; снес. прав. 42.

(3) Историческій словарь.

какія ведутъ къ точному исполненію всего въ законѣ, хранить и исполнять не обязана, но свободна. Поэтому дѣлайте, что хотите, только не сообщайтесь съ еретиками-никоніанами. Не согрѣшивши, не покаешься; не покаявшись, не спасешься. Безъ грѣха нѣтъ покаянія, безъ покаянія нѣтъ спасенія. Въ раю много будетъ грѣшниковъ, только тамъ не будетъ ни одного еретика. Нынѣ брака нѣтъ и брачущіеся въ никоніанскихъ храмахъ—прелюбодѣи, еретики. Живя какъ бы по закону, они не чувствуютъ угрызеній совѣсти за свой грѣхъ и не каются, тогда какъ падшій по немощи естества необходимо сознаетъ свою вину и приноситъ въ ней раскаяніе. Поэтому не возбраняется утолять похоть, да не обуревается человѣкъ нечистыми помыслами. Тайно содѣянное тайно и судится". Не трудно представить себѣ, что было слѣдствіемъ такихъ безнравственныхъ внушеній. Прихожане кладбища, жившіе въ своихъ домахъ, еще вели себя по возможности благопристойно. Имѣя средства обзавестись „покойщицами", они развратничали болѣе или менѣе не гласно, держа у себя любовницъ подъ именемъ разнаго рода прислужницъ. Не то было на Преображенскомъ кладбищѣ, гдѣ въ отдѣльныхъ половинахъ помѣщались мужчины и женщины разныхъ возрастовъ и званій. Здѣсь происходили мерзости, о которыхъ срамно и глаголати. Не говоримъ уже о появленіи на кладбищѣ, такъ называемыхъ, воспитанниковъ Ильи Алексѣевича, состоявшихъ изъ незаконнорожденныхъ дѣтей мнимыхъ дѣвственниковъ; по словамъ одного современника Ковылина, развратъ на Преображенскомъ кладбищѣ, наконецъ, усилился до того, что „многажды случалось братъ съ сестрою, кумъ съ кумою, многажды при молитвенныхъ домахъ, во время службы великихъ праздникъ, не точію прихожане токмо, но и сами тіи служащіи ту сквернодѣяніе творили". Развращенность

не только тѣла, но и души доходила до того, что мнимые дѣвственники и дѣвственницы не могли взглянуть другъ на друга безъ нечистыхъ помысловъ, даже на иконы святыхъ мнимыя дѣвственницы „безстыдными взирали очесы“ (1). Въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что ученики Ковылина стали какъ бы хвастаться своимъ развратомъ предъ другими безпоповцами. Когда, въ 1785 году, одному изъ послѣдователей Ковылина начали говорить поморцы о необходимости брачной жизни, онъ необинуясь отвѣчалъ цѣлому собранію: „лучше нынѣ имѣть сто блудницъ, нежели брачитися“. Поморцы описали Ковылину этотъ случай, жаловались на такую безнравственность его учениковъ и свое письмо отослали къ нему съ тѣмъ же ѳедосѣевцемъ, который такъ глубоко оскорбилъ ихъ нравственное чувство. И что же? Ковылинъ, „за ужиномъ прочитавши письмо про себя, изодралъ его, а онаго посланнаго старика за такія его растлѣнныя слова ни чѣмъ не наказалъ, ни словомъ, ни дѣломъ, и на прощеніе не приводилъ,—молчаніемъ прикрылъ“ (2). Другой случай былъ еще омерзительнѣе: собрались однажды поморцы къ Ковылину для разсужденій о бракѣ; послѣ многихъ споровъ, нѣкоторые изъ ѳедосѣевскихъ наставниковъ, въ отвѣтъ на замѣчаніе поморцевъ, что, по апостолу, бракъ честенъ и ложе нескверно, сказали: „лучше со ста животными смѣситися, нежели законнымъ бракомъ одну жену имѣть“. И къ удивленію поморцевъ, такимъ „пастухамъ буцефаламъ“ Ковылинъ не сдѣлалъ даже замѣчанія за ихъ отвратительныя выраженія, не только не наказалъ чѣмъ-либо (3). Наконецъ, вотъ съ какимъ цинизмомъ говоритъ

---

(1) Спор. безпоповц. преображ. кладбища и покров. часовни о бракѣ стр. 51.

(2) Тамъ же, стр. 43.

(3) Тамъ же, стр. 58—8.

о своемъ поведеніи „дѣвственная ѳедосѣевка“ въ одной раскольнической рукописи:

Слышу, вижу, понимаю
Я, что-я, въ чемъ я, то знаю,
Относительно жъ меня
Здѣсь вамъ мыслить отъ себя:
Что угодно понимайте,
Какъ хотите, называйте.
Я стыда ни въ чемъ не знаю,
Что угодно разсуждайте,
Какъ хотите, называйте.
Посему... хоть кому... (1).

Въ объясненіе же, почему ѳедосѣевка такъ смѣло и открыто идетъ по пути разврата, она замѣчаетъ:

Насъ отцы (2) за грѣхъ простятъ,
Въ райско мѣсто помѣстятъ.

Но въ то время, какъ ѳедосѣевцы Преображенскаго кладбища, подъ вліяніемъ убѣжденія, что „тайна брака истребися“, стали проповѣдывать и словомъ и дѣломъ самый грубый и наглый развратъ, безпоповцы поморской московской общины пошли въ рѣшеніи вопроса о бракѣ по направленію, совершенно противоположному. Прежде всего лучшіе изъ поморцевъ вмѣстѣ съ вѣтковцами (3) составили въ 1765 году соборъ, на которомъ рѣшили еще разъ (4) попытаться пріобрѣсть себѣ архіерея, отсутствіе котораго въ расколѣ было, по сознанію самихъ заблуждающихъ, главною причиною недостатка въ безпопов-

(1) См. Православ. обозр. 1864 г. статья: „Странники или бѣгуны“, стр. 297.

(2) Т. е. духовники, наставники.

(3) Іоанновъ (стр. 197) и пр. Макарій (Ист. русск. раск. стр. 352) говорятъ, что въ этомъ соборѣ принимали участіе и ѳедосѣевцы; но это несправедливо.

(4) О первой попыткѣ поморцевъ найти себѣ архіерея см. во 2-й главѣ, стр. 103—5.

щинскомъ расколѣ „руковозложенія и освященія къ служенію въ Божіей церкви таинствъ“ (1) вообще, и въ частности таинства брака. А потомъ, когда и эта попытка не удалась (2), одинъ изъ бывшихъ на соборѣ поморцевъ, именно—Василій Емельяновъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи основателемъ, такъ называемой, Покровской часовни и вмѣстѣ наставникомъ ея, человѣкъ умный и практическій, сталъ проповѣдывать, что „женившійся не согрѣшаетъ, бракъ честенъ и ложе не скверно“. Какимъ путемъ дошелъ Емельяновъ до такого здраваго, но несогласнаго съ убѣжденіями безпоповца, взгляда на бракъ, объ этомъ, за недостаткомъ положительныхъ извѣстій, трудно сказать что-либо опредѣленное. Къ убѣжденію въ необходимости брачной жизни могли привести Емельянова и сочиненія Алексѣева и даже простой здравый смыслъ его, понимавшій, что въ столицѣ безъ брака трудно сохранить чистоту души и тѣла даже и суровому безпоповцу. Развратъ московскихъ ѳедосѣевцевъ могъ служить въ этомъ случаѣ для Емельянова самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ справедливости внушеній его здраваго смысла; не могъ, разумѣется, не знать Емельяновъ и того, что браки и брачныя сожительства въ расколѣ уже существовали, только въ видѣ исключеній; слѣдовательно, допуская бракъ, не какъ исключеніе, а какъ общее право каждаго, желающаго вести семейную жизнь, Емельяновъ даже не особенно противорѣчилъ преданію отцевъ. Могли быть у него и другія соображенія—чисто практическія. Онъ зналъ, что „свобода ложа“, допущенная Ковылинымъ въ ѳедосѣевщинѣ, „претитъ совѣсти“ многихъ ѳедосѣевцевъ. Допу-

(1) Іоанновъ стр. 198.

(2) О собор. раск. 1765 г. см. въ Полн. истор. извѣст. стр. 194—200, въ Истор. русск. раскола пр. Макарія, стр. 352—3 и въ Историч. очерк. поповщины—Мельникова, стр. 257—265. Извѣстія г. Мельникова обстоятельнѣе, точнѣе и вѣрнѣе.

стивъ въ своей общинѣ семейную жизнь, Емельяновъ могъ расчитывать, что этимъ онъ можетъ склонить на свою сторону тѣхъ изъ богатыхъ и вліятельныхъ ѳедосѣевцевъ, которые гнушались разврата. И въ этомъ расчетѣ, какъ свидѣтельствуетъ исторія, Емельяновъ не ошибся. Такъ, лишь только онъ „открылъ въ Москвѣ начало брачнаго чина“, какъ ближайшій помощникъ и товарищъ Ковылина, купецъ Зеньковъ, открыто сталъ на сторону Емельянова и въ письмѣ къ нему называлъ его самыми лестными именами: пастыремъ и учителемъ, единственнымъ человѣкомъ, исполненнымъ правды и истины: „ты, самимъ Богомъ наученный, говорилъ онъ, ты намъ Богомъ поставленный предводитель на правый путь, о тебѣ все упованіе наше, тобою чаемъ спастися“ (1). Наконецъ, весьма вѣроятнымъ представляется намъ и то извѣстіе Іоаннова, что Емельяновъ призналъ законною брачную жизнь, между прочимъ, и для того, чтобы удержать въ расколѣ тѣхъ изъ безпоповцевъ, которые вступали въ браки, по слову Алексѣева, въ православной церкви и терпѣли за это такія преслѣдованія со стороны своихъ единовѣрцевъ, что нерѣдко считали за лучшее совершенно оставлять расколъ и переходили то въ поповщину, то въ церковь православную (2). Какъ-бы, впрочемъ, ни было, только Емельяновъ сталъ учить, что бракъ возможенъ и для безпоповцевъ. Судя по тому, что Емельяновъ, за свою „набожную и степенную жизнь“, пользовался огромнѣйшимъ авторитетомъ между безпоповцами, что его уважали не только поморцы, но и ѳедосѣевцы, поповцы же и „слѣпая нѣтовщина“, по выраженію Любопытнаго, „тряслись предъ

---

(1) Спор. безпоповц. преобр. кладб. и покр. часовни о бракѣ, стр. 4; снес. Невск. Сборн. 1867 г. т. I, стр. 88.

(2) Полн. истор. извѣст. о раскол., стр. 153—4; снес. Невск. Сборн. 1867 г. т. I, стр. 89.

нимъ", — можно представить, какого громаднаго успѣха должна была ожидать себѣ проповѣдь Емельянова о необходимости брака въ средѣ безпоповцевъ. Оставался теперь только одинъ вопросъ о томъ, какъ заключать бракъ безпоповцу, чтобы онъ былъ законенъ. Какъ же рѣшила этотъ вопросъ московская поморская община съ своимъ „славнымъ пастыремъ и учителемъ" Васильемъ Емельяновымъ?

Два пути было предъ Емельяновымъ, которыми до него пользовались безпоповцы для заключенія своихъ браковъ,— путь вѣнчанія въ церкви православной и путь браковъ „безсвященнословныхъ", заключавшихся по одному взаимному согласію жениха и невѣсты, нерѣдко безъ согласія на то родителей. Емельяновъ былъ на столько честенъ, что не могъ не признать безсвященнословныхъ брачныхъ сожительствъ раскольническихъ, устроявшихся безъ всякихъ обязательствъ со стороны жениха и невѣсты,—блудомъ, только открытымъ, гласнымъ, но и на столько—зараженъ безпоповщинскими предубѣжденіями противъ чистоты ученія православной церкви, что не могъ одобрить вѣнчанія „истинныхъ христіанъ" въ мнимо-еретической церкви. Что же оставалось дѣлать? Оставалось одно средство: придумать какъ-либо новый способъ для заключенія брака. И вотъ Емельяновъ изобрѣтаетъ, по выраженію Любопытнаго, свой „брачный чинъ" такого рода, что имъ „женящіеся христіане избавлялись отъ явной пропасти никоніанизма" и въ тоже время получали мнимозаконное право на брачное сожительство. Въ чемъ же состоялъ этотъ чинъ?

По мнѣнію Емельянова, для заключенія законнаго брака необходимы слѣдующія условія: 1) согласіе жениха и невѣсты, 2) родительское благословеніе, 3) обрученіе, 4) свидѣтели и 5) лѣта законныя сочетавающихся. Что же ка-

сается пресвитерскаго вѣнчанія, то оно, — по мнѣнію Емельянова, — какъ „токмо благолѣпное украшеніе, случайно устроенное“, можетъ быть замѣнено, по недостатку православнаго священства, приличными случаю молитвами, которыя въ правѣ читать и „мужи нерукоположенные“. Сначала Емельяновъ замѣнялъ пресвитерское вѣнчаніе пѣніемъ молебна Спасителю и Богоматери (1), а потомъ однимъ изъ московскихъ поморцевъ, по фамиліи Скочковымъ, который, по выраженію Любопытнаго (2), „въ московскомъ кругѣ ученыхъ былъ первымъ лицемъ въ церковныхъ совѣтахъ и начертаніи въ оныхъ правилъ“, составленъ былъ особаго рода „канонъ Господу Богу на обрядъ бракосовершенія нерукоположенными мужами поморской церкви“ (3), прочтеніемъ котораго, вмѣстѣ съ молебномъ, и ограничивалось вѣнчаніе въ Покровской часовнѣ браковъ раскольническихъ (4). Какъ ни страннымъ дол-

(1) Твор. св. Отецъ 1858 г. кн. II, стр. 208.

(2) Истор. словарь.

(3) Катал. Любопытнаго, стр. 79 № 256.

(4) Читателю можетъ показаться страннымъ, какъ Скочковъ осмѣлился составить особенное чинопослѣдованіе на совершеніе брака, въ замѣнъ чина вѣнчанія, положеннаго въ требникѣ, и какъ раскольники могли „канонъ“, сочиненный Скочковымъ, считать за что-либо серьезное. Для объясненія этого, дѣйствительно страннаго, явленія въ расколѣ, считающемъ себя защитникомъ „древняго благочестія“, нужно помнить, что безпоповцы, неправильно предоставивъ, по неимѣнію у себя іерархіи, совершать различныя службы и даже таинства простолюдинамъ, не могли не видѣть, что въ старинныхъ требникахъ находится множество такихъ молитвъ, которыя въ правѣ читать одинъ только пастырь церкви и которыя не идутъ къ лицу простолюдина, и потому составили свои особыя чинопослѣдованія, приличныя „мужамъ нехиротонисаннымъ“. И Скочковъ не первый рѣшился на сочиненіе подобнаго чинопослѣдованія. По свидѣтельству одного поповщинскаго писателя, еще Андрей Денисовъ „написалъ уставъ поморской службы церковной и келейной, перекрещиваніе въ ихъ церковь приходящихъ утвердилъ обширнымъ писаніемъ, еще новоиздалъ разныхъ 29 правилъ для существованія всего безпоповскаго сборища“ („Изысканіе древлеистинныя православныя церкви, существующей по лѣтѣ 1666-мъ“). Съ легкой руки Денисова, и другіе безпоповщинскіе наставники стали, по требованію обстоятельствъ, сочинять разнаго рода безчинные чины. Такимъ образомъ явились

женъ былъ показаться раскольникамъ такой обрядъ заключенія брака, но нужда брачной жизни и уваженіе безпоповцевъ къ Емельянову были такъ велики, что множество московскихъ поморцевъ бросились въ Покровскую часовню и стали заключать въ ней свои браки. Вскорѣ заведена была при часовнѣ книга, въ которую записывались имена вступавшихъ въ бракъ, вмѣстѣ съ деньгами, которыя получались за исполненіе этого обряда, а въ слѣдъ за этимъ введено было чтеніе брачнаго апостола и евангелія и пѣніе, при входѣ жениха и невѣсты въ молельню, псалма: блажени вси, боящіися Господа. Этимъ послѣднимъ распоряженіемъ Покровская часовня хотѣла придать бракамъ, заключавшимся въ ней, больше формальности и торжественности, а слѣдовательно и видъ бо̀льшей законности. Все, по видимому, обстояло благополучно, какъ, по прошествіи нѣкотораго времени, получено было Васильемъ Емельяновымъ изъ Выговской пустыни письмо, которымъ онъ приглашался въ Поморскій монастырь. Какъ ни великъ былъ авторитетъ Емельянова въ Москвѣ, но и „Выгорѣцкая лавра“, какъ часто величаетъ Выговскій монастырь, или общину, Любопытный, пользовалась въ то время еще прежнимъ значеніемъ между поморцами; значитъ, нужно было отправляться въ Поморье, хотя Емельянову и не хотѣлось разстаться съ любившими его московскими учени-

---

у безпоповцевъ, и особенно у поморцевъ, „чины нехиротонисанныхъ для отправленія святыхъ таинъ крещенія и покаянія“, „чинъ обрученія старовѣрческой церкви брачущихся“, „чинъ или обрядъ вѣнчанія“, „чинъ или обрядъ очищенія жены, родившей отроча, и всѣмъ окружающимъ ея предметамъ“, „чинъ или обрядъ постановленія пастыря душъ“, „чинъ благословенія снѣдей въ день святой и великоторжественной пасхи“, „чинъ поморской церкви благословенія въ недѣлю Ваія“, „чинъ освященія оміршившимся и сихъ всякой посудѣ“ (Катал. Любопытнаго №№ 225, 258 — 9, 432—435, 502 — 508) и множество другихъ чиновъ. Всѣ эти чины иногда излагались въ одной книгѣ, которая называлась: „книга потребникъ или чиновникъ поморскій“ (тамъ же, № 501).

ками. Зналъ ли Емельяновъ, зачѣмъ его требовали на Выгъ, или не зналъ, трудно сказать. Но за то лишь только явился онъ въ „Выгорѣцію“, какъ немедленно объяснилась причина призыва его сюда. Дѣло было въ томъ, что до Выголексинской общины дошелъ слухъ „о новозаведенномъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ нѣкіихъ христіанъ сомнительномъ толкованіи брака“; узнали выговцы и о томъ, что представителемъ этихъ „нѣкіихъ христіанъ“ былъ Василій Емельяновъ. Привыкшая къ господству надъ всѣми своими единовѣрцами, считавшая себя окончательнымъ судіею въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ о вѣрѣ, Выговская пустыня, въ лицѣ своихъ насельниковъ, оскорбилась поступкомъ московскихъ поморцевъ, рѣшившихся безъ вѣдома ея измѣнить прежнее ученіе о бракѣ, и составила въ 1770 году соборъ, на которомъ постановила нѣсколько „глупыхъ и суевѣрныхъ, по выраженію Любопытнаго, статей противъ чтителей законныхъ браковъ Московской церкви“ (1) и разослала эти статьи ко всѣмъ своимъ единовѣрцамъ. Но такъ какъ Василій Емельяновъ и послѣ этого продолжалъ учить о необходимости брачной жизни, то въ 1777 году выговцы собираютъ новый соборъ, на которомъ также пишутъ „статьи на опроверженія бытія въ Христовой церкви таинства брака противъ Московской церкви, настоятельно утверждавшей существованіе онаго“ (2). Когда же основатель Покровской часовни не вразумился и этими статьями, славная „Выгорѣція“ рѣшилась потребовать его къ себѣ—на судъ и расправу. По общепринятому у раскольниковъ обычаю, составился (въ 1792 г. 25-го февр.) (3), по прибытіи Емельянова на Выгъ, соборъ для разсмотрѣнія спорнаго предмета. Много было разсуж-

(1) Катал. стр. 67.

(2) Сборн. для истор. старообр. т. II, вып. V, прилож. стр. 135.

(3) Сборн. № 154, л. 132; Сборн. для истор. стар. т. II, вып V, прилож. стр. 123; Ист. изв. о безпр. прод. зак. брак. въ стар. л. 15.

деній и споровъ на этомъ соборѣ, много было высказано мыслей въ пользу и противъ брака, но, не смотря на то, что сторону Емельянова держали весьма многіе изъ поморцевъ и послѣ писали даже въ защиту брака (1), партія „бракоборцевъ“ одержала на этотъ разъ верхъ (2). Архипъ Дементьевъ, тогдашній выголексинскій киновіархъ, старецъ Ѳеофилъ, Семенъ Родіоновъ, Иванъ Аѳанасьевъ, Алексѣй Алексѣевъ, Иванъ Сидоровъ, Григорій Никитинъ, Ѳедоръ Григорьевъ, Миронъ Ивановъ, Сильвестръ Григорьевъ, Тимоѳей Мироновъ, Иванъ Тимоѳеевъ, Иванъ Ѳеоктистовъ Долгій, наконецъ Тимоѳей Андреевъ, „своимъ краснорѣчіемъ, разительнымъ духомъ и твердостію въ истинахъ началъ услаждавшій всѣхъ слушавшихъ и плѣнявшій ихъ въ свое послушаніе“, Іона монахъ, „пастырь выгорѣцкой киновіи, мужъ благочестивой и строгой жизни, усердный и ревностный буквалистъ“ (3), — вотъ главныя лица, въ которыхъ Василій Емельяновъ встрѣтилъ про-

---

(1) Катал. Любопытн. стр. 45, №№ 120—1, стр. 133, №№ 580 и 825.

(2) Въ „Обязательномъ письмѣ“ Василья Емельянова говорится, что поморцы „много увѣщевали“ его, „чтобы онъ всеконечно оставилъ“ свое „сумнительное толкованіе“ о бракѣ „и дѣйства. И по многомъ увѣщаніи и предложеніи священныхъ правилъ уступи“ (слово это почему-то написано красными чернилами) Емельяновъ „своихъ степеней разсужденія, повинуся выголексинскимъ общежителемъ едино согласенъ бытя въ древлецерковномъ святоотеческомъ преданіи, и начало сотвори предъ образомъ Спасителя нашего Господа Іисуса Христа, и пречистыя Его преблагословенныя матери, и святѣйшаго всѣхъ, рожденнаго въ женахъ, Его предтечи и крестителя Іоанна, въ его прошедшихъ ученіяхъ и дѣйствіяхъ, несогласныхъ священному писанію, такожде и впередъ предъ всѣмъ обществомъ обѣщался сего отнюдь никакъ не творити, ни учити“ (Сборн. № 154, л. 132). По свидѣтельству же современныхъ раскольническихъ писателей (Историч. извѣщ. о безпр. продолж. законнаго брака въ старов. л. 15 об.), Емельянова, лишь только онъ прибылъ въ Выговскую пустынь, „нѣцыи изъ числа ревнителей безбрачія, выговскіе наставники заперли въ подвалъ и такимъ строгимъ и неизбѣжнымъ доказательствомъ принудили его подписаться къ статьямъ бракоотметательнымъ“. Извѣстіе Любопытнаго о глубокомъ уваженіи къ Емельянову „Выгорѣціи“ не позволяетъ согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ.

(3) См. объ нихъ въ Словарѣ истор. и въ Каталогѣ Любопытнаго.

тиводѣйствіе своему ученію о бракѣ и которыя убѣдили, или принудили, Емельянова подписаться подъ слѣдующими статьями: 1) „о новыхъ бракахъ мудрствовати такъ, какъ наши прежніе отцы—Даніилъ Викуличь, Андрей и Семенъ Денисовичи и прочіе по нихъ; 2) не признавать въ сихъ бракахъ ни церковной формы, ни совершенія, кромѣ молитвословія священническаго; 3) бракосовокупляющимся вновь молебновъ не пѣти и не благословлять неблагословенное церковію; 4) вновь брачившихся вскорѣ не принимать во общество, но тогда, егда свое житіе удостоютъ къ соблюденію чистоты и обѣтъ учинятъ прежнее исправить; 5) сихъ браковъ утвердителей, если они не покаются, конечно отлучить; аще же обратятся, совершенно имъ запретить, чтобъ не толковали и тому не учили“ (1). Вторая статья, которою истиннымъ бракомъ признавался только благословенный священникомъ, показываетъ, что Выгорѣцкіе поморцы, возставшіе противъ Емельянова, отвергали бракъ не безусловно, а потому только, что его, по ихъ мнѣнію, не кому было вѣнчать, по отсутствію у безпоповцевъ священства. Была и другая причина, побудившая нѣкоторыхъ изъ жителей „Выгорѣціи“ не соглашаться съ Емельяновымъ. „Политическія правила“ своего общества, какъ выражается Любопытный (2), они „предпочитали откровенію и разуму“, т. е. признавая въ душѣ ученіе о необходимости брачной жизни согласнымъ съ словомъ Божіимъ и съ простымъ здравымъ смысломъ, они видимо ратовали противъ него по расчетамъ чисто практическимъ—потому, что признаніе семейной жизни законною находили дѣломъ неприличнымъ и невыгоднымъ для общежитія, устроеннаго на началахъ

(1) „Копія съ письма Василья Емельянова, новоженскаго отца, каковую подписку взяли съ него прежде бывшіе поморскіе отцы 7300 г. февраля 25 дня“, см. Сборн. № 154, л. 132—4.

(2) См. въ Словар. историч. въ статьѣ: „Даніилъ Матвѣевичь“.

монастырскихъ и поддерживавшаго свое благосостояніе общими трудами насельниковъ и—особенно пожертвованіями, которыя шли на Выгъ именно за его мнимую святость и монастырскіе порядки (1) и въ которыхъ въ это время особенно нуждалась „Выгорѣція“, подвергшаяся въ 1788 г. „ужасному пожару“, истребившему самые храмы ея (2). Какъ бы впрочемъ ни было, только Емельяновъ, по своему „миролюбію, незлобію и дружескому обращенію ближнихъ“, не желая производить раздора между поморцами выговскими и московскими, рѣшился уступить на время „бракоборцамъ“ и подписался подъ составленными на сборищѣ Выгорѣцкомъ статьями, отвергавшими брачную жизнь. „Къ сему обязательному письму, еже впредь никаковаго защищенія безсвященнословнымъ бракомъ чинить не буду“, — такъ подписался учитель московской поморской общины.

Не легко изобразить чувства, какія волновали Емельянова въ то время, когда онъ, по окончаніи „собора“, возвращался изъ „Выгорѣціи“ въ первопрестольную Москву. Съ одной стороны ему живо рисовалось въ воображеніи „письмо“, въ которомъ онъ обязался не „чинить впредь защищенія безсвященнословнымъ бракомъ“,—съ другой—онъ ясно припоминалъ, что многіе московскіе его ученики уже находились въ брачныхъ сожительствахъ, по его слову и „благословенію“, а еще бо́льшее число ихъ только ожидало его возвращенія, чтобы перемѣнить свою одинокую жизнь на жизнь семейную. Что же оставалось дѣлать, на что рѣшиться? Измѣнить данному Выговскимъ „отцамъ“ обѣщанію — „учить о бракахъ такъ, какъ прежніе отцы учили“—дѣло не хорошее и можетъ повести къ церковному

(1) Прав. Обозр. 1866 г. ноябрь, стр. 327; Іоанновъ стр. 119; Сборн. для истор. старообр. т. II, вып. V, прилож. стр. 123.

(2) Катал. стр. 46, № 129; по другимъ извѣстіямъ (Прав. Обозр. 1866 г. ноябрь, стр. 325), пожаръ былъ въ 1787 году.

раздору. Сознаться предъ московскими поморцами, что онъ училъ о возможности и необходимости для безпоповца брачной жизни—несправедливо, значило поступить противъ собственнаго убѣжденія, противъ „откровенія и разума“, значило подорвать въ глазахъ своихъ учениковъ свой авторитетъ „истиннаго пастыря“ и ввергнуть ихъ или „въ пропасть никоніанизма“, или въ ѳедосѣевскій развратъ. Обсуждая спокойно все, что́ было говорено на Выговскомъ соборѣ противъ брака, Емельяновъ увидѣлъ, что въ числѣ доказательствъ, которыя указывали Выговцы въ защиту своего ученія о безбрачіи, было не мало и такихъ, которыя имѣли своимъ основаніемъ не слово Божіе, безусловно обязательное для каждаго истиннаго христіанина, а обычай прежнихъ наставниковъ и „политическія правила“ Выгорѣцкой киновіи,—вещи условныя и временныя. „Можно защищать дѣвство, думалъ Емельяновъ, Тимоѳею Андрееву, живущему въ Выгорѣцкой „киновіи“, гдѣ нѣтъ ни одной женщины, или монаху Іонѣ, которому, по самому званію своему, и не слѣдъ говорить о бракѣ,—да и всѣмъ вообще Выговскимъ отцамъ, у которыхъ „все установлено по чину монастырскому“ и которые проводятъ „пустынное житіе“; пожили бы они въ Москвѣ—въ этомъ любодѣйномъ Вавилонѣ, гдѣ на каждомъ шагу всякаго рода прелести и соблазны для истиннаго христіанина, гдѣ нельзя пройти по улицѣ, чтобы не встрѣтиться съ мірскими женами, или съ христіанками; а вѣдь „легчае со діаволомъ часто срѣтатися, нежели съ доброличными женами“. Говорятъ: прежніе отцы не такъ учили, а не знаютъ развѣ, что прежніе отцы не учили и о моленіи за царя, а послѣ стали молиться въ самой же Выгорѣціи... Нѣтъ, пусть думаютъ обо мнѣ поморскіе отцы, что́ хотятъ, а я по совѣсти не могу исполнить даннаго имъ обязательства“. Съ такими мыслями возвратился Емельяновъ въ Москву и, не смотря

на свою подпись подъ „обязательнымъ письмомъ“, сталъ по прежнему доказывать необходимость брачной жизни и вѣнчать всѣхъ, кто обращался къ нему за этимъ (1). Само собою разумѣется, что въ Выговской пустынѣ скоро узнали о такомъ поступкѣ Емельянова и, чтобы остаться вѣрными опредѣленіямъ недавно бывшаго сборища, отлучили его отъ „своей церкви“. Вѣсть объ этомъ скоро разнеслась между поморцами разныхъ мѣстъ; и такъ какъ большинство ихъ сочувствовало ученію Емельянова, то въ скоромъ времени въ Выговскій монастырь стали приходить изъ разныхъ мѣстъ и отъ разныхъ лицъ „посланія о глупомъ, безразсудномъ и невинномъ выгорѣцкомъ отлученіи отъ своей церкви московскаго отличнаго пастыря Василья Емельянова, по предмету брачной тайны“ (2). Долго шелъ споръ между московскими и выгорѣцкими поморцами о бракѣ. Еще 1794 года было отправлено „соборное посланіе отъ лица московской церкви въ славную выгорѣцкую киновію къ главному оной старѣйшинѣ Архипу Дементьеву (3) и всей той братіи о возстановленіи церковнаго мира, разрушеннаго въ нѣкоторое время“ (4). Когда кончился этотъ споръ, когда „возстановленъ былъ миръ“ между поморцами выгорѣцкими и московскими, объ этомъ мы не знаемъ точныхъ извѣстій. По всей вѣроятности, это послѣдовало вскорѣ послѣ смерти тѣхъ лицъ, которыя на соборѣ выгорѣцкомъ 1792 г. оказались главными бракоборцами, т. е. въ началѣ настоящаго столѣтія (5). Съ другой сто-

(1) Истор. извѣщ. о безпр. прод. зак. брака въ старовѣр. л. 15 об.

(2) Катал. Любопытн. стр. 56, № 153; стр. 101, № 365; Сборн. для ист. старообр. т. II, вып. V, прилож. стр. 123.

(3) Архипъ Дементьевъ былъ настоятелемъ и Выгорѣцкимъ киновіархомъ съ 1791 по 1809 г. Слов. истор. Любопытнаго.

(4) Катал. Любопытн. стр. 79, № 261; снес. Истор. русск. раск. стр. 279, примѣч. 496.

(5) Монахъ Іона умеръ въ 1802 г., а Тимоѳей Андреевъ, къ которому также писано было посланіе о „невинномъ отлученіи отъ поморской церкви Василья Емельянова“, въ 1808 г. (Слов. историч. Любопытнаго).

роны, основываясь на томъ извѣстіи Любопытнаго, что нѣкоторые даже изъ настоятелей выговской пустыни были въ дружескихъ отношеніяхъ съ Емельяновымъ, писали „апологіи противъ злочестія бракоборцевъ въ старовѣрствѣ, нагло отвергавшихъ въ церкви Христовой вѣчность брачнаго бытія и вѣровавшихъ по суевѣрію черни, что существо сей тайны состоитъ въ пресвитерскомъ вѣнчаніи, а не въ вѣчномъ обѣтѣ сопрягающихся лицъ“ (1), что Емельяновъ считался въ свое время „усерднымъ и почти единственнымъ попечителемъ выгорѣцкой лавры“ (2), можно думать, что споръ между нимъ и выговцами о бракѣ ограничивался больше „посланіями въ славную выгорѣцкую киновію“ со стороны Емельянова (3), „отвѣтными и возразительными словами“ въ Москву со стороны „Выгорѣціи“ (4), и не доходилъ до сильной, запальчивой вражды между противниками, исключавшей взаимное общеніе и услуги, какъ это бывало въ расколѣ въ другихъ случаяхъ. Какъ бы впрочемъ ни было, только неблагосконный судъ Выговской пустыни о „бракахъ“, введенныхъ между мос-

(1) Катал. Любопытн. стр. 44—5, № 120; Сборн. для истор. стар. т. II, вып. V, прилож. стр. 54, № 133, стр. 176, № 546; Историч. извѣщ. о безпр. прод. зак. брака въ старов. л. 15 об. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, еще при жизни Василья Емельянова († 1797 г.) выгорѣцкіе раскольники стали снисходительно смотрѣть на браки. Такъ въ сочиненіи: „Показаніе правильныхъ винъ, препятствующихъ соединенію нашему въ сообщеніе съ поморскими“ (рукопись библ. пок. м. Григорія № 141), написанномъ при жизни Емельянова (л. 12), авторъ говоритъ между прочимъ: „мы не имѣемъ общенія какъ въ молитвословіихъ, такъ и въ питіи и яденіи съ живущими въ Поморской странѣ близь окіяна моря, на Выгѣ рѣкѣ въ скитѣ, нарицаемомъ Даниловѣ, такожде и съ прочими, съ ними сообщающимися, не точію въ малой той странѣ, но и во всей Россіи по градомъ и по селамъ живущими“, между прочимъ за то, что они „новоженовъ безъ расторженія домовнаго на сообщеніе пріемлютъ“ и „неправое мудрованіе имѣютъ объ антихристѣ, впредь чувственно его быти ожидаютъ“ (л. 15). Туже мысль подтверждаетъ и Іоанновъ (Полн. истор. изв. стр. 123).

(2) Слов. истор. Любопытнаго.

(3) Катал. Любопытн. стр. 66, № 193.

(4) Тамъ же, стр. 139, №№ 604—5.

ковскими поморцами Емельяновымъ, былъ причиною того, что не только нѣкоторые изъ поморцевъ иногородних (напр. Ростовскихъ) возстали противъ такихъ браковъ (1), но и многіе изъ московскихъ учениковъ Емельянова стали сомнѣваться въ ихъ законности (2). Это обстоятельство заставило Емельянова написать нѣсколько „исповѣданій о таинствѣ святаго брака на счетъ увѣренія колеблющейся своей паствы о семъ предметѣ“ (3). Впрочемъ большинство Поморцевъ, не смотря на видимый разладъ Емельянова съ „Выгорѣціей“, не замедлили стать на его сторону, и въ скоромъ времени явились защитники брачной жизни въ губерніяхъ: Архангельской (4), Астраханской (5), Рязанской (6), въ Петербургѣ (7) и въ другихъ мѣстахъ.

Нелегко и непріятно было Василью Емельянову и его послѣдователямъ вести полемику по вопросу о бракѣ съ своими единовѣрцами—поморцами Выговской пустыни и другихъ мѣстъ. Но по крайней мѣрѣ труды ихъ въ этомъ случаѣ не пропадали даромъ. Гораздо труднѣе и—главное безплоднѣе была борьба Покровской часовни изъ-за того же вопроса съ ѳедосѣевцами Преображенскаго кладбища, или вѣрнѣе: съ строителемъ этого кладбища—Ковылинымъ, заправлявшимъ всѣми дѣлами ѳедосѣевцевъ. Выше мы видѣли, какъ, по своимъ сектантскимъ расчетамъ и по своей наклонности къ „ненравственности по предмету удовлетворенія тѣла“, Ковылинъ отнесся къ вопросу о бракѣ. Честное ученіе Емельянова о бракѣ, требовавшее отъ каждаго, кто не могъ сохранить дѣвства, открытаго, „вѣчнаго

(1) Тамъ же, стр. 73, № 222.

(2) Тамъ же, стр. 26, № 343; Сборн. для истор. стар. т. II, вып. V прилож. стр. 125.

(3) Катал. Любопытн. стр. 66, № 188.

(4) Тамъ же, стр. 52, № 141, стр. 54—5, № 151—2.

(5) Тамъ же, стр. 99, №№ 358—9, 362 и 365.

(6) Сборн. для ист. стар. т. II, вып. V, прилож. стр. 71—2.

(7) Катал. Любопытн. стр. 135, № 590.

*

и нерасторжимаго сожитія“ съ избранною имъ женщиною, находилось въ прямомъ противорѣчіи безнравственной проповѣди Ковылина о „тайномъ утоленіи похоти съ перемѣнными любовницами“. Уже одно это обстоятельство могло раздражать гордаго и самоувѣреннаго „патріарха ѳедосіанской церкви“, какъ величаетъ Ковылина Любопытный. Когда же примѣръ поморцевъ Покровской часовни, вступавшихъ въ бракъ съ „благословенія“ Емельянова, сталъ дѣйствовать заразительно и на ѳедосѣевцевъ, и многіе изъ учениковъ Ковылина, стѣсняясь въ совѣсти предаваться разврату, начали переходить на сторону Покровской часовни—съ цѣлію вступать съ ея разрѣшенія въ брачную жизнь (1),—гнѣвъ Ковылина на Емельянова и его послѣдователей перешелъ въ ненависть, въ злобу, въ открытое преслѣдованіе поморцевъ. Если бы съ подобными чувствами отнесся къ Покровской часовнѣ и ея ученію о бракѣ какой-либо Иванъ Петровъ Коржавинъ (2), или другой какой-либо „членъ“ и даже „пастырь ѳедосіанской церкви“,—Емельяновъ могъ бы не слишкомъ безпокоиться объ этомъ. Въ числѣ его послѣдователей было не мало лицъ, которыя въ состояніи были дать обстоятельный отвѣтъ всякому, вопрошавшему о новомъ ученіи ихъ любимаго учителя, и могли съ достоинствомъ отразить нападенія любаго „бракоборца“. Другое совсѣмъ значеніе имѣла борьба съ Покровской часовней Ковылина. Это былъ не простой ѳедосіанецъ, но человѣкъ, „слава котораго, по выраженію Любопытнаго, гремѣла во всей Москвѣ и звукъ ея раздавался въ Петрополѣ, Ригѣ, Астрахани, Нижнемъ и въ прочихъ странахъ благочестія“, который считался и былъ на самомъ дѣлѣ „единственный человѣкъ

(1) Катал. Любопытн. стр. 69 и 151, № 651; Сборн. для истор. стар. Попова, т. II, вып. V, прилож. стр. 137.

(2) См. объ немъ въ Историческомъ Словарѣ Любопытнаго.

ради церкви (?) и ея созиданій", пожертвовавъ напр. на устройство Преображенскаго кладбища „до трехъ сотъ тысячъ рублей", котораго при первомъ взглядѣ каждый раскольникъ признавалъ „въ церкви (т. е. въ расколѣ ѳедосѣевскомъ) патріархомъ, а въ мірѣ—владыкою міра", который былъ „общимъ и отличнымъ покровителемъ всѣхъ церквей (т. е. толковъ) старообрядства отъ владыкъ міра и насилій іерархіи его",—за что раскольники разныхъ толковъ и городовъ пресмыкались предъ Ильею Алексѣичемъ, кланялись ему въ ноги, цѣловали руки и проч., который былъ дружески знакомъ со всѣми тогдашними административными знаменитостями Москвы,—знакомъ до того, что позволялъ себѣ иногда потѣшаться надъ ними, угощая ихъ „до положенія" и сажая при разъѣздѣ по домамъ въ чужія кареты, въ слѣдствіе чего градоначальникъ напр. попадалъ въ домъ оберъ-полиціймейстера, этотъ въ домъ градоначальника (1) и проч., у котораго на жалованьѣ было все мелкое московское чиновничество, котораго удостоивали интимныхъ бесѣдъ такія личности, какъ „генералъ Потемкинъ" (2), съ которымъ пріятельски переписывался князь Куракинъ (3), къ которому во время болѣзни посылалъ своихъ ординарцевъ освѣдомиться о здоровьѣ Ильи Алексѣича графъ Тутолминъ, московскій главнокомандующій (4) и проч. и проч. Борьба покровцевъ съ такимъ человѣкомъ была не легка и не безопасна. Если же мы прибавимъ къ этому, что Ковылинъ, благодаря своимъ связямъ и богатству, былъ крайне гордъ, упрямъ и даже дерзокъ въ отношеніи къ своимъ врагамъ (5); то согласимся, что Покровская часовня, защищая свое

(1) Сборн. прав. свѣд. о раск. Кельсіева вып. I, стр. 18—19.
(2) Споры безпоповц. Преобр. кладб. и Покр. часов. о бракѣ стр. 38.
(3) Хр. Чт. 1860 г., ч. II, стр. 46.
(4) Сборн. прав. свѣд. о раск. Кельсіева вып. I, стр. 27—8.
(5) Доказательство на это увидимъ послѣ.

ученіе о бракѣ предъ Ильею Алексѣичемъ, должна была вести себя съ крайнею осторожностію и благоразуміемъ, чтобы не навлечь на себя гнѣва не только Ковылина, но и тѣхъ „владыкъ міра", которые покровительствовали расколу, благодаря только происканъ Ильи Алексѣича. Покровская часовня такъ и повела дѣло. Искренно убѣжденная въ справедливости своего ученія о необходимости брачной жизни, она не требовала однако же отъ Преображенскаго кладбища безусловнаго подчиненія этому ученію, а только братски предлагала его ему „на разсмотрѣніе", увѣренная втайнѣ, что истина видна будетъ сама собою. Съ этою цѣлію Василій Емельяновъ, Гавріилъ Скочковъ, купецъ Ѳедоръ Зеньковъ, перешедшій на сторону Покровской часовни, Алексѣй Заяцевскій, Иванъ Филиповъ, Ѳедоръ Аникіевъ, Андреянъ Сергѣевъ Озерскій и другіе сторонники Покровской часовни (1) стали писать одно за другимъ сочиненія, въ которыхъ съ одной стороны старались показать неосновательность доводовъ, на которыхъ бракоборцы утверждали свое ученіе о всеобщемъ дѣвствѣ, съ другой защищали правильность своихъ „безсвященнословныхъ" браковъ. Мы изложимъ, съ возможною впрочемъ краткостію, содержаніе какъ полемическихъ, такъ и апологетическихъ сочиненій послѣдователей Покровской часовни, чтобы видѣть, какъ и чѣмъ поморцы опровергали ѳедосѣевское ученіе о безусловномъ дѣвствѣ и доказывали мнимую законность своихъ безсвященнословныхъ браковъ.

Разсматривая сочиненія поморцевъ Покровской часовни, направленныя противъ ученія ѳедосѣевцевъ Преображенскаго кладбища о всеобщемъ дѣвствѣ, прежде всего нельзя не замѣтить въ нихъ полнаго безпристрастія, съ которымъ

(1) См. объ нихъ въ Катал. Любопытнаго и въ его Историческомъ словарѣ, а также въ Историч. извѣщ. о безпр. прод. зак. брака въ старовѣр. л. 15.

защитники брака ведутъ свою полемику съ бракоборцами, проповѣдывавшими одно дѣвство. Вооружаясь противъ ѳедосѣевскаго безбрачія, поморцы не впадаютъ въ противоположную крайность, не называютъ дѣвство, къ которому преображенцы обязывали всѣхъ и каждаго, явленіемъ не естественнымъ и уродливымъ, какъ поступилъ, наприм., Лютеръ, вооружаясь противъ монашескаго безбрачія, — напротивъ относятся къ нему съ величайшимъ уваженіемъ, только стараются доказать, что несправедливо дѣвственную жизнь возвышать въ ущербъ жизни брачной, что и бракъ—дѣло законное и святое, ни мало не препятствующее спасенію христіанина, и что, наконецъ, безразсудно требовать отъ всѣхъ непремѣннаго дѣвства. „Дѣвство, писалъ Скочковъ, должно почитать выше брака: отъ дѣвы самъ Іисусъ Христосъ родился и многіе изъ учениковъ Его были дѣвственники. Если бы загражденъ былъ для всѣхъ этотъ путь, то не было бы такоѣыхъ свѣтильниковъ, каковъ Іоаннъ Предтеча и прочіи святіи: Аѳанасій, Кириллъ, Никола. Аще бы вси брачніи были, то имѣли бы неотложное попеченіе о своей женѣ и дѣтяхъ и прочихъ домашнихъ потребахъ и како бы возмогли встати противу враговъ, нападающихъ на церковь Христову? Не было бы имъ столь свободнаго времени гремѣти златословесными ученіями паче громовъ страшныхъ. Не обтекали бы они далечайшія страны, не обходили бы пространные грады, не посѣщали бы многочисленныя села и веси, не сѣяли бы сѣмя слова Божія, отъ котораго произрастали и нынѣ произрастаютъ сторичные плоды... И лишилося бы стадо Христово бодрыхъ и добрыхъ пастырей, и церковь православная не имѣла бы таковаго богатства разума“. Но, отдавая полное уваженіе дѣвственной жизни, нельзя въ тоже время не признавать святости и жизни брачной. „Самъ Спаситель почтилъ бракъ, сотво-

ривъ свое чудо, о дѣвствѣ же прямо сказалъ: не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имъ же дано есть,—и: могій вмѣстити, да вмѣститъ; такожде и о супружествѣ глагола: еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ". Развивая ту мысль, что не одно дѣвство ведетъ ко спасенію, что и бракъ имѣетъ все свое значеніе въ церкви Христовой, Скочковъ, независимо отъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ св. писанія и отцевъ церкви, прибѣгаетъ къ слѣдующему разсужденію простаго, здраваго смысла: „откуда бы родился Ной, праотецъ нашъ? Откуда бы Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Предтеча Іоаннъ, Никола и прочіи святіи? Вси отъ законнаго супружества произошли. Притомъ не только отъ обоихъ правовѣрныхъ, но и отъ таковыхъ, которые вѣрные съ невѣрными въ законномъ сопряженіи пребывали: отъ нихъ же Григорій Богословъ, Климентъ Никирскій и прочіе. И такъ, всякій благоразумный долженъ согласиться съ нами, что возлюбленная невѣста Христова—св. церковь сими двумя чинами—дѣвственниками и супружными, яко двѣма крылами орла великаго, ими же возлетая къ пренепорочному своему жениху Христу, возноситъ и всѣхъ, въ объятіяхъ ея пребывающихъ; отъими едино крыло самыя прелестнѣйшія птицы, тогда она не можетъ возлетать на высоту. Тако, аще отъимеши единъ чинъ дѣвственныхъ, или супружныхъ, отъ св. церкви, то она не можетъ быть истинная невѣста Христова, парящая двѣма крилома. По этому и св. соборы предавали проклятію тѣхъ, которые презирали брачный путь: аще кто дѣвствуетъ, или воздержится, якоже мерзость творяще бракъ, говоритъ 9-е правило гангрскаго собора, да будетъ проклятъ" (1).

Независимо отъ этихъ общихъ мыслей, направленныхъ

(1) „О двухъ путяхъ", рукопись Импер. публ. библіотеки, по отд. бракоб. сочин. № 29, въ Сборникѣ подъ № 473.

противъ крайности ѳедосѣевскаго ученія о всеобщемъ дѣвствѣ, поморцы старались развить ту частную мысль, что дѣвственный путь по своей высотѣ открытъ для немногихъ, что даже избранные нерѣдко падаютъ на немъ и что, слѣдовательно, безразсудно требовать дѣвственной жизни отъ всѣхъ, какъ дѣлали это ѳедосѣевцы. „Похоть плоти, писалъ другой сторонникъ Покровской часовни—Алексѣй Заяцевскій, пребываетъ и будетъ пребывать вѣчно, и она вложена отъ Всемогущаго Творца не ради того, чтобы вышесильною неволею удерживать всѣхъ въ безсупружномъ и дѣвственномъ житіи, но ради того, чтобы чрезъ оное умножался родъ человѣческій". Законы Божественные не измѣняются въ природѣ, въ доказательство чего Заяцевскій обращаетъ вниманіе ѳедосѣевцевъ на окружающій міръ животныхъ, гдѣ „преемство родовъ чрезъ подобіе соблюдается: конь коня преемникомъ себѣ творитъ, левъ—льва, орелъ—орла, и никакое время не растлѣваетъ животныхъ свойства, но яко бы нынѣ устроено было, естество всегда новокупно со временемъ течетъ. И аще безсловесныя животныя, по Божію благословенію, продолжаютъ и продолжать будутъ свое бытіе,—вся бо на земли и въ водахъ пребывающая и по воздуху летающая рождаются и рождаютъ, живутъ и умираютъ, оставляя по себѣ своего рода наслѣдіе, — какъ же человѣкъ, созданный по образу и по подобію Божію, а при томъ и честною Его кровію очищенный, таковаго Божія благословенія лишится и будетъ претерпѣвать отъ воспаленія плоти великую нужду и неволею носить не всѣмъ удобоносимое бремя"? Выходя изъ этого общаго положенія, Заяцевскій увѣряетъ ѳедосѣевцевъ, что невозможно перемѣнить естества уставы и умноженіе человѣческаго рода уничтожить и упразднить, что нельзя весь міръ обязать къ непремѣнному дѣвству; иначе—отъ обязательнаго и безусловнаго дѣвства могутъ

произойти самыя пагубныя послѣдствія. Разсказавъ за тѣмъ, какъ Григорій, св. папа римскій, издавшій повелѣніе, чтобы священно-служителямъ не имѣть женъ, нашелъ однажды въ своемъ пруду 6.000 младенцевъ, рожденныхъ, какъ узнали послѣ, отъ тайныхъ священно-служительскихъ любодѣяній,—что̀ привело папу и всѣхъ въ великій ужасъ и удивленіе (1), Заяцевскій, какбы въ объясненіе такого ужаснаго факта, писалъ: „жизнь чисто дѣвственная можетъ быть допускаема, какъ чрезвычайно рѣдкое явленіе. Сила похоти есть столь велика, что можетъ противъ оныя вооружаться и твердо стоять развѣ тотъ, кому особенно вліяна есть благодать Божія за великіе подвиги и труды и великія добродѣтели. Мы видимъ, что даже избранные Божіи, которые въ удаленіи отъ міра пребывали и чудотворенія даръ имѣли, мужіе знаменитѣйшіе и въ старость лѣтъ пришедшіе, плѣнены были похотію естества и съ неудержимымъ стремленіемъ впадали въ пороки страстей“. Приведя въ подтвержденіе своей мысли множество примѣровъ изъ жизни св. подвижниковъ, Заяцевскій продолжалъ: „и аще столь великіе мужи, удаляющіися отъ міра, живущіе въ пустыняхъ, ядущіе простую и прискорбную пищу и водою свою жажду утоляющіе, спящіе на голой землѣ, а посему и одежды худыя носящіе, ниспадали въ стремнину плотскихъ страстей, побѣждаемы врожденнымъ къ совокупленію похотѣніемъ“; то ѳедосѣевцамъ, которые не удаляются отъ міра, а напротивъ всѣми возможными средствами стараются пріобрѣсть богатство и живутъ среди самой соблазнительной обстановки, не слѣдовало бы „возбранять законно женитися“. Въ противномъ случаѣ имъ грозитъ опасность впасть „въ крайнее раз-

(1) Заяцевскій не указываетъ, откуда онъ взялъ свѣдѣніе о такомъ фактѣ; но Скочковъ въ сочиненіи „О двухъ путяхъ“, разсказывая тотъ же фактъ, ссылается на Баронія подъ 591 годомъ.

вращеніе". „Ежели возбранено будетъ законобрачное сочетаніе, то могутъ произойти великія сквернодѣянія, откроются мерзостные и гнусные пороки, произрастетъ различное рода человѣческаго истребленіе и умножится всякое не меньше Содома и Гомора беззаконіе; понеже, замѣчаетъ Заяцевскій, люди не каменіе, но человѣки, въ которыхъ врожденное по естеству не истреблено есть, и способность имѣютъ къ произведенію таковыхъ же, каковы и сами суть" (1).

Что предсказывалъ Заяцевскій, то и случилось. Ѳедосѣевцы, какъ мы отчасти уже видѣли, не въ состояніи будучи выносить невольнаго дѣвства, предались, благодаря снисходительности своего руководителя—Ковылина, самому гнусному разврату. По свидѣтельству Зенькова, преображенцы, признавая „одно точію дѣвство" и въ тоже время не въ силахъ будучи жить цѣломудренно, „дѣвицъ и вдовицъ въ стряпухи поимали и тайное сквернодѣяніе творили, а ребятъ всюду подкидывали" (2). Такъ дѣлали прихожане Преображенскаго кладбища, жившіе въ своихъ домахъ. Что же касается обитателей и обитательницъ самаго кладбища, жившихъ на отдѣльныхъ его половинахъ, то они поступали слѣдующимъ образомъ: выбирали себѣ по вкусу друзей и подругъ и — умножали число воспитанниковъ Ильи Алексѣича, считаясь въ тоже время дѣвственниками и дѣвственницами. Само собою разумѣется, что подобная безнравственная жизнь послѣдователей Ковылина не могла укрыться отъ вниманія поморцевъ. И вотъ нѣкоторые изъ нихъ, желая доказать ѳедосѣевцамъ неприложимость къ жизни ихъ ученія о всеобщемъ дѣвствѣ, указывали въ подтвержденіе своихъ словъ на тѣ пагубныя

(1) „Слово увѣщательное о законномъ бракѣ" рукоп. публ. библіотеки № 31.

(2) См. письма Зенькова въ Сборн. бракоб. сочин. публ. библіот. № 37.

слѣдствія, къ какимъ вело послѣдователей Преображенскаго кладбища проповѣдуемое ими безбрачіе. Это были доказательства, такъ сказать, ad hominem. Но Ковылинъ не такой былъ человѣкъ, чтобы могъ сознаться въ слабостяхъ своихъ и своего общества. Будучи „потатчикомъ блудной свободы“ тайно, онъ предъ поморцами старался доказывать, что помѣщенные имъ на Преображенскомъ кладбищѣ молодцы и дѣвицы живутъ хотя и вмѣстѣ, но не вопреки божественнымъ правиламъ, такъ какъ и „древле бывали дѣвицы и вдовицы“, которыя хотя жили въ мірѣ и—нерѣдко въ однихъ домахъ съ мужчинами, однако проводили жизнь чистую, дѣвственную,—и притомъ ѳедосѣевскіе молодцы и дѣвицы живутъ вмѣстѣ, замѣчалъ Ковылинъ, „кромѣ всякаго презорства“, а единственно для произведенія мастерствъ. Въ опроверженіе такихъ коммерческихъ соображеній Ковылина, поморцы говорили, что дѣвственницъ Преображенскаго кладбища никакъ нельзя сравнивать съ древними дѣвицами, дѣвство которыхъ было свободное и произвольное, а главнымъ образомъ — чистое, святое (1). „Разсмотри убо Илья, писалъ Зеньковъ Ковылину, здравствующимъ умомъ: оныя св. дѣвицы своимъ благимъ изволеніемъ дѣвство сохраняли Бога ради; аще и въ міру были, а фабрикъ коломенковыхъ и кумашныхъ не заводили. Къ тому же и рука была освященная, и было кому заключать бракъ жениха и невѣсты по чину церковному вѣнчаніемъ; а тіи дѣвицы сами не восхотѣша своимъ добрымъ произволеніемъ замужъ идти. Нынѣшнія же дѣвицы ремесленныя не такимъ произволомъ живутъ, чтобъ Бога ради хранить дѣвство, но подъ неволею отцевъ и матерей пребываютъ и не даютъ имъ (отцы и ма-

(1) Бывали и съ древними дѣвицами грѣхи, но за то какимъ грознымъ обличеніямъ подвергались со стороны архипастырей подобныя мнимыя дѣвственницы. Особенно сильно вооружались противъ сожительства дѣвственницъ съ мужчинами св. Григорій Богословъ и св. Іоаннъ Златоустъ.

тери) своего благословенія къ законному браку. Нынѣшнія дѣвицы свободѣ блудной отдаются по вашей одобрительности, обаче подъ прикрытіемъ вида дѣвическаго; а все то дѣлается по приказу вашихъ своеразсудныхъ духовныхъ отцевъ, и потому непристойно мѣшать св. дѣвицъ съ нынѣшними ремесленными, ибо отстоятъ однѣ отъ другихъ, елико небо отъ земли". Зеньковъ, какъ человѣкъ, принадлежавшій до перехода на сторону Покровской часовни къ Преображенскому кладбищу и слѣдовательно лучше всякаго поморца знавшій закулисную жизнь ѳедосѣевцевъ, могъ бы и ограничиться указанными разсужденіями при опроверженіи словъ Ковылина, будто обитатели и обитательницы Преображенскаго кладбища живутъ вмѣстѣ „кромѣ всякаго презорства". Но, не ограничиваясь заявленіемъ о ѳедосѣевскомъ развратѣ въ качествѣ очевидца и свидѣтеля, онъ старается доказать несправедливость увѣренія Ковылина еще соображеніями простаго, здраваго смысла. „Легчае, писалъ онъ, со діаволомъ часто срѣтатися, нежели съ доброличными женами; преложно бо есть естество человѣческое и удобо на зло прелагается; по сему великое есть прелюбодѣйство, еже со женами жительствовати... Вложивъ бо кто огнь въ нѣдра своя, ризъ своихъ не сожжетъ ли? И аще кто ходитъ по углію огненному, не сожжетъ ли ноги своя? Постави свѣщу въ сѣно, обращается онъ къ Ковылину, и аще возможеши, рцы ми, яко не можетъ сгорѣти: по сему како ты допускаешь дѣвственникамъ и дѣвицамъ въ одной храминѣ жити и пишешь намъ, яко сіе творится, кромѣ всякихъ зазоровъ? Чудо у тебя Илья: и сѣно сухое не горитъ, вы и на углѣхъ стоите, а нозѣ ваши не сожигаются" (1). Наконецъ, независимо отъ изложенныхъ соображеній, поморцы указывали ѳедосѣевцамъ еще на то обстоятельство, что

(1) Письма Зенькова—тамъ же.

ихъ дѣвство, какъ вынужденное и недобровольное, не только не угодно Богу, а напротивъ оскорбляетъ святость и благость Творца. „Дѣвственная жизнь ведетъ человѣка къ совершенству и бываетъ угодна Богу, писалъ Анисимовъ, только тогда, когда человѣкъ безъ всякаго принужденія, совершенно произвольно отказывается отъ брака: но какъ скоро дѣвство становится необходимостію, оно перестаетъ быть добродѣтелью и недостойно никакой похвалы. Бракомъ ты не сочетался, но не въ томъ дѣвство есть, ибо аще кто, имѣя власть въ бракосочетаніе вступити, но однако не вступаетъ, таковую могу нарещи дѣвою .Когда же запрещеннымъ ты именуеши быти сіе дѣло, то уже добродѣтель оная не по твоему произволенію бываетъ, но по нуждѣ закона". Продолжая развивать ту же мысль, Анисимовъ сравнивалъ ѳедосѣевцевъ, по неволѣ пребывавшихъ въ наружномъ дѣвствѣ, со скопцами. „Якоже скопцевъ, писалъ онъ, въ разсужденіи дѣвства никто за сіе хвалить не можетъ, что они не женятся, тако ниже васъ; ибо что у тѣхъ по нуждѣ естества бываетъ, то у васъ отъ развращенной совѣсти". Скопецъ не вступаетъ въ бракъ вслѣдствіе тѣлеснаго недостатка, а „вамъ дьяволъ, лишивъ правильнаго разсужденія, безбрачными быти нужду положилъ. Возбраняеши женитися, сего ради мзды не принадлежитъ тебѣ, но еще осужденіе и казнь", потому что, презирая бракъ и слѣдовательно самое естество человѣка, ѳедосѣевцы тѣмъ самымъ оскорбляютъ святость и благость Творца, повелѣвшаго — растится и множитися, и „нарицаютъ его злыхъ вещей сотворителемъ". Требуя отъ всѣхъ безусловнаго дѣвства, они являются чрезъ это хуже іудеевъ, даже хуже язычниковъ. „Къ кому убо причтемъ васъ? спрашивалъ онъ. Къ іудеямъ-ли, но не примутъ сіи, яко чтутъ супружество и Божіе твореніе хвалятъ; къ намъ-ли убо, но не восхотѣсте послушати Христа, чрезъ Павла

глаголюща: честенъ бракъ и ложе не скверно. Остается, наконецъ, съ язычники точію поставити васъ, но и тіи отвергнутъ, яко нечестивѣйшихъ паче себе. Платонъ бо философъ утверждаетъ, что благъ той, кто сію сотворилъ вселенную, и что благій ни въ чемъ злобы имѣти не можетъ". Дьяволъ и аггелы его, вотъ кто, по мнѣнію Анисимова, сообщникъ ѳедосѣевскаго ученія о всеобщемъ безбрачіи (1).

Таковы въ общихъ чертахъ разсужденія поморцевъ, которыя они направляли противъ исключительности ѳедосѣевскаго безбрачія. Эти разсужденія такъ просты и ясны, такъ согласны съ словомъ Божіимъ, съ ученіемъ церкви и съ здравымъ смысломъ, что не признать ихъ справедливости значило бы намѣренно идти противъ истины. И самъ Ковылинъ, какъ ни мало дорожилъ онъ истиною, не могъ не сознаться, что въ словахъ поморцевъ есть правда. Почему же онъ не согласился съ Покровской часовней и не допустилъ въ своей общинѣ брака? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ служить дальнѣйшее изложеніе возраженій, которыя дѣлали ѳедосѣевцы противъ браковъ Покровской часовни и которыя поморцы старались опровергнуть въ своихъ апологетическихъ сочиненіяхъ, защищая правильность своихъ безсвященнословныхъ (т. е. заключавшихся безъ церковнаго вѣнчанія) браковъ.

Одно изъ главныхъ возраженій, какія дѣлали ѳедосѣевцы Преображенскаго кладбища противъ всѣхъ увѣреній поморцевъ въ необходимости брачной жизни, состояло въ томъ, что у ѳедосѣевцевъ, какъ и у поморцевъ, нѣтъ правильнаго священства и слѣдовательно не кому заключать браковъ. „Мы возбраняемъ бракъ и требуемъ отъ всѣхъ дѣвства, говорили бракоборцы, не потому, чтобы

(1) „О раздѣленіи христіанъ", рукоп. публ. библіот. № 38; снес. Споры безп. Преобр. кладб. и Покров. часовни о бракѣ, стр. 49—50.

гнушались брака и въ дѣвствѣ признавали единственный путь ко спасенію, достойный истиннаго христіанина, а въ слѣдствіе необходимости—по неимѣнію православныхъ пастырей, которые одни имѣютъ право совершать тайну брака". Съ перваго взгляда указанное возраженіе представляется неопровержимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бракъ есть таинство, а законные строители таинъ Божіихъ суть лица іерархическія; то можетъ ли быть рѣчь о бракѣ въ обществѣ, которое не имѣетъ у себя пастырей церкви? Но, по внимательномъ разсмотрѣніи дѣла съ безпоповщинской точки зрѣнія, возраженіе ѳедосѣевцевъ оказывается весьма и весьма слабымъ. И вотъ почему. Признавая законными совершителями таинствъ только пастырей церкви, ѳедосѣевцы однако же, не имѣя у себя священства, имѣютъ въ своемъ обществѣ нѣкоторыя таинства, и именно: крещеніе и покаяніе, которыя совершаются у нихъ мірянами. Значитъ, по ихъ собственному суду, отсутствіе іерархіи въ какомъ либо христіанскомъ обществѣ не ведетъ еще необходимо къ отсутствію въ немъ и таинствъ. Ѳедосѣевцы говорятъ, что, не смотря на неимѣніе у себя священныхъ лицъ, они допустили въ своемъ обществѣ таинства—крещенія и покаянія—потому, что эти таинства, въ случаѣ нужды, можетъ будто бы совершать, по правиламъ церковнымъ, и мірянинъ. Поморцы утверждаютъ, что, на основаніи примѣровъ древности, въ случаѣ нужды, и бракъ можетъ быть заключенъ правильно безъ священническаго вѣнчанія. И вотъ, чтобы доказать свою мысль, поморцы прежде всего указываютъ на исторію ветхозавѣтную и, начиная съ Адама, перечисляютъ всѣ благочестивые браки праотцевъ, указываютъ на Сиѳа, Еноха, Ноя, Авраама, Исаака, Іакова, Моисея, Товію, „ему же споспѣшествова въ бракосочетаніи ангелъ Рафаилъ", Захарію и Елисавету, Іоакима и Анну, и заключаютъ: „сіи вси бракосопряжен-

ніи были, но чина вѣнчанія, каковъ положенъ въ церковныхъ грекороссійскихъ потребникахъ, на всѣхъ оныхъ не было". Переходя затѣмъ къ первымъ временамъ христіанской церкви, поморцы говорятъ, что и въ новомъ завѣтѣ о церковныхъ молитвословіяхъ и вѣнчаніи брака не упоминается, и что бракъ, который Господь освятилъ своимъ присутствіемъ, совершенъ былъ также безъ вѣнчанія. „Бракъ бысть съ Канѣ Галилейстѣмъ. Скажи, государь мой, оный бракъ, на которомъ былъ Христосъ, съ вѣнчаніемъ іерейскимъ онъ былъ, или безъ вѣнчанія? Ежели съ вѣнчаніемъ былъ, то который апостолъ и евангеліе во время того брака читали, такожде и какіе на вѣнчаніи стихи тогда пѣли, и кто чинъ вѣнчанія составилъ, самъ Христосъ, или апостолы? А ежели тогда оный бракъ былъ безъ вѣнчанія іерейскаго, то въ чемъ же того брака состояла сущность? Нынѣ таковый бракъ, бываемый у насъ безъ вѣнчанія пресвитерскаго, сравниваютъ его со скверным блудомъ, и самого Христа, Сына Божія—евангельское преданіе—бракъ безъ вѣнчанія отвергаютъ, и въ число еще его бѣсовскаго дѣла блуда вчиняютъ". Продолжая развивать туже мысль, защитники безсвященнословныхъ браковъ говорили, что молитвы на вѣнчаніе составлены не Христомъ и не апостолами, а св. отцами, и притомъ—спустя довольно времени по рождествѣ Христовомъ; слѣдовательно онѣ не составляли прежде существенной необходимости при заключеніи брака и въ церкви христіанской. Въ подтвержденіе того, что въ первенствующей церкви браки заключались безъ молитвословій и пресвитерскаго вѣнчанія, поморцы, подобно Ив. Алексѣеву, ссылались на Діонисія Ареопагита: „св. священно-мученикъ Діонисій Ареопагитъ, описывая въ своей книгѣ содѣваемыя тогда церковныя чинодѣйствія, и не только къ тайнамъ принадлежащія, но и къ постриженію иноческаго

образа и погребенію священныхъ и мірскихъ человѣковъ потребная, описалъ все съ довольнымъ изъясненіемъ. А о чинодѣйствіи съ молитвословіемъ брака ничего не упомянулъ“ (1). Къ свидѣтельству св. Діонисія поморцы присовокупляли свидѣтельства „Матѳея Канониста и Севаста Арменопула“, изъ которыхъ будто бы видно, что даже въ IV в., при св. Василіѣ В., браки заключались безъ священнословія: „Матѳей Канонистъ, писалъ Скочковъ, въ главѣ 8 въ толкованіи 38 правила Василія В., явственно показуетъ, яко тогда упоминаемые имъ браки кромѣ всякаго священнословія состояшася; тоже и Севастъ Арменопулъ въ книгѣ 8 объясняетъ, яко тогда съ соизволеніемъ, а не съ священнословіемъ, браки состояша, но зазрѣнія ни отъ правилъ, ни отъ закона, ни отъ кого не бывало“ (2). Простирая свои изысканія еще далѣе, поморцы указывали на слѣдующую заповѣдь царей Льва и Константина: „аще ли по стѣсненію, или за смиреніе не возможетъ кто удобопріятно и написанно составити бракъ, и не написаннѣ составляется бракъ безлестно съ изволеніемъ сочетавающихся лицъ и ихъ родителей, аще же въ церкви, сіе чрезъ благословеніе, или при любимичѣхъ пятихъ, узнательствуется“, и на основаніи этихъ словъ утверждали, что даже въ VIII в. „къ содѣйствію законнаго брака не толико потребенъ былъ іерей, якоже согласіе жениха и невѣсты, владычествующихъ воля, зарученіе свидѣтелей. И сіе: или въ церкви благословенія ради, или предъ други пятьми, ясно означаетъ, яко тогда бракъ законный былъ равно почитаемъ, аще чрезъ вѣнчаніе дѣйствованный, аще и кромѣ вѣнчанія съ соблюденіемъ вышепомянутыхъ принадлежностей

(1) Всѣ эти свидѣтельства раскольниковъ взяты нами изъ статьи: „О церковномъ благословеніи и вѣнчаніи брака“ (противъ новоженовъ), см. Твор. св. отц. 1858 г. кн. II; снес. соч. Скочкова „Разсмотрѣніе отвѣта на вопросъ“, рукоп. публ. библіот. № 26.

(2) Споры безпоповц. Преобр. кладб. и Покр. часовни о бракѣ стр. 20.

бываемый“ (1). Наконецъ въ самыхъ опредѣленіяхъ брака, какія находятся въ разныхъ старопечатныхъ книгахъ и которыя мы отчасти указывали, при изложеніи ученія Ивана Алексѣева (2), поморцы старались найти основанія для той мысли, что пресвитерское вѣнчаніе не составляетъ существенной принадлежности брака и что „возможность устроять бракъ состоитъ во власти брачущихся токмо“. Такъ на вопросъ: „что есть матерія брака, т. е. изъ чего бракъ происходитъ“, поморцы отвѣчали словами Кормчей: „вещь сія тайны есть мужъ и жена, въ пріобщеніе брака честно кромѣ всякаго препятія правильнаго совокупитися изволяющіи“ (3), и словами большаго катихизиса: „вещество сея тайны—сопрягающіися“ (4). Это опредѣленіе матеріи брака, по словамъ поморцевъ, совершенно справедливо и достаточно: „ибо всегдашній опытъ доказываетъ, что когда есть женихъ и невѣста, то изъ того всегда и бракъ производится, аще же нѣтъ жениха и невѣсты, то и бракъ не можетъ состояться“. А это значитъ далѣе, по мнѣнію покровцевъ, что изъ понятія о матеріи брака вовсе не слѣдуетъ, что онъ долженъ совершаться съ благословенія священника. Къ тому же заключенію приводятъ поморцевъ и опредѣленія указанныхъ книгъ формы брака. По большому катихизису, „видотвореніе“ брака составляютъ „оныя брачущихся глаголы, яко по любви сопрягаются и обѣтоваются“; по Кормчей, „форма“ брака „сіе есть образъ или совершеніе“ его „суть словеса совокупляющихся, изволеніе ихъ внутреннее предъ іереемъ извѣщающая“. „Если бы, замѣчали поморцы, по поводу этихъ опредѣленій формы брака, отъ священника проистекало браку совершенство,

(1) Твор. св. отц. 1858 г. кн. II, стр. 267.
(2) См. выше во 2-й главѣ стр. 123—4.
(3) Кормч. ч. II, гл. 50 л. 198.
(4) Б. К. л. 391.

то сими свидѣтельствами было бы сказано: браку совершенство должно получить отъ іерея, а не предъ іереемъ; ино-бо имъ, ино-бо предъ нимъ. Посему возможность, дающая браку полный образъ, есть только взаимное обязательство брачущихся, выражаемое словами: хощу, беру, иду, моею властію". Священникъ въ этомъ случаѣ есть не больше, какъ свидѣтель, подобный многимъ. Наконецъ въ словахъ большаго катихизиса о „дѣйствителѣ" (т. е. совершителѣ) брака: „дѣйственникъ сея тайны первое убо самъ Господь Богъ, якоже Моисей боговидецъ пишетъ: и благослови я Господь Богъ глаголя: растителеся и множитеся и исполняйте землю, еже и Господь во евангеліи утверждаетъ, глаголяй: яже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ; посемъ сами брачущіися сію себѣ тайну дѣйствуютъ, глаголюще: азъ тя посягаю въ жену мою, азъже тебе посягаю въ мужа моего" (л. 392), поморцы находятъ самое твердое основаніе думать, что бракъ можетъ быть законно заключенъ и безъ священника. „Симъ доказательствомъ о дѣйствителѣ законнаго брака, писалъ Скочковъ (1), всѣ сомнѣнія уже въ насъ рѣшаются. Здѣсь всякъ, кто имѣетъ чувство слуха и зрѣнія, ясно усматриваетъ, что возможность устроять бракъ состоитъ во власти брачущихся токмо. Кто же будетъ такъ мало правосуденъ, чтобы сію истину не утвердить въ ея справедливости, видѣвъ здѣсь сіи слова: дѣйственникъ брака первое убо самъ Господь Богъ, и по семъ сами брачущіися. Или и сіе кого не увѣритъ, что достояніе брака бываетъ отъ тѣхъ, иже входятъ въ то достояніе; а входятъ въ оное женихъ и невѣста токмо, а не иной къ томужъ еще

(1) „Защищеніе церковнаго цѣломудрія", рукоп. публ. библіот. по отд. бракоб. соч. № 33; здѣсь сочиненіе это приписывается Скочкову, но въ „Сборникѣ сочиненій о бракахъ разныхъ ревностныхъ мужей", изданномъ недавно за-границей, оно приписано А. С., т. е. Андреяну Сергѣеву, что̀, кажется (см. Катал. Любоп. стр. 61, № 168), вѣрнѣе.

кто. А чѣмъ и какимъ образомъ они собою бракъ производятъ, то тутъ же и сіе изъясняется, что общимъ изволеніемъ, а не инымъ еще чѣмъ. Да изъ сего и сіе еще замѣчается, что писатели катихизисовъ, хотя и сами были священнаго чина, однакожъ какъ сей не былъ дѣйствителемъ брака, то сами же они въ дѣйствители брака іерея не помѣстили".

Въ заключеніе поморцы свою мысль о несущественномъ значеніи для брака пресвитерскаго вѣнчанія подтверждали слѣдующимъ соображеніемъ простаго здраваго смысла: „женитва ни въ вѣнчаніи, ниже въ священныхъ православной церкви молитвахъ состоять единственно не можетъ за тѣмъ, что если только найдутъ законныя причины, препятствующія сопряженію, то хотя бы женихъ и невѣста были и вѣнчаны, также и правое на нихъ совершалося священнословіе; однако такой бракъ, какъ противный закону Божію и не содержащій въ себѣ согласія, святыми отцами именно опровергается и разрушается. Если же въ правильномъ священнословіи твердости брачнаго союза не находится, то слѣдуетъ намъ находить другія непреоборимыя брака свойства, которыя бы ни духовная, ни гражданская власть совершенно нарушить не могла". Таково свойство—„чистосердечная, самопроизвольная, по Божію благословенію въ вѣчно нераздѣльное сожитіе, любовь и взаимное другъ къ другу согласіе, безъ котораго бракъ не состоялся, не состоится и состояться не можетъ"; слѣдовательно „сія принадлежность къ браку необходима и оная въ бракѣ находится едина". И чтобы окончательно разсѣять всѣ недоумѣнія, какія неизбѣжно возникаютъ при мысли о несущественномъ значеніи для брака пресвитерскаго вѣнчанія, поморцы указывали на слова ап. Павла: честна женитва во всѣхъ и ложе нескверно (Евр. XIII, 4), и на основаніи слова: *во всѣхъ*

утверждали, будто апостолъ считалъ одинаково законными браки какъ христіанскіе, такъ и языческіе, совершавшіеся, разумѣется, не по чину православной церкви. „И учитель вселенныя, писали они, ап. Павелъ женитву не только въ христіанахъ, но и во всѣхъ народахъ похваляетъ: честна женитва во всѣхъ и ложе нескверно. И симъ словомъ: во всѣхъ—объемлетъ не только христіанскую женитву, но и у язычниковъ законно отправляеміи браки“ (1).

Почему же послѣ этого бракъ называется у апостола тайною великою во Христа и во церковь и какое значеніе имѣетъ пресвитерское вѣнчаніе? Бракъ называется тайною, отвѣчали защитники безсвященнословныхъ браковъ, не въ смыслѣ таинства, въ которомъ чрезъ пресвитерское вѣнчаніе и благословеніе сообщается брачущимся благодать св. Духа, и „не по обрядамъ какимъ-либо молитвословнымъ, или вѣнценоснымъ великолѣпностямъ, но по святѣйшимъ свойствамъ Христа съ церковію соединенія, по теплѣйшей связи законосочетавшихся“, и именно: а) „по соединенію: Христосъ Спаситель снизшелъ въ міръ къ невѣстѣ своей св. церкви и соединился съ нею; такъ и законобрачущіися оставляютъ своихъ родителей и соединяются другъ съ другомъ; б) по превосходству власти: зане мужъ глава жены, якоже и Христосъ есть глава церкви; в) по покорности: якоже церковь повинуется Христу, тако и жены должны повиноваться своимъ мужемъ; г) по любви: мужіе любите своя жены, якоже и Христосъ возлюби церковь; д) по промыслу: промышляй и ты о женѣ, якоже и Христосъ о церкви; е) по неразлучности: Христосъ вѣчно пребываетъ съ церковію и жена отъ мужа не разлучается; ж) по вѣчности пребыванія: церковь вѣчно

(1) „О таинствѣ законнаго супружества“; снес. „О двухъ путяхъ“, — соч. Скочкова.

пребудетъ, и таинство брака продолжится до самаго скончанія міра“ (1). Что же касается вѣнчанія, то оно, по словамъ поморцевъ, „не есть тайна, ниже содѣйствіе въ тайну бракъ претворяющее, а есть токмо благолѣпное украшеніе, случайно устроенное“, или, какъ выражался Любопытный, „каѳолическая церковь (т. е. поморская безпоповщина) великолѣпное вѣнчаніе и пышныя мины съ священнословіемъ почитаетъ не за что иное, какъ за внѣшній предметъ, обуздывающій невѣжество и наглость и представляющій видъ политики, а не за такое дѣйствіе, по мнѣнію нѣкоторыхъ неосновательныхъ людей, что будто сей церемоніалъ преобразуетъ бракъ въ самое его существо“ (2). Въ подтвержденіе такого взгляда на вѣнчаніе, поморцы приводили, между прочимъ, слѣдующія слова Максима грека: „а вѣнцы, имиже вѣнчаютъ свадьбы, по моему догаду, а по уставу писанному не умѣю тебѣ сказати, — не случалось мнѣ видѣть толку о семъ; — обаче елико возможно догадатися, глаголю тебѣ: понеже убо писано во псалмѣхъ: жена твоя, яко лоза плодовита и проч., лозіе же виноградъ есть, изъ него же ягоды виноточны, глаголемыя по-татарски изюмъ, а по писанію—гроздіе. Сего ради св. отцы установили вѣнчати лозою виноградною, а не березною, поминающе тѣмъ образомъ плодоносіе добрыхъ дѣлъ къ Богу“ (3). Изъ этихъ словъ поморцы выводили то заключеніе, что вѣнцы возлагаются на брачущихся не потому, чтобы они сообщали силу браку, а съ цѣлію преподать брачущимся назиданіе (2).

Всматриваясь внимательнѣе въ эти разглагольствія по-

(1) Споры безпоповц. Преобр. кладб. и Покров. часовни о бракѣ, стр. 15; снес. „Защищеніе церковнаго цѣломудрія“,—рукоп. публ. библіот. № 33.

(2) „Брачное врачество“, см. Опис. раск. соч. ч. II, стр. 305.

(3) Споры безпоп. Преобр. кладб. и Покров. часовни о бракѣ стр. 21; сочин. преп. Максима грека, изд. при Казанск. дух. акад. ч. III, стр. 117—118.

(2) „Разсмотрѣніе отвѣта на вопросъ“,—рукоп. публ. библіот. № 26.

морцевъ Покровской часовни о бракѣ, нельзя не замѣтить, что въ нихъ нѣтъ почти ничего самостоятельнаго и новаго сравнительно съ тѣмъ, что̀ о томъ же предметѣ сказано было еще Иваномъ Алексѣевымъ. Значитъ, его книга: „о тайнѣ брака“ не прошла безслѣдно между безпоповцами—и послужила поморцамъ хорошимъ пособіемъ въ полемикѣ ихъ съ ѳедосѣевцами. Но за то дальнѣйшая борьба покровцевъ съ преображенцами принадлежитъ исключительно имъ однимъ, хотя возраженія ѳедосѣевцевъ оставались тѣже, какія они дѣлали и Алексѣеву. Это—потому, что Алексѣевъ, какъ мы видѣли, не смотря на признаніе пресвитерскаго вѣнчанія дѣломъ несущественно важнымъ для брака, все-таки считалъ необходимымъ соблюденіе этого „всенароднаго обычая“ и для этого совѣтовалъ своимъ послѣдователямъ, за неимѣніемъ православной іерархіи, вѣнчаться въ церкви еретической (т. е. православной),—между тѣмъ какъ поморцы Покровской часовни, отнявъ у брака таинственное его значеніе, смотрѣли на пресвитерское вѣнчаніе не больше, какъ „на случайное украшеніе“, и признавали сущность брака въ одномъ „вѣчномъ обѣтѣ сожитія сочетавающихся лицъ“ (3). А послѣ этого весьма понятно, что всѣ возраженія ѳедосѣевцевъ, состоявшія главнымъ образомъ въ указаніи свидѣтельствъ древности о необходимости для брака пресвитерскаго вѣнчанія, для Алексѣева, не отвергавшаго этого вѣнчанія, не имѣли никакого значенія, тогда какъ для поморцевъ Покровской часовни имѣли полную силу и важность. Какъ же отвѣчали на эти возраженія разные Скочковы, Заяцевскіе и другіе?

Первое изъ свидѣтельствъ, которое указывали ѳедосѣевцы въ подтвержденіе своей мысли о томъ, что бракъ не можетъ быть заключенъ безъ участія въ немъ лица

(3) Катал. Любопыт. стр. 109, № 417.

священнаго и что, слѣдовательно, браки Покровской часовни, заключавшіеся міряниномъ,—незаконны, заимствовано было ими изъ посланія св. Игнатія Богоносца къ Поликарпу и состояло изъ слѣдующаго изреченія св. отца: „подобаетъ женящимся и посягающимъ съ волею епископа сочетаватися, да бракъ будетъ о Господѣ, а не въ похоти". На эти слова, прямо указывающія на церковное сочетаніе брака, поморцы отвѣчали слѣдующее: „поелику тогда святіи простой народъ привязывали къ чину священному, дабы тверже были въ благовѣріи, то безъ воли ихъ ничего и дѣйствовать не повелѣвали. О власти епископа тако пишетъ св. Игнатій въ посланіи къ смирнянамъ: не лѣть есть безъ епископа ни крестити, ни предложенія творити, ни жертвы проскомисати, ниже церковныхъ пировъ совершати. Итакъ посему, ежели бракосопрягающимся безъ воли епископа сочетаватися не должно и не возможно, то ниже крестити, ни церковныхъ пировъ совершати, ни дѣвствовати никакъ не возможно. Но аще ли безъ епископа дѣвствовати и крестити въ надлежащихъ случаяхъ возможно (какъ это и бываетъ у ѳедосѣевцевъ, а равно и у всей безпоповщины), а потому и законно брачитися безъ епископа, убо и безъ вѣнчанія, такожде возможно и дѣйствительно", — тѣмъ болѣе, что „св. Игнатій глаголетъ: съ волею епископа должно сочетаватися, а не вѣнчатися". „Аще неимѣнія ради единогласнаго священнослужителя, писалъ Заяцевскій, устраняться будемъ дѣйствій души и тѣлу нашему принадлежащихъ, то можемъ лишиться святаго крещенія, покаянія, и по смерти погребенія и поминовенія, не упоминая уже о пѣніи службы, вечерни, утрени, часовъ и прочаго, что запрещено есть гангрскаго собора правиломъ шестымъ, безъ воли епископа и не имѣя пресвитера, творити. Да и прежде того современникомъ святыхъ

апостоловъ Игнатіемъ Богоносцемъ въ посланіи съ смирняномъ безъ епископа крестити и прочаго содѣвати не повелѣно есть. Однако все сіе по нуждѣ неимѣнія (а не презрѣнія) духовныхъ лицъ возможно простолюдинамъ творити—и творимъ и не боимся положенныхъ запрещеній, ниже ужасаемся, но токмо едино брачное сочетаніе нѣкіимъ кажется странно и опасно, что нѣтъ единогласнаго священнослужителя, яко бы безъ него уже и невозможно тому быти“ (1). Смыслъ этихъ разсужденій ясенъ. При сдѣланномъ поморцами объясненіи побужденій, по которымъ древніе св. отцы не позволяли христіанамъ ничего дѣлать безъ воли епископа, и при сопоставленіи покровцами словъ св. Игнатія объ участіи епископа въ заключеніи брака съ общимъ ученіемъ св. отца о значеніи въ церкви епископской власти, ѳедосѣевцамъ не оставалось ничего болѣе, какъ или признать самихъ себя нарушителями древняго церковнаго порядка, указаннаго св. Игнатіемъ, или согласиться, что безсвященнословные браки покровцевъ—законны,—по крайней мѣрѣ на столько, на сколько законно напр. ѳедосѣевское крещеніе, совершаемое, вопреки ученію св. отца, безъ воли епископа—простыми мірянами, и даже самое дѣвство бракоборцевъ, также не освящаемое ни согласіемъ, ни благословеніемъ епископскимъ. Такимъ образомъ оружіе, направленное ѳедосѣевцами противъ поморцевъ, обрушилось, благодаря умѣнью послѣднихъ вести борьбу, на ихъ собственную голову.

Не ограничиваясь словами св. Игнатія, ѳедосѣевцы въ подтвержденіе той же мысли, что бракъ не можетъ быть заключенъ безъ участія въ немъ лица священнаго, ссылались на слѣдующія слова св. Златоуста: „не можеши быти

(1) Слово увѣщательн. о зак. брак.,—рукоп. публ. библіот. № 31; снес. сборн. библіот. м. Григорія № 154, л. 249 об. и 250.

дѣвственникъ, брачися съ цѣломудріемъ, точію въ церкви". Противъ этихъ словъ св. отца покровцы замѣчали, что думать на основаніи ихъ, будто „бракъ долженъ совершаться какъ съ присутствіемъ священнослужителя, такъ и въ церкви, т. е. во освященномъ храмѣ", значитъ поступать „словесамъ и разумѣнію св. Златоуста несогласно; ибо онъ подъ именемъ церкви разумѣетъ не отъ вещества сооруженный храмъ, но собраніе правовѣрныхъ людей, при которыхъ тогда и отправлялся (и всегда долженъ отправляться) законный бракъ, съ принадлежащимъ къ тому истиннымъ намѣреніемъ и залогомъ". И въ доказательство того, что такъ, а не иначе, нужно понимать слова св. Златоуста, покровцы указывали на тотъ же, чтимый всѣми раскольниками, „Маргаритъ", изъ котораго взяты вышеприведенныя слова и въ которомъ св. отецъ, въ бесѣдѣ на слова: „о еже предста царица", прямо говоритъ: „церковь не стѣны церковныя, но законы церковные, егда бѣгаеши въ церковь, не къ мѣсту бѣгай, но къ совѣту: церковь бо не стѣны и покровъ, но вѣра и житіе" (1). Припомнивъ то обстоятельство, что всѣ вообще безпоповцы, чтобы защитить себя отъ упрека въ томъ, что у нихъ нѣтъ *церкви* въ ея полномъ устройствѣ—съ іерархіею и таинствами, толкуютъ это слово не иначе, какъ въ смыслѣ общества вѣрующихъ, и при этомъ ссылаются на только-что приведенныя слова изъ „Маргарита" (2),—мы поймемъ всю силу и значеніе для ѳедосѣевцевъ указаннаго разглагольствія покровцевъ.

Въ подтвержденіе своей мысли, что браки Покровской часовни, какъ заключавшіеся безъ пресвитерскаго благословенія и вѣнчанія, не законны, ѳедосѣевцы ссылались еще на слѣдующія слова царя Алексѣя Комнина: „елико

(1) „Слово увѣщательное" въ сборн. № 154, л. 244.
(2) Поморск. отв. 101.

аще безъ священныхъ молитвъ, своя рабы на сочетаніе брака совокупляюще, не боголюбивъ бракъ составляютъ имъ, но блудническое смѣшеніе утверждаютъ. Ихъ же бо не совокупи Богъ, священными молитвами призываемь, тіи вси сходятся на грѣхъ“ (1). Противъ этихъ словъ, ясно показывающихъ незаконность безсвященнословныхъ браковъ, покровцамъ, по видимому, трудно было сказать что-либо дѣльное въ свое оправданіе. И однакоже умные поморцы съумѣли ослабить силу и этого ѳедосѣевскаго возраженія. Вотъ что писали они, по поводу вышеприведенныхъ словъ царя Алексѣя Комнина: „надлежало бы вопросодателю прежде взяти оную книгу (т. е. Кормчую), разогнувъ прочести, и вняти смыслъ рѣченій тѣхъ и познати: кто, когда, кому и для чего писалъ,—тогда бы въ доводъ оное приводити“. Рѣшая за тѣмъ указанные вопросы, поморцы говорили: „писалъ сіе установленіе греческій царь Алексѣй Комнинъ, воцарившійся по воплощеніи Христовѣ въ лѣто 1081, а умершій въ 1118 лѣто,—писалъ, когда церковь греческая пребывала въ мирномъ состояніи, когда не имѣлось въ дѣйствіи таинъ никаковыхъ недостатковъ, когда молитвенные храмы, церкви глаголемъ, величественно украшахуся, когда пребывающіи въ нихъ архіереи и прочіи священно-служители въ полномъ и совершенномъ количествѣ пребывали,—писалъ онъ того ради, да будетъ какъ и въ прочихъ тайнахъ, такъ и въ бракосочетаніи, одинаковое дѣйствіе надъ всѣми, и чтобы рабы сподобляемы были, яко и господіе, молитвословія іерейскаго; ибо до того времени едины господа токмо сподоблялись іерейскаго благословенія, а рабовъ своихъ до сего не допускали, чтобы они не были свободны. Алексѣй же Комнинъ, желая таковый обычай измѣнить и таковое неравенство между единовѣрными пре-

(1) Старопеч. Кормч. ч. II, л. 36 об.

кратить, присовокупилъ для сего таковое изреченіе: кромѣ священнословія совокупляющіися на грѣхъ сходятся, и аще се отъ кого-либо сотворится, да вѣдаютъ господіе, а рабъ своихъ чужди будутъ". Такимъ образомъ покровцы, какъ показываютъ приведенныя разсужденія ихъ, старались ослабить силу закона Алексѣя Комнина указаніемъ на позднее происхожденіе его и—тѣмъ предположеніемъ, что постановленіе о вѣнчаніи сдѣлано было царемъ только для соблюденія единообразія въ церковномъ устройствѣ, чтобы „тѣмъ составить бо́льшее украшеніе церковнаго благолѣпія и ввести лучшій порядокъ въ чинодѣйствіяхъ", что́ возможно и естественно было сдѣлать, благодаря мирному и цвѣтущему состоянію греческой церкви въ то время. Иное дѣло теперь, когда церковь (т. е. расколъ, считающій себя церковію) находится въ бѣдственномъ состояніи, когда раскольники-безпоповцы не имѣютъ у себя ни церквей, ни „единомудренныхъ православныхъ священнодѣйствителей"; тутъ не до „молитвословія, яко украшенія бракосочетаній бывающаго", а лишь бы соблюдалось главное и существенное въ бракѣ, т. е. взаимная любовь жениха и невѣсты и согласіе на бракъ ихъ родителей; и „совокупляющіися тако, яко на грѣхъ сходящимися, порицаемы быть не должны" и не могутъ; потому, что если браки, совершаемые безъ благословенія священника, до Алексѣя Комнина считались законными,—что показываетъ самое существованіе ихъ въ церкви до Комнина, то очевидно, что подобные браки, по нуждѣ заключаемые, не могутъ быть признаны незаконными и послѣ него. Послѣднее положеніе поморцы доказывали слѣдующимъ разсужденіемъ: „когда Алексѣй Комнинъ издалъ повелѣніе считать законнымъ бракомъ совершаемый не иначе, какъ съ благословенія священника, то перемѣнилъ-ли сущность брака? Не перемѣнилъ: понеже всѣ сущности вещей,

равно и браки, не измѣняемы. Сущность брака существовала отъ Адама до Комнина и послѣ него до скончанія вѣка быть имѣетъ. Да и какъ возможно государю, таковому же, какъ и прочіе, по существу человѣку, но токмо, яко начальнику въ воинскихъ и гражданскихъ дѣлахъ, отъ всѣхъ честію почтенному,—сущность брака, отъ самаго Бога опредѣленную, измѣнить? Посему и видимъ, что какъ прежде, такъ и послѣ Комнина, и въ невѣрныхъ и иновѣрныхъ, у коихъ священнословіе бывати не могло, браки пребывали неизмѣнно и отъ св. церковныхъ учителей именовались законными. Ибо, по воспріятіи таковыми православныя вѣры, ничего надъ ними церковными установленіями дѣйствовати не предано, ниже чинъ каковъ, ниже молитвы изложены, но были оставляемы тако, какъ были до воспріятія истинныя вѣры, безъ всякаго поправленія или навершенія, и прежде и послѣ узаконенія Комнина. Притомъ, если бы Алексѣй Комнинъ сущность брака перемѣнилъ, то о томъ какъ церковь, такъ и онъ самъ не умолчалъ бы, но также бы издалъ узаконеніе и объявилъ бы, что отъ этого времени приходящихъ отвнѣ уже должно пріимати не тако, якоже бывало до того, но также бы, какъ и рабовъ, сирѣчь въ православной церкви браковѣнчати“ (1). А изъ всего этого поморцы выводили такое заключеніе, что Алексѣй Комнинъ „законъ молитвословія къ браку въ непремѣнное содѣйствіе не предавалъ и не требовалъ“ и что „установленіе“ Алексѣя Комнина „къ ниспроверженію браковъ“, совершавшихся въ Покровской часовнѣ, „соприкасатися не можетъ“. Для православнаго богословствующаго ума слабыя стороны разсужденій поморцевъ очевидны; но невѣ-

(1) Споры безпоп. Преобр. кладб. и Покр. часов. о бракѣ стр. 21—23; Твор. св. отц. 1858 г. кн. II, стр. 247—252.

жественный умъ ѳедосѣевцевъ (1) становился, какъ увидимъ, въ тупикъ предъ указанными разглагольствіями Скочкова и подобныхъ ему.

„Аще не бываетъ на простыхъ людяхъ благословеніе вѣнчанія, но боярамъ токмо, и князи вѣнчаются, простымъ же людемъ, яко и меншицѣ, поимаютъ жены своя съ плясаніемъ и гуденіемъ и съ плесканіемъ, разумъ даимъ всякъ и речемъ: иже простіи закони простьцемъ и невѣжамъ си творятъ совокупленіе. Иже кромѣ божественныя церкви, кромѣ благословенія творяще свадьбу, тайно поиманіе наречетъ. Иже ся тако поимаютъ, якоже блуднымъ опитеміа даютъ“ (2). Это-слова всероссійскаго митрополита Іоанна II, святительствовавшаго въ XI в. (1080—1089), которыя ѳедосѣевцы также указывали покровцамъ въ доказательство того, что безсвященнословные браки послѣднихъ—не законны и суть ничто иное, какъ открытое блудодѣяніе. Находчивые поморцы не затруднились дать отвѣтъ и противъ этого возраженія бракоборцевъ: „оное изреченіе Іоанново, писали они, нынѣ дѣющимся бракамъ противополагатися не можетъ, ибо онъ глаголетъ не просто о совокупляющихся, но о совокупляющихся тайно; тайное же бракосовокупленіе, хотя и со іерейскимъ благословеніемъ и молитвословіемъ вѣнчаніемъ бываемое, есть беззаконно, а особенно по 38 и 42 правиламъ Василія В., въ которыхъ онъ таковые браки точно блудомъ именуетъ. Чему слѣдуя, и Іоаннъ митрополитъ русскій изреклъ: которые тайно будутъ поимати женъ, тѣхъ, яко блудниковъ, наказывати... Тайное бракосовокупленіе не токмо не освобождаетъ сочетавшихся отъ наименованія блудниковъ, но

(1) Въ невѣжествѣ московскихъ наставниковъ ѳедосѣевскихъ сознавался самъ Ковылинъ (Сборн. правит. свѣд. о раск. Кельсіева вып. первый, стр. 20).

(2) Русск. достоп. ч. I, стр. 101. Кормч. XVI в. въ библ. Троиц. лавры—по описи 1795 г. № 2, л. 276 об.

и священника, дерзнувшаго сіе сотворити, подвергаетъ наказанію. А къ тому тайное сопряженіе тогда иначе быть не могло, какъ токмо по причинѣ каковыхъ ни есть законныхъ препятствій, какъ-то: или безъ родительскаго благословенія, или безъ воли владычествующихъ. Нынѣ же у правомудрствующихъ христіанъ дѣйствуемы браки бываютъ не тайно, но явно и съ родительскимъ благословеніемъ, посему и не могутъ подпадати подъ наказаніе блудниковъ, но суть законны и правильны". Нельзя не сознаться, что смыслъ, какой придали поморцы свидѣтельству митрополита Іоанна, невѣренъ; святитель говоритъ не о тайныхъ бракахъ,—что это за тайный бракъ, когда онъ сопровождался плясаніемъ, гуденіемъ и плесканіемъ,—но о бракахъ, заключавшихся безъ церковнаго благословенія; тѣмъ не менѣе, на первый, по крайней мѣрѣ, взглядъ, разглагольствія покровцевъ могли показаться невѣжественнымъ преображенцамъ совершенно правильными.

Наконецъ послѣднее доказательство незаконности безсвященнословныхъ браковъ Покровской часовни ѳедосѣевцы думали найти въ словахъ нашихъ митрополитовъ: Максима и Фотія. Первый (1283—1305) писалъ: „пишу и се дѣтемъ моимъ, и да вси чада мои пороженніи въ купели новосвященнѣй, и да держите жены отъ святыя, соборныя, апостольскія церкве, зане жена спасенія ради человѣческаго бысть. Аще же ихъ держите въ блудѣ, безъ благословенія церковнаго, то что ти въ помощь есть. Но и молися и нуди ихъ, аще и стари суть и млади, да вѣнчаются въ церкви" (1). Фотій въ 1410 г. писалъ архіепископу Іоанну и всему новгородскому духовенству слѣдующее наставленіе: „а который не по закону живетъ съ женою, безъ благословенія поповска понялися, тѣмъ епитиміа три

(1) Вышеознач. Кормч, л. 296 об.

лѣта, какъ блуднику, да паки совокупити ихъ; а учите и приводите ихъ къ православію, съ благословеніемъ поиматись съ женами; а не съ благословеніемъ всхотятъ жити, то ихъ разлучити, а не послушаютъ, и вы, попы, не принимайте ихъ ни приношенія, ни дары имъ давайте, ни Богородицына хлѣба“ (1). По поводу этихъ ясныхъ свидѣтельствъ въ пользу церковнаго вѣнчанія брака, поморцы не считали даже нужнымъ входить въ какія либо обстоятельныя и подробныя разсужденія, а только замѣчали, что митрополиты Максимъ и Фотій, жившіе уже послѣ Алексѣя Комнина, повторяли только то, что сказано было этимъ царемъ о церковномъ вѣнчаніи; слѣдовательно ихъ свидѣтельства имѣютъ еще меньше значенія, чѣмъ самая заповѣдь Комнина. „Все то, писали защитники безсвященнословныхъ браковъ, отъ нихъ глаголано было уже послѣ преданнаго отъ греческаго царя Алексія Комнина константинопольской патріархіи установленія, убо и въ подражаніе онаго оное ими изречено было, а не во изъявленіе, или изъясненіе, того, еже бракосочетанія безъ священнословія никогда, нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ быти не могло. Таковая, глаголемъ, изреченія, согласная и къ преждепомянутому Іоанну, происходить начали не прежде онаго царскаго изреченія, но послѣ“ (2).

---

(1) Акты археогр. экспед. т. I, № 369, стр. 461.

(2) Твор. св. отцевъ 1858 г. кн. II, стр. 273 — 4; снес. „разсмотрѣніе отвѣта на вопросъ“,—рукоп. публ. библіотеки, № 26. По словамъ Заяцевскаго, нѣкоторые въ пользу церковнаго вѣнчанія брака указывали еще на малый Катихизисъ, въ которомъ на вопросъ: „которая есть шестая тайна“, дается такой отвѣтъ: „достояніе брака, иже бываетъ общимъ изволеніемъ отъ тѣхъ, иже входятъ въ то достояніе безъ всякія пакости, и благословеніемъ священническимъ: егда себѣ обручаютъ взаемно, вѣру, честь и любовь брачную соблюсти, молитвою и благословеніемъ утвержено есть, и тайною именуется по реченному: тайна сія велика есть; таковое достояніе брака и писаніе святое похваляетъ: честенъ бракъ и ложе нескверно“ (Катих. мал. л. 37 об.). Вотъ что писалъ Заяцевскій, въ объясненіе указаннаго опредѣленія брака: „представя сіе, утверждаютъ, что бракъ

Что же касается указанія бракоборцевъ на примѣръ „прежнихъ отцевъ“, которые будто бы „въ нынѣшнее время браки составляти не соизволиша и сопрягшихся на общеніе не пріимаху“,—то покровцы отвѣчали на него слѣдующимъ разсужденіемъ: „аще разсмотримъ, то увидимъ, что законнобрачніи нынѣ не токмо древнимъ отцамъ не противляются, но и вселюбезно ихъ чиносодержанія лобзаютъ. Ибо усматривается, что прежніе отцы не бракъ отрѣвали, но людей древнее благочестіе содержати непремѣнно учили. Людіе же свое усердіе сами къ безбрачному житію показывали. Ибо, во отбѣжаніи своего отечества, во отлученіи градовъ и прочихъ селеній, во оставленіи домовъ, въ презрѣніи имѣнія, въ странничествѣ по чужимъ и неизвѣстнымъ странамъ, во обитаніи по неутвержденнымъ мѣстамъ, въ скитаніи по пустынямъ, горамъ и вертепамъ, лишеннымъ дневныя пищи и другихъ потребъ нужныхъ, скорбящимъ отъ различныхъ приключеній, озлобляемымъ отъ нападающихъ искушеній, отъ злыхъ человѣковъ, и прочими злостраданіи удрученнымъ; къ тому же и страхи великія вся жилища наполняху, яко едва кто

той токмо быть можетъ совершенно законнымъ, который молитвою и благословеніемъ священническимъ утвержденъ есть. Но здѣ должно разсмотрѣть со вниманіемъ, что̀ глаголетъ во отвѣтѣ: достояніе (т. е. устроеніе, или совершенное произведеніе) брака, иже бываетъ (т. е. содѣвается) общимъ изволеніемъ (а не священникомъ, общее же изволеніе есть самопроизвольная, чистосердечная самихъ законносопрягающихся въ вѣчно нерасторженное сочетаніе склонность, какъ катихизисъ доказываетъ) отъ тѣхъ (отъ кого?), иже входятъ въ то достояніе (а входятъ въ оное женихъ и невѣста токмо самопроизвольно т. е. другъ другу даютъ обязательство, чтобы между собою соблюдать) взаимно (что же соблюдать?) вѣру, честь и любовь брачную соблюсти (а брачная любовь, честь и вѣра есть то, чтобы одному другаго въ сожитіи брачномъ вѣчно не оставлять и другъ о другѣ въ счастіи и въ несчастіи совершенное промышленіе и попеченіе всегда имѣть, которое все) молитвою и благословеніемъ утверждено есть (т. е. онымъ засвидѣтельствовано, а не тайна брака усовершенствована, безъ котораго священнословнаго утвержденія онъ бывалъ а посему и всегда быть совершенно законнымъ можетъ“) (Слов. увѣщат. въ сборн. № 154, л. 145—6). Натянутость толкованія Заяцевскаго слишкомъ очевидна.

могъ приступающій къ сопряженію брачному, кромѣ церковныхъ новоположеній, чинодѣйствіе онаго получити; полученіе же того безъ присяги съ клятвами и анаѳемами на древлецерковное содержаніе и пребывающихъ въ немъ невозможно минути; и въ толь свирѣпствомъ различныхъ обуреваній волнующееся время едва ли можно было кому о бракахъ и помышляти и о женитвѣ попеченіе имѣти. Ибо въ таковыхъ злостраданіяхъ не браковъ и веселія время было, но страха и ужаса... Нынѣ же время благопріятно, время свободы, а не принужденія и тѣсноты, нынѣ слово Божіе не вяжется", и слѣдовательно каждый можетъ вступать въ бракъ спокойно (1).

Таковы главныя возраженія, какія высказывали ѳедосѣевцы противъ безсвященнословныхъ браковъ Покровской часовни, и такъ отвѣчали на эти возраженія поморцы. Если смотрѣть на дѣло безотносительно къ тѣмъ слѣдствіямъ, къ какимъ приходили ѳедосѣевцы и поморцы, на основаніи изложеннаго нами ученія ихъ, то нельзя не сознаться, что преимущество остается на сторонѣ первыхъ. Ѳедосѣевцы, какъ читатель могъ видѣть изъ самыхъ возраженій ихъ, въ пониманіи брака стояли на строго церковной почвѣ и признавали бракъ таинствомъ, которое можетъ совершить только пастырь церкви; между тѣмъ какъ поморцы, довольствуясь для заключенія своихъ браковъ благословеніемъ наставника—мірянина, хотя бы и соединеннымъ съ прочтеніемъ канона, апостола и евангелія, и съ пѣніемъ молебна, очевидно, не придавали браку значенія таинства, а смотрѣли на него просто, какъ на гражданскій союзъ. Но если обратить вниманіе на тѣ уклоненія отъ нравственныхъ началъ, къ которымъ неиз-

(1) Сборн. публ. библіот. подъ № 473, сочин. Скочкова: „подробное извѣстіе о новоженахъ", № 27; снес. „слово увѣщательное о законномъ бракѣ"—Заяцевскаго, № 31.

бѣжно вели различныя воззрѣнія на бракъ ѳедосѣевцевъ и поморцевъ, въ такомъ случаѣ невольно приходится стать на сторону послѣднихъ; потому что сожительство съ одною избранною женщиною, хотя бы только на основаніи одного гражданскаго союза, все же лучше и выше блуда съ перемѣнными любовницами, на который обрекало своихъ послѣдователей ѳедосѣевское ученіе о всеобщемъ дѣвствѣ. Говоря же строго, какъ Ковылинъ, по неимѣнію православнаго съ безпоповщинской точки зрѣнія священства, требовавшій отъ всѣхъ дѣвства, такъ и покровцы, допустившіе по той же причинѣ въ своемъ обществѣ бракъ, не какъ таинство, а какъ гражданскій союзъ, были равно не правы. Что же касается въ частности до разсужденій поморцевъ, которыми они старались ослабить силу возраженій ѳедосѣевскихъ противъ безсвященнословныхъ браковъ, то нельзя не согласиться, что противъ многихъ изъ нихъ ѳедосѣевцы, сами невѣрные церковному преданію, едва ли могли сказать что либо дѣльное (1). Какъ же однако отнеслись гордые сознаніемъ своего дѣвства бракоборцы къ изложеннымъ нами выше соображеніямъ поморцевъ о необходимости брачной жизни и о законности безсвященнословныхъ браковъ?

На Ковылина лично всѣ убѣжденія поморцевъ не производили никакого дѣйствія. Введя въ свою общину безбрачіе не столько по началамъ религіознымъ, сколько по сектантскимъ и практическимъ расчетамъ, проводя самъ жизнь болѣе, чѣмъ свободную, Илья Алексѣичъ не обращалъ вниманія на разсужденія о бракѣ покровцевъ, основанныя большею частію на ученіи слова Божія и свидѣтельствахъ церковнаго преданія, и по прежнему и самъ

(1) Разборъ и опроверженіе разсужденій поморцевъ касательно безсвященнословныхъ браковъ см. въ Твор. св. отц. 1858 г. кн. II, въ статьѣ: „о церковномъ благословеніи и вѣнчаніи брака“ (противъ новоженовъ).

продолжалъ предаваться „ненравственности по предмету удовлетворенія тѣла“, и на слабости своихъ подчиненныхъ смотрѣлъ сквозь пальцы, требуя отъ нихъ только наружнаго дѣвства. Но подобный порядокъ вещей не могъ продолжаться долго. Сочиненія покровцевъ въ пользу брачной жизни распространялись болѣе и болѣе, попадали въ руки московскихъ ѳедосѣевцевъ и во многихъ изъ нихъ стали возбуждать сомнѣніе въ справедливости и законности безусловнаго дѣвства, къ которому обязывалъ всѣхъ и каждаго основатель Преображенскаго кладбища. Дѣло наконецъ дошло до того, что лучшіе изъ ѳедосѣевцевъ, будучи не въ состояніи выносить безбрачія и въ тоже время считая дѣломъ „зазорнымъ для совѣсти“ предаваться разврату, стали склоняться на сторону поморцевъ и даже открыто становились подъ знамя, поднятое Покровскою часовнею (1). Неутѣшительныя извѣстія получались Ковылинымъ и изъ провинцій. Иногородніе ѳедосѣевцы, отличавшіеся еще бо́льшимъ невѣжествомъ, чѣмъ въ какомъ спокойно коснѣли ихъ московскіе единовѣрцы, были просто ошеломлены сочиненіями поморцевъ, достигшими и провинціальныхъ городовъ. И вотъ изъ разныхъ мѣстъ начинаютъ приходить въ Москву посланія, въ которыхъ иногородніе послѣдователи Преображенскаго кладбища слезно умоляютъ „христіанъ московскихъ“ разрѣшить ихъ недоумѣнія о бракѣ, возбужденныя сочиненіями Покровской часовни (2). Очевидно, дѣло принимало такой оборотъ, что Ковылину волей-неволей приходилось разстаться съ своимъ олимпійскимъ спокойствіемъ; нужно было или признать, вмѣстѣ съ поморцами, законность брачной жизни, или заставить покровцевъ отказаться отъ ихъ ученія, чтобы оно не сму-

(1) Споры безпоп. Преобр. кладб. и Покров. часовни о бракѣ стр. 43; сборн. для истор. стар. Попова, т. II, вып. V, стр. 137 прилож.

(2) „Защищеніе церковнаго цѣломудрія“—рукоп. публ. библ. по отд. бракоб. соч. № 33.

щало не опытныхъ и невѣжественныхъ ѳедосѣевцевъ. Далекій отъ мысли сознаваться въ своихъ погрѣшностяхъ, Ковылинъ рѣшился на послѣднее и сталъ употреблять всѣ позволительныя и непозволительныя средства къ тому, чтобы склонить поморцевъ оставить ученіе о бракѣ. Съ этою цѣлію Ковылинъ созываетъ на Преображенскомъ кладбищѣ лже-соборъ, на который приглашаетъ и поморцевъ. Понимая, въ чемъ дѣло, увѣренные въ справедливости своего ученія, покровцы съ радостію поспѣшили въ молитвенный храмъ Преображенскаго кладбища, въ которомъ предположено было вести соборныя разсужденія. Но, къ удивленію ихъ, вмѣсто собесѣдованія о бракѣ, ѳедосѣевцы начинаютъ вести рѣчь „о царствованіи противника Божія антихриста въ мірѣ и образѣ бытія въ ономъ св. пророковъ Иліи и Еноха“ (1). Чрезвычайно странно было поморцамъ слышать рѣчь о царствованіи въ мірѣ антихриста изъ устъ Ильи Алексѣевича Ковылина, владѣвшаго милліонами, имѣвшаго огромные домы, проводившаго жизнь до того „пышную“, что за нее обличали его сами ѳедосѣевцы (2); но догадливые покровцы скоро смекнули, почему „любитель пышной жизни“ рѣшился рисовать предъ ними мрачныя и страшныя картины послѣднихъ временъ міра и царствованія въ немъ антихриста. Дѣло въ томъ, что, сознавая въ душѣ невозможнымъ представить что-либо серьезное въ опроверженіе умныхъ разсужденій поморцевъ о необходимости брачной жизни, Ковылинъ рѣшился дѣйствовать на нихъ страхомъ близкой кончины міра, — развивая ту мысль, что въ такое время, когда царствуетъ въ мірѣ врагъ Божій, долгъ истиннаго христіанина заботиться не о мірѣ, не о женѣ, если бы даже и можно было получать ее законнымъ образомъ, а о до-

(1) Катал. Любопытн. стр. 100—101, № 364.

(2) Сборн. для истор. стар. Попова т. II, вып. V, прилож. стр. 59.

стойномъ приготовленіи себя къ встрѣчѣ небеснаго Судіи. Въ подтвержденіе своихъ словъ Ковылинъ, по примѣру своихъ единовѣрцевъ, возражавшихъ еще Ивану Алексѣеву, ссылался на слова апостола Павла: „сіе же глаголю, братіе, яко время прекращено есть прочее, да имущіи жены, якоже не имущіи будутъ“ (1). Нельзя сказать, чтобы пріемъ, къ которому прибѣгъ Ковылинъ, желая подѣйствовать на покровцевъ, былъ неудаченъ. Мысль объ антихристѣ, явившаяся въ расколѣ еще въ первую пору его жизни и бывшая, какъ мы видѣли (2), одною изъ причинъ появленія въ безпоповщинѣ безбрачія, существовала въ безпоповщинскомъ расколѣ еще и въ то время, о которомъ идетъ рѣчь. Не только ѳедосѣевцы, но и весьма многіе изъ поморцевъ, если не на практикѣ, то по крайней мѣрѣ въ теоріи, признавали мысль о царствованіи въ мірѣ сына погибели и писали по этому поводу разнаго рода сочиненія (3). Что оставалось дѣлать поморцамъ, при такой постановкѣ преображенцами вопроса о бракѣ? Отвергнуть мысль объ антихристѣ значило съ одной стороны идти противъ общаго убѣжденія въ его пребываніи въ мірѣ, съ другой—пошатнуть зданіе безпоповщинскаго раскола въ самомъ его основаніи, такъ какъ, только при мысли о царствованіи въ мірѣ человѣка беззаконія, могутъ имѣть хотя нѣкоторый смыслъ заблужденія безпоповцевъ касательно церкви, таинствъ и проч. Отказаться изъ-за мысли объ антихристѣ отъ брачной жизни значило съ одной стороны сознаться въ ложности своего ученія, съ другой—обречь себя и своихъ послѣдователей на развратъ, во избѣжаніе котораго Покровская часовня и ввела у себя безсвященнословные браки.

(1) 1 Коринѳ. VII, 29.

(2) См. въ 1-й главѣ стр. 38—49.

(3) Катал. Любопытн. стр. 45, № 118, стр. 72, № 219, стр. 133, № 580; сборн. для истор. стар. Попова т. II, вып. V, прилож. стр. 78.

Изъ этого затрудненія вывелъ поморцевъ учитель ихъ Василій Емельяновъ, которому по преимуществу и обязана была Покровская часовня своимъ ученіемъ о необходимости брачной жизни. Онъ объявилъ на соборѣ, что „относительно бытія антихристова въ мірѣ, чувственно, или духовно“, онъ царствуетъ, спорить объ этомъ дѣло излишнее, такъ какъ предметъ этотъ „не до вѣры принадлежитъ“ (1). Этимъ маневромъ давалась покровцамъ возможность выдти изъ неловкаго положенія, въ какое поставили ихъ ѳедосѣевцы напоминаніемъ о царствѣ антихриста. „Положимъ, стали говорить поморцы, ободренные словами Емельянова, что антихристъ уже царствуетъ въ мірѣ; но ничѣмъ нельзя доказать, чтобы онъ царствовалъ „чувственно“, (какъ старались доказать это ѳедосѣевцы, и нѣкоторые даже изъ поморцевъ) (2). Напротивъ, судя по тому, что „нынѣ есть время благопріятно, время свободы, а не принужденія и тѣсноты“, что „нынѣ слово Божіе не вяжется“ и истинные христіане (т. е. раскольники) не преслѣдуются, можно думать, что сынъ погибели владычествуетъ въ мірѣ только духовно,—заражая тлетворнымъ ядомъ ересей тѣхъ, кои покоряются ему. А если такъ, то нѣтъ никакого основанія отвергать брачную жизнь, такъ-какъ, по слову Божію и ученію отцевъ, будетъ горе непраздным и доящимъ только во время чувственнаго царствованія человѣка беззаконія, когда послѣдователи Христа будутъ испытывать всевозможныя скорби (3), чего нынѣ нѣтъ“. Что же касается словъ апостола, которыми Ковылинъ хотѣлъ доказать, что въ послѣднія времена міра не можетъ быть брака, и что даже имѣющіе женъ должны вести себя такъ, какъ бы не имѣли ихъ,

(1) Сборн. для истор. стар. Попова т. II, вып. V, прилож. стр. 79.

(2) Тамъ же, стр. 78.

(3) Мѳ. XXIV 3 — 41; Иппол. въ сл. въ нед. масоп. Соборн. л. 130. 133—4.

то покровцы замѣчали, что „разумъ словъ святаго апостола“ совершенно другой. „Божественный апостолъ, говорилъ Заяцевскій, пишетъ о бракахъ, ежели кто оженится, или посягнетъ дѣва, то не согрѣшитъ: но скорбь плоти имѣти будутъ таковіи; зрите внимательно, скорбь плоти, а не души имѣти будутъ. Какая же скорбь плоти будетъ? Таковая скорбь—мужу, какъ промыслити пищу и одѣяніе себѣ,—женѣ, како угодити мужу: иначе, егда по Божію благословенію зачнется во утробѣ младенецъ, тогда скорбь и болѣзнь излишняя; когда же приспѣетъ время родити младенца, тогда не только скорбь и болѣзнь, но и самый страхъ смерти объемлетъ. По рожденіи же скорбь о воспитаніи чадъ и попеченіе о содержаніи дома и прочая многая. То великій апостолъ, щадя отъ таковыхъ прискорбностей, и объявляетъ, что время жизни нашея прекращенно, и когда приближится человѣкъ къ концу своея жизни, тогда все, что въ мірѣ семъ является весело, красно и прелестно, преходитъ, т. е. премѣняется на иную жизнь, конца неимущую, или въ радость, или въ муку вѣчную. Тако бо преходитъ образъ міра сего. Сіе есть апостольское ученіе въ сущемъ, истинномъ смыслѣ; а чтобы законныхъ женъ вмѣнять, яко не законныхъ, таковаго неизвѣстнаго толкованія гдѣ обрѣсти, въ какой книгѣ, или въ переносномъ смыслѣ и какимъ разумомъ, явно не показуется“. Указавъ за тѣмъ на толкованіе словъ апостола св. Златоустомъ, Заяцевскій продолжалъ: „отъ сихъ божественнаго Златоуста словесъ коль свѣтло познавается апостольское ученіе: что есть—имуще жены, яко не имуще. Ибо симъ не бракъ расторгаетъ и женъ законныхъ не яко блудницъ вмѣняетъ, но кто по Бозѣ жительствуетъ и о души попеченіе имѣетъ, аще и съ женою живетъ и чадъ рождаетъ и женѣ должную любовь воздаетъ, но не паче Бога оную предпочитаетъ, той, имѣя

жену, яко не имѣетъ. И по сему оное неизвѣстно откуду взятое толкованіе (къ опроверженію законнаго православно-христіанскаго брака), аще отъ кого по неразумію, то можетъ быть простительно; аще ли съ намѣреніемъ, ради показанія своего велеглаголанія и снисканія чести, или чего ради инаго, то можетъ послужить къ приведенію многихъ неразсудныхъ въ великую слабость и неудержанное скотоподобное дѣяніе мерзкихъ, скотскихъ сладострастій, что́ есть противно Создателю нашему Господу Богу, душамъ ходатайствующее вѣчную погибель. Того ради таковое ученіе, яко не утверждающее, но паче разслабляющее, некрѣпкіе умы, яко неимѣющееся у святыхъ богопрославляемыхъ пастырей и учителей, и мы оное пріимати не должны, но потщимся содержати то, чему научаютъ насъ святіи Божіи угодники, и притомъ имѣть истинное разумѣніе и разсужденіе, которое есть выше многихъ добродѣтелей“ (1). Мы не знаемъ, какое впечатлѣніе произвели на ѳедосѣевцевъ эти разсужденія поморцевъ, но извѣстно, что и послѣ этого собора преображенцы по прежнему продолжали проповѣдывать безбрачіе, а покровцы—небходимость брачной жизни.

Впрочемъ долгъ справедливости требуетъ сказать, что хотя послѣдователи Покровской часовни, послѣ собесѣдованія съ ѳедосѣевцами объ антихристѣ, не оставили своего ученія о необходимости брачной жизни, тѣмъ не менѣе вопросъ, — возможна ли брачная жизнь въ царство человѣка беззаконія, продолжалъ смущать нѣкоторыхъ изъ нихъ до того, что они оставляли Покровскую часовню и переходили на сторону ѳедосѣевцевъ (2). Поэтому нужно было разсмотрѣть этотъ вопросъ обстоятельно,—на основаніи не однихъ соображеній ума, но и „отъ божественнаго

(1) Сборн. библ. пок. м. Григорія № 154, л. 251—4.
(2) Катал. Любоп. стр. 142.

писанія". При множествѣ въ средѣ поморцевъ умныхъ людей, дѣло это не представляло особеннаго затрудненія. И вотъ въ скоромъ времени являются у поморцевъ сочиненія, въ которыхъ авторы ихъ, не отвергая мысли о томъ, будто нынѣ—уже послѣднія времена міра, со всею очевидностію доказываютъ, что, по слову Божію и ученію отцевъ и учителей церкви, браки будутъ существовать въ человѣческомъ родѣ и въ царство антихриста—до самой кончины міра, и что противоположное мнѣніе не согласно „ни съ откровеніемъ, ни съ природою и ни съ которымъ правовѣрнымъ учителемъ, ниже съ православною церковію". Изъ многихъ „резоновъ", которыми покровцы доказывали вѣчное—до кончины міра—существованіе брака въ человѣческомъ родѣ, укажемъ слѣдующіе, болѣе другихъ ясные и основательные: „Христосъ Спаситель сказалъ: якоже бысть состояніе человѣческаго рода во дни праведнаго Ноя и блаженнаго Лота: женяхуся, посягаху... тако будетъ сіе и въ пришествіе второе Сына человѣческаго (Мѳ. XXIV, 38). Но въ тогдашнія времена благословенное супружество въ священныхъ патріархахъ и въ тысячахъ израильтянъ въ громкой славѣ разцвѣтало. Слѣдовательно и нынѣ оное въ истинныхъ христіанахъ непремѣнно должно существовать. Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ: горе непраздным и доящимъ въ тыя (антихритовы) дни (Мѳ. XXIV, 19). Онъ сіе глаголетъ для того единственно, дабы оказать свое по человѣколюбію отеческое состраданіе къ утѣсненному человѣчеству бѣдственными обстоятельствами будущихъ временъ. Но если жъ въ сихъ священныхъ словахъ допустить мнѣніе тѣхъ раввиновъ, которые уничтожаютъ нынѣ существующіе законные браки; то слѣдуетъ имъ сіе мѣсто переиначить на свой грубый толкъ. Или-бъ выражено было оное тако: горе за непраздность и доянiе; то-бъ по справед-

ливости сказать — на ихъ сторонѣ сей тріумфъ. А отъ сего ясно видно, что законо-священныя супружества нынѣ въ сущихъ христіанахъ должны непремѣнно быть. Св. Ипполитъ, описывая антихристовы времена, говоритъ: блудове и прелюбодѣйства землю исполнятъ (Сборн. нед. мясоп. гл. 3, л. 122). Но прелюбодѣйство всегда бываетъ въ той церкве, гдѣ есть законныя супружества. Творецъ Большаго катихизиса, описывая примѣты предъ суднымъ днемъ, между прочимъ и сіе предсказаніе помѣстилъ, что въ тогдашнія времена христіане возлюбятъ бракъ безчинный, якоже во время Ноя прежде потопа (глав. 23, знам. 14). А отъ сего положенія открывается, что въ православно-христіанскихъ церквахъ брачные союзы господствовать тогда будутъ: потому что безчинный бракъ быть тамъ не можетъ, гдѣ нѣтъ правильныхъ супружествъ. Св. (блаженный) Ѳеофилактъ, разсматривая угнетенія Іерусалима, и послѣ того о будущемъ пришествіи, сравнивая подобіемъ, говоритъ: „въ какомъ состояніи находился еврейскій родъ при Веспасіанѣ и Титѣ римскомъ: точно такое-жъ будетъ время и предъ суднымъ днемъ“ (Благов. гл. 31, л. 190). Но во время іерусалимскаго разоренія у жидовъ были тысячи законныхъ браковъ. Многіе древніе мужи сравниваютъ первые христіанскіе вѣка съ тѣми, которые будутъ существовать при самомъ преставленіи міра (книг. о прав. вѣр. гл. 2, л. 30). Но въ тогдашнія времена брачные союзы разцвѣтали. Василій В., вникая въ силу творческихъ словъ: „растителся и множитеся“ и утверждая оное повелѣніе непрерывнымъ быть до переворота всего міра, вопіетъ: „представьте въ умѣ своемъ глаголъ Божій, по всѣмъ тварямъ текущій, который тогда началъ и даже до нынѣ дѣйствуетъ и до конца продолжится, дондеже скончается міръ“ (Шестонд. бес. 9). Кириллова книга, описывая нѣкоторые знаки предъ самымъ суднымъ

днемъ, говоритъ: „аще и въ работѣ у жерновъ *мужъ*, или *жена*, хотя и *дѣти* имаши и у жерновъ работаеши,— не презритъ Богъ тебе, и будешь взятъ ангелами на небо“ (1). Всѣ эти „резоны“, по словамъ поморцевъ, ясно подтверждаютъ ту мысль, что „законные браки въ христіанствѣ есть и должны быть до кончины міра“ (2), и что утверждать противное мнѣніе значитъ „доказывать, что умноженіе людей и соблюденіе рода человѣческаго Богъ отмѣнилъ, рождать запретилъ, воспитывать чадъ для небеснаго царствія отказалъ, законнымъ чадородіемъ составлять исполненіе церковное отрѣшилъ, признавать бракъ предохранительнымъ средствомъ отъ любодѣянія оставилъ, жену помощницею мужу не числитъ,“ значитъ далѣе думать, что „Христосъ Спаситель, св. Василій Великій, Ѳеофилактъ и прочіе многіе, опредѣлившіе кончину брака быти въ самомъ скончаніи всего тлѣннаго міра, по своимъ таковымъ заключеніямъ, оказались неосновательны и ложны“ (3). И дѣйствительно, разсматривая изложенныя нами соображенія Любопытнаго о существованіи брака даже въ царство антихриста—до самой кончины міра, нельзя не согласиться, что сказать что-либо противъ нихъ болѣе, чѣмъ трудно. Если же мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что Любопытный основывалъ свои соображенія исключительно на словѣ Божіемъ, на ученіи отцевъ и свидѣтельствахъ тѣхъ самыхъ книгъ, которыя пользуются у всѣхъ раскольниковъ непререкаемымъ авторитетомъ, какъ книги „богодухновенныя“,—таковы: большой катихизисъ, книга Кириллова, книга о вѣрѣ и др.; то поймемъ,

---

(1) Кн. Кирилл. гл. 6, л. 58; словъ: „и будешь взятъ на небо“ нѣтъ въ Кириллицѣ.

(2) „Брачное врачество“, соч. Павла Любопытнаго, см. его Катал. стр. 101, № 416; снес. описан. раск. сочин. А. Б. ч. II, стр. 308—310.

(3) „Защищеніе церковнаго цѣломудрія“, — рукоп. публ. библ. № 33, л. 309 и 316.

въ какое безвыходное положеніе ставились его „резонами“ ѳедосѣевцы, думавшіе защитить свое безбрачіе указаніемъ на послѣднія времена міра. Всѣ возраженія ихъ противъ безсвященнословныхъ браковъ были уже, какъ мы видѣли, опровергнуты поморцами. Теперь самымъ очевиднымъ образомъ была доказана ложность и той ихъ мысли, будто въ царство антихриста браки—невозможны. Что оставалось послѣ этого дѣлать бракоборцамъ?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Продолженіе споровъ Ковылина съ поморцами Покровской часовни изъза вопроса о бракѣ; Ковылинъ, не надѣясь одолѣть своихъ противниковъ путемъ литературной полемики, начинаетъ разными способами преслѣдовать покровцевъ—съ цѣлію заставить ихъ, по крайней мѣрѣ силою, склониться на сторону ѳедосѣевскаго безбрачія; поморцы не измѣняютъ своему ученію о необходимости брака, но смиряются предъ грознымъ строителемъ Преображенскаго кладбища и просятъ его о мирѣ; собранія ѳедосѣевцевъ и поморцевъ на Преображенскомъ кладбищѣ для разсужденій о бракѣ; поведеніе Ковылина на этихъ собраніяхъ; результатъ ихъ; полученіе поморцами отъ Ковылина «экстракта», содержавшаго въ себѣ сводъ мнѣній о бракѣ ѳедосѣевцевъ Преображенскаго кладбища; отвѣтъ на «экстрактъ» поморцевъ и уклоненіе Ковылина отъ принятія его; дерзкій поступокъ Ковылина съ однимъ изъ поморцевъ, заставившій послѣднихъ прервать съ Преображенскимъ кладбищемъ всякія сношенія и объявить объ этомъ всѣмъ своимъ единовѣрцамъ; соборъ ѳедосѣевцевъ на Преображенскомъ кладбищѣ,—бывшій 25 февраля 1809 года; постановленія этого собора; снисходительность Ковылина къ такъ называемымъ стараженамъ; причина этого: отступленія многихъ иногородныхъ ѳедосѣевскихъ общинъ отъ устава Преображенскаго кладбища о всеобщемъ безбрачіи; недоумѣнія, возникшія въ разныхъ ѳедосѣевскихъ общинахъ, изъ-за опредѣленій московскаго собора 25 февраля 1809 года; неловкое по этому поводу положеніе Ковылина и смерть его; формы брачныхъ сопряженій ѳедосѣевскихъ, существовавшихъ при Ковылинѣ, независимо отъ браковъ, заключавшихся по обрядамъ Покровской часовни; причины, по которымъ одни изъ ѳедосѣевцевъ вѣнчались въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, другіе вступали въ сожитія съ избранными ими женщинами безъ всякаго молитвословія, по одному взаимному согласію между собою; тѣже виды новоженства въ поморскомъ расколѣ; причины этого: новость ученія Покровской часовни о правильности безсвященнословныхъ браковъ и—особенно — непризнаніе законными внѣ-церковныхъ раскольничьихъ браковъ властію, какъ церковною, такъ и свѣтскою.

Видя, что литературная борьба съ покровцами, имѣвшими на своей сторонѣ преимущество знанія и ума, умѣнья вести полемику и честности и искренности убѣжденій, не

можетъ вести ни къ чему другому, кромѣ окончательнаго пораженія ѳедосѣевцевъ, Ковылинъ оставилъ теорію и обратился къ практикѣ, надѣясь одолѣть поморцевъ на этомъ пути. На мысль о подобной тактикѣ указывало Ковылину и то обстоятельство, что въ это время Василья Емельянова,—главы покровской общины, — пользовавшагося за свою строгую жизнь общимъ уваженіемъ не только поморцевъ, но и ѳедосѣевцевъ, уже не было въ живыхъ (ум. 1797 г.). Значитъ, думалъ гордый строитель Преображенскаго кладбища, теперь „ндраву моему“ никто не осмѣлится препятствовать,—можно и „побезобразничать“ (1).

И вотъ начинается со стороны „общаго и отличнаго покровителя всѣхъ церквей (т. е. толковъ) старовѣрчества“, какъ величаетъ Ковылина Любопытный, рядъ преслѣдованій покровцевъ,—преслѣдованій гнусныхъ, на которыя можетъ быть способенъ только разбогатѣвшій и разтолстѣвшій купецъ—невѣжа и фанатикъ,—и которыя до глубины души возмущаютъ каждаго честнаго человѣка. Дѣло въ томъ, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, у безпоповцевъ московскихъ было одно только кладбище для погребенія умершихъ, — и именно — на Преображенскомъ кладбищѣ, которымъ, какъ извѣстно, деспотически и безконтрольно распоряжался Ковылинъ. На этомъ кладбищѣ, съ разрѣшенія полиціи, хоронили своихъ покойниковъ и поморцы. Ковылинъ, чтобы отмстить покровцамъ за по-

(1) Впрочемъ, по свидѣтельству „исторіи обновленія молитвеннаго храма въ Москвѣ, въ покровской улицѣ“ (рукоп. публ. библ. № 28), Ковылинъ позволялъ себѣ иногда безобразные поступки даже въ отношеніи къ Емельянову. „Призвалъ Ковылинъ къ себѣ въ домъ, читаемъ въ „исторіи“ (л. 4), на словѣ Божіи опочивающаго Василія Емельяновича, гдѣ сей рабъ Божій сего Ковылина уста словомъ Божіимъ связа и молчати того устрои и его ученіе, еже съ писаніемъ несогласное, сокруши. Коего ради обличенія, яко вторый Иродъ возмятеся о словесѣ истины, ударилъ истину глаголющаго по лицу своею рукою; но Христова смиренія подражатель рече: друже, аще дана ти десная рука на сіе, бій мя грѣшнаго человѣка. Но злѣйшій нравы, яко ирканъ зинувъ усты своими, увѣдите, рече, отсюду сего адскаго сына“.

раженіе, нанесенное ими ѳедосѣевцамъ въ литературной полемикѣ по вопросу о бракѣ, и силою заставить защитниковъ брачной жизни отказаться отъ ученія, такъ очевидно доказавшаго несостоятельность его проповѣди о всеобщемъ безбрачіи, рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и сталъ затруднять поморцамъ доступъ на кладбище. „Не пущу, объявилъ онъ имъ, васъ, сатанинскія дѣти, на кладбище“, доколѣ вы не „перестаните жениться и не подпишитесь не жить съ женами, и ребятъ не будете родить, и во всемъ съ нами не будете согласны“. Покровцы думали сперва, что Илья Алексѣичъ шутитъ, или, по крайней мѣрѣ „не дѣло говоритъ“. Но скоро Ковылинъ на дѣлѣ показалъ, что, подъ вліяніемъ гнѣва и оскорбленнаго самолюбія, онъ способенъ на всякія мерзости. Доступъ на кладбище покровцамъ день ото-дня становился все труднѣе и труднѣе и, наконецъ, дѣло дошло до того, что, по выраженію „дружескихъ извѣстій“ (1), „отъ кладбища къ похороненію усопшихъ тѣлъ имъ было отказано“ совершенно. Не церемонясь много, Ковылинъ „приказалъ на кладбищѣ сторожамъ, чтобы изъ Покровской часовни поморскаго согласія христіанъ на кладбище не пускать покойниковъ хоронить, что, съ горестію говоритъ писатель „исторіи обновленія молитвеннаго храма въ Москвѣ въ покровской улицѣ“, и было выполняемо долгое время“. Можно вообразить себѣ нравственныя мученія поморцевъ, лишенныхъ такимъ поступкомъ Ковылина возможности посѣщать могилы своихъ родственниковъ и пѣть по нимъ панихиды, а главное — вынужденныхъ теперь хоронить своихъ мертвецовъ на „мірскихъ кладбищахъ“ и, разумѣется, „кромѣ подобающаго надгробнаго пѣнія и кажденія ѳиміама“,—такъ какъ погребеніе съ подобной обстановкой было бы признано „публичнымъ ока-

(1) Они напечатаны въ Прав. Обозр. за 1863 г. т. XI, стр. 216—234.

зательствомъ раскола", что всегда строго преслѣдовалось нашимъ законодательствомъ. Чтобы помочь горю, покровцы дважды нанимали въ разныхъ мѣстахъ землю подъ кладбище; но богатый Ковылинъ, „слѣдуя оному веліару, иже рать творяше со святыми", каждый разъ „отбивалъ ее" у поморцевъ. Тогда покровцы обратились съ жалобой на Ковылина къ „градоначальствующему и въ управу благочинія, на что послѣдовалъ господину частному приставу приказъ—допустить просителей къ хороненію усопшихъ на Преображенское старообрядческое кладбище". Но что значилъ „частный приставъ" для человѣка, у котораго бывать въ гостяхъ за честь поставляли сами градоначальствующіе? Если же полиція иногда приказывала Ковылину допустить покровцевъ на кладбище, — онъ прибѣгалъ къ другому роду мщенія мнимымъ врагамъ своимъ, и именно: приказывалъ, „чтобъ когда ихъ стада и единъ козелъ будетъ на кладбищѣ, тобъ поморскаго согласія надъ усопшимъ не смѣли пѣть надгробнаго", и кромѣ того приказывалъ отводить поморцамъ для погребенія умершихъ самыя неудобныя мѣста на кладбищѣ. Такъ, „егда скончавшуся рабу Божію Евстратію Ѳедоровичу (1), тогда Илья (Ковылинъ) велехитрый пріѣзжаетъ въ частный домъ въ чаяніи таковомъ, чтобъ удержать похороны до пятаго дня и болѣе". Когда же эта попытка не удалась, то „егда покойнаго тѣло было принесено, Ковылинъ съ наушникомъ своимъ Иваномъ Ѳедотовымъ скакаша по кладбищу въ ресорныхъ дрожкахъ, глядя на дѣло своего злострастія, и подъѣхавъ сказали (покровцамъ, горевавшимъ о потерѣ одного изъ самыхъ уважаемыхъ членовъ поморской общины): вотъ вамъ мѣсто спокойно, точію тѣло на водѣ

(1) А не Ѳедосѣевичу, какъ сказано у г. Надеждина (см. Споры безпоповц. Преобр. кладб. и Покр. час. о бракѣ, стр. 54). Евстратъ Ѳедоровичъ былъ сотрудникомъ Василья Емельянова въ защитѣ брачной жизни (Истор. извѣщ о безпр. продол. закон. брака въ старов. л. 15).

положено будетъ". Но и это еще не все: желая силой заставить поморцевъ смириться предъ „гордымъ патріархомъ ѳедосіанской церкви", а слѣдовательно и предъ его требованіемъ—оставить ученіе о необходимости брачной жизни, Ковылинъ рѣшился на немыслимый для набожныхъ раскольниковъ—кощунственный поступокъ: „поревновавъ гордостному дракону", онъ „съ могилъ покровскаго согласія памятники собралъ и землею оныя сравнялъ, камни истесавъ, а кресты древяные въ дрова употребилъ". Послѣ такого поступка Ильи Алексѣича, поморцамъ, знавшимъ интимныя отношенія Ковылина къ властямъ, потворствовавшимъ хлѣбосольному богачу, дѣйствительно не оставалось ничего болѣе, какъ смириться предъ „отличнымъ бракоборцемъ" и употребить всѣ средства къ примиренію съ такимъ сильнымъ и неразборчивымъ въ средствахъ мщенія врагомъ своимъ. И вотъ, не смотря на то, что покровцы, глубоко оскорбленные поступками Ковылина, въ душѣ искренно презирали этого „потатчика блудной жизни", они пишутъ ему посланіе за посланіемъ, въ которыхъ, оставивъ въ сторонѣ „обличеніе ѳедосѣевскихъ заблужденій", просятъ Илью Алексѣича объ одномъ—„прекратить взаимныя разномыслія, распространить общую святую любовь и возстановить многомѣстное спокойствіе" между обоими толками. Обрадовался Ковылинъ такой перемѣнѣ въ покровцахъ и уже мечталъ о совершенной побѣдѣ надъ ними. Но, какъ показали послѣдствія, Илья Алексѣичъ жестоко ошибался, считая примирительный тонъ посланій поморцевъ за начало уступокъ съ ихъ стороны въ пользу ѳедосѣевскаго безбрачія. Покровцамъ нужно было мѣсто для погребенія покойниковъ; съ цѣлію пріобрѣсть безпрепятственный доступъ на Преображенское кладбище, они и хлопотали о примиреніи съ „его хозяиномъ", какъ величали Ковылина ѳедосѣевцы. Что же ка-

сается вопроса о бракѣ, то поморцы, какъ ниже будетъ видно, не допускали и мысли о какой-либо уступкѣ ѳедосѣевцамъ въ этомъ отношеніи; напротивъ втайнѣ они и теперь ласкали себя надеждой убѣдить самаго Ковылина и его послѣдователей въ справедливости ученія о необходимости брачной жизни. Какъ бы, впрочемъ, ни было, только Ковылинъ, мечтавшій о подчиненіи своему кладбищу всѣхъ безпоповцевъ, видя теперь готовность со стороны покровцевъ примириться съ ѳедосѣевцами, первый рѣшился начать дѣло объ „уничтоженіи взаимныхъ разгласій и о возстановленіи многомѣстнаго спокойствія“. Съ этою цѣлію онъ избираетъ въ 1807 г. изъ среды своихъ приверженцевъ „нѣкоего казанскаго стрѣльца Михаила“ и приказываетъ ему, сдѣлавъ изъ написанныхъ поморцами сочиненій въ пользу брака „экстрактъ“ главныхъ положеній, написать на нихъ опроверженіе. Когда „экстрактъ“ былъ готовъ, Ковылинъ для выслушанія его созываетъ 10-го марта на Преображенское кладбище ѳедосѣевцевъ и покровцевъ. Послѣдніе, увѣренные въ неопровержимости своего ученія, были рады „собору“, на который приглашалъ ихъ Ковылинъ: но при самомъ же началѣ соборныхъ разсужденій увидѣли, что Илья Алексѣичъ, требуя отъ нихъ уступокъ въ пользу ѳедосѣевскаго безбрачія, самъ вовсе не расположенъ дѣлать какія-либо уступки въ пользу поморскаго брака, и что, слѣдовательно, миръ съ такимъ человѣкомъ невозможенъ. Ковылинъ такъ началъ рѣчь свою къ собравшимся покровцамъ: „когда вы перестанете жениться и подпишетесь не жить съ женами; и ребятъ не будете родить, и во всемъ съ нами будете согласны“? Когда же на такой безцеремонный вопросъ купецъ Заикинъ замѣтилъ „отличному бракоборцу“, что онъ „не дѣло говоритъ“, Ковылинъ въ гнѣвѣ сталъ кричать на Заикина, приказывая ему молчать; а когда поморцы

напомнили Ковылину, что они пришли на „соборъ“ не для того, чтобы слушать его ругательства, но для выслушанія тѣхъ возраженій, какія приготовили ѳедосѣевцы противъ ихъ ученія о бракѣ, строитель Преображенскаго кладбища обратился къ нимъ съ новымъ вопросомъ: „коими словами св. евхаристія въ тѣло и кровь Христа Бога нашего пресуществляется“? Какъ связывался въ головѣ Ковылина этотъ вопросъ съ вопросомъ о бракѣ, трудно сказать; быть можетъ, „патріархъ ѳедосіанской церкви“ хотѣлъ испытать, на сколько свѣдущи покровцы въ „божественномъ писаніи“, чтобы знать, какъ вести съ ними дѣло. „Знаемъ“, отвѣчали поморцы, и „писаніемъ“ доказали, что говорили правду. „Тогда, по свидѣтельству одного поморца, Ковылина голова была весьма красна, лице же его, яко огневицею, горяше. Онъ приказалъ подать себѣ кружку квасу, коимъ утоляя жаръ своей злобы, глоталъ помаленьку квасъ въ гортань свою“. Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, Ковылинъ сталъ читать „экстрактъ“, въ которомъ, на взглядъ поморцевъ, было много несправедливаго. Они стали-было возражать, но Ковылинъ, произнесши свое обычное: „молчать“, приказалъ своимъ подчиненнымъ отобрать отъ поморцевъ подписку въ томъ, что они отказываются отъ брака. Разумѣется, покровцы не только не дали такого обязательства, а напротивъ стали доказывать словами апостола, что бракъ честенъ и ложе нескверно. Противъ такого яснаго свидѣтельства св. писанія въ пользу брака, нѣкоторые изъ ѳедосѣевцевъ замѣтили, что „теперь уже времена стали не тѣ, апостоловъ нѣтъ, и писанія ихъ не имѣютъ силы неопровержимаго авторитета“, а другіе, болѣе фанатичные и невѣжественные, кричали поморцамъ, что „лучше со ста животными смѣситися, нежели законнымъ бракомъ одну жену имѣть“. Слыша такія циническія выраженія, по-

кровцы сочли за лучшее оставить собраніе такихъ „буцефаловъ“ и разойтись по домамъ.

Спустя „единъ мѣсяцъ и десять дней, паки Ковылинъ мятется, паки пяты ногъ своихъ движетъ и мужіе хухнатели брака въ свой домъ приглашаетъ“. О чемъ совѣтывался Илья Алексѣичъ съ своими приближенными, мы не знаемъ; только вскорѣ послѣ этого покровцы получаютъ отъ него новое приглашеніе явиться на Преображенское кладбище, для выслушанія будто бы новаго „экстракта“. Желая, во что бы то ни стало, покончить давній споръ съ ѳедосѣевцами, чтобы избавиться отъ ихъ грубыхъ и глупыхъ преслѣдованій, поморцы явились въ этотъ разъ на Преображенское кладбище въ самомъ миролюбивомъ настроеніи духа и, чтобы расположить къ такому же настроенію и Ковылина, подали ему „предварительное мнѣніе“ въ 8 пунктахъ, написанное въ духѣ мира и любви, въ которомъ высказали свой взглядъ на взаимныя разногласія и на способъ къ ихъ уничтоженію. Вотъ что писали поморцы въ этомъ „мнѣніи“: „въ сообразность истины и православно-христіанской любви, христіанъ, именуемыхъ ѳедосѣевыхъ, по содержащемуся въ нихъ правовѣрному сумволу и по соблюденію ими свято-церковныхъ догматовъ, именуемъ быти православными христіанами. А что между нами съ ними имѣющіяся несогласія о моленіи за внѣшнихъ властей и о совершенствѣ законнаго брака, такъ какъ не по отвращенію ихъ объ ономъ къ святымъ законамъ, но по ревности и по опасности принять состоящее во образѣ, яко бы непозволенномъ, то по симъ причинамъ еретиками, или раскольниками, не именуемъ. Когда не по отвращенію къ искомымъ истинамъ они производятъ несогласія, то, до всеобщаго и рѣшительнаго разбирательства всѣхъ между нами противообразныхъ доказательствъ и сужденій, дѣйствуемыя ими нынѣ по надлежащему образу

тайны—крещеніе и покаяніе пріемлемъ за святыя и спасительныя. Всѣхъ отъ нихъ, несогласныхъ бывшихъ съ нами по вышеозначеннымъ причинамъ и скончавшихся, именуемъ быти правовѣрными и о упокоеніи ихъ душъ Господу Богу молимся. А притомъ, ежели имъ заблагоразсудится прекратить и уничтожить надлежащимъ и благопристойнымъ образомъ продолжающіяся между нами съ обоихъ сторонъ несогласія и составить миръ, то всеусердно желаемъ. И ежели, по всѣмъ свято-церковнымъ законамъ и по здраворазсуднымъ обстоятельствамъ, въ ихъ мнѣніяхъ о искомыхъ вещахъ когда откроется истина, то, безъ всякаго сомнѣнія, ее принять согласимся. Отъ самаго начала ихъ съ нами несогласій по настоящее сіе время отъ кого-либо изъ нашихъ произведенныя какія о спорныхъ вещахъ оправдательныя сочиненія, то до подробнаго ихъ общимъ совѣтомъ разсмотрѣнія опредѣлить неправомудрствующими смѣлости не имѣемъ. А оказавшіяся въ оныхъ сочиненіяхъ нѣкоторыя нескромности и дерзкія наименованія мы не одобряемъ. А совѣтъ составить о разсматриваніи оныхъ сочиненій—слѣдуетъ избрать, опредѣлить и уполномочить съ каждой стороны не меньше по 7 человѣкъ къ сему способныхъ и надежныхъ, и ежели при томъ случатся быть какіе слушатели, то онымъ быть дозволить, и въ чемъ они будутъ къ тому принадлежащихъ спрашивать, то имъ объявлять со всякою благопристойностію и здравымъ разсужденіемъ“. Здѣсь высказано поморцами такъ много лестнаго для ѳедосѣевцевъ, что, казалось бы, Ковылину оставалось только принять тѣ условія для рѣшенія спора, которыя предлагали покровцы. И однако же онъ назвалъ „мнѣніе“ поморцевъ „приказными крючками“ и требовалъ только чтенія „экстракта“. Чтеніе началось и поморцы увидѣли, что, вопреки обѣщанію Ковылина, „экстрактъ“ читался не новый, а тотъ же самый, который

былъ признанъ ими несправедливымъ еще на первомъ собраніи. Разумѣется, поморцы замѣтили это Ковылину; но онъ, вмѣсто всякаго объясненія, поднялъ руки и, указывая на постройки Преображенскаго кладбища, обратился къ покровцамъ съ слѣдующими грозными словами: „видите сіи стѣны, не моего-ли сіи строенія? Вамъ-ли со мною говорить? Я васъ въ такое мѣсто упеку, въ которомъ во вѣкъ свой стонать будете... И такъ, на семъ презентѣ, заключаетъ повѣствователь объ этомъ событіи, чтеніе прекратилось; строитель стѣнъ удалился съ собора и прочіе люди разошлись во своя домы“ (1).

Такимъ образомъ, и это собраніе ѳедосѣевцевъ и поморцевъ, для взаимнаго между ними примиренія, бывшее 21 апрѣля 1807 г., не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Одно только стало яснымъ теперь для покровцевъ—это то, что хлопотать о примиреніи съ „надмѣннымъ“ Ильею Алексѣичемъ значитъ напрасно тратить время. И поморцы, какъ будетъ видно далѣе, не ошибались въ своемъ взглядѣ на Ковылина.

23-го апрѣля 1807 г., въ „общественномъ Покровскомъ домѣ“, находившемся въ Москвѣ, въ нынѣшнемъ 2-мъ кварталѣ Лефортовской части, собралось нѣсколько человѣкъ почетныхъ и вліятельныхъ поморцевъ. Не смотря на хорошую погоду, располагавшую всѣхъ и каждаго къ благодушію, на лицахъ собравшихся замѣтна была какая-то тяжелая дума, видимо тяготившая представителей Покровской часовни. Прошло уже довольно времени, а между „ревнителями“ брачной жизни все еще продолжало царствовать суровое молчаніе. Вдругъ растворяются двери и

(1) Всѣ эти свѣдѣнія взяты нами изъ рукоп. публ. библ. по отд. бракоб. соч. № 28, ч. II, подъ заглавіемъ: „исторія о бывшемъ съ Иліею Алексѣевымъ Ковылинымъ разговорѣ поморскаго согласія христіанъ о произшедшемъ несогласномъ мнѣніи со стороны ѳедосіанъ, яко бы нынѣ кромѣ брака человѣческій родъ существо своего бытія долженъ имѣть“.

среди поморцевъ является нежданно-негаданно ѳедосѣевецъ,—и притомъ—человѣкъ, весьма близкій къ Ковылину. Не безъ смущенія отвѣчали покровцы на обычный привѣтъ вошедшаго. Припомнивъ грубую угрозу Ковылина, которою строитель Преображенскаго кладбища заключилъ, бывшее за день предъ тѣмъ, собраніе ѳедосѣевцевъ и поморцевъ и для обсужденія которой собрались теперь послѣдніе, Скочковъ и его товарищи не могли ожидать себѣ ничего хорошаго отъ внезапнаго посѣщенія ихъ общественнаго дома клевретомъ Ильи Алексѣича. Когда же вошедшій объявилъ, что Ковылинъ проситъ къ себѣ въ домъ „Евстратія Ѳедоровича и Максима Терентьевича“, поморцы пришли еще въ бо́льшее недоумѣніе. Отпустить къ „сильному въ злобѣ Ковылину“ своихъ почтенныхъ собратій, и притомъ спустя только одинъ день послѣ того, какъ Илья Алексѣичъ грозилъ „упечь“ всѣхъ покровцевъ въ такое мѣсто, куда воронъ костей не заноситъ, значило обрекать ихъ на всевозможныя и, быть можетъ, не совсѣмъ пріятныя случайности. Оставить же приглашеніе Ильи Алексѣича безъ вниманія значило еще болѣе разгнѣвать друга „владыкъ міра“ и вооружить его противъ всѣхъ членовъ Покровской часовни. Что оставалось дѣлать? Поморцы рѣшились на первое и уговорили Евстратія Ѳедоровича и Максима Терентьевича отправиться въ домъ Ковылина, а сами остались въ „общественномъ домѣ“ ожидать ихъ возвращенія. Не веселы были покровцы и прежде прибытія къ нимъ посланнаго Ковылинымъ; теперь же они сдѣлались еще болѣе угрюмы и сосредоточенны. Вопросъ: на что рѣшился „отличный бракоборецъ“ и для чего онъ пригласилъ къ себѣ Евстратія Ѳедоровича и Максима Терентьевича,—занималъ теперь всѣхъ, и никто, на основаніи прошлаго, не могъ дать на него успокоительнаго отвѣта. За то трудно изобразить

радость поморцевъ, когда чрезъ нѣсколько часовъ возвратились къ нимъ посланные къ Ковылину здравы и невредимы и объявили, что Илья Алексѣичъ принялъ ихъ ласково и вручилъ имъ „за подписаніемъ своей руки экстрактъ“—съ тѣмъ, чтобы покровцы „дали на оный безпристрастное разсмотрѣніе“. И понятна эта радость поморцевъ. Съ полученіемъ ѳедосѣевскаго „экстракта“, у нихъ снова явилась надежда на примиреніе съ грознымъ Ковылинымъ, а главное—„разсмотрѣніе экстракта“ давало имъ случай разъ навсегда доказать ложность ѳедосѣевскаго ученія о всеобщемъ безбрачіи и — правильность безсвященнословныхъ браковъ Покровской часовни. „Экстрактъ“ былъ написанъ, избраннымъ изъ цѣлаго общества ѳедосѣевцевъ, человѣкомъ, котораго самъ Ковылинъ призналъ способнымъ на это дѣло; онъ былъ одобренъ всѣми московскими ѳедосѣевскими „книжными“ людьми, а потому дважды читался поморцамъ, какъ обличеніе ихъ мнимыхъ заблужденій касательно брака; наконецъ, теперь „экстрактъ“ былъ переданъ покровцамъ за собственноручнымъ подписомъ Ковылина, отъ имени „всѣхъ христіанъ Преображенскаго кладбища“, какъ послѣднее слово ихъ, въ пользу проповѣдуемаго ими безбрачія. По всѣмъ этимъ причинамъ, „экстрактъ“ имѣлъ значеніе не простаго ѳедосѣевскаго сочиненія, а составлялъ, такъ сказать, profession de foi преображенцевъ. Такъ и посмотрѣли на него поморцы. Не смотря на то, что и „выписки изъ сочиненій, объясняющихъ необходимость и принадлежность брака“, были „взяты въ экстрактѣ невѣрною копіею и превратностію словъ и смысла содержанія подлинныхъ книгъ“,— не смотря на то, что еще прежде на всѣ возраженія ѳедосѣевцевъ противъ брака были написаны поморцами самыя обстоятельныя опроверженія, покровцы занялись теперь разсмотрѣніемъ „экстракта“, или, по выраженію „друже-

скихъ извѣстій", „предложеній" ѳедосѣевскихъ, съ самымъ полнымъ вниманіемъ и писали на нихъ „объясненія и опроверженія" почти цѣлые полтора года (1). Медленность, съ какою писали покровцы свои „объясненія" на „предложенія" ѳедосѣевцевъ, можно объяснить еще и тѣмъ, что ѳедосѣевцы требовали отъ нихъ на „экстрактъ не только самыхъ рѣшительныхъ мыслей, но чтобы всѣ показанія были" даны, какъ бы „предъ самымъ Всевидящимъ Окомъ, во всемъ чисты, праведны и во святой истинѣ", т. е. требовали отъ поморцевъ также въ извѣстномъ смыслѣ „исповѣданія" ихъ вѣры. Къ 28-му сентября 1808 г. „объясненія" поморцевъ были уже готовы, и въ этотъ же день Никифоръ Петровъ, Савва Васильевъ и Гавріилъ Иларіоновъ Скочковъ, сдѣлавшійся по смерти Емельянова настоятелемъ Покровской часовни, посылаютъ на имя „Ильи Алексѣича (Ковылина), Сергѣя Яковлевича и Луки Терентьевича увѣдомленіе", въ которомъ извѣщаютъ ихъ о своемъ полномъ согласіи „къ прекращенію взаимныхъ разномыслій" и о томъ, что „объясненія" на присланныя ѳедосѣевцами „предложенія совсѣмъ готовы" и что „теперь остается только обще назначить къ сообщенію оныхъ" преображенцамъ „свободный день, способное мѣсто и надлежащій сему порядокъ". Но, зная изъ прежнихъ собесѣдованій съ ѳедосѣевцами нерасположенность Ковылина и подчиненныхъ ему „стариковъ" вести пренія о спорныхъ предметахъ чинно и благопристойно и же-

(1) Въ „дружескихъ извѣстіяхъ" (Прав. Обозр. 1863 г. т. II, стр. 217—234) сказано, что „предложенія" ѳедосѣевцевъ были доставлены поморцамъ 23-го апрѣля 1807 г., а о времени увѣдомленія о написаніи поморцами „объясненій" замѣчено только: 28 сентября 18... года; но въ „исторіи обновленія молитвеннаго храма въ Москвѣ въ покровской улицѣ" (Сборн. публ. библіот. № 473, рукоп. соч. подъ № 28) прямо сказано, что поморцы увѣдомили ѳедосѣевцевъ о написаніи своихъ „объясненій" въ сентябрѣ 1808 г. На ту же впрочемъ мысль невольно наводятъ и нѣкоторыя выраженія „дружескихъ извѣстій".

лая обезопасить себя отъ какихъ либо новыхъ, дикихъ выходокъ со стороны раздражительнаго и неумѣвшаго въ гнѣвѣ владѣть собою Ильи Алексѣича, покровцы, предоставляя преображенцамъ назначить мѣсто и день для будущаго „церковнаго дѣйствія“ между ними, съ своей стороны сочли нужнымъ указать порядокъ, какаго они желали бы держаться, при сообщеніи своихъ „объясненій“ ѳедосѣевцамъ. Съ этою цѣлію поморцы присоединяютъ къ „увѣдомленію“ цѣлый рядъ статей, въ которыхъ до мельчайшихъ подробностей опредѣляютъ условія, на которыхъ они соглашались вести дѣло взаимнаго обмѣна мыслей. Вотъ сущность этихъ условій: такъ какъ споръ о бракѣ шелъ главнымъ образомъ между поморцами и ѳедосѣевцами и „экстрактъ“, или „предложенія“, съ требованіемъ на нихъ „объясненій“, были присланы покровцамъ преображенцами, то, писали поморцы, и собраніе для передачи „объясненій“ должно состоять только изъ ѳедосѣевцевъ и покровцевъ. „Количество собранія, продолжали поморцы, не должно малостію ограничиться, поелику взаимныя противорѣчія, доселѣ въ насъ продолжавшіяся, коснулись весьма чувствительно цѣлыхъ обществъ нашихъ. А по сему и сіе дѣло имѣетъ отношеніе уже на цѣлыя наши общества, а не на нѣкоторыхъ токмо изъ оныхъ, то и надлежитъ оному составиться, колико отъ котораго сословія явятся къ сему расположительны и сколько позволитъ пространство покоя“. Впрочемъ поморцы соглашались допустить къ собранію и раскольниковъ другихъ толковъ, если бы захотѣли того ѳедосѣевцы. Что касается „самаго внутренняго круга собранія“, то покровцы требовали, чтобы онъ составился изъ „десяти предсѣдателей, отъ каждаго сословія по пяти человѣкъ, въ сіе званіе своими обществами удостоенныхъ“; всѣмъ прочимъ назначалась роль слушателей, которые обязывались

хранить „спокойствіе, тишину и скромность“, рискуя въ противномъ случаѣ быть выгнанными изъ собранія, —чему подвергался и каждый „предсѣдатель“, если бы онъ вздумалъ нарушить спокойствіе. Такъ какъ собраніе назначалось „не для словопренія, а единственно токмо для сообщенія“ ѳедосѣевцамъ „объясненій“, написанныхъ поморцами, то возраженія въ немъ не допускались, и все ограничивалось простымъ чтеніемъ „статей“, и притомъ не болѣе одного раза; только, въ случаѣ желанія котораго либо изъ предсѣдателей, позволялось „повтореніе“ той, или другой, статьи. „Объясненія“ поморцы предполагали вручить ѳедосѣевцамъ за подписью своихъ „предсѣдателей“, съ тѣмъ, чтобы въ полученіи ихъ дали росписки и всѣ „предсѣдатели“ ѳедосѣевскіе. Въ концѣ концевъ поморцы требовали, чтобы въ теченіе 15-ти дней со времени полученія „объясненій“ ѳедосѣевцы увѣдомили ихъ, согласны ли они съ „объясненіями“; въ случаѣ же несогласія, они обязывались „въ продолженіе 12-ти мѣсяцевъ“ представить на то „святозаконныя и надлежащія причины, хотя въ краткихъ словахъ“. Съ такими-то условіями, изложенными въ 20-ти статьяхъ, отправили поморцы свое „увѣдомленіе“ ѳедосѣевцамъ о томъ, что „объясненія“ ихъ готовы. Увѣдомленіе было послано съ Лаврентіемъ Ѳедотовымъ, который и вручилъ его Сергѣю Яковлеву. И хотя поморцы просили ѳедосѣевцевъ доставить имъ въ полученіи „увѣдомленія записку, съ означеніемъ получателя, года, мѣсяца и числа“; но Сергѣй Яковлевъ такой записки дать не „соблаговолилъ“. Какъ же приняли „увѣдомленіе“ покровцевъ ѳедосѣевцы и согласились ли они на общее „собраніе“ въ томъ порядкѣ, въ какомъ предлагали его поморцы?

Еще прежде, чѣмъ успѣли поморцы написать свои „объясненія“ на „предложенія“ ѳедосѣевцевъ и увѣдомить

объ этомъ преображенцевъ, Ковылинъ понялъ свою ошибку, которую онъ допустилъ, передавъ покровцамъ „за собственно-ручнымъ подписомъ экстрактъ“ ѳедосѣевскій для „разсмотрѣнія“. Какъ ни упрямъ былъ Илья Алексѣевичъ въ своихъ мнѣніяхъ, какъ ни старался онъ показывать всѣмъ и каждому увѣренность свою въ справедливости проповѣдуемаго имъ безбрачія, но въ совѣсти онъ не могъ не сознаться, что въ ученіи поморцевъ о бракѣ много правды; не могъ онъ, по крайней мѣрѣ, забыть того, что при прежнихъ преніяхъ съ покровцами если и оставалась побѣда за ѳедосѣевцами, то побѣда не истины надъ ложью, не ума надъ невѣжествомъ, а побѣда грубой силы бракоборцевъ надъ деликатностію защитниковъ брачной жизни. Расчитывать теперь на силу и ею побѣждать поморцевъ было невозможно. Споръ изъ области личныхъ преній, состоявшихъ, какъ мы видѣли, со стороны ѳедосѣевцевъ въ крикахъ, брани и разнаго рода дикихъ выходкахъ, переносился теперь въ область литературной полемики, не допускающей кулачной расправы, и притомъ обставлялся такою торжественностію и гласностію, что побѣда той, или другой, стороны должна была „чувствительно“ коснуться цѣлыхъ обществъ спорившихъ. Успокоивать же себя тѣмъ, что покровцы не найдутся что сказать противъ ѳедосѣевскаго „экстракта“, значило предаваться мечтамъ, которыя были не по лѣтамъ для семидесятипятилѣтняго Ковылина; поморцы не разъ уже доказали, что въ литературной полемикѣ они не имѣли себѣ соперниковъ. Соображая все это, мы рѣшительно не можемъ объяснить себѣ, какъ практически — умный Ковылинъ рѣшился обратиться для рѣшенія спорнаго предмета къ такой мѣрѣ, которая не обѣщала ничего, кромѣ пораженія, и притомъ гласнаго, торжественнаго, окончательнаго. Правда, Илья Алексѣевичъ былъ, по выраженію Любопытнаго, „мужъ смѣлый“;

но ставить, какъ говорится, на одну карту вопросъ, занимавшій всю безпоповщину цѣлое столѣтіе, — это, по нашему мнѣнію, уже не смѣлость, а неблагоразуміе, или вѣрнѣе: признакъ отчаянія. По всей вѣроятности, Ковылинъ, обсудивъ все хладнокровно, такъ и понялъ дѣло. Иначе ничѣмъ нельзя объяснить попытку его возвратить отъ поморцевъ переданный имъ „экстрактъ", прежде его разсмотрѣнія. Но покровцы были слишкомъ умны, чтобы не воспользоваться преимуществами своего положенія. Они не возвратили Ковылину „экстракта", не смотря на угрозу послѣдняго вытребовать его отъ нихъ чрезъ оберъ-полицеймейстера. „Яко левъ рыкнулъ" Илья Алексѣичь, когда посланный сообщилъ ему о своей неудачѣ, и сказалъ: „не допущу адскихъ дѣтей на кладбищѣ хоронитися". Достаточно однихъ этихъ словъ, чтобы понять, какъ скверно чувствовалъ себя Ковылинъ въ то время, когда поморцы писали на его „экстрактъ" свои „объясненія". Когда же 28-го сентября 1808 г. Сергѣй Яковлевъ передалъ ему „увѣдомленіе" покровцевъ, съ указанными выше статьями, излагавшими условія, на которыхъ поморцы соглашались передать преображенцамъ свои „объясненія",—гнѣвъ Ильи Алексѣича на покровцевъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ. Онъ увидѣлъ, что поморцы обставили дѣло такъ, что заранѣе могли торжествовать свою побѣду надъ ѳедосѣевцами. Что же? Ужели гордому Ковылину,—„другу вельможъ, въ церкви (т. е. ѳедосѣевскомъ расколѣ) патріарху, а въ мірѣ—владыкѣ міра" (выраженія Любопытнаго),—смириться предъ какимъ—либо Скочковымъ и подобными ему и сознаться предъ всѣми, что его ученіе о всеобщемъ дѣвствѣ—ложь, самая гибельная по своимъ послѣдствіямъ, какъ и доказывали это поморцы? Это было бы честно со стороны Ильи Алексѣевича, но невыгодно для его „славы, какъ отличнаго бракоборца", — славы, „гремѣвшей и въ

Москвѣ и въ Петрополѣ, и въ Ригѣ и въ Астрахани, и въ Нижнемъ и въ прочихъ странахъ благочестія". И вотъ, для поддержанія своего авторитета, Ковылинъ, самъ вызвавшій поморцевъ на „объясненія", начинаетъ теперь рѣшительно уклоняться отъ предложеннаго ими собранія,— и, не смотря на просьбу поморцевъ — извѣстить ихъ „о согласіи и несогласіи къ собранію" Ѳедосѣевцевъ, въ теченіе 10 дней, со времени полученія преображенцами „увѣдомленій", не даетъ имъ никакого отвѣта— въ продолженіе 13 дней. Но покровцы не на шутку трудились надъ своими „объясненіями" цѣлые полтора года. Не смотря на упорное молчаніе Ковылина, не смотря даже на распространившіеся слухи, „яко бы начальники" Преображенскаго кладбища „ничего уже по сему дѣлу" отъ поморцевъ „принять не хотятъ и заведенное хотя и самими оными дѣло, однакожъ обще рѣшить уже нынѣ не согласны", они посылаютъ 12 октября Ковылину „второе увѣдомленіе", въ которомъ снова напоминаютъ ему о его „собственной волѣ и произвольномъ согласіи рѣшить и прекратить взаимное противорѣчіе и постановить, на непоколебимыхъ и святозаконныхъ основаніяхъ, единообразное познаніе вещей, къ благочестивому наблюденію необходимо надлежащихъ", и—снова требуютъ собранія. Это „увѣдомленіе" передано было Лаврентьемъ Ѳедотовымъ самому Ковылину на Преображенскомъ кладбищѣ. Но „тутъ уже Ковылинъ не яко сильный борецъ являшеся, но яко немощнѣйшій — отъ сильнаго борца удаляшеся и, яко муха, въ сѣти паучинныя увязшая, журчаше, не допущу быть собранію, — что́ и было имъ выполнено и отвѣта отъ него, ни письма не было". Не смотря впрочемъ на такое явное уклоненіе Ковылина отъ собранія, поморцы рѣшились 23-го октября еще разъ написать преображенцамъ „увѣдомленіе" въ томъ же родѣ, какъ и два первыя. „Третичное сіе сношеніе,

будемъ говорить дальше словами покровцевъ, тогожъ 23-го дня октября препровождено было съ тѣмъ же Лаврентьемъ Ѳедотовымъ, отъ котораго принялъ Лука Терентьевичъ, въ большой часовнѣ, во время панихиды, получа же, отнесъ къ Сергѣю Яковлевичу; оба же они въ часовнѣ жъ, остановя подателя, и своими руками вложили оное къ нему въ пазуху и сказали: мы не примемъ, поди подай самому хозяину Ильѣ Алексѣичу. И такъ податель со вложеннымъ доставленіемъ отправился и къ Ильѣ Алексѣичу, однакожъ какъ того 23-го дня, такъ и 24-го ч., ни на кладбищѣ, ни въ домѣ, не имѣлъ случая видѣть его. Двадцать же пятаго числа того же октября Лаврентій Ѳедотовъ, исполняя вѣрно возложенное на него препорученіе, лично успѣлъ сію третью посылку передать самому Ильѣ Алексѣичу въ его домѣ—въ палатахъ; однакожъ, что случилось тутъ надъ симъ третичнымъ доставленіеиъ и съ подателемъ онаго, тутъ открылось для нихъ—не такъ-то пріятное обстоятельство, ибо конверты, и не распечатавши, со вложеннымъ увѣдомленіемъ проворными руками Ильи Алексѣевича въ мелкіе клочки были разщипаны, а подателю оныхъ отъ быстрой и жестокой его руки крѣпкими сгибами и угловатыми клочками съ сургучемъ влѣплены въ лице удары, кои дали восчувствовать изрядную боль и оставили на лицѣ знаки; ударяя же его таковымъ образомъ, ушелъ отъ него въ другую комнату, а клочки, отскочивъ отъ лица, разлетѣлись по полу. Таковымъ явленіемъ удивлены были тогда два прикащика его, два рабочихъ человѣка и одинъ господскій слуга, въ то время тутъ же случившіеся, видяще разщипанное письмо и старика, выходящаго съ запечатаннымъ лицемъ. Лаврентій Ѳедотовъ, съ начертаннымъ лицемъ, пришедши отъ Ильи Алексѣича къ пославшимъ его, возвѣстилъ обо всемъ, что съ нимъ случилось, при доставленіи третьяго сообще-

нія". По другому свидѣтельству, дѣло было нѣсколько иначе. Разорвавъ письмо на клочки, Ковылинъ будто-бы такъ сильно ударилъ ими подателя, что „и носъ осапилъ ему до крови и такія слова сказалъ: поди отсюда, адскій сынъ! Снабженный же (посолъ) Христовою вѣрою смиренномудро рече: прости Христа ради! Я есмь посланный къ вамъ; но знай, стѣна повапленная, хотя сіе пятно не велико, но памятно! Съ коимъ знакомъ и тремя отъ письма щипками къ пославшимъ его воротился, чего и не ожидали". Что оставалось дѣлать поморцамъ послѣ такого безразсуднаго поступка Ковылина? „Видя столь несобразныя обстоятельства въ общемъ семъ дѣлѣ, отъ оныхъ начальниковъ произшедшія, замѣтивъ изъ сего быти въ нихъ тѣмъ отвращенію отъ объясненій и отъ порядка къ нимъ сообщенія оныхъ и вмѣнивши по сему взаимную связь быти симъ ими прерванною", покровцы нашлись вынужденными „дать обо всемъ во извѣстіе своему согласію", что́ и было ими исполнено 12-го ноября—въ общественномъ молитвенномъ храмѣ. А такъ какъ ѳедосѣевцы, не ограничившись тѣмъ, что сами уклонились отъ собранія,—разослали еще „въ различныя и многія страны экстрактъ"—съ прибавленіемъ такого рода, будто поморцы не нашлись, что сказать противъ него, и остались „безгласными о всемъ, что кладбищемъ требовалось"; то, чтобы „пріостановить такія противныя разглашенія и обратить ихъ вспять въ тѣ убѣжища, изъ коихъ онѣ проистекли", и покровцы рѣшились не скрывать болѣе своихъ сношеній съ преображенцами и обо всемъ вышеизложенномъ разослали „дружескія извѣстія" ко всѣмъ своимъ единовѣрцамъ, жившимъ внѣ Москвы, чтобы каждый изъ нихъ, въ случаѣ какихъ-либо ложныхъ слуховъ о происходившемъ, могъ безъ труда опровергнуть ихъ и возстановить истину. Что же касается „объясненій", на которыя поморцы потратили столько

„ума, свѣдѣнія и разсудка“, то не желая, чтобы трудъ пропалъ даромъ, они объявили, что „считаютъ за благочестивую обязанность допустить къ онымъ“ каждаго ѳедосѣевца, который бы пожелалъ „получить ихъ въ предназначенномъ порядкѣ, или просто вникнуть въ нихъ и узнать существо ихъ“ (1). Разумѣется, это объявлялось съ цѣлію—склонить менѣе упорныхъ и болѣе разсудительныхъ ѳедосѣевцевъ на сторону Покровской часовни.

Что же дѣлалъ въ это время Ковылинъ, такъ опрометчиво затѣявшій литературную борьбу съ покровцами и такъ постыдно обратившійся въ бѣгство, при первомъ нападеніи ихъ? Онъ не могъ не сознавать, что гласныя заявленія поморцевъ о послѣднихъ сношеніяхъ ихъ съ ѳедосѣевцами, доказавшими своимъ уклоненіемъ отъ собранія крайнюю свою несостоятельность, должны были произвесть непріятное впечатлѣніе на сторонниковъ Преображенскаго кладбища, особенно тѣхъ, которые жили въ провинціи, и по тому самому менѣе чувствовали на себѣ давленіе авторитета Ильи Алексѣича и его „проворныхъ рукъ“. И вотъ, чтобы ослабить это впечатлѣніе, которое могло расположить иногородныхъ ѳедосѣевцевъ въ пользу Покровской часовни, Ковылинъ 25-го февраля 1809 г. созываетъ на Преображенскомъ кладбищѣ соборъ, на которомъ постановляются три опредѣленія касательно „староженовъ, половинокъ и вѣрныхъ (т. е. ѳедосѣевцевъ), просто сошедшихся для сожитія“, и эти опредѣленія разсылаются по всѣмъ иногороднимъ ѳедосѣевскимъ общинамъ, „къ непремѣнному и строгому оныхъ исполненію каждому, въ ѳедосѣевскомъ

(1) Всѣ эти свѣдѣнія взяты нами изъ „дружескихъ извѣстій“ (см. Прав. Обозр. 1863 г. т. II, стр. 217—234) и изъ рукописи, подъ названіемъ: „исторія о бывшемъ съ Ильею Алексѣичемъ Ковылинымъ разговорѣ поморскаго согласія христіанъ о произшедшемъ несогласномъ мнѣніи со стороны ѳедосіанъ, яко бы нынѣ кромѣ брака человѣческій родъ существо своего бытія долженъ имѣть“ (см. Сборн. публ. библіот. подъ № 473, рукоп. № 28).

согласіи христіанину состоящему". Вотъ эти опредѣленія: 1) касательно староженовъ, т. е. вѣнчавшихся въ православной церкви до перехода въ расколъ и послѣ совратившихся въ ѳедосѣевщину: „егда обратятся отъ нечестія къ благочестію обѣ части, т. е. мужъ и жена, или хоть една часть изъ оныхъ, да не разлучаются, но обаче да хранятъ себя на всякое время отъ совокупленія плотскаго и да живутъ въ чистотѣ и цѣломудріи, имѣя въ памяти о семъ, что не видятъ и не слышатъ благословенія отъ лица священническаго къ чадородію. И, за неимѣніемъ лица сего, да удержатся всяко. Аще ли же за симъ преступятъ обѣщаніе свое и падутъ, и обличена будетъ жена непраздною, и съ того времени да отлучатся отъ правовѣрныхъ. И по рожденіи младенца наказуются четыредесято-дневнымъ наказаніемъ отъ отца духовнаго—тысящнымъ правиломъ. По прошествіи же сего времени, пріемлются въ церковь. По второмъ же и по третіемъ паденіи и далѣе, таковымъ же правиломъ наказуеми бываютъ, съ прибавленіемъ: въ память имъ даетъ отецъ духовный о соблюденіи чистоты временную епитимію, смотря по ихъ житію, сколько ему разсудится"; 2) о половинкахъ, т. е. о тѣхъ раскольницахъ, которыя вступали въ бракъ съ православными лицами посредствомъ вѣнчанія: „егда обратится отъ нечестія мужъ невѣрный къ правовѣрію и крестится, отъ мнимыя жены своея распустомъ да разлучится и во единомъ дому да не пребываютъ для того, что имѣетъ у себя въ дому явную всей церкви, по апостолу, блудницу. За храненіе же оной да не пріемлется въ церковь, ни къ покаянію. Аще ли же отступитъ отъ нея, да причтенъ будетъ съ правовѣрными. А егда мнимая его жена обратится къ церкви (т. е. вѣроятно, раскается въ томъ, что вступила въ бракъ, и притомъ съ мнимо-иновѣрнымъ), тогда наказуема да будетъ отцемъ духовнымъ и связуема епитиміею, по разсужденію

его; мужъ же той отъ всего того наказанія чистъ есть и правъ отъ святаго крещенія, и тѣмъ обѣ части спасутся"; 3) „о вѣрныхъ сшедшихся", т. е. о ѳедосѣевцахъ, вступавшихъ въ сожитіе съ избранными ими женщинами безъ вѣнчанія, или даже съ вѣнчаніемъ, по обрядамъ Покровской часовни: „таковіи отнюдь не пріемлются въ церковь (т. е. въ ѳедосѣевское общество) и съ приносами ихъ, о коихъ святый апостолъ Павелъ ясно возвѣщаетъ, ниже ясти съ ними велительствуетъ (только раскольники способны ковать такія слова); обаче егда обратятся къ покаянію, всячески да разлучатся другъ отъ друга распустомъ и яко чужди между собою да будутъ и зазора къ свиданію полны, которые по покаяніи за первое свое преступленіе и за дерзость безчинія къ совокупленію связуеми бываютъ отцемъ духовнымъ епитиміею, смотря на ихъ обращеніе и усердіе, за явное ихъ блудодѣяніе, и тако симъ очистятся" (1). Какъ подѣйствовали эти опредѣленія на иногородныхъ ѳедосѣевцевъ, объ этомъ мы скажемъ послѣ; а теперь обратимъ вниманіе на другую сторону предмета. Разсматривая опредѣленіе ѳедосѣевскаго „собора" 1609 года о такъ называемыхъ „*староженахъ*", нельзя не замѣтить въ немъ особенной снисходительности къ лицамъ, вѣнчавшимся въ православной церкви, до перехода ихъ въ расколъ. Тогда какъ 45-я статья польскаго ѳедосѣевскаго сборища назначала подобнымъ лицамъ отлученіе отъ общества за первое рожденіе—на полгода, за второе—на годъ, за третье—на два лѣта, да за очистительныя молитвы 3000 поклоновъ до земли (2), соборъ ѳедосѣевскій 1809 г. опредѣлилъ за каждое рожденіе безразлично подвергать

(1) Эти правила помѣщены въ рукоп. сочин. № 33 подъ названіемъ: „защищеніе церковнаго цѣломудрія", см. сборн. публ. библ. № 473; снес. „что такое современное старообрядчество въ Россіи", сочин. Попова, М. 1866 г. стр. 35—38.

(2) Іоаннов. стр. 174.

виновныхъ только сорокодневному посту съ 1000 поклоновъ. И такъ поступилъ соборъ, на которомъ присутствовалъ Ковылинъ, объявившій нѣсколько лѣтъ назадъ, что браки, вѣнчанные въ православной церкви,—блудъ предъ Богомъ, достойный вѣчнаго огня, и опредѣлившій подобные браки расторгать безъ всякихъ ограниченій, а несоглашавшихся на подобное расторженіе и безусловное дѣвство—не принимать въ ѳедосѣевское общество (1). Чѣмъ объяснить эту непослѣдовательность Ильи Алексѣича и его послушныхъ товарищей по кладбищу во взглядѣ на брачное сожитіе? Отвѣтомъ на этомъ вопросъ будетъ служить дальнѣйшій разсказъ о томъ, что происходило въ это время въ иногородныхъ ѳедосѣевскихъ общинахъ.

Какъ ни старался Ковылинъ доказывать своимъ единовѣрцамъ необходимость всеобщаго дѣвства, какъ ни обставлялъ онъ свое ученіе о безусловномъ безбрачіи разнаго рода указаніями на послѣднія времена міра, на царствованіе антихриста, на отсутствіе въ безпоповщинѣ православнаго священства и проч. и проч., тѣмъ не менѣе доктрина его была слишкомъ сурова, чтобы можно было надѣяться на полное или, по крайней мѣрѣ, долгое осуществленіе ея въ жизни цѣлыхъ массъ народныхъ. Въ то время, когда расколъ страдалъ подъ гнетомъ разнаго рода преслѣдованій, мысль о дѣвствѣ еще могла имѣть практическое приложеніе, избавляя невольныхъ дѣвственниковъ отъ излишнихъ заботъ и хлопотъ, которыхъ у раскольниковъ и безъ того было много. Но когда, съ царствованіемъ Екатерины II, началась для раскольниковъ жизнь болѣе или менѣе спокойная, мысль эта должна была показаться большинству заблуждающихъ не меньше, какъ насиліемъ природѣ, или по крайней мѣрѣ—мыслію крайне непракти-

(1) См. выше 4-ю главу стр. 206—207.

ческою. Московскіе бедосѣвцы, изъ которыхъ одни владѣли такими богатствами, что могли нанимать для услугъ себѣ цѣлыя ватаги работницъ и работниковъ, другіе, живя на попеченіи Ковылина, въ пріютахъ Преображенскаго кладбища, имѣли все готовое, не сѣяли, не жали, а всегда сыты бывали, могли еще, пожалуй, не чувствовать особенной нужды въ женѣ—помощницѣ мужу. Но могъ ли точно также смотрѣть на дѣло какой-либо бедосѣвецъ иногородній, жившій въ какомъ-либо захолустьи, пріобрѣтавшій себѣ насущный кусокъ хлѣба собственнымъ трудомъ, бедосѣвецъ—крестьянинъ, для котораго жена не только хозяйка въ домѣ, но и работница въ полѣ? а вѣдь между „посестріями“, которыми пробавлялись московскіе бедосѣвцы—дѣвственники, рѣдко встрѣчаются личности, которыя готовы были бы дѣлить трудъ съ своимъ другомъ; большею частію это—вольныя птицы, которыя чаще обираютъ, чѣмъ собираютъ. „Ежедневное наше въ свѣтѣ обращеніе показываетъ, что безъ взаимной помощи жизнь человѣка и трудна и скучна. Взаимной же помощи только отъ вѣрнѣйшаго надѣяться можно. Кто же вѣрнѣе жены служить и о благополучіи нашемъ стараться можетъ? Правда, отецъ и мать, и близкіе родственники по случаю иногда наше благополучіе наблюдаютъ. Однако общество, не имущее браковъ, откуда и сродство такое имѣть будетъ? совершенно неоткуда. Ибо гдѣ не имѣется супружества, тамъ нѣтъ отца и матери; а гдѣ нѣтъ отца и матери, тамъ нѣтъ и никакихъ сродниковъ“ (1). Это замѣчаніе одного поморца слишкомъ справедливо, чтобы кто-либо могъ не согласиться съ нимъ. Съ другой стороны въ Москвѣ, какъ и во всякомъ многолюдномъ

(1) „Сборникъ сочиненій о бракахъ разныхъ ревностныхъ мужей“, недавно изданный за-границей, ч. I, л. 171. Объ этомъ замѣчательномъ сборникѣ будетъ рѣчь послѣ.

городѣ, каждая интрижка, заведенная тѣмъ или другимъ послѣдователемъ Преображенскаго кладбища, могла быть шитою и крытою, и мнимые дѣвственники, предававшіеся разврату, могли оставаться съ незапятнанною репутаціею въ глазахъ своихъ единовѣрцевъ, а равно и въ мнѣніи православныхъ, и такимъ образомъ быть „внѣ гражданскаго стыда“. А если бы по какимъ-либо обстоятельствамъ и открылась преступная связь какого-либо ѳедосѣевца съ избранною имъ подругою,—бѣда не особенно велика; тамъ, гдѣ подобнаго рода игра въ безнравственность вошла въ нравы, лишняя интрига—капля въ морѣ и не обращаетъ на себя особеннаго вниманія, какъ „шалость“, или „увлеченіе“; не даромъ же жители столицъ и другихъ большихъ городовъ слывутъ въ провинціи людьми либеральными,—съ широкими воззрѣніями. Наконецъ въ Москвѣ, какъ и во всякомъ другомъ городѣ, всегда бываетъ большой запасъ тѣхъ личностей, потребителями которыхъ, въ числѣ другихъ, были и послѣдователи Преображенскаго кладбища. Совсѣмъ другое дѣло—провинція, и особенно—село, деревня. Тутъ—посредствомъ разнаго рода кумушекъ—голубушекъ извѣстнымъ дѣлается всѣмъ сосѣдямъ не только то, съ кѣмъ изъ мужчинъ поговорила молодая женщина, но и то, о чемъ она говорила, хотя бы разговоръ происходилъ наединѣ; тутъ, въ слѣдствіе провинціальной грубости, не умѣютъ величать преступную связь женщины съ мужчиной—интригой, шалостію, романомъ, а называютъ ее своимъ собственнымъ, неблаговиднымъ именемъ; тутъ, наконецъ, благодаря деревенской наивности, рѣже можно встрѣтить женщину, которая рискнула бы на незавидную роль „полюбовницы“. Значитъ, теорія Ковылина „объ утоленіи похоти тайнымъ развратомъ, да не обуревается человѣкъ нечистыми помыслами“, бывшая въ полномъ ходу между московскими ѳедосѣевцами, могла съ трудомъ имѣть

практическое приложеніе въ жизни иногородныхъ послѣдователей Преображенскаго кладбища. Наконецъ въ Москвѣ, гдѣ Ковылинъ могъ расправляться съ непослушными не только собственными „проворными“ руками, но и строгими мѣрами подкупленной власти, нарушать опредѣленія „начальства“ Преображенскаго кладбища о всеобщемъ дѣвствѣ, если бы кто рѣшился на это, было опаснѣе, чѣмъ въ провинціи, гдѣ только слышали объ Ильѣ Алексѣичѣ и видѣли его рукоприкладства подъ разсылавшимися повсюду грамотами о соблюденіи чистоты и цѣломудрія. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ было то, что тогда какъ въ Москвѣ, подъ надзоромъ Ковылина, ѳедосѣевцы волей—неволей подчинялись распоряженіямъ кладбища и проводили жизнь мнимо-дѣвственную, иногородніе ихъ единовѣрцы только получали грамоты отъ „московскихъ христіанъ“ о соблюденіи дѣвства и читали ихъ, а жизнь свою устрояли такъ, какъ каждый находилъ для себя удобнѣе. Отъ того мы и видимъ, что еще въ то время, когда только начиналась борьба поморцевъ съ ѳедосѣевцами изъ-за вопроса о бракѣ и когда ложность ученія преображенцевъ еще не была ясно доказана послѣдователями Покровской часовни,—во многихъ иногородныхъ ѳедосѣевскихъ общинахъ уже начинается протестъ противъ безусловнаго дѣвства, котораго требовало Преображенское кладбище отъ всѣхъ своихъ послѣдователей,—протестъ не на словахъ, не на бумагѣ, а на дѣлѣ, въ жизни. Такъ еще въ 1796 г. 14-го августа Преображенское кладбище посылаетъ „соборное письмо въ градъ Красный Холмъ“ къ настоятелю тамошнихъ ѳедосѣевцевъ, Гавріилу Ѳедотову, и вотъ что говорится въ этомъ письмѣ: „извѣстихомся мы, что разнообразно брачившихся, по пріятіи православныя вѣры, пріемлете безъ разводу и сообщаете съ христіаны. А сіе творите вы противу божественныхъ пра-

вилъ и церковныхъ законовъ, также и сопротивно прежде бывшихъ какъ поморскихъ, такъ и великопольскихъ, новгородскихъ и прочихъ отецъ о таковыхъ установленій. Ибо оные великоревностные мужи таковыхъ безъ разводу въ церковь не пріимаху и съ христіаны не сочетаваху, но, по распущеніи ихъ неприкладнаго бракосочетанія и съ расторженіемъ единодомовнаго сожитія и по исправленіи за таковыя дерзостныя ихъ предпріятія наложеніемъ эпитиміевъ, пріобщаху къ правовѣрнымъ.—Также и о бракосочетавшихся до пріятія христіанской вѣры поступаете очень слабо, ибо признавшихся чадородіемъ не наказуете. А сіе же вы творите сами собою, кромѣ всякаго совѣта съ прочими отцами. То и просимъ васъ не раздирать церковнаго союза и не поколебать тѣмъ христіанскія души. Какъ первыхъ, т. е. новоженовъ, безъ разводу, такъ и другихъ безъ исправленія, не принимать и съ православными не сочетавать“ (1). Изъ этого письма видно, что ѳедосѣевцы Краснаго Холма еще до 1796 г. не только относились снисходительно къ староженамъ, не подвергая ихъ никакимъ наказаніямъ за чадородіе и такимъ образомъ признавая ихъ бракъ, какъ бы законнымъ, но и сами вступали въ брачныя сожитія и, не смотря на свое новоженство, жили съ своими единовѣрцами, остававшимися въ безбрачіи, въ мирѣ и согласіи, не подвергаясь отъ нихъ ни разводу съ своими женами, ни отлученію отъ общества. Мало этого: самъ наставникъ Красно-Холмской ѳедосѣевской общины, разумѣется, номинальный дѣвственникъ, смотрѣлъ, какъ видно, сквозь пальцы на отступленія своихъ пасомыхъ отъ правилъ Преображенскаго клад-

(1) Сборн. публ. библіот. подъ названіемъ: „пандектъ Гнусина“, № 474, гл. 23. Это—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сборниковъ раскольническихъ сочиненій, находящихся въ публ. библ., заключающій въ себѣ множество документовъ, относящихся къ исторіи ѳедосѣевскаго раскола и его ученія о бракѣ. Жаль только, что въ сборникѣ нѣтъ первыхъ десяти главъ.

бища. И такъ шло дѣло въ Красномъ Холму не только до полученія Гавріиломъ Ѳедотовымъ „соборнаго письма“ изъ Москвы, но и послѣ, какъ это показываетъ „второе соборное письмо“, въ которомъ наставники Преображенскаго кладбища писали Ѳедотову: „престань отъ нелѣпаго начинанія, противнаго святой церкви (?),—изволь отставить людей отъ церковнаго соединенія, брачившихся безаконно. Аще ли сего не учиниши, то раздора церковнаго будеши повиненъ. Впрочемъ, пожалуй, съ нами повидайся“ (1). Мы не знаемъ, исполнилъ ли Гавріилъ Ѳедотовъ послѣ этого втораго письма требованіе Ковылина и наставниковъ Преображенскаго кладбища; но знаемъ, что онъ былъ не единственный провинціальный ѳедосѣевскій наставникъ, который шелъ противъ предписаній Москвы касательно всеобщаго дѣвства. Подобно Ѳедотову, дѣйствовали ѳедосѣевскіе наставники и другихъ иногородныхъ общинъ. Въ томъ же сборникѣ, изъ котораго мы заимствовали свѣдѣнія о взглядѣ на брачную жизнь Красно-Холмскихъ ѳедосѣевцевъ, помѣщено „соборное письмо“ наставниковъ Преображенскаго кладбища „къ Тихвинскимъ христіанамъ въ лѣто 1799, іюля 26-го дня“, изъ котораго видно, что и въ Тихвинскомъ уѣздѣ дѣла шли не лучше, чѣмъ въ Красно-Холмскомъ. Вотъ что писали въ этомъ письмѣ вожди московскаго ѳедосѣевскаго раскола: „благочестивымъ жителямъ града Тихвина... Ничтоже, любезная братія, такъ гнѣваетъ Бога, якоже раздоръ церковный, и ничтоже тако угодно Ему, еже въ любви и единомысліи пребывати, по божественному гласу: пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываетъ; тѣмъ же перваго всячески убѣгати подобаетъ, втораго же всѣми силами хранити достоитъ. Того ради мы, собравшеся общекупно, о происшедшемъ несогласіи въ вашихъ предѣлахъ о незаконно отъ нѣкіихъ

(1) Пандектъ Гнусина, глава 24.

пріемлемыхъ разнообразно брачившихся, по пріятіи православныя вѣры, въ церковное общеніе безъ разводу, чего ни въ божественныхъ правилахъ не обрѣтается, ни у прежнихъ отецъ нашихъ и страдальцевъ пріемлемо не бывало; того ради всѣхъ и каждаго просимъ, хотящаго пребывати въ любви Божіей и единомысліи церковномъ, чтобъ какъ нынѣ, такъ и впредь таковаго, яко противнаго отеческимъ предѣломъ, новшества въ церковь (?) не вводити и тѣмъ христіанскимъ душамъ соблазна не творити и предписанныхъ законнобрачившихся безъ разводу въ церковное общеніе не допущати, и которые приняты отъ кого безъ разводу, и таковыхъ отлучати, или кто будетъ вновь оныхъ пріимати, и намъ съ таковыми людьми общенія не имѣти“ (1). Въ 1800 г., въ сентябрѣ, наставники Преображенскаго кладбища выдали „моздоцкой линіи служилому казаку соборное о прежде бывшихъ и нынѣшнихъ христіанъ мудрованіи извѣщеніе“,—съ тѣмъ, чтобы онъ предъявилъ его „древняго святоотеческаго преданія содержателямъ Саратовскимъ, Царицынскимъ, Астраханскимъ и прочихъ странъ правовѣрнымъ“. Изложивъ въ этомъ „извѣщеніи“ свой взглядъ на брачную жизнь и сказавъ, какъ должно принимать въ общество ѳедосѣевцевъ „брачившихся до познанія православныя вѣры“ и „по принятіи вѣры разнобрачившихся“, преображенцы въ заключеніе увѣщевали „всѣхъ, хотящихъ въ единомысліи съ ними пребывати“, поступать касательно брачныхъ согласно съ предписаніями кладбища (2). Значитъ, въ это время и между ѳедосѣевцами Саратовскими, Царицынскими, Астраханскими и др., уже начинали появляться отступленія отъ правилъ Преображенскаго кладбища касательно всеобщаго безбрачія. Иначе не было бы нужды ни въ „извѣщеніи“, ни тѣмъ болѣе въ увѣщаніи—пребы-

(1) Тамъ же, гл. 26.
(2) Тамъ же, гл. 27.

вать въ единомыслiи съ Москвою. Въ августѣ 1804 г. наставники Преображенскаго кладбища послали подобное же извѣщеніе, или, какъ они писали, „истинное исповѣданіе“, въ Сибирь „честнѣйшимъ отцамъ и началоводителямъ Іонѣ, Игнатію, Андреяну, Іоанну и прочимъ книжнымъ настоятелямъ и мірскимъ отъ мала до велика“. Въ этомъ „исповѣданіи“, указавъ отношенія, въ какихъ находились московскіе ѳедосѣевцы къ „староженамъ“ и „новоженамъ“, и опредѣливъ условія, на какихъ слѣдуетъ принимать тѣхъ и другихъ въ общество „истинныхъ христіанъ“, вожди московскаго ѳедосѣевскаго раскола, въ „подкрѣпленіи“ на сказанное, писали: „того ради хотящимъ съ нами въ единомыслiи пребывати и желающимъ кромѣ новинъ святоотеческое преданіе хранити—чистоту и цѣломудріе лобызати совѣтуемъ, не хотящимъ же и смѣлымъ охотникамъ, кромѣ благословенія, за еретическимъ тайнодѣйствіемъ смѣшатися, на воли оставляемъ, по писанному: не обладаемъ вашею вѣрою, о возлюбленіи! во ученіе бо слова избрани есмы, а не въ начальство“. Указавъ затѣмъ причины, по которымъ преображенцы вооружались противъ брачной жизни (1), они писали въ концѣ: „не хотящимъ же

(1) Интересны причины, по которымъ наставники Преображенскаго кладбища совѣтывали сибирскимъ своимъ единовѣрцамъ не дозволять сожитія староженамъ: „сіи забавы (т. е. семейныя удовольствія) не нынѣшняго времени, зане многія нужныя случаи сему совокупленію препятствуютъ: 1-е понеже по крещеніи, за неимѣніемъ священныхъ лицъ, нѣсть кому благословеніе подати, имже навершится отъ еретикъ содѣланная брачная тайна, 2-е нѣсть кому поучити о чинномъ христіанскомъ совокупленіи въ подобное время, понеже сами мы по силѣ нашей чистоту и цѣломудріе хранити тщимся, 3-е въ прижитіи чадъ чтобы не причаститися еретической церкви съ молитвословіемъ, или крещеніемъ, 4-е соблазна ради внѣшнихъ и поношенія глаголющихъ: попа нѣсть, то кто молитвословитъ у васъ домы, егда чадородіе бываетъ, и тѣмъ укоряютъ и хотящимъ пріяти правовѣріе препятствуютъ, 5-е соблазна ради цѣломудрствующихъ и дѣвствующихъ, за неимѣніемъ гдѣ получити брачную тайну, 6-е по воспитаніи чадъ, неимѣнія ради священства, гдѣ паки имъ пріобрящемъ совокупленіе брака? въ еретическую церковь вѣнчати пошлемъ? но сіе душевному спасенію по-

здѣ написаннымъ свидѣтельствамъ послѣдовати на ихъ волю оставляемъ, и не согласно съ нами по предъявленнымъ свидѣтельствамъ о тайнѣ брака мудрствующимъ другаго состоянія искати повелѣваемъ и другихъ настоятелей“ (1). Изъ этого „исповѣданія“ видно, что и между сибирскими ѳедосѣевцами находились „смѣлые охотники“ до брачной жизни, и притомъ такіе, которые ни во что ставили „начальство“ Преображенскаго кладбища и, въ случаѣ настоятельныхъ требованій съ его стороны оставить брачную жизнь, готовы были „другаго состоянія искати“,—т. е. оставить ѳедосѣевскій расколъ и перейти или въ поморскій, гдѣ дѣвство не считалось непремѣнною обязанностью каждаго, или даже—въ православіе, чтобы жениться на православной дѣвицѣ (2). Это какъ нельзя болѣе подтверждаетъ высказанную нами прежде мысль, что Ковылинъ былъ страшенъ только московскимъ ѳедосѣевцамъ и—даже поморцамъ, и что иногородніе послѣдователи Преображенскаго кладбища не особенно подчинялись его распоряженіямъ. Въ 1805 г. прибылъ въ Москву „духовныхъ ради дѣлъ Казанскихъ низовскихъ странъ житель Иванъ Алексѣевъ“. Въ числѣ недоумѣній, за разрѣшеніемъ которыхъ онъ обращался „къ московскому купцу Ивану Петровичу Дуниловцу“, бывшему, по выраженію Любопытнаго, „особеннымъ предсѣдателемъ на ѳедосѣевскихъ соборахъ“, пользовавшемуся уваженіемъ всего московскаго ѳедосѣев-

---

врежденіе будетъ; безъ вѣнчанія ли на смѣшеніе попустимъ? но посему явный блудъ въ церковную породу (?) внидетъ. Сихъ и множайшихъ ради винъ отъ еретикъ браковѣнчанныхъ, приходящихъ въ православную вѣру, цѣломудренному житію поучаемъ, сожитія же ихъ единодомовнаго не расторгаемъ, понеже сего въ писаніи нигдѣ не обрѣтаемъ... Аще ли же цѣцыи попустятся въ неподобное смѣшеніе и не въ благовременное совокупленіе, сихъ отлучати и наказывати, по разсмотрѣнію ихъ усердія и по совѣту настоятеля“.

(1) Тамъ же, глава 30 и 31.

(2) Снес. собр. постановл. по части раск. 1860 г. кн. II, стр. 86.

скаго общества,—было между прочимъ и слѣдующее: „старопоженившіися нѣкоторые христіане безъ востягновенія съ женами совокупленіе имѣютъ, не блазненно-ль таковымъ въ братствѣ сообщатися“ (1). Значитъ, и въ Казанскихъ странахъ были ѳедосѣевцы, которые въ своей жизни не слѣдовали предписаніямъ Преображенскаго кладбища касательно „сохраненія чистоты и цѣломудрія“ (2). Наконецъ даже Петербургская ѳедосѣевская община, устроенная при посредствѣ Ковылина, часто видавшая у себя Илью Алексѣича, во время поѣздокъ его въ Петербургъ, и находившаяся до самой смерти Ковылина въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Преображенскимъ кладбищемъ (3), даже и эта община, имѣвшая у себя такихъ наставниковъ — фанатиковъ, каковы были Герасимъ Никитинъ

(1) Пандектъ Гнусина, гл. 40.

(2) Что въ казанскихъ и другихъ странахъ ѳедосѣевцы въ разсматриваемое нами время измѣняли дѣвству и безбрачію, это видно изъ письма (тамъ же, гл. 34), которое въ іюлѣ 1798 г. писалъ своимъ подчиненнымъ „Кинешемскихъ и Казанскихъ низовыхъ странъ настоятель, смиренный Андрей Михайловъ“. Вотъ какія статьи, между прочимъ, находятся въ этомъ письмѣ: „старопоженившимся молимъ и повелѣваемъ быть цѣломудреннымъ, совокупляющихся же отлучать сообщенія съ того времени, какъ достовѣрно церковь (?) познаетъ; по испраздненіи же 6 недѣль отъ церкви обои да изринутся и потомъ постъ обычный на единъ годъ. Во вторникъ и въ четвергъ млека не ясти и 100 поклонъ на день да исполняютъ, а въ прочемъ оставляя духовнику (?); аще ли во второе, толикожъ (сугубо) отлучать и такій же постъ нести. Аще ли третіе, толикожъ недѣль отлучать (и еще усугубить), а поста на два лѣта. Аще ли и за тѣмъ не престанутъ, да отлучатся всячески, дондеже уцѣломудрятся; а егда обратятся, тогда стояти имъ 40 дней позади всѣхъ и входящему и исходящему поклонятися и прощенія просити“ (ст. 12-я). „Новопоженившихся разными образы отъ церковнаго входа отнюдъ лишать (?), а кающихся, по разрушеніи неподобнаго и единодомовнаго сожитія, оставлять во оглашенныхъ чину до нашего повелѣнія... при смертномъ же случаѣ съ прощеніемъ обычнымъ къ вѣрнымъ пріобщать позволяемъ самимъ вамъ, а на случай облегченія болѣзни, паки отлучать на прежнюю степень“ (ст. 13-я). „Младенцевъ здравыхъ отъ поженившихся и отъ внѣшнихъ не принимать, развѣ при смертномъ случаѣ, и то наблюдать, чтобы были законные воспріемники, которые бы могли того младенца наблюдать при нужныхъ случаяхъ“ (ст. 16-я).

(3) Кельсіева вып. 1, стр. 20.

Ошара и Яковъ Васильевъ Холинъ (1),—къ концу жизни Ковылина стала измѣнять ученію, какое успѣлъ внушить ей строитель Преображенскаго кладбища. На бывшемъ 4-го января 1791 г. соборѣ петербургскихъ ѳедосѣевцевъ, по дѣлу о примиреніи ихъ съ старо-поморцами, т. е. съ тѣми изъ послѣдователей выговской пустыни, которые не принимали ученія Емельянова, было, между прочимъ, положено: „отъ староженовъ“, при пріемѣ ихъ въ общество ѳедосѣевцевъ, требовать обѣщанія—„провождать свое житіе со всякимъ цѣломудріемъ и въ чистотѣ тѣлесной съ прилежнымъ отъ всего воздержаніемъ“ (нарушившему обѣщаніе грозило отлученіе),—а „вновь поженившихся христіанъ“ принимать не иначе, какъ съ разводомъ (2).—Эти опредѣленія петербургскихъ ѳедесѣевцевъ были такъ согласны съ правилами Преображенскаго кладбища, что, когда они были посланы въ Москву на разсмотрѣніе, наставники кладбища безпрекословно утвердили ихъ (21-го апрѣля того же года) собственноручнымъ подписомъ, а Ковылинъ противъ статьи о новоженахъ написалъ только: „неизмѣнно по всему тако тѣхъ пріемлемъ“. Но не долго продолжалось такое согласіе между Петербургомъ и Москвою; въ 1799 г. петербургскіе ѳедосѣевцы уже смягчили свои отношенія къ „поженившимся по пріятіи вѣры“ и „общесоборнымъ совѣтомъ положили“ касательно новоженовъ слѣдующія правила: 1) „чтобы жить имъ по всему образу христіански и съ міромъ не общиться; 2) молиться имъ отселѣ во отлученныхъ, для нихъ при молитвенныхъ домахъ на то устроенныхъ, мѣстахъ; 3) въ случаемыхъ опасныхъ нуждахъ на покаяніе ихъ принимать и 4) въ продолженіи ихъ лѣтъ, когда совершенно они окажутъ

(1) Смотри объ нихъ у Любопытнаго въ его Словарѣ историческомъ и Каталогѣ.

(2) Пандектъ Гнусина, гл. 11.

добродѣтельное и непорочное свое житіе, которое и засвидѣтельствовано будетъ отъ духовныхъ ихъ отецъ и отъ соборныхъ людей, тогда таковыхъ общесоборнѣ съ шестинедѣльнымъ постомъ на покаяніе принимать и имѣть ихъ съ христіаны, а молиться имъ въ особенныхъ мѣстахъ“ (1). Въ послѣдствіи времени петербургскіе ѳедосѣевцы еще болѣе разошлись съ московскими во взглядѣ на староженовъ и новоженовъ.—Въ январѣ 1804 г. изъ Москвы было послано письмо „петербургскимъ отцамъ Аѳанасію Акинфіевичу, Якову Васильевичу и Симеону Никитичу“, изъ которыхъ первые два подписались подъ опредѣленіями собора 1791 г.,—и вотъ что писали въ этомъ письмѣ наставники Преображенскаго кладбища: „извѣстихомся, что съ брачущимися и съ новоженами общаетесь; просимъ васъ Господа ради безъ расторженія не принимать; если не покорятся, извѣстить“ (2). Не смотря однакожъ на такую смиренную просьбу преображенцевъ, петербургскіе ѳедосѣевцы съ теченіемъ времени дѣлались болѣе и болѣе снисходительными къ лицамъ, проводившимъ брачную жизнь, и наконецъ дѣло дошло до того, что многіе и изъ нихъ самихъ стали вступать въ бракъ—такъ, что наставники и другіе ревнители дѣвства нашли нужнымъ составить въ январѣ 1809 года соборъ „для укрѣпленія православныя вѣры законовъ и для установленія нѣкіихъ христіанъ колебанія“. 17 статей этого собора, а равно и „объясненіе“, или вѣрнѣе: опроверженіе ихъ, напечатаны въ первомъ томѣ сборника (3) для исторіи старообрядства г. Попова,—и мы можемъ, на основаніи этихъ документовъ, нарисовать довольно вѣрную и полную картину семейной жизни и нравовъ петербург-

(1) Тамъ же, гл. 25.

(2) Тамъ же, гл. 22.

(3) Стр. 22—73; какъ статьи собора, такъ и „подкрѣпленіе“ на нихъ, писаны, по свидѣтельству Любопытнаго, Яковомъ Холинымъ (Катал. стр. 150, №№ 645—6).

скихъ ѳедосѣевцевъ въ указанное время. Такъ, не смотря на требованіе собора 1791 года—проводить староженамъ „чистое житіе“, не смотря на назначеніе, за нарушеніе ими чистоты, разнаго рода епитимій, видно, что не всѣ „старобрачные“ оставались вѣрными своему обѣщанію—жить „во всякомъ цѣломудріи“, а были между ними и такіе, которые рождали дѣтей и даже, оле нечестія! жены ихъ не кормили младенцевъ своимъ „млекомъ“, а брали для этого „женъ еретическихъ“. И что всего хуже: дѣлалось это иногда не по какимъ—либо серьезнымъ и уважительнымъ причинамъ, напр. по причинѣ слабаго здоровья родившей и под., а единственно для того, чтобы удобнѣе было „ходить въ маскерады и въ театры, оперы и комедіи“ (1). Далѣе: какъ ни заботился Ковылинъ о внушеніи петербугскимъ ѳедосѣевцамъ, что въ „нынѣшнія послѣднія, антихристовы, горько-плачевныя времена“, когда уже во всей поднебесной не обрѣтается православнаго іерея, не можетъ быть тайны брака и что по этому всѣмъ нужно проводить жизнь дѣвственную, находились между ними такіе „продерзатели“, которые „безъ вѣнчанія по согласію сходились“ съ понравившимися имъ „христіанками“ и начинали жить съ ними на правахъ мужей. Но это еще не все: нѣкоторые изъ петербургскихъ ѳедосѣевцевъ выбирали себѣ по вкусу „христіанокъ“ и отправлялись съ ними вѣнчаться въ „церкви иновѣрныя“, т. е. вступали въ бракъ или по обрядамъ Покровской часовни, или даже посредствомъ вѣнчанія въ церквахъ православныхъ, чрезъ что, по мнѣнію бракоборцевъ, дѣлались „отступниками всея православныя вѣры“, т. е. ѳедосѣевскаго раскола (2). Были между ними и такіе, кои, сами живя блуднымъ образомъ, дѣтей своихъ однакоже убѣждали вступать въ бракъ,

(1) Статья 15 и объясненіе на нее.
(2) Статья 2 и объясненіе на нее.

и притомъ не иначе, какъ чрезъ вѣнчаніе „въ церквахъ еретическихъ“. Само собою понятно, что молодежь весьма охотно склонялась на такія убѣжденія и съ радостію спѣшила въ православные храмы для вѣнчанія, а „отцы и матери благословляли“ при этомъ „дѣтей своихъ иконами“. Но такъ какъ вѣнчаніе брака въ православныхъ церквахъ никогда почти не обходится безъ присутствія при этомъ, жадной до всякаго рода зрѣлищъ, толпы, которая нерѣдко сопровождаетъ новобрачныхъ до самаго дома ихъ и тамъ еще не мало времени глазѣетъ на всѣ, тѣсно связанныя съ торжествомъ, церемоніи; то многіе изъ петербургскихъ ѳедосѣевцевъ, чтобы не ударить себя лицемъ въ грязь и показать, что и они не чужды столичной цивилизаціи, устрояли, при возвращеніи новобрачныхъ дѣтей своихъ въ домъ, „музыки и ворганы“ и сопровождали торжество „пьянствомъ и плясаніемъ“ (1). Но и это не все. Встрѣчались между петербургскими ѳедосѣевцами и такіе „либералы“, кои не только не препятствовали своимъ дѣтямъ вступать въ бракъ, но нерѣдко даже сами хлопотали о томъ, чтобы сыновей своихъ женить на православныхъ дѣвицахъ, а дочерей—выдать замужъ за православныхъ молодыхъ людей, разумѣется, „въ богатые домы“. Съ этою цѣлію они, еще отъ „малаго возраста дѣтей“, заводили знакомства съ „еретиками“ и, узнавъ ихъ вкусы, старались и сами воспитывать своихъ дѣтей такъ, чтобы они могли составить „приличную партію“ никоніанамъ,—учили ихъ „богомерзкимъ модамъ“,—вмѣсто „псалмовъ и молитвъ святыхъ—сказкамъ и пѣснямъ бѣсовскимъ въ душетлѣнныхъ книжкахъ читати обучали и платье нѣмецкое—туркообразные салопы“ и т. под., „мерзости носить имъ попускали“, а нерѣдко и сами носили „богомерзкую нѣмецкую одежду—для того, что и на родителяхъ если будетъ русская, или

(1) Статья 3 и объясненіе на нее.

*

христіанская, одежда, то будутъ почитаться за грубыхъ и неучтивыхъ, чрезъ что и въ сватовствѣ будетъ не малое помѣшательство“ (1). Вступивши же, чрезъ брачныя связи дѣтей, въ родство „съ никоніанами“, ѳедосѣевцы еще болѣе удалялись отъ правилъ и обычаевъ своего толка. Бывая въ гостяхъ у своихъ православныхъ родственниковъ, они, разумѣется, должны были подчиняться принятымъ здѣсь приличіямъ и обычаямъ, и потому не только „ѣли на одномъ столѣ и изъ единыхъ сосудовъ съ еретиками“, но даже и „Отче нашъ не надъ пищею, но во иномъ покоѣ, говорили“, а за тѣмъ „не токмо долгіе вечера, но и цѣлыя нощи“ проводили не въ бесѣдѣ душеспасительной, а „въ игрѣ карточной“ и другихъ „законопреступленіяхъ“,—танцахъ и прочихъ „бѣсотѣшныхъ забавахъ, съ лобзаніемъ и нарицаніемъ: сватушко, святьюшка“ и проч. И такъ какъ подобнаго рода „банкеты“ устроялись часто—по поводу рожденій, крестинъ, именинъ, поминовеній, свадебъ и проч., и притомъ не только православными для ѳедосѣевцевъ, но и послѣдними для своихъ православныхъ родственниковъ, то само собой понятно, что многіе изъ ѳедосѣевцевъ почти совершенно отвыкали отъ обычаевъ своего толка и сближались съ православными до того, что ходили вмѣстѣ съ ними „въ крестные ходы и на погребеніи и прочія“ (2). Наконецъ, — и это важнѣе всего,— сами наставники петербургскихъ ѳедосѣевцевъ, вмѣсто того, чтобы искоренять въ своихъ пасомыхъ такія отступленія отъ правилъ своего толка, видимо потворствовали имъ. Такъ, вопреки собору ѳедосѣевскому 1752 года, они называли староженовъ „вѣнчавшимися въ церквахъ иновѣрныхъ“ и тѣмъ какъ бы признавали силу и значеніе вѣн-

(1) Статья 5 и 8 и объясненія на нихъ.
(2) Статья 7, 14 и 15 и объясненія на нихъ.

чанія православнаго (1), и притомъ царству антихриста (какимъ считаютъ ѳедосѣевцы нашу православную церковь) давали названіе „церкви“, хотя и еретической (2); за рожденіе же староженами дѣтей часто не подвергали ихъ никакимъ наказаніямъ, особенно если „ощущали на таковыхъ овцахъ мягкую волну и сладкое млеко“ (3). Далѣе: вопреки запрещенію указаннаго собора крестить здоровыхъ новоженскихъ дѣтей прежде, чѣмъ родители ихъ разойдутся по разнымъ мѣстамъ и прекратятъ сожитіе, вопреки запрещенію даже входить въ домы новоженовъ, — петербургскіе ѳедосѣевскіе наставники изъ-за „мшелоимства“ крестили подобныхъ младенцевъ, и безъ превратительнаго расторженія единодомовнаго сожитія родителей, и тѣмъ какъ-бы уполномочивали ихъ на новыя рожденія (4),—и притомъ крестили дѣтей не только тѣхъ новоженовъ, которые вступали въ брачныя сожитія по одному взаимному согласію, но и тѣхъ, кои вѣнчались въ „еретической“, т. е. въ православной церкви (5). Мало этого: не только для крещенія, но и для „славленія“ и другихъ „духовныхъ потребъ“, наставники позволяли себѣ входить въ домы новоженовъ и даже не отлучали отъ общенія церковнаго тѣхъ изъ нихъ, которыхъ брачное сожитіе было „вѣдомо однимъ только настоятелямъ“ (6). Вообще, по замѣчанію писателя „объясненія“, фанатично преданнаго бракоборному ѳедосѣевскому расколу, наставники петербургскихъ ѳедосѣевцевъ разрѣшали своимъ „шелудивымъ овцамъ на всякую погань и нечистоту, кромѣ Бога, вѣры, закона и совѣсти“ (7). Самый соборъ 1809

(1) Статья 1 и объясненіе на нее.
(2) Объясненіе на ст. 3.
(3) Объясненіе на ст. 15.
(4) Объясненіе на ст. 4 и 5.
(5) Объясненіе на ст. 6.
(6) Объясненіе на ст. 12.
(7) Объясненіе на ст. 16.

года, составившійся съ цѣлію прекратить указанные безпорядки, не имѣлъ возможности строго отнестись къ нимъ и издалъ правила самыя неопредѣленныя и уклончивыя, которыя, по замѣчанію писателя „объясненія“ на нихъ, составляли не „правленіе церковное, но неистовый мятежъ и смущеніе пути спасительнаго церковнаго“ (1), и которыя дѣйствительно почти разрѣшали ѳедосѣевцамъ брачное сожитіе.

Само собою разумѣется, что всѣ указанныя отступленія иногороднихъ ѳедосѣевцевъ отъ правилъ Преображенскаго кладбища (2) были извѣстны Ковылину и ясно показывали ему, какъ при такомъ порядкѣ вещей можетъ быть опасна пропаганда поморцевъ въ пользу брака. Что же однако оставалось дѣлать строителю Преображенскаго кладбища въ виду такой повсемѣстной склонности ѳедосѣевцевъ къ брачной жизни? Требовать по прежнему отъ всѣхъ строгаго дѣвства значило давать поводъ тѣмъ, кои уже не исполняли этого требованія, окончательно разорвать свои связи съ кладбищемъ, о подчиненіи которому иногороднихъ общинъ такъ много и настойчиво хлопоталъ Ковылинъ (3). Измѣнить прежнее ученіе о всеобщемъ, безусловномъ безбрачіи значило... признать надъ собою побѣду покровцевъ, давно уже доказывавшихъ Ильѣ Алексѣичу несостоятельность и незаконность такого ученія. Положеніе—затруднительное, но хитрый Ковылинъ нашелъ, по видимому, средство выйти изъ него. На соборѣ 25-го февраля 1809 года онъ, какъ мы уже видѣли выше, запрещая новоженство, отнесся весьма снисходительно къ старожена-мъ, опредѣливъ подвергать ихъ, въ случаѣ нарушенія ими цѣломудрія, только сорокодневному посту. Такимъ опредѣ-

(1) Объясненіе на ст. 17.

(2) Правила эти помѣщены въ сборн. для истор. стар. Попова, т. I, стр. 83—101 и отчасти приведены нами въ 4-й главѣ стр. 207—9.

(3) Сборн. прав. свѣд. о расколѣ—Кельсіева, вып. I, стр. 28, 29 и 31.

леніемъ. Ковылинъ хотѣлъ достигнуть двухъ цѣлей: строгостію въ отношеніи къ новоженамъ показать „лютымъ бракоборцамъ“, что онъ по прежнему—строгій защитникъ дѣвства;—тѣмъ же изъ ѳедосѣевцевъ, кои чувствовали нужду въ брачной жизни, снисходительностію соборнаго опредѣленія касательно староженовъ—дать понять, что и Илья Алексѣичъ не отвергаетъ вполнѣ брачныя сопряженія. Уловка, достойная Ковылина, цѣлую жизнь дѣйствовавшаго двулично; только, къ огорченію Ильи Алексѣича, она рѣшительно не достигла той цѣли, съ которою была придумана. Когда соборныя опредѣленія были разосланы по иногороднимъ общинамъ, ѳедосѣевцы по своей простотѣ не догадались вникнуть въ тайный смыслъ несогласныхъ между собою предписаній кладбища, а взглянули на дѣло, какъ оно представлялось имъ съ перваго взгляда, и нашли, что соборныя опредѣленія Преображенскаго кладбища 1809 года „сомнительны, къ заблужденіямъ подходятъ, не спасительны, душепагубны“ и главное — противорѣчивы. Вотъ что писали въ Москву по этому поводу ѳедосѣевцы города Т...: „честнѣйшіе отцы и прочіе нашего согласія христіане въ Москвѣ живущіе! Всѣмъ да будетъ вамъ извѣстно, что въ послѣднихъ числахъ марта сего 7317 (1809) лѣта получили мы вновь особенныя подтвержденія, постановленныя въ Москвѣ на Преображенскомъ кладбищѣ 25-го февраля сего же года, касательно брачныхъ, къ непремѣнному и строгому оныхъ исполненію каждому въ ѳедосѣевскомъ нашемъ согласіи христіанину состоящему предписанныя. О коихъ учрежденіяхъ и по многимъ сосѣдственнымъ нашимъ селеніямъ скоро распространился слухъ, по коемъ многіе изъ нашихъ и изъ познанныхъ (?) приходили къ намъ смотрѣть и слушать ихъ, отъ чего однакоже, къ неудовольствію нашему, довольно изъ слушателей взволновались и оста-

лись въ смущеніи, и къ исполненію полученныхъ учрежденій ревность ихъ охладѣла. Сія перемѣна произошла въ нихъ отъ того паче, что доставленныя постановленія не утверждены божественнымъ писаніемъ и правилами святыхъ отецъ. И сего ради многіе начали таковыя учрежденія нарицать уже и сомнительными, къ заблужденіямъ подходящими, неспасительными и душепагубными. Мы же вѣруемъ и знаемъ, что московское христіанство Преображенскаго кладбища божественнымъ писаніемъ и людьми, знающими церковные законы, изобильно и пребогато, и не можно, чтобы сіи учрежденія ненаписанніи (вѣроятно: неподписанныя) были произведены. То къ уврачеванію колеблющихся христіанъ и къ очищенію нашего благочестія, почитая московское христіанство главнымъ пристанищемъ всего нашего спасенія, притекаемъ къ вашему неусыпному попеченію и просимъ упомянутыя постановленія засвидѣтельствовать и изъяснить въ нихъ недоумѣнное святымъ писаніемъ. Вамъ бо дано есть разумѣти тайны царствія Божія, прочимъ же въ притчахъ. И мы надѣемся, что возможно вамъ избавить и спасти израиля отъ плѣну душевныхъ погибелей. Когдажъ онѣ останутся необъясненными, то сопротивники наши восторжествуютъ надъ нами и благочестіе наше всюду будетъ разоряться въ конецъ. Православные христіане! спасите благовѣріе и, во славу святости законовъ нашихъ и спасенія душъ, воспріимите труды къ изъясненію и утвержденію изданныхъ положеній... а что въ нихъ требуется къ растолкованію, помѣщаемъ оное въ примѣчаніяхъ". Вотъ главныя изъ недоумѣній, какія предъявляли жители города Т... преображенцамъ на разрѣшеніе. Въ первомъ правилѣ касательно старобрачныхъ было сказано, что, по переходѣ въ расколъ, они не разлучаются между собою, однако же обязаны жить въ чистотѣ и цѣломудріи. Если не разлу-

чаются, спрашивали жители Т.., то почему? Если потому, что, до перехода въ расколъ, они состояли между собою въ бракѣ, въ такомъ случаѣ или нужно признать правильность „еретическаго“ (т. е. православнаго) вѣнчанія, или въ противномъ случаѣ согласиться, что и браки безсвященнословные—законны. Или, быть можетъ, не разлучаются старожены потому, что приняли „святое крещеніе“ (т. е. перекрещиваніе)?; но „святымъ крещеніемъ очищаются только грѣхи и усыновляются Богу крещаемые, а не сожительство таковымъ совокупное устрояется“. Если же, наконецъ, не разлучаются старожены „ради домашней хозяйственности и работъ“,—то гдѣ на это повелѣніе „божественнаго писанія“? А между тѣмъ такимъ попущеніемъ дается поводъ къ „сожитію зазорному и беззаконному“. Далѣе: неразлученные старожены обязывались однакожъ жить въ „цѣломудріи“ и не рождать дѣтей. Это требованіе, писали жители Т.., не противорѣчитъ ли ученію апостола и св. отцевъ, которые повелѣвали мужу вѣрному не оставлять жены даже невѣрной, и на оборотъ,—не противорѣчитъ ли въ частности примѣрамъ древности (1), изъ которыхъ видно, что жены, принявшія крещеніе, продолжали сожитіе съ своими прежними мужьями—даже идолопоклонниками, рождая отъ нихъ дѣтей, и поступали такъ по повелѣнію святыхъ? Въ постановленіи касательно половинокъ, т. е. женщинъ ѳедосѣевскихъ, вступавшихъ въ браки съ „еретиками“ (т. е. съ православными), сказано, что мужъ невѣрный, по обращеніи къ правовѣрію, долженъ разлучиться съ своею мнимою женою, какъ блудницею. Это правило, замѣчали жители Т.., противорѣчитъ первому и несогласно съ примѣрами древности и съ постановленіями соборовъ, какъ помѣстныхъ, такъ и вселенскихъ. По первому правилу, старожены не разлуча-

(1) Какъ примѣры, такъ и свидѣтельства, указаны въ посланіи.

ются, по второму—тотъ же староженъ, т. е. вступившій въ бракъ до перехода въ расколъ, отдѣляется отъ своей жены. За что же? Ужели за то, что онъ вступилъ въ супружество съ женою вѣрною, а не невѣрною,—и ужели „сопряженіе двухъ невѣрныхъ частей чище сопряженія вѣрнаго съ невѣрнымъ“? Примѣры же древности показываютъ, что вѣрные иногда вступали въ браки съ невѣрными и не разлучались, а считались супругами. А соборы хотя и запрещаютъ подобные браки, но не потому, чтобы не признавали ихъ законности, а единственно потому, что „въ разновѣрномъ бракѣ всегда происходятъ за вѣру распри, ссоры, терзанія, и жестоко вытѣсняется и страдаетъ правовѣріе и благочестіе“. Кромѣ причинъ „вѣронарушеній и бѣдствій“, ни помѣстные, ни вселенскіе соборы не указывали никакихъ „особенныхъ резоновъ“ къ воспрещенію браковъ съ иновѣрными и не расторгали подобныхъ сопряженій. Наконецъ, касательно привила относительно новоженовъ, т. е. безпоповцевъ, вступавшихъ въ брачныя сожитія безъ церковнаго вѣнчанія, жители Т... писали, что если подъ новоженами христіане московскіе разумѣютъ тѣхъ лицъ, которыя, предполагая покаяться при концѣ жизни, сопрягаются, чтобы „явно блуднически осквернятся, и живутъ, оставя совсѣмъ своея вѣры всѣ обязанности“, — въ такомъ случаѣ опредѣленіе—отлучать такихъ супруговъ отъ общества, доколѣ не раскаятся и не разлучатся между собою, справедливо; если же подъ новоженами преображенцы разумѣли и тѣхъ, кои „по залогу законнаго супружества нынѣ брачатся и жизнь провождаютъ по долгу православнаго христіанства“, въ такомъ случаѣ „многіе изъ нашихъ по всей нашей окружности и думать не смѣютъ о нихъ сказать: да не пріемлются въ церковь“, и потому затрудняются исполнять опредѣленіе собора, какъ такое, въ основаніе котораго

„не положено ни одного правила святыхъ отецъ“. Кромѣ того, „отъ исполненія того предписанія отвлекаетъ ихъ нынѣ болѣе и то, что они,—гдѣ-то и кто-то имъ найти пособилъ,—обрѣли и тѣ доказательства, коими тѣ брачущіися защищаются и оправдываютъ свои брачныя содержанія, которыя (доказательства), замѣчали составители разсматриваемаго посланія, и мы неоднократно смотрѣли и съ нашими колеблющимися христіанами о нихъ много разсуждали, но опровергнуть ихъ не умѣли. Да и возможно ли намъ ихъ сразить и попрать, когда они много подробнѣе нашего о бракѣ разсуждаютъ и насъ истязуютъ то матеріею, то формою, то конечными причинами“. Указавъ за тѣмъ недоумѣнія, какія невольно возбуждали въ ѳедосѣевцахъ сочиненія покровцевъ, и сказавъ, что разрѣшить эти недоумѣнія у нихъ не достало силъ и умѣнья, вслѣдствіе чего „православіе“ ѳедосѣевское въ Т... „сдѣлалось безгласнымъ“, жители Т... замѣчали: „впрочемъ мы не сдались на ихъ сторону, остались въ своемъ исповѣданіи и съ ними разошлися съ тѣмъ, что христіане московскіе сіе совершенно рѣшатъ и докажутъ писаніемъ“. Изложивъ далѣе всѣ основанія, на которыхъ покровцы утверждали правильность своихъ безсвященнословыхъ браковъ, составители посланія заключали: „православные христіане, любезнѣйшая наша братія! Сіи ихъ доказательства, здѣсь предложенныя, просимъ принять съ любовію христіанскою и разсмотрѣть ихъ и написать на нихъ обличеніе. И когда отъ божественнаго писанія и правилъ святыхъ отецъ они изобличатся и опровергнутся, тогда ихъ согласіе падетъ и не будетъ къ тому, а наше православіе, одержавши надъ ними побѣду, восторжествуетъ всюду и во всѣхъ нашихъ окрестностяхъ будетъ сіять во святомъ благочестіи“, и кромѣ того „весь свѣтъ узнаетъ, чьи мы ученицы есьмы

и колико свята наша вѣра... и церковь наша сохраненіемъ и защищеніемъ повсемѣстнаго цѣломудрія будетъ ли тягостною и противоборною человѣческому роду“ (1).

Всматриваясь внимательно въ это посланіе жителей Т., писанное ими московскимъ ѳедосѣевцамъ, по поводу разосланныхъ послѣдними повсюду соборныхъ опредѣленій 1809 года, прежде всего нельзя не замѣтить въ немъ особенной смѣлости, съ какою иногородніе послѣдователи Преображенскаго кладбища позволяютъ себѣ разсуждать о дѣлахъ своихъ московскихъ единовѣрцевъ. На ряду съ льстивыми фразами, что „московское христіанство Преображенскаго кладбища—пребогато божественнымъ писаніемъ и людьми, знающими церковные законы“, что оно составляетъ „главное пристанище“ истины, что ему „дано разумѣть тайны царствія Божія“, вы встрѣчаете въ посланіи выраженія такого рода, что опредѣленія преображенцевъ кажутся жителямъ Т. „сомнительными, къ заблужденіямъ подходящими, неспасительными, душепагубными“ и даже противорѣчивыми, и что поэтому исполнять ихъ Т. ѳедосѣевцы и „думать не смѣютъ“. Такія любезности, по всей вѣроятности, Ковылину приходилось слышать впервые, и онѣ ясно показывали, что кредитъ Ильи Алексѣича, такъ постыдно уклонившагося отъ разсужденій о бракѣ съ покровцами, начиналъ падать не только въ глазахъ поморцевъ, но и во мнѣніи ѳедосѣевцевъ, особенно иногородныхъ, что „дружескія извѣстія“ покровцевъ, которыя они разослали повсюду и въ которыхъ откровенно объяснили весь ходъ сношеній своихъ съ преображенцами—съ цѣлію показать ихъ несостоятельность въ ученіи о бракѣ, достигали своей цѣли. Далѣе: если обсудить хорошо всѣ замѣчанія, какія высказаны были жителями Т., по поводу соборныхъ опре-

(1) Обо всемъ этомъ см. въ сборникѣ публ. библ. № 473, соч. „Защищеніе церковнаго цѣломудрія“—подъ № 33.

дѣленій 1809 года, то нельзя не сознаться, что „московское христіанство“, при всемъ своемъ вѣдѣніи „божественнаго писанія“, едва ли въ состояніи было сказать что-либо противъ нихъ. Противорѣчивость опредѣленій собора 1809 года, допущенная Ковылинымъ съ тайною мыслію угодить какъ тѣмъ ѳедосѣевцамъ, которые отвергали бракъ, такъ и тѣмъ, кои сознавали его необходимость, была слишкомъ очевидно доказана жителями Т., чтобы можно было не сознаться въ ней; а приведенные въ посланіи примѣры и свидѣтельства древности въ пользу нерасторжимости брака лицъ, переходившихъ изъ язычества, или еретичества, въ православіе, были слишкомъ ясны, чтобы можно было оспоривать ихъ. На случай же, если бы преображенцы вздумали доказывать неприложимость древняго церковнаго порядка вещей къ настоящему времени, какъ такому, въ которое будто бы нѣтъ нигдѣ православнаго священства, жители Т. представили въ посланіи всѣ тѣ разсужденія поморцевъ, которыми послѣдніе доказывали, что бракъ законный можетъ быть заключенъ и безъ священническаго благословенія и вѣнчанія. Такимъ образомъ очевидно, что, разрѣшая недоумѣнія жителей Т., ѳедосѣевцамъ Преображенскаго кладбища пришлось бы дѣлать тоже, на что вызывали ихъ и поморцы и отъ чего такъ упорно отказывался Ковылинъ; оставить же посланіе жителей Т. безъ вниманія значило показать свою несостоятельность и—что хуже всего—дать возможность исполниться слѣдующимъ словамъ Т. ѳедосѣевцевъ: „когда-жъ онѣ (опредѣленія) останутся необъясненными, то сопротивники наши восторжествуютъ надъ нами и благочестіе наше всюду будетъ разоряться въ конецъ“. Имѣя въ виду все сказанное, можно представить себѣ душевное состояніе Ковылина, которому въ это время шелъ уже 78 годъ. Вѣрилъ ли Илья Алексѣичь искренно въ справедливость своего ученія о бракѣ,

или не вѣрилъ, во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ испытывать теперь страшную „тугу сердечную“, видя, что зданіе ѳедосѣевскаго бракоборнаго раскола, на утвержденіе котораго онъ употребилъ столько времени и силъ, начинаетъ колебаться еще при его жизни и что въ будущемъ ему грозитъ еще бо́льшая опасность. А послѣ этого пусть не дивится читатель, если мы скажемъ, что, скончавшись 21-го августа того же 1809 г., Ковылинъ сдѣлалъ самое лучшее, что могъ, при томъ безвыходномъ положеніи, въ какомъ очутился Илья Алексѣичъ къ концу своей жизни, благодаря своему неумѣнью сознаваться въ ошибкахъ во́время и—каяться въ нихъ. Жаль только, что споры ѳедосѣевцевъ съ поморцами о бракѣ не кончились со смертію Ковылина.

Излагая исторію споровъ о бракѣ между ѳедосѣевцами и поморцами со времени основанія Преображенскаго кладбища и Покровской часовни до смерти Ковылина, мы видѣли два направленія въ рѣшеніи безпоповцами спорнаго вопроса: безусловное отверженіе брачной жизни преображенцами и допущеніе безсвященнословныхъ, заключавшихся, впрочемъ, при соблюденіи извѣстнаго рода обрядовъ и взаимныхъ между женихомъ и невѣстою формальныхъ обязательствъ, браковъ Покровскою часовнею. Теперь остается рѣшить вопросъ: безсвященнословные браки поморцевъ Покровской часовни составляли-ль въ разсматриваемое нами время единственную форму брачныхъ сопряженій между безпоповцами, или продолжали существовать въ это время и другіе виды новоженства, явившіеся въ безпоповщинѣ еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія и состоявшіе въ томъ, что одни изъ безпоповцевъ, слѣдуя внушеніемъ Ивана Алексѣева, заключали браки въ православной церкви посредствомъ вѣнчанія, другіе вступали въ брачныя сожитія съ избранными ими женщинами

по одному взаимному согласію, безъ всякихъ формальныхъ обязательствъ и безъ всякаго молитвословія? На этотъ вопросъ г. Надеждинъ такъ отвѣчаетъ: „когда съ образованіемъ Преображенскаго кладбища и Покровской часовни одна часть безпоповцевъ, подъ предводительствомъ Ильи Ковылина, для возстановленія въ полной силѣ прежнихъ безпоповщинскихъ идей, стала требовать отъ каждаго безпоповца безусловнаго дѣвства, а другая вмѣстѣ съ Васильемъ Емельяновымъ рѣшительнымъ образомъ объявила необходимость и святость брачной жизни, тогда уже новоженовъ въ прежнемъ видѣ не могло существовать: потому что, предпочиталъ ли кто изъ безпоповцевъ жизнь семейную, тотъ уже, не измѣняя безпоповщинѣ и не нуждаясь въ снисхожденіи, имѣлъ полное право вѣнчаться въ Покровской и другихъ подобныхъ часовняхъ, или, если кто убѣжденъ былъ въ превосходствѣ ѳедосѣевскаго дѣвства, тотъ естественно долженъ былъ подчиняться Преображенскому кладбищу“ (1). Такъ, по видимому, слѣдовало бы быть, но не такъ на самомъ дѣлѣ было. Независимо отъ браковъ, заключавшихся въ Покровской часовнѣ, съ благословенія Емельянова и его преемниковъ по настоятельству, были въ разсматриваемое нами время брачныя сопряженія между безпоповцами и другаго рода, и именно— одни изъ раскольниковъ вступали въ брачныя сожитія съ избранными ими женщинами по одному взаимному согласію, не освящаемому никакимъ молитвословіемъ, другіе прямо и открыто вѣнчались въ православной церкви. Что подобнаго рода новоженство продолжало существовать, на ряду съ браками Покровской часовни, это мы уже отчасти видѣли, когда говорили объ отступленіи отъ правилъ Преображенскаго кладбища иногородныхъ, не-московскихъ ѳедосѣевцевъ. Такъ соборъ петербургскихъ ѳедосѣев-

(1) Споры безпоповц. Преобр. кладб. и Покров. часовни о бракѣ стр. 68.

цевъ, бывшій въ 1791 г., упоминаетъ о „христіанахъ, вновь поженившихся въ церквахъ иновѣрныхъ“, а равно и о такихъ, кои „сами собою, окромѣ Божія закона и молитвъ іерейскихъ, сходились“ (1). Въ соборныхъ письмахъ, посланныхъ Преображенскимъ кладбищемъ въ Красный Холмъ (въ 1796 г.) и въ Тихвинъ (въ 1799 г.), говорится о „разнообразно и беззаконно брачившихся“ ѳедосѣевцахъ (2). Въ „подкрѣпленіи“ на статьи, посланныя (1804 г.) ѳедосѣевцами Преображенскаго кладбища въ Сибирь, осуждаются „смѣлые охотники“, которые вступали въ бракъ „за еретическимъ тайнодѣйствіемъ“ (3), т. е. вѣнчались въ православной церкви. Въ письмѣ настоятеля ѳедосѣевцевъ „Кинешемскихъ и Казанскихъ низовыхъ странъ“, писанномъ въ 1798 г., упоминаются „христіане, новопоженившіеся разными образы“ (4). Въ „подкрѣпленіи“ на статью о новоженахъ, помѣщенномъ въ 37 главѣ пандекта Гнусина, говорится „о новоженческихъ *разнообразно* бываемыхъ сплетеніяхъ“ и замѣчается, что „у сихъ глаголемыхъ новоженовъ многіе имѣются новые браки по свойству дѣйства“ и что „первый ихъ и любезный бракъ, еже отъ еретикъ вѣнчаніе пріимати, или по ихъ еретической церемоніи, или по старопечатному требнику, отъ поповъ, полныхъ еретичества“. Наконецъ, изъ опредѣленій собора петербургскихъ ѳедосѣевцевъ 1709 г. мы видѣли, что многіе изъ столичныхъ ѳедосѣевцевъ не только „безъ вѣнчанія по согласію сходились“, но и „вѣнчались въ церквахъ иновѣрныхъ“ (т. е. православныхъ), что „въ церкви же еретическія“ (т. е. православныя) они посылали вѣнчаться и своихъ дѣтей, и что, наконецъ, многіе изъ петербургскихъ ѳедосѣевцевъ разсматриваемаго времени выдавали

(1) Пандектъ Гнусина, сборн. публ. библ. № 474, гл. 11.
(2) Тамъ же, гл. 23, 24 и 26.
(3) Тамъ же, гл. 31.
(4) Тамъ же, гл. 34.

даже своихъ дочерей за мужъ за православныхъ молодыхъ людей, а сыновей своихъ женили на православныхъ дѣвицахъ, вслѣдствіе чего, разумѣется, браки ихъ заключались въ православной церкви (1). А послѣ всего сказаннаго не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и по смерти Ивана Алексѣева—при жизни Ильи Ковылина, кромѣ браковъ Покровской часовни, существовали между безпоповцами, и именно—ѳедосѣевцами, браки и другаго рода, и именно, какъ освящавшіеся церковнымъ благословеніемъ, иногда даже при посредствѣ уніатскихъ священниковъ (2), такъ и заключавшіеся по одному взаимному согласію жениха и невѣсты, и слѣдовательно новоженство прежняго времени не уничтожилось со введеніемъ брачной жизни въ Покровской часовнѣ. Чѣмъ же объяснить это явленіе?

Прежде всего, по правиламъ Покровской часовни, каждый ѳедосѣевецъ могъ вступить въ бракъ по ея обрядамъ не прежде, какъ оставивъ предварительно свое общество и навсегда присоединившись къ поморскому—Мониному согласію. Но рѣшиться на такой шагъ, очевидно, могъ не всякій послѣдователь Преображенскаго кладбища—и потому, что въ такомъ случаѣ ему нужно было признать ошибочными тѣ самыя мнѣнія, съ которыми онъ съ дѣтства свыкся, какъ съ правыми и спасительными, и отреченія отъ которыхъ Покровская часовня требовала отъ каждаго ѳедосѣевца, желавшаго быть ея послѣдователемъ (3),—и потому, что, переходя на сторону Покровской часовни, онъ долженъ былъ разорвать всѣ связи съ своими прежними единовѣрцами, и даже родственниками,—

(1) Сборн. для истор. стар. Попова, т. I, стр. 24, 25 и 27; снес. пандектъ Гнусина гл. 38; собр. постановл. по части раскола 1860 г. кн. II, стр. 86.

(2) Собр. постановленій по части раскола, 1860 г. кн. II, стр. 3.

(3) См. объ этомъ въ брошюрѣ: „что такое современное старообрядчество въ Россіи“, Попова, стр. 42—46.

связи не только нравственныя, но и матеріальныя; а для ѳедосѣевцевъ, отличавшихся пристрастіемъ къ деньгамъ и вообще къ богатству—до того, что за это укоряли ихъ раскольники другихъ толковъ (1), это послѣднее обстоятельство было немаловажно. Съ другой стороны, хотя многіе изъ ѳедосѣевцевъ, и по собственному опыту, и вслѣдствіе убѣжденій поморцевъ Покровской часовни, ясно понимали, что всеобщее дѣвство, требуемое Преображенскимъ кладбищемъ,—утопія, рѣшительно неосуществимая въ жизни, и потому, во избѣжаніе разврата, считали необходимою брачную жизнь,—тѣмъ не менѣе, держась въ пониманіи брака строго церковнаго взгляда и смотря на него, какъ на таинство, совершать которое можетъ только пастырь церкви, они, разумѣется, не могли для заключенія своихъ браковъ обращаться къ Покровской часовнѣ, раздававшей благословеніе вступавшимъ въ брачныя сожитія рукою наставника-міранина. Такія безсвященнословныя сопряженія, по мнѣнію ѳедосѣевцевъ, были тѣ же блудодѣянія, только гласныя, открытыя. Что же послѣ этого оставалось дѣлать этимъ людямъ, сознавшимъ нужду въ брачной жизни и не имѣвшимъ „согласнаго, единомудрствующаго священника“, который бы могъ благословить ихъ на бракъ? Оставалось обращаться къ „попамъ еретическимъ“ и ихъ благословеніемъ утверждать свои брачныя сопряженія. Разумѣется, не безъ смущенія въ совѣсти поступали такъ многіе изъ ѳедосѣевцевъ; но ихъ успокоивали въ этомъ случаѣ—частію сознаніе того, что они вступаютъ въ общеніе съ „еретическою“ церковію только вслѣдствіе крайней нужды,—частію не забывшаяся еще проповѣдь Ивана Алексѣева о томъ, что вѣнчавшемуся по необходимости въ еретической церкви, если только онъ „необязывается еретическими обѣты“, не вмѣняется въ

(1) Кельсіева вып. 4, стр. 232—234.

вину его вѣнчаніе, особенно, если онъ понесетъ за это временную эпитимію, что̀ и соблюдалось между ѳедосѣевцами, и—наконецъ примѣръ единовѣрцевъ прежняго времени. Мы видѣли выше (1), что еще въ первой четверти прошлаго столѣтія тѣ изъ Ряпинскихъ ѳедосѣевцевъ, кои сознавали нужду въ брачной жизни, обращались для заключенія своихъ браковъ къ православнымъ священникамъ. Также поступали многіе изъ ѳедосѣевцевъ и послѣ, когда началась проповѣдь въ пользу брака Ивана Алексѣева (2). Это обращеніе къ православной церкви многихъ ѳедосѣевцевъ, для заключенія ея молитвами браковъ, начавшееся такъ давно и имѣвшее своимъ источникомъ, вѣроятно, благосклонный взглядъ основателя ѳедосѣевской секты на браки, вѣнчанные въ православной церкви, теперь—въ разсматриваемое нами время—должно было усилиться еще больше, вслѣдствіе новыхъ, болѣе мягкихъ, отношеній къ расколу власти, какъ свѣтской, такъ и духовной. Спокойная, чуждая преслѣдованій, жизнь раскольниковъ въ царствованіе Екатерины II и послѣ была причиною того, что многіе изъ ѳедосѣевцевъ, подобно раскольникамъ другихъ сектъ и толковъ, стали сближаться съ православнымъ обществомъ,—прежній фанатизмъ ихъ болѣе и болѣе слабѣлъ, и наконецъ дѣло до шло до того, что многіе изъ послѣдователей Преображенскаго кладбища, особенно сельскихъ, стали обращаться къ православнымъ священникамъ даже за разнаго рода требами. „По многимъ мѣстамъ сельскихъ жительствъ, жаловались ѳедосѣевцы Преображенскаго кладбища, умздѣваютъ поповъ, дабы вносили ихъ въ книги съ причитающимися,—дѣтей крещаютъ, въ случаѣ смерти относятъ на погребеніе и даютъ на поминовеніе, — даютъ вклады въ церковное

(1) См. гл. 2-ю стр. 109.
(2) См. гл. 3-ю стр. 158.

строеніе и на свѣщи и пр., все (всѣ) себя явно даютъ вѣдати, что они во всемъ внѣшнихъ церквей сообщники и послушники, даже и въ домы своя впущаютъ съ ихъ святынею и работою помогаютъ для церквей. И сіе все, замѣчали фанатики, великому рыданію достойно и весьма близко совершеннаго отступства и отреченія православныя вѣры" (1). На то же общеніе ѳедосѣевцевъ съ православною святынею жаловался въ свое время и Евѳимій, основатель секты странниковъ: „мнози людіе, въ познаніи древняго благочестія суще, здѣ въ ярославской странѣ и въ самомъ градѣ, еже мню и по прочимъ странамъ быти, обаче здѣ множае видится, таковъ разумъ имуще: кому уже близъ дверей смертныхъ быти, то первѣе онъ, или она, потребуетъ къ себѣ духовника отъ никоніанскія церкви, той же пришедъ, исповѣдавъ ее, или его, причаститъ и масломъ пособоруетъ... сіе творимо видится *въ ѳедосѣевыхъ*". Затѣмъ, если случалось умирать больному, ѳедосѣевцы снова обращались къ „попу" съ просьбою о погребеніи умершаго, „вручающе ему за трудъ овъ пять рублевъ, инъ десять" (2). По словамъ Евѳимія, многіе изъ „прилагавшихся великороссійской церкви" ѳедосѣевцевъ принимали къ себѣ въ домы православныхъ священниковъ даже во время праздниковъ, при чемъ угощали ихъ трапезой и давали имъ „за святость, или за праздничный молебенъ", кто что могъ, „хлѣбъ, пироги, каравай, овъ жито, а инъ деньги" (3). Само собою разумѣется, что все это дѣлалось ѳедосѣевцами неискренно, притворно, съ заднею мыслію—скрыть отъ глазъ власти и православнаго общества свое отступничество (4); тѣмъ не менѣе очевидно, что подобные послѣдователи Преображенскаго

(1) Сборн. для истор. стар. Попова, т. I, стр. 96.
(2) Сборн. правит. свѣдѣній о расколѣ, Кельсіева вып. 4, стр. 251 и 257.
(3) Тамъ же, стр. 256.
(4) Тамъ же, стр. 267.

кладбища уже не могли особенно стѣсняться вѣнчаніемъ въ православныхъ храмахъ, если кому либо изъ нихъ приходила мысль завестись женой; а между тѣмъ, вступая въ брачную жизнь съ благословенія церкви, ѳедосѣевцы тѣмъ самымъ не только избавлялись отъ всѣхъ тяжелыхъ послѣдствій, какимъ неизбѣжно подвергаются люди, вступающіе въ непризнанныя закономъ сожительства, но даже пріобрѣтали извѣстнаго рода выгоды. Въ 1764 г. (марта 3), вопреки постановленію 1722 г. (мая 15), которымъ всякій, кто крестился двумя перстами, хотя бы онъ повиновался святой церкви и принималъ всѣ церковныя таинства (1), признавался раскольникомъ и подвергался двойному окладу, былъ изданъ указъ, въ которомъ говорилось: „что же касается до тѣхъ, кои православной церкви не чуждаются и таинства церковныя отъ православныхъ священниковъ пріемлютъ, а только въ застарѣлыхъ и безразсудныхъ нѣкоторыхъ по суевѣрію остаются обычаяхъ, не развращающихъ ни слова Божія, ниже догматовъ и правилъ церковныхъ; то оные не токмо отъ входа церковнаго и отъ таинствъ ея св. сунодомъ не отлучаются, но и за раскольниковъ тѣмъ же сунодомъ не признаваемы, въ надѣяніи томъ, что они со временемъ, по благоразумію и кроткому наученію священниковъ, то свое безразсудное упрямство оставятъ и, православную вѣру совершенно познавъ, во всемъ церкви святой повиноваться будутъ; почему и отъ наложеннаго двойнаго оклада освобождаются“ (2). А послѣ этого понятно, что на основаніи этого указа многіе изъ ѳедосѣевцевъ, особенно сельскихъ, затруднявшихся, по своей бѣдности, „окупать древнее благочестіе“, могли принимать отъ церкви

(1) Собр. постановленій по части раскола, 1860 г. кн. I, стр. 35.

(2) Полн. собр. зак. т. XVI, № 12,067; снес. собр. постан. по части раск. 1860 г. кн. I, стр. 599 и 605.

таинство брака и другія таинства даже для того, чтобы этимъ избавиться отъ платежа двойнаго оклада. Когда же въ 1782 г. раскольники были совершенно освобождены отъ двойнаго оклада, явилось новое обстоятельство, которое могло побуждать нѣкоторыхъ изъ ѳедосѣевцевъ вступать въ браки, съ благословенія православной церкви. Многіе „церковные начальники и приходскіе священники Высочайшій указъ о снятіи двойной подати употребили въ такомъ непристойномъ предразсужденіи, что якобы, по снятіи двойныхъ податей, обязанъ каждый раскольникъ тотчасъ приступить къ исполненію правилъ святой церкви“, и на этомъ основаніи стали „усильственно настаивать, дабы бывшіе“ до того времени „въ расколѣ неминуемо и въ скоромъ времени приходили къ принятію исповѣди и св. таинъ“, а равно и другихъ таинствъ (1). Неудивительно, что, при такомъ образѣ дѣйствій со стороны приходскаго духовенства, нѣкоторые изъ ѳедосѣевцевъ, чтобы избѣжать разнаго рода непріятностей и притѣсненій, начали ходить въ православные храмы и принимать всѣ таинства церкви (2), а, въ случаѣ желанія вступить въ бракъ, вѣнчались у своихъ приходскихъ священниковъ. Съ другой стороны и власть церковная, въ силу указа 3 марта 1764 г., должна была дѣйствовать теперь въ отношеніи къ заблуждающимъ нѣсколько иначе, чѣмъ какъ она дѣйствовала прежде. И мы видимъ дѣйствительно, что, тогда какъ въ прежнее время раскольникъ, желавшій вступить въ бракъ съ благословенія церкви, могъ исполнить свое желаніе не иначе, какъ принявъ предварительно православіе (3), теперь (въ 1777 г.) св. сѵнодъ издаетъ указъ, которымъ, на основаніи указа 1764 г. марта 27

(1) Истор. мин. внутр. дѣлъ, Варадинова кн. VIII, стр. 38; Собр. постановл. по части раск. 1860 г. кн. I, стр. 713—714.

(2) Кельсіева вып. 1, стр. 267.

(3) Собр. постановл. по части раскола, 1860 г. кн. I, стр. 34 и 308.

дня, опредѣлившаго не считать за раскольниковъ и не отлучать отъ входа церковнаго и таинствъ тѣхъ, „кои двоеперстнымъ сложеніемъ по своему неразумію крестятся (1),—разрѣшаетъ приходскимъ священникамъ вѣнчать раскольниковъ безъ всякихъ обязательствъ со стороны заблуждающихъ, а только „по довольномъ ихъ о обращеніи отъ расколу увѣщаніи“, и это—съ тою цѣлію, „чтобы они, по выраженію указа, чрезъ удаленіе отъ церкви въ вящшее развращеніе и беззаконіе впадать не могли“ (2), при чемъ обязываетъ священниковъ, „чтобы они, какъ за вѣнчаніе у раскольниковъ браковъ, такъ и за отправленіе другихъ церковныхъ требъ, сверхъ указаннаго положенія, взятковъ отнюдь не брали, и никакимъ образомъ не домогались, подъ лишеніемъ чиновъ своихъ“. Такимъ образомъ съ 1777 г. ѳедосѣевцы, равно какъ и другіе безпоповцы, могли вѣнчаться въ православныхъ храмахъ, уже не обязываясь подпискою въ томъ, „чтобы имъ впредь расколу не содержать, но быть въ правовѣріи твердымъ“ (3). Если же кому либо изъ послѣдователей Преображенскаго кладбища не нравилась „еретическая брачная церемонія“, т. е. чинъ вѣнчанія, какъ онъ изложенъ въ новопечатныхъ требникахъ, онъ могъ легко избѣжать въ разсматриваемое нами время и этой непріятности. Съ 1784 г. раскольники получили право „имѣть особыя церкви и отправлять въ нихъ чрезъ полученныхъ отъ епархіальныхъ архіереевъ священниковъ служеніе по старопечатнымъ книгамъ“ (4). Значитъ, ѳедосѣевцы, въ случаѣ нерасположенія къ брачной церемоніи, совершавшейся въ православныхъ церквахъ, могли обра-

(1) Тамъ же, стр. 605.

(2) Тамъ же стр. 694.

(3) Впрочемъ указъ 1777 г. не всегда соблюдался властію церковною и даже былъ отмѣненъ въ послѣдствіи времени, какъ увидимъ ниже.

(4) Собр. постановл. по части раск. 1858 г. стр. 4.

щаться за освященіемъ своихъ брачныхъ сопряженій въ церкви единовѣрческія, какъ дѣйствительно и поступали многіе, „принимая вѣнчаніе по старопечатному требнику“ (1). Наконецъ, тѣ изъ петербургскихъ ѳедосѣевцевъ, которые женили своихъ сыновей на православныхъ дѣвицахъ, а дочерей своихъ выдавали замужъ за православныхъ молодыхъ людей, при чемъ браки тѣхъ и другихъ вѣнчались въ православныхъ храмахъ, поступали такъ не по убѣжденіямъ какимъ либо, а единственно по расчету—съ цѣлію пристроить своихъ дѣтей въ „никоніанскіе богатые домы“ (2). Что же касается тѣхъ ѳедосѣевцевъ, которые вступали въ сожительство съ избранными ими женщинами безъ вѣнчанія, по одному взаимному согласію между собою, то это были большею частію фанатики, которымъ ненависть къ православной церкви не позволяла обращаться къ пастырямъ ея за благословеніемъ на бракъ, которые съ недовѣріемъ смотрѣли и на единовѣрческихъ священниковъ, какъ получавшихъ благодать священства отъ мнимо „еретичествующихъ“ архіереевъ, но которые въ то же время не находили въ себѣ достаточно силъ—цѣлую жизнь пребывать въ строгомъ дѣвствѣ, или—люди дурной нравственности, избиравшіе такую легкую форму брачнаго сопряженія для того, чтобы, въ случаѣ охлажденія страсти, можно было, безъ всякой отвѣтственности предъ закономъ, бросить мнимую жену и обзавестись другою, болѣе красивою, или даже снова принять на себя роль дѣвственника.

Все, что́ мы говорили доселѣ, касается главнымъ образомъ ѳедосѣевцевъ; но есть основаніе думать, что указанные нами виды новоженства существовали въ разсматриваемое нами время и между поморцами. Такъ 1808 г.

(1) Пандектъ Гнусина, гл. 37.

(2) Сборн. для истор. стар. Попова, т. I, стр. 52.

до свѣдѣнія правительства дошло, что нѣкоторые изъ поморцевъ Нижегородской губерніи заключали браки только по благословенію родителей (1). Въ 1815 г. сѵнодальный оберъ-прокуроръ, князь Голицынъ, предлагалъ на усмотрѣніе св. сѵнода рапортъ секретаря тобольской консисторіи „по дѣлу о повѣнчаніи вознесенскими священно и церковнослужителями крестьянъ: Іоакима Пушкарева съ дѣвкою Анною Зориною и Прокопія Долгушина съ дѣвкою же Гликеріею Васильевою, состоявшихъ въ старообрядствѣ поморскаго толка“ (2). Нѣтъ сомнѣнія, что и въ другихъ мѣстахъ нѣкоторые изъ поморцевъ вступали въ браки съ благословенія православной церкви, хотя свѣдѣній объ этомъ мы и не имѣемъ. Что же заставляло искать освященія своимъ брачнымъ сопряженіямъ въ православныхъ храмахъ, или даже вступать въ браки безъ всякаго освященія ихъ, по одному взаимному согласію и благословенію родителей, — поморцевъ, которые имѣли въ это время въ Москвѣ Покровскую часовню, щедро раздававшую своимъ послѣдователямъ благословеніе на брачную жизнь? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы должны сказать, что, какъ ни убѣдительно, по видимому, доказывали Емельяновъ, Скочковъ, Заяцевскій и другіе, законность (догматическую) браковъ, заключавшихся въ Покровской часовнѣ, тѣмъ не менѣе большинство поморцевъ едва-ли способно было понять надлежащимъ образомъ всю силу „доводовъ“, которыми защитники брачной жизни подтверждали правильность безсвященнословныхъ браковъ. А между тѣмъ всѣ и каждый сознавалъ хорошо, что „заведенное въ царствующемъ градѣ Москвѣ нѣкіими христіанами толкованіе брака“—было новостью въ расколѣ, и что „прежніе отцы“ ясно и опредѣленно учили, что бракъ законный можетъ

(1) Истор. мин. внутрен. дѣлъ, Варадинова кн. VIII, стр. 61.
(2) Собр. постановл. по части раск. 1860 г. кн. II, стр. 100—104.

быть заключенъ только „епископомъ, или тоя парохіи пресвитеромъ“. Притомъ, и сами защитники безсвященнословныхъ браковъ не отрицали того, что болѣе правильная форма заключенія брака — та, когда онъ совершается съ благословеніемъ священника, и что „содѣйствіе законнаго брака, бываемое безъ священнослуженія, только прощенія достойно“ (1). А послѣ этого не удивительно, если многіе изъ поморцевъ, особенно иногородныхъ, убѣжденные сочиненіями покровцевъ, а еще болѣе собственнымъ опытомъ, въ необходимости и святости брачной жизни, затруднялись однакоже вступать въ безвященнословныя брачныя сопряженія—по обрядамъ Покровской часовни, а вѣнчались, подобно ѳедосѣевцамъ, то въ церквахъ православныхъ, то въ единовѣрческихъ, успокоивая себя въ этомъ случаѣ тою же „крайнею нуждою“, на которую указывали и ѳедосѣевцы, вѣнчавшіеся въ православныхъ храмахъ. Наконецъ и сами покровцы, преслѣдуя ѳедосѣевскій развратъ, который послѣдователи Преображенскаго кладбища оправдывали „неимѣніемъ православнаго священства“ для заключенія браковъ, говорили, что лучше вѣнчаться въ церкви еретической, чѣмъ предаваться разврату. „Аще и тяжекъ грѣхъ, еже вѣнчатися у еретикъ, писалъ Анисимовъ (2), но любодѣянія грѣхъ не въ примѣръ сему тягчае. Ибо когда отступникамъ изложенъ чинъ пріятія и прощенія, вольнымъ отступникамъ на два лѣта, а по неволѣ отступившимъ на 12 недѣль, — зри потребникъ глав. 77 и 78; любодѣю же ни чрезъ весь вѣкъ покаянія нѣсть, аще не первѣе расторгнетъ сквернаго своего любодѣйнаго сожитія и разлучитъ себя другъ отъ друга; по расторженіи же ему епитимія на 7 лѣтъ, а

(1) Споры безпоповц. Преобр. кладб. и Покров. часовни о бракѣ, стр. 26.

(2) „О раздѣленіи христіанъ“, рук. публ. библ. № 38—по отдѣлу бракобор. сочиненій.

прелюбодѣю на 15 лѣтъ. Виждь, колико разнствіе между отступникомъ и любодѣемъ". И хотя Анисимовъ замѣчалъ, что онъ пишетъ это не для того, чтобы „хвалить вѣнчаніе у еретикъ", а чтобы только показать, что „вѣнчавшемуся у еретикъ удобнѣе покаятися, нежели любодѣю, ибо той не мыслитъ болѣе о томъ грѣхѣ, его же сотвори, но развѣ точію воспоминаетъ на умъ, каяся Богу о томъ, любодѣй же, аще и кается, но любодѣйцы своей не отлучается", — тѣмъ не менѣе не трудно было вывести изъ словъ Анисимова и другое заключеніе, именно то, что, въ случаѣ нужды, можно вѣнчаться и въ „еретической" церкви, какъ и дѣлали тѣ изъ поморцевъ, которымъ непонятна была правильность безсвященнословныхъ браковъ Покровской часовни. Была и еще причина не менѣе важная, по которой нѣкоторые поморцы, сознавшіе нужду въ брачной жизни, рѣшались лучше вѣнчаться въ „церкви еретической" (т. е. православной), чѣмъ въ Покровской часовнѣ. Это—непризнаніе властію безсвященнословныхъ браковъ Покровской часовни законными браками. Правда, современные намъ защитники безсвященнословныхъ раскольническихъ браковъ стараются доказывать, будто еще со временъ Петра I-го правительство наше признавало законными браки раскольниковъ, заключавшіеся внѣ церкви—безъ вѣнчанія, и для этой цѣли ссылаются на указы Петра I-го отъ 9 октября 1718 г. и отъ 24 марта 1719 г. и на указы Екатерины II-й отъ 14 декабря 1762 г. и отъ 17-го марта 1775 года (1), но—напрасно. Обращаясь къ полному собранію законовъ, мы дѣйствительно находимъ подъ означенными годами указы, въ которыхъ идетъ рѣчь о раскольникахъ и о бракахъ раскольническихъ, заключавшихся безъ церковнаго вѣнчанія; только на осно-

(1) „Историч. извѣщ. о безпрер. продолженіи зак. брака въ старов." л. 2-й. См. также Кельсіева вып. 4, стр. 217.

ваніи этихъ указовъ никакъ нельзя думать, будто власть признавала законность подобныхъ браковъ. Такъ указомъ 9 октября 1718 г. (1) только повелѣвалось „всѣхъ раскольниковъ, кто-бъ какого званія ни былъ, переписать и положить въ (двойной) окладъ“; о бракахъ раскольническихъ въ этомъ указѣ нѣтъ ни слова. Что же касается указа 24-го марта 1719 года (2), то имъ дѣйствительно налагался на раскольниковъ, которые „женятся тайно не у церкви, безъ вѣнечныхъ памятей, особливый сборъ, а именно рубля по три съ человѣка мужеска и женска полу, на обѣ стороны поровну, а съ богатыхъ и больше“;—но думать, на основаніи этого указа, будто Петръ I-й признавалъ законность раскольническихъ безсвященнословныхъ браковъ, значитъ впадать въ большую ошибку. Петру нужны были деньги на постройку Петербурга, на устройство флота, на прорытіе каналовъ, на безпрерывныя войны и проч. и проч., и вотъ онъ рѣшился обратить въ статью государственнаго дохода не только расколъ вообще, положивъ двойной окладъ на всѣхъ раскольниковъ за то единственно, что „по упрямству своему обращаться къ святой церкви и въ соединеніи съ правовѣрными они быть не хотѣли“ (3), но—и частныя проявленія сектанства заблуждающихъ, въ родѣ, напр., браковъ ихъ, заключавшихся безъ церковнаго благословенія, бороды и проч. Но какъ двойной окладъ, платимый раскольниками, не препятствовалъ Петру считать послѣдователей старины „лютыми непріятелями, и государству и государю непрестанно зло мыслящими“ (4), а „раскольническія дѣла — злодѣйственными“ (5), и, въ случаѣ дурнаго расположенія духа, пре-

(1) Полн. собран. зак. т. V, № 3232.
(2) Тамъ же, т. V, № 3340.
(3) Собр. постановл. по части раскола, 1860 г. кн. I, стр. 54.
(4) Полн. собр. зак. т. VI, № 3718.
(5) Собр. постановл. по части раскола, 1860 г. кн. I, стр. 99.

слѣдовать заблуждающихъ и батогами, и кнутомъ, и виской, и каторгою, и галерами, а въ случаѣ упорства—„пытать ихъ до обращенія (къ церкви), или до смерти“ (1); такъ точно и особливый сборъ съ раскольниковъ въ три рубля, которымъ, повидимому, давалось заблуждающимъ право заключать браки по своему усмотрѣнію, не помѣшалъ явиться въ 1722 году (мая 15-го) указу, въ которомъ о брачныхъ сопряженіяхъ раскольниковъ говорилось слѣдующее: „обоихъ расколъ держащихъ лицъ не вѣнчать; а если и безъ церковнаго вѣнчанія жить собою станутъ, допросить. И кто вѣнчалъ, или безъ вѣнчанія живутъ, и того вѣнчавшаго сыскать къ наказанію, да и вѣнчавшіеся, яко своего обѣщанія (которое при записываніи своемъ въ явный расколъ съ росписко̀ю учинили) преступники, наказанію подлежатъ. А если сами собою сожитіе воспріяли, за то ихъ, яко *законопреступниковъ* явныхъ, звать на судъ архіерейскій; а если же не похотятъ сказать, кто вѣнчалъ ихъ, или безъ всякаго вѣнчанія сжились, то взяты будутъ въ розыскъ“ (2). А что такое составлялъ для раскольниковъ розыскъ въ царствованіе Петра I-го, при существованіи преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи,—объ этомъ, кажется, нѣтъ нужды много говорить послѣ того, какъ появились въ свѣтъ изданія г. Есипова: „раскольничьи дѣла XVIII столѣтія“. Но такъ какъ, не смотря на вышеприведенный указъ 15-го мая 1722 года, раскольники продолжали вѣнчаться у бѣглыхъ „поповъ по суетному ихъ раскольническому мнѣнію“, и даже у „непосвященныхъ“, то, въ пресѣченіе подобныхъ злоупотребленій, въ томъ же 1722 году іюля 10-го изданъ былъ сенатомъ „обще съ сѵнодомъ“ новый указъ, которымъ опредѣлялось поповъ, а равно и „непосвященныхъ“,

(1) Раскольнич. дѣла XVIII стол. Есипова, т. II, стр. 271.
(2) Полн. собр. зак., т. VI, № 4009 п. 8.

вѣнчавшихъ раскольническіе браки, „сыскивать“ и послѣ допросовъ „отсылать для наказанія и ради ссылки на галеры къ свѣтскимъ управителямъ, а движимое ихъ и недвижимое имѣніе отписывать на его императорское величество и содержать подъ сунодскимъ вѣдѣніемъ“. Такою мѣрою власть хотѣла совершенно „пресѣчь“ раскольническіе браки, а равно и другія „творимыя у нихъ требы“ (1), и заставить раскольниковъ вѣнчаться „отъ православныхъ іереевъ — по чину церковному и по новоисправленнымъ требникамъ“. Подобный же взглядъ законодательства на раскольническіе браки, заключавшіеся „не у церкви“, существовалъ и послѣ Петра I-го до Екатерины II-й (2); безсвященнословныя брачныя сопряженія раскольниковъ считались прелюбодѣяніемъ, а дѣти, рождавшіеся отъ такихъ сопряженій,—незаконнорожденными. Екатерина II, вызывая изъ-за границы бѣглыхъ раскольниковъ и предоставляя имъ разнаго рода льготы, въ своемъ указѣ 1762 года 14-го декабря сослалась, между прочимъ, и на указъ Петра I-го объ особливомъ сборѣ съ раскольниковъ, за вѣнчаніе ими браковъ „не у церкви—безъ вѣнечныхъ памятей“ (3); но изъ этого опять не слѣдуетъ, будто правительство хотѣло этимъ показать раскольникамъ, что оно признаетъ и будетъ признавать безсвященнословные ихъ браки законными. Послѣ Петра нѣкоторыя изъ его узаконеній касательно раскольниковъ были отмѣнены властію, и притомъ не въ пользу раскольниковъ. Благоговѣя предъ великою личностію русскаго преобразователя и въ тоже время желая смягчить строгость мѣръ, употреблявшихся противъ раскольниковъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, Екатерина, повторяя въ своемъ манифестѣ указы

(1) Тамъ же, № 4052.

(2) Полн. собр. зак. т. IX, № 6928; Собр. пост. по части раск. 1860 г. кн. I, стр. 141, 239, 304, 415, 585.

(3) Полн. собр. зак. т. XVI, № 11725.

Петра касательно раскольниковъ, и въ томъ числѣ—указъ 24-го марта 1719 года, хотѣла только этимъ возстановить законодательство Петра касательно заблуждающихъ и тѣмъ выразить свое уваженіе къ „отцу отечества“, но ничуть не думала узаконять безсвященнословныхъ раскольническихъ браковъ. По крайней мѣрѣ въ такомъ смыслѣ поняла указаніе Екатерины на указъ Петра о раскольническихъ бракахъ власть церковная, которая и въ царствованіе этой государыни продолжала не признавать законности брачныхъ сопряженій раскольниковъ, и притомъ не только тѣхъ, которыя совершались безсвященнословно, но даже и тѣхъ, которыя заключались раскольническими попами посредствомъ вѣнчанія (1), и требовала по прежнему, чтобы раскольники вѣнчались у православныхъ священниковъ (2). Что же касается указа 17-го марта 1775 г., на который раскольники также ссылаются, въ подтвержденіе своей мысли о томъ, будто безсвященнословные браки ихъ признавались законными въ царствованіе Екатерины, то въ немъ нѣтъ даже и намека на подобную мысль. Все, что говорится въ немъ о бракахъ, ограничивается слѣдующею милостію государыни: „гдѣ, въ которой области имперіи нашей состоитъ запрещеніе вступать въ бракъ безъ дозволенія губернаторскаго или градоначальника, и за таковое дозволеніе сбирается сборъ или деньгами, или скотомъ, чрезъ сіе всемилостивѣйше отрѣшаемъ таковое запрещеніе и сборъ и дозволяемъ всякому роду и поколѣнію людей вступать въ бракъ безъ подобнаго дозволенія и платежа“ (3). Въ приведенныхъ словахъ указа, какъ читатели могутъ видѣть, нѣтъ и рѣчи о бракахъ раскольническихъ, не только—признанія ихъ законности. Такимъ

(1) Собр. постановл. по части раскола, 1860 г. кн. I, стр. 754—756.
(2) Тамъ же, стр. 694.
(3) Полн. собр. зак. т. XX, № 14275.

образомъ тѣ основанія, на которыхъ современные намъ безпоповцы стараются утвердить свою мысль о томъ, будто во времена Петра I-го и Екатерины II-й власть признавала законность (гражданскую) безсвященнословныхъ раскольническихъ браковъ, оказываются несостоятельными. Что же касается царствованія императора Павла и первыхъ лѣтъ царствованія Александра Благословеннаго,—того времени, которымъ заканчивается изложенная нами выше исторія споровъ между раскольниками о бракѣ, — то есть основаніе думать, что и въ это время власть смотрѣла на раскольническіе браки не менѣе строго. Подъ 1806 годомъ мы находимъ указъ св. сунода, которымъ бракъ раскольника-поповца съ раскольницею же, вѣнчанный въ 1799 году по-раскольнически, на московскомъ Рогожскомъ кладбищѣ—въ часовнѣ бѣглымъ попомъ Егоромъ, признанъ „беззаконнымъ“ (1). Въ 1808 году, „вслѣдствіе донесенія воронежскаго епископа Арсенія по дѣлу о пяти бракахъ разныхъ станицъ казачьихъ дѣтей, повѣнчанныхъ старообрядческими попами въ простыхъ домахъ и часовняхъ“, св. сунодомъ было „положено: поелику вышеозначенные браки вѣнчаны внѣ церкви, въ домахъ и часовняхъ, и неизвѣстными бродягами, то и не могутъ они быть признаны за браки законные, а за сопряженія любодѣйныя“ (2). Въ томъ же году, вслѣдствіе донесенія тобольскаго архіепископа Амвросія о старообрядцѣ тюменской округи Леонтіѣ Паклинѣ, учинившемъ, при живой женѣ своей, съ дѣвкою Аграфеною Семеновой прелюбодѣяніе и прижившемъ отъ того младенца, св. сунодъ въ своемъ опредѣленіи высказалъ ту мысль, что ежели старообрядецъ Паклинъ вѣнчанъ съ называемою его женою въ православной церкви, въ такомъ случаѣ онъ

(1) Собр. постановл. по части раск. 1860 г. кн. II, стр. 47—50.
(2) Тамъ же, стр. 75.

подлежитъ епитиміи, какъ прелюбодѣй; но если бракъ его не былъ совершенъ въ православной церкви,—въ такомъ случаѣ онъ не больше, какъ блудникъ (1). А изъ этого ясно, считала-ли церковная власть раскольническіе браки законными. Въ томъ же 1808 году московскій митрополитъ Платонъ доносилъ, что мѣщанка Еремѣева, вышедшая въ 1808 году замужъ за раскольника — мѣщанина Аѳанасьева и повѣнчанная съ нимъ на Рогожскомъ кладбищѣ, проситъ о присоединеніи ея изъ раскола къ св. церкви и о разводѣ ея съ мужемъ. На такое донесеніе св. сѵнодъ, согласно мнѣнію московской консисторіи, утвержденному митрополитомъ Платономъ, постановилъ: „бракъ Еремѣевой съ Аѳанасьевымъ, яко совершенный на раскольническомъ кладбищѣ неправильно, расторгнуть и почитать за ничто, и чтобы они другъ-друга впредь въ супружествѣ не почитали, и единъ женою, а другая мужемъ не именовали и не писали, въ томъ обязать ихъ подписками“ (2). Если же власть не признавала законными браки раскольническіе-поповщинскіе, заключавшіеся съ благословенія, хотя и бѣглыхъ, но все же поповъ, то само собой понятно, что еще менѣе она могла признавать законность браковъ безпоповщинскихъ, заключавшихся безъ всякаго пресвитерскаго вѣнчанія, по одному благословенію наставника-мірянина, какъ это дѣлалось, напр., въ Покровской часовнѣ. Такъ на самомъ дѣлѣ и было. Въ 1809 году, въ которомъ скончался Ковылинъ, ярославскій преосвященный Антоній, по поводу вступленія старообрядца безпоповщинскаго толка, крестьянина Андрея Иванова, въ безопасное сожитіе, подъ именемъ старообрядческаго брака, съ уклонявшеюся отъ исповѣди и причастія св. таинъ дѣвкою Парасковьею Прокофьевою,

(1) Тамъ же, стр. 78.
(2) Тамъ же, стр. 79—80.

испрашивалъ у св. сунода разрѣшенія, какъ ему поступать въ подобныхъ случаяхъ. Сунодъ опредѣленіемъ положилъ: „поелику сопряженія подъ видомъ старообрядческихъ браковъ, и притомъ въ неизвѣстности составленныя, не могутъ быть признаны по правиламъ, православною церковію содержимымъ, за браки, а надлежитъ признавать ихъ за сопряженія любодѣйныя“, то „преступленія сіи подлежатъ, по силѣ высочайшей резолюціи, на докладныхъ св. сунода пунктахъ, состоявшейся 1722 года апрѣля 12-го дня, суду гражданскому“ (1). А по суду гражданскому, любодѣяніе всегда подвергалось наказанію и дѣти, родившіяся отъ любодѣянія, никогда не считались законнорожденными.

Что же слѣдуетъ изъ всего сказаннаго для нашей цѣли? То, что, вслѣдствіе непризнанія властію раскольническихъ, особенно безпоповщинскихъ, заключавшихся безъ вѣнчанія, браковъ законными, не только тѣ изъ послѣдователей Покровской часовни, которые не признавали правильности безсвященнословныхъ браковъ, но даже и тѣ, кои были убѣждены въ ихъ (догматической) законности, могли затрудняться вступленіемъ въ брачныя сопряженія съ благословенія Емельянова, Скочкова и под., и вѣнчались нерѣдко въ церквахъ православныхъ, во избѣжаніе отвѣтственности предъ закономъ за незаконное сожитіе. А такой отвѣтственности можно было легко подвергнуться не только по какимъ-либо внѣшнимъ, независѣвшимъ отъ брачившихся, причинамъ, но и по ихъ собственной волѣ, по нежеланію, напр., котораго-либо изъ супруговъ продолжать сожитіе, непризнанное закономъ. Чтобы предотвратить, сколько можно, подобныя непріятности, которыя могли навлечь бѣду и на самую Покровскую часовню, настоятели ея постановили правиломъ—отъ каждой четы,

(1) Тамъ же, стр. 83—84.

желавшей вступить въ бракъ, по обрядамъ Покровской часовни, требовать письменнаго клятвеннаго обѣщанія—хранить супружескую вѣрность „вѣчно, вѣрно и неизмѣнно". Мы имѣемъ подъ руками одно изъ такихъ обѣщаній, данное въ 1798 году, іюля 23-го дня, московскимъ купцомъ Захаромъ Ѳедоровымъ Бронинымъ и дочерью московскаго купца Татьяною Ѳедуловою Савельевою, и считаемъ не лишнимъ привесть его здѣсь, не только какъ интересный образчикъ свадебныхъ раскольническихъ контрактовъ, но и какъ документъ, свидѣтельствующій о сознаніи самою Покровскою часовнею непрочности, заключавшихся въ ней, браковъ. „Всемогущій Богъ, писали желавшіе вступить въ бракъ въ Покровской часовнѣ, подъ диктовку ея настоятеля, во единствѣ своего непостижимаго естества и въ тріехъ ѵпостасѣхъ, отъ всея твари прославляемый, отъ небытія въ бытіе благоизволилъ привести всю видимую и невидимую тварь, и потомъ человѣка—мужа и жену сотворилъ и въ раю жити повелѣ и всесильною своею властію благословеніе имъ даде, глаголя: растителся и множителся и наполняйте землю и господствуйте ею. Но когда человѣкъ преступи заповѣдь своего Творца и Бога и подверженъ учинился наказанію, изгнанъ бысть изъ рая и землю дѣлати осужденъ, и притомъ услышалъ гласъ Бога, наказующаго мужа—въ потѣ лица своего ясти хлѣбъ и женѣ—въ болѣзнѣхъ родити чада. Сему подверженъ учинился весь родъ человѣческій. Что мужу имѣть въ помощницу жену, а женѣ въ попечителя о себѣ мужа, да таковымъ богоблагословеннымъ супружества союзомъ возможетъ человѣкъ хранити себя въ богоугодномъ пребываніи и соблюдать честность брака во славу Божію, по гласу самаго Спасителя,—еже убо Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ,—и въ пользу человѣческаго общества, и да освободится отъ безчестія и стыда, наводя-

щаго смертный и душепагубный грѣхъ блудодѣянія. И тако, по Божію благословенію и по святопророческому и апостольскому и святыхъ богопрославленныхъ пастырей ученію, и по взаимному нашему другъ ко другу самопроизвольному любовному согласію, и съ благословеніемъ родительскимъ, просяще всещедраго Владыку нашего Бога, вѣнчающаго милостію и щедротами и благословляющаго родъ человѣческій, вступаемъ мы Захарій и Татьяна въ вѣчное, нерасторженное, законно, правильно и истинно совершенное супружество, которое и хранить, при помощи Божіей, по ученію св. апостола Павла: честенъ бракъ и ложе не скверно, должны непремѣнно. Къ тому же супружество наше, или бракъ, исповѣдуемъ незазорный, непорочный, по ученію того же верховнаго апостола, глаголющаго: аще ли оженишися, не согрѣшилъ еси, и аще посягнетъ дѣва, не согрѣшила есть. По сему во всякое время и вездѣ должны мы наблюдать наше законное бракосочетаніе вѣчно, вѣрно и неизмѣнно, безъ всякаго лицемѣрія и отъ прочихъ зазрѣнія, и ни въ какое время, т. е. въ благоденствіи и счастіи и въ нуждѣ, другъ друга не оставлять, но вся вкупѣ имѣть и претерпѣвать, какъ Божій законъ и апостольское преданіе и св. отецъ ученіе и гражданскія установленія повелѣваютъ. А ежели кто изъ насъ нынѣшнее наше самопроизвольное, а не принужденное, въ присутствіи прочихъ и съ благословеніемъ родительскимъ содѣйствуемое, согласіе пренебрежетъ, или послѣдуетъ каковому иномудренному мнѣнію, или развращенію, законно произведенный бракъ разрушитъ и ни во что вмѣнитъ, и тѣмъ единъ другаго въ оскорбленіе и безчестіе, обиду и печаль, огорченіе и въ смущеніе мыслей, умышленно приведетъ, то таковый изъ насъ подверженъ будетъ гражданскимъ законамъ, а отъ праведнаго судіи всѣхъ Бога да пріидутъ на него вся клятвы, которыя

написалъ боговидецъ Моисей пророкъ во второзаконіи (гл. 28), въ будущемъ же вѣцѣ да будетъ сужденъ, яко нарушитель Божія закона и презритель святоапостольскаго, пророческаго и божественныхъ учителей преданія и наставленія, и попратель своея совѣсти и вѣры и честности. И сіе наше рукописаніе есть и будетъ намъ въ вѣчное укрѣпленіе и утвержденіе, чего ради нашими руками въ вѣрность и подписуемъ. 1798 года іюля 23-го числа. Московскій купецъ Захаръ Ѳедоровъ сынъ Бронинъ, московскаго купца дочь Татьяна Ѳедулова Савельева. Московскій купецъ Ѳедоръ Аѳанасьевъ Бронинъ. Экономическій крестьянинъ дружка Никифоръ Петровъ свидѣтель былъ и руку приложилъ“ (1). Прочитавъ это„ клятвенное письмо“, нельзя не сознаться, что давшія его лица не могли нарушить своего сожительства, не „поправши своей совѣсти, вѣры и честности“. Но если, какъ свидѣтельствуетъ горькій опытъ, даже между супругами, дающими обѣты взаимной любви и вѣрности предъ алтаремъ Господнимъ, въ присутствіи служителя церкви, иногда, по разнаго рода причинамъ, возникаютъ недоумѣнія, кончающіяся нерѣдко разрывомъ семьи,—то что же сказать о послѣдователяхъ Покровской часовни, получавшихъ благословеніе на бракъ отъ руки такого же, какъ и они сами, мірянина, большинство которыхъ при томъ воспитано было въ понятіяхъ, противорѣчившихъ законности и святости супружескаго союза? Между подобными лицами, независимо отъ обыкновенныхъ человѣческихъ слабостей, могло происходить нарушеніе супружескихъ обѣтовъ по причинамъ даже уважительнымъ, въ силу религіозныхъ убѣжденій—ложныхъ, и даже истинныхъ. Такъ напр. женатый поморецъ, которому удавалось послушать разглагольствій какого-нибудь

(1) Пандектъ Гнусина, гл. 39. Такое „клятвенное письмо“ подавалось желавшими вступить въ бракъ „въ общественное собраніе“ покровцевъ.

бракоборнаго ѳедосѣевскаго начетчика и убѣдиться въ мнимой невозможности брака въ настоящія, послѣднія времена міра,—могъ разрушить супружескій союзъ, не только не попирая своей совѣсти, вѣры и честности, а даже думая такимъ поступкомъ угодить Богу. Съ другой стороны, стоило любой женѣ покровца, какъ болѣе воспріимчивой къ голосу истины, сознать неправоту раскола и объявить желаніе присоединиться въ св. церкви,—оставленіе ею мужа, не желавшаго принять православіе, было дѣломъ не только неизбѣжнымъ, но и въ нѣкоторомъ смыслѣ законнымъ, или по крайней мѣрѣ допускалось закономъ. Не даромъ же въ вышеприведенномъ „клятвенномъ письмѣ“ указывается, какъ на возможную причину къ разрушенію браковъ, заключавшихся въ Покровской часовнѣ, на „послѣдованіе“ котораго—либо изъ супруговъ „каковому иномудренному мнѣнію, или развращенію“. А исторія прямо свидѣтельствуетъ, что указанная возможность часто переходила въ дѣйствительность. Такъ, по свидѣтельству писателя „исторіи обновленія покровскаго молитвеннаго дома“ (1), самъ Монинъ (купецъ), по фамиліи котораго Покровская часовня называлась Мониною (2), „оклеветанъ былъ архіереови, женою своею, яко бы сія ему незаконная жена“, хотя она была вѣнчана съ нимъ, по свидѣтельству Любопытнаго, „по обряду поморской церкви“ (3). И хотя, если вѣрить Любопытному и писателю указанной „исторіи“, Монинъ, при помощи Заяцѣвскаго, успѣлъ доказать митрополиту Платону, что „жена его есть ему точно законная супруга по началамъ таинства брака, хотя и не вѣнчана въ господствующей церкви пресвитеромъ“, и что слѣдовательно „она отъ союза Монина отрѣшена быть не можетъ“, —на

(1) Рук. публ. библ. № 28 въ сборникѣ бракоборч. сочиненій.
(2) Собр. пост. по части раскола 1858 г. стр. 235—6.
(3) Катал. Любоп. стр. 53, № 144.

что будто бы согласился и св. сунодъ и кончилъ все дѣло въ пользу Монина; тѣмъ не менѣе на подобный исходъ дѣла (1) могъ расчитывать не всякій поморецъ. Кромѣ того, если бы даже получившіе благословеніе на бракъ въ Покровской часовнѣ супруги сами не подавали никакого повода къ взаимныхъ недоразумѣніямъ,—къ непріятностямъ разнаго рода могли привести ихъ обстоятельства стороннія. Такъ, наприм., стбило узнать объ ихъ безсвященнословномъ бракѣ приходскому священнику, а чрезъ него и епархіальному начальству,—и тысячи бѣдъ рушились на ихъ невѣнчанныя головы. И вотъ съ цѣлію съ одной стороны сдѣлать свой супружескій союзъ болѣе прочнымъ, съ другой — избавить себя отъ разнаго рода непріятностей, многіе изъ покровцевъ, особенно люди бѣдные, которые не имѣли средствъ „утолять алчности никоніанскаго духоборнаго суда“, волей-неволей, помимо Покровской часовни, вѣнчались въ церквахъ православныхъ. Что же касается тѣхъ поморцевъ, которые, при существованіи Покровской часовни, вступали въ брачныя сожитія безъ ея благословенія, по одному взаимному согласію и благословенію родителей, то это — были большею частію люди „препростые“, жившіе вдали отъ Москвы, которымъ не по карману было путешествовать въ далекую столицу и платить за внесеніе Скочковымъ именъ ихъ въ „брачную книгу“—не менѣе 10 руб. (2), и которые, по своей неразумной ревности „къ древнему благочестію“, всякое общеніе съ православною церковію считали грѣхомъ, ересью.

Такимъ образомъ въ разсматриваемое нами время, не-

(1) Въ собраніи постановленій по части раскола, состоявшихся по вѣдомству св. сунода, мы не нашли никакихъ данныхъ объ этотъ дѣлѣ. А изложенныя выше постановленія св. сунода о раскольническихъ бракахъ положительно не позволяютъ согласиться съ свидѣтельствомъ Любопытнаго.

(2) Прав. Обозр. 1863 г. т. XI, стр. 141.

зависимо отъ браковъ Покровской часовни, существовали въ ѳедосѣевскомъ и поморскомъ расколѣ и другіе виды новоженства, и все ученіе о бракѣ выражалось въ жизни заблуждающихъ въ слѣдующихъ формахъ: большинство ѳедосѣевцевъ, и даже поморцевъ, продолжало по прежнему проповѣдывать безбрачіе, хотя на дѣлѣ только не многіе изъ мнимыхъ дѣвственниковъ хранили цѣломудріе; затѣмъ нѣкоторые изъ преображенцевъ, убѣжденные въ необходимости брака и считавшіе безсвященнословные браки Покровской часовни незаконными, вѣнчались въ церквахъ православныхъ и единовѣрческихъ, очищая себя за это мнимое осквернѣніе разнаго рода эпитиміями; другіе, болѣе фанатичные, „сходились просто по согласію“, и только не многіе переходили на сторону Покровской часовни и вступали въ брачныя сожитія, съ благословенія ея настоятеля. Впрочемъ, къ концу жизни, когда страсти утихали и религіозныя стремленія снова выдвигались на первый планъ, брачные ѳедосѣевцы нерѣдко бросали своихъ мнимыхъ и законныхъ женъ и дѣлались самыми заклятыми бракоборцами, желая этимъ какъ бы загладить грѣхи своей молодости ([1]). Тѣ же виды брачныхъ сопряженій, какъ читатель видѣлъ, существовали и у поморцевъ, съ тѣмъ только различіемъ, что брачившихся въ Покровской часовнѣ между поморцами было несравненно больше, чѣмъ между ѳедосѣевцами, и что у покровцевъ больше уважался бракъ и рѣже случались самовольныя расторженія брачныхъ союзовъ.

([1]) Тамъ же, стр. 140; снес. стар. Покр. мол. и Филип. час. въ Москвѣ, стр. 6.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Погребеніе Ковылина; думы, опасенія и надежды, возбужденныя въ раскольникахъ разныхъ толковъ смертію Ковылина; соборъ петербургскихъ ѳедосѣевцевъ 22 января 1809 года по вопросу о бракѣ; постановленія этого собора, посланныя въ Москву на утвержденіе; соборъ московскихъ ѳедосѣевцевъ по тому же вопросу, бывшій 18 декабря 1818 года; статьи этого собора, посланныя въ Петербургъ на утвержденіе; сущность ученія о бракѣ столичныхъ ѳедосѣевцевъ по смерти Ковылина до 1819 года; Михаилъ Гнусинъ, наставникъ Преображенскаго кладбища,—самый жаркій защитникъ всеобщаго безбрачія; ученіе Гнусина о бракѣ; слѣдствія этого ученія: самый грубый развратъ въ одной части московской ѳедосѣевщины и разные виды сожительства, или наложничества, въ другой; переходъ нѣкоторыхъ московскихъ ѳедосѣевцевъ на сторону Покровской часовни; причины этого: проповѣдь поморцевъ о законности брака, безпорядки на Преображенскомъ кладбищѣ изъ-за выбора новыхъ попечителей, строгія мѣры правительства, какъ противъ Гнусина и другихъ проповѣдниковъ безбрачія, такъ и вообще противъ всѣхъ безпоповцевъ, отвергавшихъ бракъ; лицемѣрное и корыстное отношеніе къ повоженству московскихъ ѳедосѣевцевъ—большинства наставниковъ Преображенскаго кладбища; сущность ученія о бракѣ петербургскихъ ѳедосѣевцевъ; путешествіе въ сѣверную столицу Гнусина и друга его Таровитаго; слѣдствія этого путешествія: отверженіе брака и крайній развратъ волковскихъ ѳедосѣевцевъ; другіе ѳедосѣевскіе наставники, посѣщавшіе въ это время Петербургъ; Ѳеимъ Артемьевъ, петербургскій ѳедосѣевскій наставникъ, проповѣдуетъ необходимость брака; успѣхъ его проповѣди; обстоятельства, содѣйствовавшія этому: строгій надзоръ полиціи за петербургскими ѳедосѣевцами вообще, и за ѳедосѣевскими женщинами въ частности, и устная и письменная проповѣдь въ пользу брака поморцевъ, и особенно Павла Любопытнаго; краткія свѣдѣнія о немъ и о недостаткахъ его сочиненій, не мало вредившихъ успѣху его неустанной дѣятельности въ пользу брачной жизни; отношеніе къ вопросу о бракѣ иногородныхъ безпоповщинскихъ общинъ; взглядъ на раскольничьи браки правительства церковнаго и свѣтскаго—въ царствованіе Александра Благословеннаго.

22-го августа 1809 года—въ воскресенье—древняя наша столица была свидѣтельницей одной печальной процессіи. Вечеромъ этого дня совершался выносъ на Преображенское

кладбище тѣла, умершаго наканунѣ, въ собственномъ домѣ, находившемся при Хапиловскомъ прудѣ (1), строителя этого кладбища, извѣстнаго Ильи Алексѣича Ковылина. Вотъ какъ описывается это событіе въ „посланіи“ Луки Терентьева, ученика Ковылина и наставника Преображенскаго кладбища, писанномъ имъ 29-го августа того же 1809 года Верейскому наставнику ѳедосѣевской общины: „и какъ настало время изъ дому на кладбище преносити, какъ-то въ недѣлю послѣ вечеренъ, наполнились народу палаты, намножился и дворъ весь, повсюду улицы всѣ заняли: не стало любезному тѣлу мѣста шествовать въ желанную обитель,—потребовалось самыхъ квартальныхъ и при нихъ солдатовъ. Они весь народъ распоряжали съ чрезвычайнымъ трудомъ. Трубами улицы отъ пыли поливали, а егда не случилось по скорости, отъ пыли множественнаго народа въ гортаняхъ занималось, и съ великою трудностію едва до моленной донесоша. И какъ на одрѣ утружденное его старческое тѣло среди моленной поставиша, совокупльше лики пѣвцовъ избранныхъ, при многихъ тысящахъ обстоящаго внутрь и внѣ народа, плачевную стихиру отъ лица сиротствующихъ всѣхъ шестымъ гласомъ воспѣша, которая нарочно ему сочинена (2). Тогда

(1) Кельсіева вып. I, стр. 27.

(2) Стихира эта весьма интересна; въ ней ясно изображается, чѣмъ былъ Ковылинъ для Преображенскаго кладбища и какую страшную потерю для ѳедосѣевцевъ составляла его смерть; а потому мы приведемъ здѣсь ее для характеристики значенія въ ѳедосѣевскомъ расколѣ этой замѣчательной личности. „Егда убо, пѣли по крюкамъ избранные пѣвцы Преображенскаго кладбища, всечестный конецъ успенія твоего и еже ко Господу отшествія твоего увѣдѣвше благочестивіи вси людіе, возрыдаша жалостными сердецы, и егда приспѣ время настоящее, горящимъ духомъ совокупльшеся, составльше лики церковныя, послѣдующему всемножеству народа, вземше честное и утомленное твое тѣло, благоговѣйно возсылая къ Богу пѣсни плачевныя, о блаженномъ покои души твоея просяще, принесоша иже тобою въ богосозданную (?) обитель, въ домъ Пречистыя Божія Матери. Сіе видѣвше старцы и юноты, сироты и вдовицы, и чета дѣвическая, твоими богоподражательными (?) нѣдрами согрѣваемыя (??), яко лю-

услышались во многихъ предстоящихъ плачевные гласы, камень жестокій въ умиленіе приводящіе. Дали потомъ всему множеству позволеніе итти на зрѣніе лица его, прекрасно, умильно сномъ вѣчнымъ почивающаго. Тогда до глубокія нощи каждый человѣкъ желанно взиралъ и внутреннюю любовь чрезъ слезы и пріятное ласканіе оказывалъ. По всемъ томъ отправленіи, старческая и дѣвическая чета, яко гусль, брацала, и плачу свойственная дана имъ была стихира на пропѣтіе. Тогда умножилася въ нихъ тяжесть велія. Увы, увы, жалостно всѣ рыдали, о отцѣ своемъ щедромъ и милостивомъ жалѣли; дана была имъ полная свобода на зрѣніе. И какія тамо жалостныя рѣчи не употребляли, и какое пріятное объятіе гроба не чинили! Всякому можно знать ихъ свойства, и едва могли восвояси ихъ въ глубокую ночь возвратити".

На другой день—въ понедѣльникъ, 23 августа, назначено было погребеніе Ковылина; и вотъ, съ самаго ранняго утра, огромныя толпы народа стали собираться на

бимая тобою чада притекше, узрѣвше тебе мертва на одрѣ, плачущеся горцѣ, одръ слезами обливающе, велегласно къ тебѣ возопиша: увы намъ, милосердый нашъ отецъ! увы намъ, вожделѣнная радость! увы намъ, по Бозѣ надежда! увы намъ, пристанище благонадежное! увы намъ, неоцѣненное сокровище! увы намъ, старѣйшино нашъ добрый! къ кому уже прибѣгнемъ? Кто насъ, таковою нищетою обложенныхъ, посѣтитъ? Кто нашу нищету удовлитъ? Кто насъ отъ печали на радость преложитъ? Кто бо таковъ будетъ отецъ, якоже ты, всему нашему сиротству безпризрѣнному? О, любезный нашъ! Кто въ нуждахъ нашихъ поможетъ? Кто наготу нашу прикроетъ? Кто алкоту нашу удовлитъ? Кому прочее, любезная щедрота, насъ бѣдныхъ, косныхъ и увѣчныхъ оставляеши? Кого прочее, утѣха наша, отче драгій Василіе, вмѣсто тебя за отца изберемъ? Но, о любезный нашъ, аще и тѣломъ прейде, но духомъ живъ еси во вѣки и на вѣки. Аще стяжалъ еси дерзновеніе у Бога, пребывай съ нами духомъ, посѣщая насъ и назирая; мы же о покои души твоея должны есьмы навсегда Бога молити, да дастъ тебѣ въ небѣ мѣсто именито; тогда и ты молися за ны ко Господу и пречистѣй Его Матери, иже вѣрою и любовію тѣло твое на погребеніе готовящихъ и память твою незабвенно почитающихъ. Буди тебѣ вѣчная память... на вѣки безконечная, аминь"! (Стихира эта помѣщена въ I т. сборн. для истор. старообр. Попова, стр. 152—168).

Преображенское кладбище; тутъ были, не говоря о простомъ народѣ, и „именитые, граждане“, и „дворяне“, и „полицеймейстеръ“, и „оберъ-полицеймейстеръ“—генералъ-маіоръ Ивашкинъ, и даже самъ московскій комендантъ—графъ Тутолминъ. „Каретами отъ будки до ограды наполнили, писалъ тотъ же Лука Терентьевъ, а что прочихъ извощиковъ, тѣхъ мѣсто не вмѣстило, заняли отъ будки по улицѣ. Дворъ весь и моленна народомъ неисчисленно множествомъ наполненъ“ былъ. „Невѣроятно многимъ будетъ, замѣчалъ при этомъ очевидецъ, однако объявляемъ: старѣйшіе люди увѣряютъ, что при погребеніи князей и самыхъ монарховъ не было столько простаго народа“ (1). Настало время погребенія; офицерамъ и солдатамъ отданъ былъ приказъ — очистить моленную отъ народа; мало этого, — у всѣхъ дверей поставлены были полицейскіе—съ приказаніемъ никого, „кромѣ христіанъ, не пущать“ въ часовню; однако же, не смотря на всѣ эти мѣры предосторожности, многіе „изъ именитаго гражданства“, а равно многіе „изъ мірскихъ лучшихъ, также изъ дворянъ обоего пола, усилились“ — и попали въ моленную. Разумѣется, здѣсь же находились и московскія власти и были свидѣтелями отпѣванія тѣла своего бывшаго пріятеля-хлѣбосола; остальной народъ находился внѣ моленной. Когда конченъ былъ чинъ погребенія и стали выносить покойника изъ часовни на могилу, то „для проходу мѣсто едва могли очищать маіоры, офицеры и солдаты“, предшествуемые купцомъ Заикинымъ и „генералами“ .Противъ воротъ „обители“, въ которой помѣщались, такъ называемые, воспитанники Ильи Алексѣича и ихъ матери—ѳедосѣевскія женщины — дѣвственницы, шествіе остановилось; „выве-

(1) По свидѣтельству исторіи Преображенскаго кладбища, на погребеніе Ковылина прибыли даже раскольники ближайшихъ къ Москвѣ селъ и деревень. Кельс. вып. I, стр. 30.

дены были“ изъ келлій „всѣ сиротствующіе, которые смогли, а впереди ихъ книжныя дѣвицы. Нарочито для прощанія остановя мало гробъ, дали имъ издали прощаться, каковыя со слезами гласы простирали“, такъ-что „самые господа генералы, удивляяся, главами зыбали. И скоро какъ подняли, завопили они паче и паче уже нелѣпыми гласы, ударялись о землю, конечное разлученіе терпѣть страдали, и едва могли съ мѣста въ обитель проводить отъ множества безчисленнаго народа“ (1). Наконецъ гробъ былъ опущенъ въ могилу и, послѣ „удовлетворенія нѣкоторыхъ трапезою“, всѣ разошлись и разъѣхались по домамъ.

Смерть и такое, по выраженію Любопытнаго, „славное“ погребеніе Ковылина, какъ всякое, выдающееся изъ обыденной жизни, явленіе, долго служили москвичамъ темой для разговоровъ и тѣмъ избавляли отъ скуки, утомленныхъ однообразіемъ лѣтняго сезона, жителей столицы; но были между московскими земскими людьми и такіе, для которыхъ кончина Ильи Алексѣича составляла предметъ самыхъ серьезныхъ думъ и бесѣдъ. Это — раскольники вообще, „общимъ и отличнымъ покровителемъ“ которыхъ „отъ владыкъ міра и насилія іерархій его“ былъ Ковылинъ, и въ частности ѳедосѣевцы, лишившіеся въ лицѣ Ильи Алексѣича своего кормильца и „главнаго члена ѳедосѣевской церкви“ въ Москвѣ, и покровцы, которыхъ Ковылинъ считалъ своими злѣйшими врагами, за ученіе ихъ о необходимости брачной жизни, и которые теперь освобождались отъ его преслѣдованій. „Что-то будетъ теперь съ нашимъ „благочестіемъ“, разсуждалъ самъ съ собою каждый раскольникъ, когда не стало нашего общаго благодѣтеля Ильи Алексѣича, который то и дѣло ѣздилъ въ

(1) Посланіе Луки Терентьева помѣщено въ сборникѣ изъ истор. стар. Попова, стр. 157—162.

Питеръ хлопотать предъ властями за насъ бѣдныхъ, и даже получилъ кончину отъ этихъ поѣздокъ“ (1). „Не стало нашего владыки и отца, бесѣдовали между собою старцы Преображенскаго кладбища, — некому теперь учить уму-разуму нашу молодежь, которую только и смиряла грозная рука Ильи Алексѣича; какъ-то станутъ жить наши молодцы и дѣвицы,—не соблазнили бы ихъ поморцы и богомерзкіе ихъ браки“. „Главный врагъ нашъ теперь въ могилѣ, думалъ Скочковъ и подобные ему послѣдователи Покровской часовни, — теперь наше правое ученіе о необходимости брачной жизни возьметъ перевѣсъ надъ ѳедосѣевскимъ бракоборнымъ заблужденіемъ, теперь Преображенское кладбище перестанетъ враждовать съ нами. Не даромъ же попечители кладбища сдѣлали на памятникѣ Ковылина слѣдующую надпись: „смертный! помни, что святая церковь, или духовное христіанъ собраніе, есть одно тѣло, котораго глава—Христосъ, и что всякое несогласіе между христіанами—болѣзнь церкви, оскорбляющая Главу ея;—такъ старайся убѣгать всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые удобны къ воспаленію вражды и раздоровъ“ (2).

Такія-то думы, опасенія и надежды возбудила въ раскольникахъ разныхъ толковъ смерть Ковылина. Вѣрны ли были эти думы? сбылись ли эти опасенія? оправдались ли эти надежды? Отвѣты на всѣ эти вопросы читатель найдетъ въ нижеслѣдующемъ изложеніи событій.

Въ 1809 году, еще при жизни Ковылина, получены были на Преображенскомъ кладбищѣ опредѣленія собора петербургскихъ ѳедосѣевцевъ, бывшаго 22-го января того

(1) Ковылинъ дѣйствительно умеръ отъ простуды, которою заболѣлъ, возвращаясь въ Москву изъ Петербурга, куда ѣздилъ хлопотать объ утвержденіи плана Преображенскаго кладбища, подъ названіемъ богадѣленнаго дома, и о дозволеніи раскольникамъ погребать умершихъ, безъ вѣдома мѣстныхъ причтовъ. Кельс., вып. I, стр. 27; снес. собр. постан. по части раск. 1858 г. стр. 35—36; Хр. Чт. за 1863 г. ч. II, стр. 36—49.

(2) Сборн. для истор. стар. Попова, т. I, стр. 171.

же года,—собора, о которомъ уже была рѣчь прежде (1). Въ „предисловіи“ къ статьямъ своего собора петербургскіе защитники дѣвства просили преображенцевъ разсмотрѣть опредѣленія и, если они окажутся правильными, утвердить ихъ собственноручнымъ подписомъ. Какъ ни важенъ былъ предметъ, о которомъ шла рѣчь, тѣмъ не менѣе московскіе ѳедосѣевцы долго не исполняли просьбы своихъ петербургскихъ братій по вѣрѣ. Причиной этого были—сначала смерть Ковылина, ошеломившая преображенцевъ до не способности заняться чѣмъ-либо серьезнымъ, потомъ достопамятный 1812 годъ, когда Москва превратилась въ груду развалинъ, и самое Преображенское кладбище спаслось отъ разрушенія, только благодаря коварной сдѣлкѣ ѳедосѣевцевъ съ французами (2), наконецъ наступившія въ 1816 году, по поводу избранія новыхъ попечителей для кладбища, раздоры между самими преображенцами (3). Уже только 18-го октября 1818 года московскіе ѳедосѣевцы нашли возможнымъ составить на Преображенскомъ кладбищѣ собраніе, для разсмотрѣнія полученныхъ въ 1809 году опредѣленій собора петербургскихъ ѳедосѣевцевъ. Не мало времени обсуждали преображенцы петербургскія статьи съ ихъ „объясненіями“, или „подкрѣпленіями“, помѣщенными въ концѣ каждой изъ нихъ; наконецъ, послѣ долгихъ споровъ и разсужденій, рѣшили, что всѣ опредѣленія петербургскаго собора, за исключеніемъ шестой статьи—о половинкахъ, правильны и могутъ быть приняты для руководства всѣми ѳедосѣевцами. „Всѣ статьи, писали собравшіеся на соборъ преображенцы, со всѣми на ихъ объясненіями, кромѣ шестой, нашимъ обществомъ, яко зазора и порока въ нихъ никоего же обрѣтаемъ, зѣло

(1) См. гл. 5-ю, стр. 305—310.
(2) Кельсіева вып. I, стр. 36—37.
(3) Тамъ же, стр. 39—43.

съ радостію пріемлемъ и, во извѣстіе единенія нашея вѣры и единомышленія, всесоборнымъ нашихъ рукъ подписаніемъ утверждаемъ и укрѣпляемъ, и дѣйствовать и окормлятися по нимъ всему множеству христіанскому совѣтуемъ и подчиняемъ; за всѣмъ же тѣмъ нашего московскаго Преображенскаго богадѣленнаго дома печатію заключаемъ и запечатлѣваемъ на вся грядущія вѣки, аминь". Съ такимъ утвержденіемъ возвращены были петербургскимъ ѳедосѣевцамъ ихъ соборныя опредѣленія. Вмѣстѣ съ этимъ преображенцы, какъ бы въ отвѣтъ на любезность петербургскихъ своихъ собратій, почтившихъ ихъ довѣріемъ и вниманіемъ, прислали въ Петербургъ, для подкрѣпленія рукоприкладствомъ, свои 17 статей, составленныя на томъ же соборѣ 1818 года. На основаніи утвержденныхъ московскими ѳедосѣевцами 17 статей петербургскаго собора и— присланныхъ для утвержденія въ Петербургъ 17 статей московскаго собора, мы можемъ въ точности опредѣлить взглядъ столичныхъ вожаковъ — послѣдователей Ѳеодосія на брачную жизнь съ 1809 по 1819 годъ. Касательно лицъ, вступавшихъ въ браки въ православной церкви и затѣмъ переходившихъ въ ѳедосѣевскій расколъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, было постановлено: принимать такихъ не иначе, какъ по предварительномъ обѣщаніи ихъ „жизнь свою въ чистотѣ провождать"; въ случаѣ нарушенія обѣта, наказывать ихъ, „яко не пріявшихъ къ совокупленію священнаго благословенія", какъ блудниковъ,—„правильно исправляти и епитиміями облагати, по усердію кающихся и по разсужденію настоятелей"; а кто рѣшился бы, не смотря на наказаніе, продолжать сожитіе,— тѣхъ „невосхищенно отлучать" отъ общества (1). „Пожениившихся по крещеніи христіанъ", т. е. ѳедосѣевцевъ, вступавшихъ въ браки въ церкви православной, или—и

(1) Петерб. соб. ст. 1. Москов. соб. ст. 14.

безъ вѣнчанія, по одному взаимному согласію, и затѣмъ обращавшихся „съ чистосердечнымъ къ святой церкви (т. е. обществу ѳедосѣевцевъ) покаяніемъ“, опредѣлено было принимать не иначе, какъ „по добровольномъ ихъ единодомовномъ разлученіи“, т. е. по разводѣ, „съ надлежащимъ покаянія исправленіемъ“; даже въ случаѣ болѣзни— принимать ихъ на покаяніе не иначе, какъ по предварительномъ обѣщаніи ихъ — „расторгнуть незаконное ихъ совокупленіе“ (2). Касательно половинокъ, т. е. такихъ браковъ, которые заключались между лицемъ раскольническимъ и православнымъ, на петербургскомъ соборѣ было постановлено: „невѣрную часть“, т. е. лице православное, „ежели обратится въ вѣру, по исполненіи надлежащаго поста и поклоновъ, крестити ю со обѣщаніемъ цѣломудреннаго житія со отлученнымъ лицемъ (т. е. раскольническимъ), въ моленіи, яденіи и питіи чтобъ ей не сообщатися; а на общую съ христіаны молитву и на покаяніе всегда приходити ей подобаетъ“; въ случаѣ нарушенія цѣломудрія, причислять виновныхъ къ новоженамъ. Эту статью, требовавшую отъ лица православнаго, вступившаго въ бракъ съ лицемъ раскольническимъ и послѣ изъявившаго желаніе перейти въ расколъ, только обѣщанія „цѣломудреннаго житія“, московскіе ѳедосѣевцы нашли „противною божественному писанію“ и замѣнили ее слѣдующимъ правиломъ: „аще невѣрный мужъ, или жена, пріобщився съ вѣрнымъ лицемъ, и отъ него познаетъ свѣтъ истиннаго благочестія, не пріемлется весьма на крещеніе, донелѣ же не расторгнетъ беззаконное сожитіе; при случаѣ смертнаго часа—со обѣтомъ, аще оздравѣетъ, разрѣшитися того беззаконнаго сожитія, не оставленъ будетъ; а когда оздравѣвъ и не хощетъ разлучитися, да отлучается

(1) Петерб. соб. ст. 2. Москов. соб. ст. 16.

весьма отъ братства, якоже и прочіе новожены“ (1). На 3-ю статью петербургскаго собора, которою опредѣлялось: „отцевъ и матерей, которые дѣтей своихъ будутъ посылати и иконами ихъ благословляти для вѣнчанія въ церкви иновѣрныя, яко зѣло мерзостныхъ законопреступниковъ и благовѣрія святаго нарушителей и правовѣрныхъ христіанъ соблазнителей, яко самопроизвольныхъ отступниковъ, отъ церкви (т. е. общества ѳедосѣевскаго) отлучати, а обращающихся съ чистосердечнымъ раскаяніемъ три лѣта предъ всѣмъ благочестивымъ собраніемъ строжайшими епитиміями наказывати, и въ дванадесятые праздники имъ приходити и предъ всѣмъ собраніемъ прощеніе приносити, а ясти и пити имъ постное и поклоновъ по 100 въ день полагати“, и только послѣ „трехлѣтняго наказанія“ принимать ихъ въ общество,—московскіе ѳедосѣевцы писали, что „статья эта не согласуетъ правильному положенію“, что подобныхъ „новоженскихъ родителей“ слѣдовало бы отлучать отъ общества на всю жизнь, — и потому „да помнятъ таковіи продерзатели и да знаютъ, что церковь (?) на нихъ трехлѣтнюю епитимію налагаетъ по крайнему человѣколюбію точію и премилосердому разсужденію, а не по самому правильному взору“; притомъ снисхожденіе это нужно оказывать только тѣмъ, кои искренно раскаяваются въ своемъ поступкѣ; тѣ же, кои „приходятъ къ настоятелямъ, требуя цѣлительнаго пластыря“, не по сознанію своей вины, а для одной формы, „считая свое лицемѣрное раскаяніе единственно за обычную вещь, отъ древле отеческаго завѣщанія положенную“, — такіе люди „не шесть недѣль, не годъ, не два, или три лѣта, но аще бы и тридцать лѣтъ епитимействовали“, не получатъ отъ Бога „облегченія“; и потому „отцы и настоятели“ обязаны поступать съ подоб-

(1) Ст. 6 петерб. соб. съ „московскимъ утвержденіемъ“ и ст. 15 москов. собора.

ными лицами не „по страстному къ нимъ расположенію“, но „по уважительнымъ причинамъ“. Такимъ образомъ, Москва строже Петербурга отнеслась къ тѣмъ изъ ѳедосѣевцевъ, которые, для пресѣченія разврата своихъ дѣтей, рѣшались совѣтовать имъ законную брачную жизнь. За то съ замѣчательною снисходительностію посмотрѣли московскіе ѳедосѣевцы на вопросъ о крещеніи новоженскихъ дѣтей. Тогда какъ въ Петербургѣ было постановлено—крестить дѣтей только тѣхъ новоженовъ, которые дадутъ обѣщаніе „съ міромъ не сообщаться, среды и пятки и прочіе посты по преданію святыя церкви хранити, нѣмецкаго платья не носити и дѣтей своихъ до совершеннаго возраста воспитывати въ благочестіи“, не „смѣшивая“ ихъ ни „съ міромъ, ни съ собою, въ моленіи, яденіи и питіи“, а, „по прошествіи четырехлѣтняго ихъ возраста, приводити ихъ въ христіанскіе храмы на молитву, и по седьми лѣтѣхъ поставляти ихъ ко отцамъ духовнымъ на покаяніе“, — московскіе ѳедосѣевскіе „большаки“ опредѣлили крестить новоженскихъ дѣтей безъ всякихъ ограниченій, замѣчая, что „при крещеніи вѣра не только родительская, но и сродниковъ, можетъ дѣйствовать младенцу во спасеніе“ (1). Видно, Преображенское кладбище, лишаясь постепенно своихъ членовъ, переходившихъ на сторону Покровской часовни, хотѣло восполнить убыль своихъ послѣдователей дѣтьми новоженовъ. Что же касается дѣтей „старобрачныхъ“, т. е. тѣхъ изъ ѳедосѣевцевъ, которые вступили въ бракъ до перехода въ расколъ, то какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, было одинаково рѣшено: крестить такихъ дѣтей, за исключеніемъ тѣхъ семействъ, въ которыхъ „воспитывали младенцевъ своихъ млекомъ отъ другихъ женъ еретическихъ“ (2).

(1) Ст. 4-я.

(2) Ст. 15 петерб. соб. и „московское утвержденіе“ на нее. Статьи пе-

Всматриваясь въ изложенныя постановленія петербургскихъ и московскихъ Преображенскаго кладбища ѳедосѣевцевъ, нельзя не замѣтить, что хотя въ нѣкоторыхъ пунктахъ они не согласны съ тѣми правилами, какихъ держался Ковылинъ въ отношеніи къ лицамъ, вступавшимъ въ бракъ (1), и вообще съ меньшею строгостію преслѣдуютъ семейную жизнь,—тѣмъ не менѣе, и на основаніи указанныхъ опредѣленій, ни одинъ ѳедосѣевецъ не могъ измѣнить своему дѣвству, чрезъ вступленіе въ законную брачную жизнь, не подвергшись за это разнаго рода наказаніямъ, и даже отлученію отъ общества.—Мало этого: въ числѣ наставниковъ Преображенскаго кладбища нашелся одинъ изувѣръ, который не только не согласился утвердить своимъ подписомъ постановленій петербургскаго собора, находя ихъ слишкомъ снисходительными въ отно-

---

тербургскаго ѳедосѣевскаго собора 1809 г. помѣщены въ сборн. для истор. стар. Попова, т. I, стр. 22—32, но не въ полномъ видѣ; въ полномъ видѣ мы нашли эти статьи, а равно и статьи московскаго ѳедосѣевскаго собора 1818 г., въ рукоп. сборн. библіот. покойнаго м. Григорія, начинающемся „бесѣдою о бракѣ“, № 154, л. 183 — 219, и въ другомъ сборн. той же библ. (№ 112, л. 57—96); только въ этомъ послѣднемъ сборникѣ сказано, что „собраніе“ для разсужденія объ указанныхъ статьяхъ „было“ на Преображенскомъ кладбищѣ 18 декабря 1811, а не 1818 года; мы знаемъ, что въ 1811 году былъ лжесоборъ на Преображенскомъ кладбищѣ (см. Хр. Чт. 1863 г. ч. II, стр. 30—33), только на немъ ѳедосѣевцы разсуждали о другомъ предметѣ.

(1) Такъ напр., по 3-й статьѣ петербургскаго собора, утвержденной и московскими ѳедосѣевцами, родители, позволявшіе своимъ дѣтямъ вступать въ бракъ въ церквахъ православныхъ, подвергались отлученію отъ общества только на три года, тогда какъ, по уставу Преображенскаго кладбища, дѣйствовавшему при жизни Ковылина, подобныя лица отлучались отъ общества на всю жизнь: „аще бы дѣтемъ своимъ по крещеніи снискали каковымъ-либо образомъ бракъ, говорится въ 8 правилѣ этого устава, тогда они, яко пагубу дѣтемъ снискавшіе отступствомъ и блудомъ, весьма отнюдь отъ церкви Божіей (?) отвергнутся и не пріимутся въ сообщеніе *со всѣми живота*, дондеже не расторгнутъ беззаконнаго сочетанія чадъ своихъ. И даже ни при кончинѣ жизни, и по смерти такожде, таковыя помощи не улучатъ, ни погребенія, ни поминовенія“. Сборн. для истор. стар. Попова, т. I, стр. 89—90

шеніи къ лицамъ, вступавшимъ въ брачную жизнь, но написалъ еще на нихъ свои опроверженія, въ которыхъ, въ самыхъ фанатическихъ выраженіяхъ, преслѣдуетъ бракъ во всѣхъ его видахъ и формахъ, стараясь доказать одну общую мысль, что вступать нынѣ въ бракъ значитъ идти путемъ антихриста. Такимъ изувѣромъ былъ извѣстный фанатикъ Гнусинъ, „семиименная особа и гражданинъ всей Россіи“, по выраженію Любопытнаго (1). Гнусинъ, по свидѣтельству московскаго ѳедосѣевца Осипова, былъ бѣглый крестьянинъ г. Осокина съ желѣзноплавильныхъ заводовъ; скрываясь въ разныхъ мѣстахъ и совращая народъ въ расколъ, онъ былъ пропущенъ по 6 ревизіи; съ украденнымъ солдатскимъ паспортомъ жилъ онъ нѣсколько времени съ бѣглою дѣвкою въ Саратовѣ, гдѣ также распространялъ расколъ; прибывъ изъ Казани въ Москву, онъ, при содѣйствіи попечителя Преображенскаго кладбища Алексѣя Никифорова, попалъ въ цѣхъ иконнаго мастерства и затѣмъ вскорѣ сдѣлался наставникомъ на Преображенскомъ кладбищѣ (2). Не смотря на свою строптивость, „самонравіе, злохитрость и нечестіе“, не смотря на свое грубо-развращенное ученіе объ отношеніяхъ одного пола къ другому, не смотря на свой фанатичный взглядъ не только на церковь православную, но и на раскольническія общества другихъ сектъ и толковъ, Гнусинъ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ ѳедосѣевцевъ не только московскихъ, но и иногородныхъ. Въ случаѣ недоумѣній и спорныхъ вопросовъ, наставники Преображенскаго кладбища обращались за совѣтомъ къ Гнусину и его слово принимали за слово истины (3). Но всего болѣе выразилась преданность

(1) Катал. въ сборникѣ Попова, т. II, вып. V, стр. 142. Любопытный такъ называлъ Гнусина за то, что онъ, избѣгая преслѣдованій правительства, принималъ различныя имена и скитался по разнымъ городамъ Россіи.

(2) Кельс. вып. I, стр. 34 и 42.

(3) Тамъ же, стр. 43 и 44.

Гнусину Преображенскаго кладбища тогда, когда правительство, узнавъ объ изувѣрномъ ученіи фанатика, написавшаго порицательную картину на самаго Императора Александра 1-го, стало розыскивать его. Попечители кладбища за большія деньги добывали скрывшемуся бѣглецу паспорты и, не смотря на опасность, какой могли подвергнуться за сношенія свои съ преступникомъ, скрывали его отъ власти нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, когда фанатикъ былъ пойманъ, попечители кладбища горько упрекали чиновника, указавшаго правительству мѣсто, гдѣ скрывался Гнусинъ, говоря, что они не подорожили бы 50,000 руб., лишь бы только спасти несчастнаго (1). Вотъ этотъ-то Гнусинъ, не смотря на одобреніе правилъ петербургскаго собора другими наставниками Преображенскаго кладбища, призналъ эти правила неправильными и рѣшился написать на нихъ опроверженіе въ формѣ „объясненія“ (2). Предоставляя самому читателю болѣе подробное знакомство съ содержаніемъ „объясненія“ Гнусина, мы укажемъ только главныя его мысли, имѣющія отношеніе къ разсматриваемому нами вопросу о бракѣ. Во первыхъ, Гнусину не нравилось, зачѣмъ петербургскіе ѳедосѣевцы браки, такъ называемыхъ, „старобрачныхъ“, или „староженовъ“, называли „вѣнчанными въ церквахъ иновѣрныхъ“. По мысли фанатика, „никаковое дѣйство“ церкви православной не можетъ быть почитаемо „за догму“, и бракъ лицъ, вѣнчанныхъ въ православной церкви и затѣмъ перешедшихъ въ ѳедосѣевскій расколъ, есть не болѣе, какъ бракъ „еллинскій, или языческій“; о „вѣнчаніи“, какъ обрядѣ, а тѣмъ болѣе—таинствѣ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Далѣе Гнусинъ находилъ—и справедливо—противо-

(1) Тамъ же, стр. 51.

(2) „Объясненіе“ Гнусина напечатано въ 1-мъ т. сборн. для истор. стар. Попова, стр. 32—73; г. Поповъ почему-то считаетъ Гнусина поморцемъ Сборн. для ист. стар. т. II, вып. V, прилож. стр. 166), но несправедливо.

рѣчіе между 1-ю статьею петербургскаго собора, которою опредѣлялось „старобрачныхъ поучати на чистое житіе“ и принимать въ ѳедосѣевское общество, только подъ условіемъ обѣщанія съ ихъ стороны жить цѣломудренно, и статьею 15-ю, запрещавшею крестить дѣтей у тѣхъ изъ „старобрачныхъ“, которые „кормятъ своихъ младенцевъ млекомъ отъ женъ еретическихъ“. „Дивное приказаніе, замѣчалъ Гнусинъ,—жить цѣломудренно, а младенцевъ воспитывать своимъ млекомъ, а не отъ чужихъ женъ. Но отъ чистаго житія и цѣломудреннаго младенцамъ быть невозможно, ибо здѣсь (въ 1-й ст.) собственно поучаются не о цѣломудріи супружескомъ, а о самомъ несовокупленіи и несообщеніи плотски. Если послѣдовать первой статьѣ, то о младенческомъ воспитаніи говорить излишне и не надобно; а если держать сію (15-ю), то первая совсѣмъ излишня и непотребна; изъ сего двоякаго смысла, продолжаетъ саркастически Гнусинъ, можно навѣрное сказать, что больше слѣдовать будутъ 15-й статьѣ и безъ кормилицъ“. На основаніи указаннаго противорѣчія, Гнусинъ, не обинуяся, величаетъ составителей статей людьми гордыми и заблуждающими, не знающими „ни писанія, ни ученія предковъ“, а самыя статьи—„хворонѣными правилами“, и думаетъ, что 15-я статья постановлена была единственно изъ угожденія наставниковъ тѣмъ изъ „овецъ“ своего стада, которыя имѣютъ „мягкую волну и сладкое млеко“ и предъ которыми, по словамъ Гнусина, „нарицающіеся учители, вертяся и гладя, яко пси онѣмѣлые, лижутъ гной ихъ; а чтобы обличить, запретить, умолить благовременно и безвременно, о томъ ни мало не радятъ; имъ, замѣчаетъ „гражданинъ всей Россіи“, не нужно спасеніе овецъ, только бы звался онъ отецъ“.

По поводу 2-й статьи—„о пожениившихся по крещеніи христіанахъ и вѣнчавшихся въ церквахъ иновѣрныхъ, или

и безъ вѣнчанія по согласію сшедшихся", Гнусинъ говоритъ, что ѳедосѣевцевъ, вступающихъ въ брачное сожитіе, по одному согласію, нужно считать за „язычниковъ и мытарей", съ которыми, по отлученіи ихъ отъ общества, не слѣдуетъ сообщаться ни въ молитвѣ, ни въ пищѣ, ни въ питіи, и отъ которыхъ „не пріемлется въ церковь Божію (?) никакое приношеніе, ни свѣща, ни масло, ни кадило, ни иное что",—доколѣ не расторгнутъ они своего сожитія; что же касается тѣхъ ѳедосѣевцевъ, которые вѣнчались въ церкви православной, или по крайней мѣрѣ въ Покровской часовнѣ, то Гнусинъ не находитъ имъ даже приличнаго названія и утверждаетъ, что, въ случаѣ раскаянія такихъ лицъ и расторженія ими „сквернаго брака", нужно совершать надъ ними „мѵропомазаніе", — и только „по неимѣнію священства" рекомендуетъ „общимъ совѣтомъ положить на нихъ нѣчто подобное—во уравненіе, да тѣмъ пріидутъ въ чувство великаго своего согрѣшенія".

Противъ 3-й статьи, опредѣлявшей трехлѣтнее наказаніе тѣмъ изъ ѳедосѣевцевъ, которые посылали вѣнчаться дѣтей своихъ въ церкви православныя, и даже благословляли ихъ при этомъ иконами, Гнусинъ разражается самою грубою бранью, на какую только былъ способенъ этотъ „ужасный изувѣръ и злохульникъ святости законовъ" (1). Прежде всего, по словамъ Гнусина, называть православную церковь церковію еретическою значитъ заблуждать; тамъ, гдѣ „не именуется имя Іисуса Христа Спасителя, ни честнаго креста Его животворящаго (т. е. осьмиконечнаго), ниже знаменія крестнаго, рукою изображаемаго", (т. е. двуперстнаго),—тамъ не-церковь, хотя бы и еретическая, но „сѣденіе самого сатаны",—царство антихриста, а потому „утаевать царство человѣка беззаконія подъ именемъ ересей" значитъ способствовать „ослабленію хри-

(1) Слова Любопытнаго.

стіанскаго жительства, вести подъ иго антихристово и на блудную и богоотступную жизнь". Послѣ такого злохульнаго отзыва Гнусина о православной церкви, уже не трудно догадаться, что́ скажетъ этотъ фанатикъ о бракахъ ѳедосѣевскихъ, заключавшихся въ церкви православной, и о родителяхъ, помогавшихъ дѣтямъ вступленіе въ подобные браки. Вѣнчаться ѳедосѣевцу въ православной церкви значитъ, по мнѣнію Гнусина, отдаться въ жертву антихристу, убить душу и обречь себя на вѣчную смерть, а родители, допустившіе дѣтей своихъ до подобнаго шага, хуже, по словамъ изувѣра, варваровъ, такъ какъ они „не кровь проливаютъ, но вѣрную погибель" своимъ дѣтямъ „ходатайствуютъ". Что же касается наказанія, назначеннаго въ 3-й статьѣ для подобныхъ родителей, именно трехлѣтней епитиміи, то, по мнѣнію Гнусина, такимъ наказаніемъ можно было бы ограничиться въ томъ только случаѣ, если бы подвергшіеся епитиміи, въ доказательство своего искренняго раскаянія, прежде „расторгали беззаконное сожитіе чадъ своихъ"; но такъ какъ ничего подобнаго они не дѣлаютъ,—мало этого: „по пріятіи епитиміи", продолжаютъ признавать бракъ, заключенный въ церкви православной, законнымъ, „нарицая" сочетавшихся такимъ образомъ „зятями и невѣстками",—да и въ самой статьѣ нѣтъ ни слова о предварительномъ расторженіи такихъ браковъ,—то, по мнѣнію Гнусина, трехлѣтняя епитимія, назначенная тѣмъ изъ ѳедосѣевцевъ, которые посылаютъ дѣтей вѣнчаться въ церкви православныя,—не наказаніе, а скорѣе „потворство" со стороны „беззаконныхъ и безумныхъ предводителей", утвердившихъ на соборѣ 3-ю статью и тѣмъ какбы давшихъ право устроять подобные браки и на будущее время.

4-ю статью петербургскаго собора, которою позволялось крестить дѣтей новоженовъ, если родители дадутъ обѣща-

ніе воспитывать ихъ въ „благочестіи“, Гнусинъ, съ свойственною ему безцеремонностію, называетъ „глупой, безмѣстнымъ мужицкимъ законоположеніемъ, паче же рещи, безумнымъ велѣніемъ“, и говоритъ, что слѣдовать этой статьѣ, т. е. крестить дѣтей новоженовъ—„чертопоклонниковъ“, безъ предварительнаго расторженія ихъ сожитія, значитъ поступать противъ ученія „прежнихъ отцевъ“, которые запрещали не только крестить новоженскихъ дѣтей, но даже входить въ домы ихъ,—значитъ далѣе—„позволяти и утверждати и усвояти церкви Божіей (т. е. ѳедосѣевскому обществу) гнусное сплетеніе“,—такъ какъ новоженскія сожитія—„ни браки, ни браку начало“, а „отступленіе отъ Бога, вѣры, закона и совѣсти христіанской, и многократно“ хуже „тмищнаго блуда“,—значитъ, наконецъ, „отдавать благодать крещенія діаволу“. Только „бѣснованіе и мшелоимство“, по словамъ Гнусина, могли внушить членамъ петербургскаго собора мысль о составленіи 4-й статьи, которая „весьма противна и противоборна самому Богу, правиломъ, предкомъ и самой себѣ“, т. е. содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, требуя отъ новоженовъ такихъ условій при воспитаніи дѣтей, которыхъ они положительно не могутъ выполнить, какъ въ этомъ сознавались и сами составители статей, говоря въ 5-й изъ нихъ о тѣхъ новоженахъ, которые воспитывали дѣтей своихъ „не по христіански“ и которымъ за это статья угрожаетъ лишеніемъ крещенія послѣдующихъ дѣтей, если „не исправятъ христіански первыхъ“. „Оле сихъ сквернавцевъ и злобѣ учителей и къ прелести предводителей, замѣчаетъ по этому поводу Гнусинъ; какъ ни стращаютъ отступниковъ, однакоже несовершенно надежди лишаютъ; ибо написано: если первыхъ исправятъ, то и паки обѣщаютъ дѣтей ихъ крестити неотрочно... готовы разносить крещеніе, токмо бы отступники плоды прино-

сили". Наконецъ касательно 6-й статьи—„о половинкахъ" Гнусинъ замѣчаетъ, что въ ней „столько мозгу, сколько бываетъ въ бѣлозерскихъ снѣткахъ—въ одной рыбочкѣ ихъ", иговоритъ, что „брачившимся съ иновѣрными едино спасеніе—распустъ (т. е. разводъ, а не единокелейное пребываніе—съ обѣщаніемъ цѣломудрія, како того требуетъ 6-я статья) и потомъ покаяніе; аще же невѣрная часть отступную отпустити не хощетъ, како сподобится крещенію"? Причислять же „половинокъ", за несоблюденіе ими цѣломудрія, къ новоженамъ значитъ разрѣшать имъ „совокупленіе и произведеніе дѣтей", какъ разрѣшено это и новоженамъ въ 4-й статьѣ,—значитъ „изъ единыхъ устъ испускати огнь и воду",

Такимъ образомъ, по ученію Гнусина, „всѣ браки, кромѣ православнаго священства (а такого священства, по ученію безпоповцевъ, нѣтъ нигдѣ) дѣющіеся, суть еквервыя и сатанинскія сплетенія", которыя „отъ церкви Божіей (т. е. отъ ѳедосѣевскаго общества) отрѣваются" и ведутъ брачущихся къ одной погибели и вѣчной смерти. Что же послѣ этого остается дѣлать тѣмъ изъ ѳедосѣевцевъ, которые, по молодости, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, цѣломудренную жизнь находили для себя неудобоносимою? На этотъ вопросъ, естественно возникавшій въ каждой молодой ѳедосѣевской головѣ, послѣ прочтенія изложенныхъ выше разсужденій Гнусина, „гражданинъ всей Россіи" не далъ прямаго отвѣта въ своемъ „объясненіи"; но за то въ частныхъ бесѣдахъ и наставленіяхъ онъ, съ своей точки зрѣнія, старался успокоить недовольныхъ рѣшительнымъ запрещеніемъ брачной жизни. Сущность этихъ бесѣдъ и наставленій Гнусина заключается въ слѣдующихъ кощунственныхъ словахъ его, сказанныхъ одному изъ наставниковъ Преображенскаго кладбища, навѣстившему изувѣра въ Соловецкомъ заточеніи: „если

пожелаешь быть наставникомъ всего согласія (ѳедосѣевскаго) въ Россіи, то помни, что оно сосредоточено въ московской общинѣ, которая, какъ восточная звѣзда, возсіяла на небесѣхъ; ей поклонятся волхвы отъ разныхъ странъ. Но общину составляютъ люди, а овладѣть ими—надо имъ не противиться; терпи, если по возвращеніи найдешь ихъ отпаденіе, потворствуй, не тронь молодыхъ, противящихся старикамъ. Чѣмъ чаще будешь отпускать имъ прегрѣшенія, тѣмъ сильнѣе они будутъ привержены согласію и не пойдутъ въ церковь: что имъ тамъ дѣлать, гдѣ даютъ одну жену, да и ту не смѣй кинуть? Отверзай вхожденіе и исхожденіе на ложе мужское женщинамъ и дѣвкамъ, и тебя почтутъ мужи, и ты вознесешься, а пойдешь противъ,—низринешься, падешь, полетишь на крылу вѣтрену“ (1). Такимъ образомъ, рѣшительное отверженіе брака, какъ скверны, и открытый, безпардонный развратъ,—вотъ теорія Гнусина, въ которой старался воспитать ѳедосѣевскую общину „знаменитый учитель и наставникъ ѳедосіанской церкви (?) въ Москвѣ“, игравшій послѣ Ковылина главную роль на Преображенскомъ кладбищѣ. Какъ ни безнравственна указанная теорія, тѣмъ не менѣе нашлись между невѣжественными московскими ѳедосѣевцами лица, которыя поставили ее правиломъ для своей жизни. Не говоря уже о мужчинахъ, многія дочери богатыхъ купеческихъ семействъ, и притомъ не только принадлежавшихъ къ ѳедосѣевскому обществу, но и православныхъ, не находя дома естественнаго исхода своимъ молодымъ чувствамъ и стремленіямъ, тайно уходили на Преображенское кладбище, перекрещивались здѣсь и затѣмъ, согласно наставленію Гнусина, пускались во вся тяжкая... Незаконнорожденныхъ отъ подобныхъ „христіанокъ“ было такъ много, что, за невозможностію призрѣть

(1) Кельс. вып. I, стр. 64.

всѣхъ на кладбищѣ, нѣкоторая часть отсылалась для воспитанія въ село Ивановское (1).

Впрочемъ, къ чести здраваго человѣческаго смысла, нужно сказать, что, какъ ни старался обставить Гнусинъ свое безнравственное ученіе о свободномъ „вхожденіи и исхожденіи на ложе мужское женщинамъ и дѣвкамъ“ фанатическими разсужденіями о царствованіи въ мірѣ антихриста и прекращеніи православнаго священства, гибельныя слѣдствія его проповѣди поняты были многими московскими ѳедосѣевцами. Да и какъ было не понять, что „лютъ воистину блудный грѣхъ“, которому учила „семиименная особа“, „люта и тяжка невоздержанія страсть и плотскія нечистоты недугъ; домы бо великіе разруши и грады отъ основанія низложи и брани лютыя воздвиже и отца на чада подвиже и прекроткое естество человѣческое въ звѣрское и словесное въ безсловесное положи и бѣды тысящію принесе“. И вотъ многіе изъ ѳедосѣевской молодежи, болѣе другихъ честные и совѣстливые, гнушаясь открытымъ развратомъ, а въ тоже время не имѣя силъ противостоять искушеніямъ горячей крови, рѣшились, вопреки требованіямъ своихъ наставниковъ, устроять свою семейную жизнь на началахъ болѣе правильныхъ. Какой же путь избрали для этой цѣли московскіе ѳедосѣевцы? Питая, подъ вліяніемъ наставленій Гнусина, непримиримую ненависть къ православной церкви, считая въ тоже время незаконными и безсвященнословныя сопряженія поморцевъ, они не рѣшились обратиться, для заключенія своихъ брачныхъ сожитій, ни къ пастырямъ церкви, ни къ Покровской часовнѣ, а „изобрѣли себѣ, по словамъ Скочкова, новую и отъ начала вѣка въ концѣхъ всея вселенныя во всѣхъ языкахъ никогда же слышимую женитву“. И такъ какъ въ этомъ случаѣ каждый молодой ѳедосѣевецъ дѣйствовалъ по соб-

(1) Тамъ же, стр. 34.

ственному уму-разуму, безъ совѣта не только наставниковъ, но часто даже и родителей, то неудивительно, что „новая женитва“, изобрѣтенная по смерти Ковылина послѣдователями Преображенскаго кладбища, не могла совершаться однообразно и должна была „имѣть различные виды“. Такъ и было, по свидѣтельству Скочкова. „Овіи, писалъ онъ, тайно пришедши, восхищаютъ отъ родителей дѣвицъ и во своя жилища отводятъ; творятъ же сіе по предсогласному условію и совѣту. Овіи же дѣвицы, восхитивше имѣніе своихъ родителей, тайно къ рачителю своему убѣгаютъ. Иніи же, и вѣдущимъ родителемъ ихъ, но яко не знати притворяющимся и молчаніе на уста своя полагающимъ, въ начинаніи таковаго дѣянія послабляютъ“. Такъ поступала ѳедосѣевская молодежь, сбросившая съ себя тяжелое бремя дѣвства и вслѣдствіе этого не считавшая себя обязанною строго соблюдать ѳедосѣевскія приличія. Что же дѣлали при этомъ родители тѣхъ сыновей и дочерей, которые вступали въ такія странныя сожитія,— родители, которымъ за подобное „беззаконіе“ дѣтей грозили строгія наказанія наставниковъ? Нѣкоторые изъ нихъ лицемѣрили, хитрили, показывали видъ, что все дѣлалось, помимо ихъ воли, даже скорбѣли и плакали притворно, а на самомъ дѣлѣ радовались, что дѣти ихъ устроялись. „Егда же совокупятся чада ихъ, тогда по малѣ времени едини о дщери, яко о мертвой плачутъ, друзіи же, аки о впадшемъ въ грѣхъ и великое беззаконіе сотворшемъ сынѣ, притворное рыданіе составляютъ; потомъ родители обоихъ, сошедшеся, аки сѣтующе, нѣкій часъ пребываютъ и по семъ о награжденіи дщери глаголати начинаютъ, и тако, скончавши своя совѣты, расходятся во свояси“. Такъ поступали большею частію тѣ изъ родителей, дѣти которыхъ вступали въ сожитіе по своей волѣ, безъ всякаго участія ихъ. Но были и такіе, которые сами наводили

дѣтей на мысль обзавестись другомъ, или подругою; но, чтобы скрыть отъ общества свое участіе въ мнимомъ преступленіи дѣтей, употребляли разнаго рода фарисейскія уловки. Такъ „иніи родители совѣтовались съ сыномъ и дщерію о сопряженіи таковомъ, и когда совѣтъ свой утверждали, тогда единъ сынъ шелъ въ домъ той, гдѣ нареченную себѣ любовницу видѣти желалъ: но родители, страха ради, да не будутъ отъ общества за сіе отлучени, не приходили. Тако и въ дому томъ, гдѣ оная любовница жительствова, родители ея къ таковому дѣйствію, чтобы показати тому свою дщерь, не приступали, но сродницѣ каковой, или пріятельницѣ, оное дѣяніе производить ввѣряли“. Нѣкоторые поступали еще иначе: „какъ сыну своему искали таковыя согласницы, такъ и о дщери пеклись, дабы обрести ей любовника, и соглашались между собою о награжденіи, или приданомъ, и приходили въ домъ родителей, аще были, или сродниковъ дѣвицы“, но не такъ, какъ дѣлали это покровцы, а „приходили аще и дѣвицу зрѣти, но притворялись, яко что продати, или купити, или каковыхъ въ домѣ вещей имѣющихся видѣти. И тако усматривали дѣвицу и совѣтовали овіи съ сыномъ, овіи же съ дщерію“, если видѣли, что молодые люди нравятся другъ другу. „И какъ соизволеніе ихъ узнавали и согласіе получали, тогда родители изъ храмины тоя вонъ исходили, оставляя дѣтей своихъ съ нѣкіими чуждими предначати ихъ будущаго сожитія любовническое дѣйствіе (любопытно бы знать, въ чемъ состояло это „предначатіе любовническаго дѣйствія“) и, смотря изъ-за тоя храмины (т. е. изъ другой комнаты), соуслаждались, зряще ихъ дѣянія“. А иные, „по усмотрѣніи любовницы и по учиненіи согласія, отходили съ сыномъ въ домъ свой, и потомъ обоихъ родители пріуготовленія творили, едини ради приведенія сыну своему рачительницы пищу изобильну и

питія многоразлична уготовляли, друзіи же, какъ дати дщерь свою любовнику, да лучше красота ея съ прелестьми явится, различными одеждами украшали ее". Въ назначенный „для таковаго сопряженія" день женихъ и невѣста „не требовали по обычаю христіанскому, по подобію сочетавающихся законнымъ бракомъ, отъ родителей благословенія, но какъ незнаеми и чужди ходили, пріуготовляющеся къ совершенію предначатаго дѣйствія. Такъ и родители будто странни являлись и яко непричастни таковаго ихъ дѣянія показывались. И хотя совѣтъ какой творили, а благословенія сыну, по обычаю законнобрачившихся, не подавали. И тако сынъ, не получивъ благословенія, посылалъ, да возмется его любовница изъ дому ея родителей, и ожидалъ оную, гдѣ надѣются сожитію своему, да не будетъ отъ народа зазрѣнія, нѣкую твердость получити; такъ и дѣвица, украсившись свѣтлыми одеждами, къ присланнымъ отъ любовника, такожде не получивши благословенія отъ родителей, исходила и въ нареченное мѣсто къ рачителю своему являлась; откуду, по подобію законнобрачившихся, въ домъ возвращались". Родители же, лишь только видѣли „сына своего, приближающагося съ любовницею его къ дому, немедленно или во иную храмину входили, или на улицу исходили и въ чуждій домъ преходили, ожидающе времени, дондеже сынъ ихъ введетъ въ домъ нареченную себѣ, по народному именованію, жену, по ихъ же залогу и намѣренію, блудницу. Другіе же хотя и во единомъ дому, но во иную храмину входили и тайно на входившихъ сына и приводимую имъ любовницу смотрѣли и прилѣжно взирали не на лице токмо, но и одеждъ стройность, и ступаніе ногъ усматривали: и симъ веселящеся, услаждались. Потомъ, по малѣ времени, отъ затвора своего исходили и прилучившихся гостей любезно привѣтствовали: на сына же и приведенную, мимо ходяще,

аки на незнаемыхъ, и не взирали. Но потомъ во вторый, или третій, день, аки законную сына своего жену, снохою и невѣсткою называли".

Какъ читатель могъ замѣтить, Скочковъ дѣвицу, приведенную ѳедосѣевцемъ въ домъ для сожитія, постоянно называетъ любовницею и блудницею. Какъ ни оскорбительно такое названіе, ѳедосѣевцы однако должны согласиться, что въ немъ нѣтъ и тѣни неправды. Въ самомъ дѣлѣ, открытое сожитіе мужчины съ женщиною, не только не освященное никакимъ молитвословіемъ, но даже заключенное безъ благословенія родителей и безъ всякихъ взаимныхъ обязательствъ,—что это такое, какъ не гласный блудъ, какъ не открытое наложничество? Впрочемъ, по свидѣтельству Скочкова, многіе изъ самихъ ѳедосѣевцевъ, вступавшихъ въ подобныя сожитія, называли своихъ подругъ не иначе, какъ блудницами. Другіе же, стыдясь называть своихъ сожительницъ блудницами и наложницами, а въ тоже время боясь „именовати ихъ и законными супружницами", придумывали имъ названія „домостроительницъ, попечительницъ, госпожъ и хозяекъ въ дому"; были и такіе, кои величали своихъ подругъ „прибылыми (вѣроятно, приживалками), товарками, стряпухами" и под. Но какія бы названія ни придумывали ѳедосѣевцы своимъ подругамъ, все же они, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, не могли не сознавать того, что брачныя сопряженія ихъ въ той формѣ, въ какой они заключались, составляли по истинѣ „новую и отъ начала вѣка во всей вселенной, во всѣхъ языкахъ, никогда же слышимую женитву". А потому нашлись между ними лица, которыя, чтобы дать своимъ оригинальнымъ сопряженіямъ хотя видъ законности, рѣшались къ свободному выбору себѣ подругъ присоединять благословеніе если не своихъ, такъ по крайней мѣрѣ чужихъ родителей. „Овіи же, пи-

салъ тотъ же Скочковъ, лицемѣрящеся и да не познани будутъ отъ несогласныхъ, творятъ по подобію законнобрачившихся, вмѣсто своихъ родителей, чуждыхъ нѣкіихъ призываютъ и отъ тѣхъ, яко требующе благословенія, къ рачительницѣ своей отходятъ. И егда приведутъ любовницу въ домъ свой, то отъ тѣхъ своихъ благословителей, яко истинніи супружницы, со святою иконою и прочимъ, къ тому принадлежащимъ, срѣтаеми бываютъ; и какъ отъ невѣдущихъ залога ихъ вопрошаются: чего ради сами родители во время сіе не быша, но чуждымъ срадоватися мѣсто сіе даша,—на сія ложная отвѣтословія вымышляютъ и неудобства и препятія нѣкая предлагаютъ". Былъ и еще пріёмъ для заключенія ѳедосѣевскихъ сожитій. „Нѣцыи родители, да не приведутъ по гражданству въ стыдъ чадъ своихъ", сами принимали участіе въ устроеніи ихъ мнимаго бракосопряженія,—„овіи подаяніемъ благословенія при отхожденіи" сына къ „любовницѣ, овіи при введеніи въ домъ срѣтеніемъ со святою иконою и прочими радостовидными дѣяніи". Только „за сіе, яко весьма тяжкое преступленіе, что чадомъ своимъ соизволеніе на явное блудное смѣшеніе подали", приходили къ настоятелямъ и, принося покаяніе, требовали у нихъ прощенія. Впрочемъ это раскаяніе большею частію было не искреннее, притворное, и дѣлалось не въ слѣдствіе убѣжденія въ незаконности сожительства дѣтей, а единственно для формы, изъ угожденія наставникамъ, чтобы заявить предъ ними свою преданность бракоборному ѳедосѣевскому расколу. По окончаніи епитиміи, родители „сына своего любовницу, яко законносопряженную ему жену, снохою и невѣсткою нарицали, и рожденныхъ отъ нихъ дѣтей, яко законныхъ своихъ внучатъ, вмѣняли, о пищѣ и утѣшеніи ихъ пеклись, на рукахъ своихъ носили и всякими привѣтствы ласкали, цѣловали и тѣмъ увеселялись". Въ случаѣ смерти сына,

родители оставляли у себя его сожительницу, „яко законную сноху“, и дѣтей ихъ, если они были малолѣтни, „подобно законнорожденнымъ внучатамъ воспитывали“; а при приближеніи собственной смерти, „благословляли ихъ святыми иконами и наслѣдниками (въ противность закону) своего имѣнія устрояли“.

Такимъ образомъ, не смотря на указанныя выше правила Преображенскаго кладбища, которыми рѣшительно отрицалась брачная жизнь,—не смотря на фанатическія нападки на семью Гнусина,—многіе изъ московскихъ ѳедосѣевцевъ, „бояся отъ тайно творимыхъ дѣяній“, на которыя уполномочивалъ Гнусинъ своихъ учениковъ, „злосчастій, гдѣ прилучается лишеніе не только всего имѣнія, но и самыя жизни“,—съ другой стороны, „разсуждая“, подобно прочимъ своимъ единовѣрцамъ, что „безъ согласнаго имъ священника вступати въ законное супружество невозможно“, стали обзаводиться хотя и незаконною, но все же семьею, избирая себѣ для сожитія одну какую-либо „христіанку“ и не скрывая предъ обществомъ своихъ интимныхъ отношеній къ ней. Повторяемъ: въ сущности дѣла подобныя сожитія были не болѣе, какъ гласныя наложничества; но все же, если избирать изъ большаго зла меньшее, нельзя не сознаться, что эти любовныя связи ѳедосѣевцевъ съ одною, избранною по сердцу, женщиною, введенною въ домъ на правахъ полной хозяйки, были чище и выше того грубаго, скотскаго разврата съ перемѣнными, случайно попадавшимися подъ руку, любовницами, которому училъ „гражданинъ всей Россіи“ и въ которомъ утопала часть ѳедосѣевской молодежи. Значитъ, чувство нравственное дѣлало свое дѣло и въ такой безнравственной общинѣ, какою было ѳедосѣевское общество, руководимое изувѣрами въ родѣ Ковылина, Гнусина и подобныхъ имъ. Съ другой стороны очевидно, что

зданіе безбрачнаго ѳедосѣевскаго раскола, какъ, по видимому, ни искусно оно было создано и какъ ни ловко ремонтировалось богатымъ и сильнымъ своими связями Ковылинымъ, было основано не на прочномъ фундаментѣ, если немедлено послѣ смерти Ильи Алексѣича стали обнаруживаться въ немъ такія большія бреши. Видно, только „крѣпкія руки“ Ковылина и могли поддерживать это уродливое зданіе отъ разрушенія; ни Гончарову, ни Сергѣю Яковлеву, ни даже самому Гнусину (1) не подъ силу былъ подобный трудъ. Безбрачіе въ теоріи продолжало существовать въ ѳедосѣевскомъ московскомъ обществѣ и послѣ Ковылина; но на дѣлѣ видимъ совершенно не то. „Попечительницы, домостроительницы“ и другія „госпожи“, которыя стали появляться во многихъ домахъ московскихъ ѳедосѣевцевъ,—это уже не просто любовницы, какихъ не чуждался и „любитель ненравственности по предмету удовлетворенія тѣла“ Илья Алексѣичъ, а полныя хозяйки въ домѣ, которыя притомъ „предъ честными гражданами и въ присутственныхъ мѣстахъ“ назывались не иначе, какъ „женами“, на имя которыхъ покупались и утверждались „домы, лавки, заводы и фабрики“, при Ковылинѣ поступавшіе большею частію въ распоряженіе Преображенскаго кладбища, которыя даже по смерти поминались своими „сожителями, яко законныя супруги“, и удостоивались „камней надъ гробами съ наименованіемъ супруги“. Случалось, правда, что ѳедосѣевецъ, вступившій въ сожительство съ избранною имъ дѣвицею, „во время приключившихся болѣзней“ раскаявался въ своемъ поступкѣ и отрекался, по убѣжденію „духовныхъ отцевъ“, отъ своей мнимой жены, какъ блудницы, рискуя въ противномъ случаѣ лишиться по смерти права на поминовеніе. Но и это дѣлалось не по доброй волѣ, а вынужденно, и притомъ при

(1) См. объ нихъ у Кельс. вып. I, стр. 33 и 34.

такой обстановкѣ, которая прямо показывала, что и сами наставники не вѣрили въ искренность подобнаго раскаянія. Не только „во время одержанія болѣзни“, но даже „въ самый часъ разлученія души отъ тѣла“, отверженная на словахъ „любовница у одра своего рачителя предстояла и при самыхъ настоятеляхъ сѣтовательныя составляла вопли, кричала неутѣшно, припадала къ персемъ больнаго, цѣловала уста, лобзала руцѣ и, къ себѣ жалостно прижавши, испускала великія слезы, умильно просила, да при послѣднемъ издыханіи (аще прежде не устроено) распредѣлитъ имѣніе, коликое число чего ради употребити“; и при этомъ „ниже отъ настоятелей, ниже отъ прочихъ, мнящихся быти вѣдателей писанія, возбраненія“ никакого не было. А больной, вмѣсто того, чтобы „прилѣжно каятися о прелести, ею же содержимъ былъ“, обливался горькими слезами при мысли о разлученіи съ своею сожительницею и, лежа на смертномъ одрѣ, „возводилъ на оную очи, жалостное вѣщаніе испущалъ и своей именуемой блудницѣ, которую предъ малымъ или въ самое то время во исповѣданіи предъ духовнымъ отцемъ тако нарицати не усумнился, отъ нея же отлучитися обѣщаніе даде предъ Богомъ, оной о имѣніи и поминовеніи души своея завѣщавалъ“. Впрочемъ нужно замѣтить, что отрекались отъ своихъ женъ во время болѣзни, и то—на словахъ, только тѣ изъ ѳедосѣевцевъ, кои, находясь въ преклонныхъ лѣтахъ, не расчитывали на выздоровленіе. Что же касается людей молодыхъ, то они, „видя своя юностная лѣта и невоздержное плоти стремленіе и яко да не отторжени будутъ отъ своихъ любовницъ“, не сдавались, въ случаѣ болѣзни, ни на какія убѣжденія своихъ „духовныхъ отцевъ“ и рѣшались лучше лишиться, въ случаѣ смерти, права на поминовеніе, чѣмъ дать обѣщаніе развестись съ своими возлюбленными. А если кто, по слабости характера,

и давалъ такое обѣщаніе,—въ случаѣ выздоровленія не исполнялъ его и продолжалъ по прежнему пользоваться своею подругою, какъ женою. „Иніи же, писалъ Скочковъ, и давше въ болѣзни своей обѣщаніе, чтобы разрѣшитися съ своими любовницами, но какъ здравіе получали и гражданства ради съ ними единодомовнѣ пребываніе возъимѣли, тако по первой другъ другу прилѣпительности, разрушивше обѣщаніе, аки огнь съ сѣномъ соединившеся и первою узою плоти связавшеся, препровождаютъ дни свои, яко и первіе“. Только очень не многіе „съ своими любовницами, согласно данному обѣщанію, расторгалися и уединенное, кромѣ другъ друга, житіе препровождати изволяли“. Но за то, чтобы „не впасти въ уныніе, а къ тому и ради пріуготовленія пищи, наимницъ себѣ“ брали. Равно и оставленныя ими подруги, „не могуще чимъ питатися, къ инымъ въ услуженіе себя“ предавали. А отъ этого „случалося таковымъ отъ единодомовнаго пребыванія и бременошеніемъ отягчатися и чадородію тайному быти“ (1).

Такимъ образомъ гласное, открытое наложничество — вотъ главная форма, въ какой появилась семейная жизнь безбрачной московской ѳедосѣевской общины вскорѣ послѣ смерти Ковылина. Но это была не единственная форма семейнаго быта преображенцевъ. Покровцы, не смотря на бѣдствія, испытанныя ими въ 1812 г. отъ французовъ, когда самая часовня ихъ подверглась, вмѣстѣ съ другими зданіями Москвы, разрушенію (2), не прекращали своей

(1) Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы нами изъ сочиненія Скочкова: „подробное извѣстіе о новоженахъ“, рукоп. публ. библіот. № 27 — въ сборникѣ бракоборныхъ сочиненій.

(2) Стар. часовн. въ Москвѣ, Вишнякова, стр. 9. По свидѣтельству „исторіи обновленія молитвеннаго храма въ Москвѣ въ покровской улицѣ“ (рук. публ. библ. № 28 въ сбор. бракобор. соч.), Покровская часовня возобновлена 1-го октября 1816 года съ пѣніемъ молебна „о долголѣтіи, здра-

проповѣди о необходимости брачной жизни, стараясь доказать при этомъ ѳедосѣевцамъ, что форма, избранная нѣкоторыми изъ нихъ, для заключенія брачныхъ союзовъ, неправильна и незаконна, что брать себѣ для сожитія женщину безъ всякихъ торжественныхъ обязательствъ, безъ молитвословія и даже родительскаго благословенія, значитъ приводить въ домъ не жену, а любовницу. Не много нужно было имѣть смысла, чтобы понять всю справедливость такого разсужденія. И вотъ нѣкоторые изъ ѳедосѣевцевъ, желавшихъ обзавестись семьей, стали склоняться на сторону Покровской часовни и рѣшались заключать браки по ея обрядамъ. Вскорѣ явились обстоятельства, которыя еще болѣе усилили успѣхъ пропаганды Скочкова, Андреяна Сергѣева и др. (1). Въ 1816 г. умерли нѣкоторые изъ попечителей Преображенскаго кладбища, на мѣсто которыхъ нужно было избрать новыхъ; какъ, по видимому, ни маловажно было это обстоятельство, но оно послужило источникомъ большихъ смутъ между ѳедосѣевцами. Явились партіи, изъ которыхъ каждая предлагала своихъ кандидатовъ въ попечители,—начались споры и раздоры, усилившіеся до того, что спорившіе не сходились въ общественныя молельни. Покровцы въ это время, разумѣется, не дремали. Во главѣ одной изъ партій стоялъ ѳедосѣевецъ, „громко поправшій студное бракоборство“, ѳедосѣевецъ—„новоженъ“,—и покровцы приняли его сторону. Само собою разумѣется, что и Осиповъ (2) съ своею партіею, въ пользу котораго хлопотали покровцы, не могъ не отнестись за это къ Покровской часовнѣ сочувственно. Дѣло дошло даже до того, что партія Осипова, не расчитывая взять верхъ надъ

віи и спасеніи всеавгустѣйшаго монарха Александра Павловича“, пожертвовавшаго будто бы на возобновленіе часовни 3000 рублей.

(1) См. объ немъ въ Катал. Любопытнаго, стр. 59—67.

(2) См. объ немъ въ Историч. Словарѣ Любопытнаго.

партіею Грачева, предложила избрать въ попечители одного вліятельнаго и богатаго покровца, именно купца Шевалдышева. Какъ ни страннымъ должно было показаться подобное предложеніе, партія Грачева согласилась на него, и Шевалдышевъ — послѣдователь Покровской часовни потому только не сдѣлался попечителемъ Преображенскаго ѳедосѣевскаго кладбища, что не согласился переѣхать на кладбище на жительство, какъ того требовала партія Грачева. Впрочемъ покровцы и сами не хотѣли этого. Они приняли участіе въ интригахъ ѳедосѣевцевъ только для того, чтобы на счетъ преображенцевъ увеличить число своихъ прихожанъ, чего дѣйствительно и достигли. Нѣсколько сотъ ѳедосѣевцевъ, большею частію изъ партіи Осипова, перешли на сторону Покровской часовни (1). Само собою разумѣется, что эти новые члены поморской общины стали вступать въ бракъ уже по обрядамъ Покровской часовни. Когда же споръ Грачева и Осипова перешелъ изъ области личныхъ перебранокъ въ бумажный, формальный искъ и поступилъ на разсмотрѣніе 2-го департамента московскаго магистрата, тогда еще большее число московскихъ ѳедосѣевцевъ перешло на сторону Покровской часовни. Одинъ изъ наставниковъ Преображенскаго кладбища, по имени Антипъ Андреевъ, недовольный тѣмъ, что ѳедосѣевцы обратились за разрѣшеніемъ своего спора къ покровительству гражданскаго правительства, сталъ проповѣдывать своимъ духовнымъ дѣтямъ, что преображенцы нарушили вѣтковскій уставъ, запрещающій „истиннымъ христіанамъ подчиняться суду иновѣрному“, — что жить съ ними душепагубно, и, на основаніи такихъ резоновъ, какъ самъ присоединился къ Покровской молельнѣ, такъ и еди-

(1) Стар. Покров. молельня и Филип. часовня въ Москвѣ, А. Вишнякова, стр. 10—11.

номышленниковъ своихъ увлекъ на ея сторону (1). Наконецъ, когда сторона Грачева, перенеся свой искъ въ Петербургъ, выиграла процессъ,—Осиповъ, оскорбленный неудачею, донесъ правительству о всѣхъ злоупотребленіяхъ, какія происходили на Преображенскомъ кладбищѣ; при чемъ, въ отмщеніе за то, что партія Грачева обвиняла его предъ властію въ новоженствѣ, чѣмъ доказывала, что Осиповъ будто бы не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла Преображенскаго кладбища, запрещающаго своимъ членамъ брачную жизнь, заявилъ власти и о безнравственномъ ученіи Гнусина, отвергавшаго бракъ и ввергавшаго своихъ послѣдователей въ „прелюбодѣйный развратъ“ (2). Слѣдствія этого доноса извѣстны. Именнымъ указомъ, даннымъ 3-го іюля 1820 г. московскому военному генералъ-губернатору, князю Голицыну, между прочимъ, повелѣвалось,—„чтобы, по случаю доносовъ, сдѣланныхъ на Гнусина, скрывавшагося въ богадѣльнѣ и разглашавшаго нелѣпые толки ученія (какъ то: неповиновеніе властямъ и закону, развращеніе браковъ и т. под.), употреблено было всевозможное стараніе къ отысканію его, чтобы дѣло сіе самымъ строгимъ образомъ было изслѣдовано и виновные какъ въ изобрѣтенномъ вредномъ ученіи, такъ и распространявшіе оное, преданы были суду и преслѣдованы предъ онымъ съ соотвѣтственною преступленіямъ ихъ строгостію“ (3). Опасаясь преслѣдованія власти, Гнусинъ бѣжалъ изъ Преображенскаго кладбища, скрывался долгое время въ Судиславлѣ у купца Папулина, пока наконецъ былъ пойманъ (1823 г.) и сосланъ въ Соловецкій монастырь. Вмѣстѣ съ Гнусинымъ былъ сосланъ въ Соловецкій же монастырь и его „непотребный товарищъ“,—

(1) Кельсіева вып. I, стр. 41.
(2) Тамъ же, стр. 42 и 43.
(3) Собран. постановл. по части раскола, 1858 г. стр. 71.

нѣкто Иванъ Ѳедотовъ Таровитый, не менѣе Гнусина ратовавшій противъ брака (1). Какъ ни тяжело было московскимъ бракоборцамъ лишиться своихъ изувѣрныхъ проповѣдниковъ мнимаго дѣвства,—но главная бѣда была не въ томъ; фанатиковъ, подобныхъ Гнусину и Таровитому, можно было найти не мало между невѣжественными ѳедосѣевцами,—но уже трудно было расчитывать теперь на прежнюю безнаказанность за распространеніе безнравственнаго ученія, какое проповѣдывалъ „гражданинъ всей Россіи“ съ своимъ „непотребнымъ товарищемъ“. Зло, скрывавшееся на Преображенскомъ кладбищѣ, было узнано властію, и уже никакіе подкупы и интриги не въ состояніи были заставить московское начальство идти противъ Высочайшаго повелѣнія. А по смыслу этого повелѣнія, всякій ѳедосѣевецъ, учившій, что бракъ — дѣло незаконное, являлся преступникомъ и подлежалъ карѣ закона. Что же оставалось дѣлать московскимъ бракоборцамъ при такихъ обстоятельствахъ? Тѣ изъ нихъ, кто имѣлъ деньги и не желалъ почему бы то ни было разстаться съ разгульною жизнію, подкупали разныхъ Тургеневыхъ, Стрешневыхъ и др. чиновниковъ, посредствовавшихъ между княземъ Голицынымъ и Преображенскимъ кладбищемъ (2), и продолжали по прежнему развратничать, — только въ тихомолку. Другіе же, кои или не имѣли средствъ „окупать древнее благочестіе“, или даже тяготились безнравственнымъ ученіемъ своихъ вожаковъ, рады были случаю нарушить обѣты невольнаго дѣвства, подъ благовиднымъ предлогомъ, и, не обинуяся, рѣшались вступать въ бракъ, ссылаясь въ свое оправданіе на стѣснительныя обстоя-

(1) Кельс. вып. I, стр. 51; Сборн. для истор. стар. Попова, т. II, вып. V, прилож. стр. 130, 142; Собр. постановл. по части раск. 1860 г. кн. II, стр. 258.

(2) Кельс. вып. I, стр. 52—53.

тельства, которыя съ 1823 г. еще болѣе усилились (1). Антипъ Андреевъ, разумѣется, зналъ эти „стѣснительныя обстоятельства“ и пользовался ими для своихъ цѣлей. Число прихожанъ Покровской часовни росло постоянно, и для многихъ ѳедосѣевцевъ переходъ на сторону часовни былъ тѣмъ легче, что наставникомъ ея теперь былъ прежній любимый ихъ учитель (2), и что „брачной книгѣ“, заведенной Скочковымъ, поморцы, при помощи подкупленной полиціи и при потворствѣ расколу низшихъ административныхъ инстанцій, съумѣли придать въ это время значеніе оффиціальнаго документа, — такъ, что браки, заключавшіеся въ Покровской часовнѣ и записанные въ этой книгѣ, какъ бы оффиціально признавались правительствомъ (3). Были въ разсматриваемое нами время и другія обстоятельства, которыя заставляли нѣкоторыхъ московскихъ ѳедосѣевцевъ измѣнять своему основному ученію о всеобщемъ дѣвствѣ и вступать въ бракъ, большею частію, по обрядамъ Покровской часовни. Какъ ни снисходительно относилось къ раскольникамъ правительство въ царствованіе Александра Благословеннаго, предписывая на самыхъ вожаковъ раскольническихъ „смотрѣть, такъ сказать, сквозь пальцы“ (4), тѣмъ не менѣе и оно чуждо было мысли потворствовать злу. А потому, когда въ 1820 г. доведено было до Высочайшаго свѣдѣнія „объ открытыхъ С.-Петербургскою полиціею злоупотребленіяхъ раскольниковъ ѳедосѣевскаго согласія, или безпоповщины“, Государь Императоръ, при всей своей терпимости къ заблуждающимъ, счелъ необходимымъ „для положенія преграды распространенію расколовъ“ указать, между прочимъ, „слѣдующія правила касательно производ-

(1) Собран. постановл. по части раск. 1858 г. стр. 79—80.
(2) Скочковъ умеръ 1821 г.,—стар. Покр. мол. и Фил. часовн. стр. 13.
(3) Тамъ же, стр. 15; снес. „Невскій Сборникъ“, 1867 г. т. I, стр. 89.
(4) Собр. постановл. по части раскола, 1858 г. стр. 28.

ства купеческихъ и мѣщанскихъ выборовъ изъ раскольниковъ: въ городахъ, посадахъ и волостяхъ изъ безпоповщины допускать къ должностямъ тѣхъ, кои принадлежатъ къ сектѣ, которая молится за царя и коею пріемлется бракъ; но допускать раскольниковъ сихъ къ должностямъ слѣдуетъ не иначе, какъ только по необходимости", и при томъ „опредѣленіе таковое къ отвращенію злоупотребленій должно затруднять; за симъ всѣхъ другихъ раскольниковъ, какого бы наименованія они не были безпоповщины: не молящихся за царя и не пріемлющихъ брака.., ни къ какимъ должностямъ не избирать" (1). Какъ, повидимому, ни маловажно ограниченіе, которому подвергались, вслѣдствіе указанныхъ правилъ, ѳедосѣевцы, какъ сектанты, отвергавшіе бракъ, тѣмъ не менѣе люди честолюбивые, а равно искавшіе въ служеніи обществу своихъ собственныхъ выгодъ, стѣснялись имъ и, во избѣжаніе правительственной опалы, чтобы снять съ себя кличку „вредныхъ членовъ общества", рѣшались вступать въ бракъ, хотя и безсвященнословный.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ въ московской ѳедосѣевской общинѣ со времени смерти Ковылина (1809 г.) до царствованія императора Николая Павловича. Какъ же относились къ указаннымъ явленіямъ, нарушавшимъ уставъ Преображенскаго кладбища, тѣ люди, на которыхъ лежала обязанность наблюдать за исполненіемъ этого устава,—„настоятели" и прочіе вожди московскаго ѳедосѣевскаго общества? За исключеніемъ Гнусина, Ивана Ѳедотова (2) и подобныхъ имъ „ужасныхъ изувѣровъ", запрещавшихъ брачную жизнь и разрѣшавшихъ самый грубый развратъ, прочіе ѳедосѣевскіе наставники, вѣроятно, находя невозможнымъ идти противъ общаго теченія,

(1) Тамъ же, стр. 66 и 67.

(2) См. объ немъ въ историч. слов. Любопытнаго.

а главное,—„ради горькаго сребролюбія и ненасыщеннаго брюха“, по выраженію Скочкова, смотрѣли на появленіе въ московской ѳедосѣевской общинѣ своеобразнаго новоженства довольно снисходительно. Являясь на словахъ защитниками безбрачія и дѣвственной жизни,—на дѣлѣ они не прочь были питаться крупицами и тѣхъ изъ своихъ пасомыхъ, которые вели жизнь брачную. Такъ, вопреки ясному требованію Ковылинскаго устава—„не сообщатися ни въ чемъ не только со иновѣрными (т. е. православными и раскольниками другихъ толковъ), но и со отлученными отъ церкви, яко-то съ новожены“, и особенно съ тѣми изъ ѳедосѣевцевъ, которые „навели дѣтей своихъ на отступство и на беззаконное сочетаніе“ (1), вопреки изувѣрному ученію Гнусина, что „входить въ домы“ нарушившихъ, чрезъ вступленіе въ бракъ, ѳедосѣевскій уставъ значитъ „входить къ преданнымъ діаволу въ снѣдь“ (2), многіе изъ наставниковъ Преображенскаго кладбища разсматриваемаго нами времени свободно посѣщали домы новоженовъ-ѳедосѣевцевъ, и притомъ не только для крещенія новоженскихъ дѣтей, на что отчасти уполномочивала 4-я статья собора 1818 г., о которомъ была рѣчь выше, но и просто на праздничныя торжества — для молебновъ и слѣдовавшихъ за ними угощеній; а чтобы соблюсти при этомъ свою фарисейскую чистоту, они прибѣгали къ разнаго рода уловкамъ. Такъ, при посѣщеніи ѳедосѣевскаго дома, въ которомъ находились дѣти, вступившіе въ бракъ, наставники, во время службы, не допускали виновныхъ до общей молитвы, а заставляли ихъ стоять и молиться въ отдѣльной комнатѣ. „Настоятели писалъ Скочковъ, егда призываеми бываютъ празднество совершати, тогда безъ всякаго отрицанія приходятъ и

(1) Сборн. для истор. стар. Попова, т. I, стр. 92.
(2) Тамъ же, стр. 57.

торжественно церковную службу воспѣваютъ; приносимыя же свѣщи, масло и фиміамъ отъ держащихъ сыновнюю блудницу въ дому своемъ родителей не отметаютъ, но токмо сына и его любовницу молитися купно съ собою не попущаютъ, въ притворѣ же негдѣ стояти и слушати пѣнія и чтенія не возбраняютъ“ и „тѣмъ хуже скотовъ вмѣняютъ“ ихъ, такъ какъ, по остроумному замѣчанію Скочкова, случается, что и „скоты безсловесныя кажденія фиміамнаго сподобляются“, напр., „въ память св. мучениковъ Флора и Лавра кропленія святыя воды удостоиваются; новожены же, яко воистинну сущіи всѣмъ явніи и знаеміи блудники, того лишаются“. Если же случалось, что вдосѣвецъ, вступившій въ бракъ (сводный) и сдѣлавшійся новоженомъ, не имѣлъ въ живыхъ родителей, которые бы могли пригласить къ себѣ наставника, тогда употреблялась хитрость другаго рода: брался новоженомъ на хлѣбы какой либо нищій родственникъ-безбрачный, которому и поручалось, въ случаѣ нужды, пригласить наставника. Иногда же дѣлалось это еще проще: звалъ наставника въ домъ новожена слуга его, но, разумѣется, отъ своего имени и какъ бы для себя. „Настоятель“ зналъ, что все это—фокусы, но довольствовался соблюденіемъ внѣшняго приличія и съ спокойною совѣстію отправлялся угощаться въ домъ „отступника“. „Иніи же новожены, читаемъ у того же Скочкова, не имѣющіе родителей и хотяще празднество каковое торжествовати, тогда сродника каковаго нищаго въ дому имѣти тщатся, или своего служителя“, которые и призываютъ „настоятелей праздничное составити торжество. Настоятели же и иніи празднолюбцы, егда услышатъ званіе, идутъ неотложно и по совершеніи молитвословія поздравляютъ не сроднику нищему, ниже служителю господина дому, но самому господину, блудника наименованіе носящему, и его рачительницѣ, го-

сподствующей въ дому, яко женѣ законной. Такожде и егда по молитвѣ представлена будетъ трапеза исполнена брашенъ, по окончаніи оныя паки тому же господину благодареніе приносятъ".—Тѣмъ же фарисействомъ, тѣмъ же лицемѣріемъ проникнуты были и другія отношенія московскихъ ѳедосѣевскихъ наставниковъ къ новоженамъ. Такъ напр., въ случаѣ рожденія младенца, они крестили его безпрепятственно, но требовали, чтобы „матери" кормили дѣтей не сами, а „скотскимъ млекомъ напояли" ихъ; „понеже скоты не согрѣшаютъ тако, якоже новожены, того ради и лучше матерей вмѣняются". Или: во время болѣзни новожена, наставники требовали отъ него обѣщанія отречься отъ своей жены, какъ отъ блудницы; но позволяли этой блудницѣ присутствовать при послѣднихъ минутахъ жизни умирающаго, въ качествѣ жены, позволяли ей на могильномъ памятникѣ величать своего друга законнымъ супругомъ и часто сами назначали ей и ея дѣтямъ „попечителей". Если же больной новоженъ, давшій обѣщаніе оставить свою мнимую жену, выздоравливалъ и снова начиналъ жить съ своею подругою не только „единодомовно", но и на правахъ мужа,—настоятели смотрѣли на это сквозь пальцы, даже не отлучали подобныхъ господъ „отъ общемоленія", лишь бы только „плодъ ихъ обличникомъ не явился"; тогда только отлучался новоженъ отъ общества. Сквозь пальцы также смотрѣли настоятели и на тѣхъ новоженовъ, кои, по выздоровленіи, исполняли свое обѣщаніе, разлучались съ своими прежними подругами, но брали себѣ новыхъ, подъ именемъ „наимницъ", и жили съ ними такъ, что „случалось таковымъ отъ единодомовнаго пребыванія и бременошеніемъ отягчатися и чадородію тайному быти". Однимъ словомъ: во всемъ и вездѣ бездушная форма, грубое лицемѣріе, завзятое фарисейство; можно было жить съ какой угодно

любовницей, жить какъ угодно; нельзя было только узаконять и освящать это сожитіе бракомъ, запрещалось только видимое обнаруженіе семейной жизни—дѣторожденіе; передъ исповѣдію требовалось отрицаніе мужа отъ жены и жены отъ мужа, а послѣ исповѣди предоставлялось имъ право опять вступать въ семейныя обязанности и отношенія, какъ ни въ чемъ не бывало; наставники совершали у новоженовъ всѣ службы, но требовали, чтобы приглашали ихъ для этого не сами новожены, а кто-нибудь изъ ихъ родныхъ, или знакомыхъ и т. д... А послѣ этого мы находимъ весьма естественною, жесткую на первый взглядъ, рѣчь покровцевъ, съ которою они обращались къ наставникамъ ѳедосѣевскимъ: „о! тѣ, которые основываютъ бренныя свои системы на слабыхъ положеніяхъ,— тѣ, которые, гоняясь за тѣнью церемоній, обезображиваютъ истину постыдною подлостію, хотя къ солнцу никогда не нужно прикладывать факела, чтобы сдѣлать его свѣтомъ. Имъ надобно взойти самимъ въ себя и разсудить, не лучше ли прилѣпиться единой женѣ, какою-бы-то ни было церемоніею, только-бъ съ твердымъ намѣреніемъ къ благословенному продолженію человѣческаго рода, къ честному и неблазненному общежительному состоянію, нежели безъ плану, безъ цѣли, какъ ни попало, удовольствовать только плотское стремленіе срамной похоти! о стыдъ! о позоръ для нашей старовѣрческой религіи! о нравы необузданные! о сердца, изрыгающія порочные помыслы, чуждыя святыни христіанской! о тѣ, недугующіе раздоромъ и буесловіемъ лжеименнаго разума, сѣдые, но невѣжественные пастухи! что они думаютъ? Они конечно много о своей святости воображаютъ. Но... они суть душевни, прискорбни, бѣсовски, Духа святаго не имущіи. Почему же? потому что самонравны, вздорны, сварливы, непримирительны, злобны. А къ симъ нравамъ если при-

бавить мнѣніе ихъ о супружествѣ, прикрытое лисьимъ хвостомъ, о чемъ также, не щадя ихъ святости, сказано: въ лицемѣріи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ, возбраняюще женитися,—то святость ихъ мнимая и поумалится, или, можетъ, совсѣмъ изчезнетъ, а останется только въ собственный удѣлъ ихъ буйство, невѣжество и суевѣріе, какъ спутники жестокости и нечестія“ (1).

Излагая исторію вопроса о бракѣ, со времени смерти Ковылина и до начала царствованія Императора Николая I-го, и указывая разныя формы брачныхъ сопряженій раскольниковъ, мы имѣли въ виду преимущественно московскихъ безпоповцевъ, какъ ѳедосѣевцевъ, рѣшительно отвергавшихъ бракъ при Ковылинѣ, такъ и поморцевъ, допустившихъ у себя брачную жизнь еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Теперь посмотримъ, какъ относились къ вопросу о бракѣ въ указанное нами время безпоповщинскія общины петербургскія, а равно и другія—иногородныя общины.

Выше мы видѣли, что петербургскіе ѳедосѣевцы еще съ самаго начала настоящаго столѣтія, когда они находились въ зависимости отъ Преображенскаго кладбища и его строителя Ковылина и даже получали себѣ наставниковъ изъ Москвы (2), стали снисходительно смотрѣть на новоженовъ, и многіе изъ нихъ даже сами вступали въ бракъ, и притомъ не только безъ всякаго молитвословія, по одному взаимному согласію жениха и невѣсты, но и посредствомъ вѣнчанія въ церквахъ православныхъ. Соборъ ѳедосѣевскій, составленный въ 1809 г. съ цѣлію положить преграду такимъ нарушеніямъ основнаго ученія секты,

(1) „Брачное врачество“, Любопытн., сборн. библ. покойн. м. Григорія № 91; снес. опис. раск. соч. А. Б. ч. II, стр. 316—317.

(2) Полн. историч. извѣстіе о раскольникахъ, Іоаннова стр. 141—143

издалъ, какъ мы тоже видѣли, правила, которыми косвенно скорѣе разрѣшалась, чѣмъ запрещалась, семейная жизнь, — такъ, что истые ѳедосѣевцы находили эти правила „неистовымъ мятежемъ и смущеніемъ пути спасительнаго церковнаго“. Послѣ такихъ явленій, въ которыхъ ясно высказывалось сочувствіе къ новоженству, казалось бы,—немыслимо возвращеніе петербургской ѳедосѣевской общины къ „лютому бракоборству“. И однакоже, къ сожалѣнію, на дѣлѣ мы видимъ не то. Съ 1811 года начинаются между петербургскими ѳедосѣевцами болѣе строгія отношенія къ новоженству, а въ 1821 году министръ внутреннихъ дѣлъ сообщалъ начальнику Ярославской губерніи, что въ числѣ правилъ, которыхъ въ то время держались ѳедосѣевцы петербургскаго Волковскаго кладбища, были, между прочимъ, слѣдующія: брака нѣтъ, женатымъ разлучаться, блудная жизнь терпима, дѣтоубійство не преступленіе (1). Правда, этихъ изувѣрныхъ правилъ, какъ оказалось по слѣдствію, держались не всѣ петербургскіе ѳедосѣевцы; многіе изъ нихъ прямо и рѣшительно отвергали такое ученіе; тѣмъ не менѣе все-таки представляется страннымъ, какъ могло явиться безусловное отрицаніе брака въ общинѣ, которая нѣсколько лѣтъ назадъ относилась къ нему болѣе, чѣмъ снисходительно? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы должны сказать, что изувѣрнымъ ученіемъ, вслѣдствіе котораго развратъ и беззаконная жизнь дошли между нѣкоторыми петербургскими ѳедосѣевцами, по выраженію одной оффиціальной бумаги, „до высочайшей степени необузданности“ (2), Петербургъ обязанъ былъ не столько своему мудрованію и своимъ наставникамъ, изъ которыхъ большинство были люди

(1) Кельсіева вып. 4, стр. 235; снес. ист. мин. внут. дѣлъ, Варадинова, кн. VIII, стр. 21.

(2) Дѣло въ архив. департ. общ. дѣлъ. 1820 г. № 11.

„вѣжливые и снисходительные“, сколько „странникамъ и пришельцамъ“, и между ними по преимуществу „гражданину всей Россіи“ — Гнусину. Эта „семиименная особа“, не довольствуясь тѣмъ, что своимъ бракоборнымъ ученіемъ поселилъ развратъ въ Москвѣ — на Преображенскомъ кладбищѣ, вздумалъ еще навѣстить, въ качествѣ учителя, и Петербургъ,—который, по его мнѣнію, сталъ измѣнять „древнему благочестію“. Вмѣстѣ съ нимъ, какъ ближайшій единомышленникъ „лютаго изувѣра“, отправился въ Петербургъ и Иванъ Ѳедотовъ Таровитый. Зная, что такое Гнусинъ и Таровитый и какъ много зла причинили они въ Москвѣ, возставая противъ необходимости брачной жизни, московскіе поморцы не на шутку встревожились, узнавъ объ ихъ отъѣздѣ въ Петербургъ, и, въ предотвращеніе пагубнаго вліянія туристовъ на петербургскихъ безпоповцевъ, рѣшились предостеречь простодушныхъ отъ этихъ хищныхъ волковъ. Съ этою цѣлію, Андреянъ Сергѣевъ, зять Скочкова, завѣдывавшій брачною книгою Покровской часовни, пишетъ „важное, трогательное и убѣжденіемъ горящее окружное воззваніе ко всѣмъ старовѣрческимъ церквамъ въ Петрополѣ о хитромъ и хищномъ отъѣздѣ изъ Москвы въ уномянутый градъ московскихъ возмутителей и развратниковъ благочестія Ваньки Ѳедотова съ его лукавымъ и непотребнымъ товарищемъ (т. е. Гнусинымъ) для той же пагубы и зла, какія и Москва отъ нихъ претерпѣла: то дабы каждый умный и благочестивый человѣкъ, при первомъ ихъ появленіи, будучи враговъ Богу, природѣ и гражданскимъ законамъ, всячески ихъ гнушалися, бѣгали и удалялись, яко наглыхъ и явныхъ лжецовъ, прелестниковъ и супостатовъ“ (1). Рекомендація не очень лестная, но Гнусинъ и Таровитый не смущались ею. Первый изъ нихъ везъ

(1) Катал. Любоп. стр. 61, № 173.

съ собою въ Петербургъ „картины“, въ которыхъ бракоборное ученіе изображалось въ разныхъ видахъ—съ цѣлію сильнѣе напечатлѣть его въ умахъ людей слабомысленныхъ (1); а второй отлично владѣлъ „мягкими словами, украшенными лестчимъ духомъ, ложнымъ образомъ святости и частыми вздохами“; при помощи такихъ средствъ Гнусинъ и Таровитый достигли того, что ученіе ихъ, несмотря на его изувѣрство, было принято многими изъ петербургскихъ ѳедосѣевцевъ, и „воззваніе“ Андреяна Сергѣева не достигло цѣли, съ которою было писано. Петербургъ, подобно Москвѣ, „возмутился отъ зломудрія“ пріѣзжихъ гостей, и „простодушные и глупые“ столичные ѳедосѣевцы „поработились, по выраженію Любопытнаго, разврату и буйности“ (2). Подобно Гнусину и Таровитому, являлись въ это время въ Петербургъ и другіе „лютые бракоборцы“, которые своимъ ученіемъ старались поддержать ѳедосѣевское мнимое дѣвство. Таковы были Андрей Алексѣевъ Каиновъ, или Варагинъ, петербургскій мѣщанинъ и Стародубской обители монахъ и начальникъ, „твердый бракоборецъ, таившій мерзкій цинизмъ“, который, при помощи своего „пустосвятства“, успѣлъ „свергнуть съ каѳедры“ настоятеля петербургской ѳедосѣевской часовни—Якова Холина, считавшагося у петербургскихъ ѳедосѣевцевъ свѣтиломъ,—и Иванъ Тихоновъ, тихвинскій мѣщанинъ и „житель многихъ странъ“, „отличный бракоборецъ“, который, при помощи „твердой памяти въ наборѣ святаго писанія, плавнаго и мягкаго голоса, лестнаго смиренія и глубокихъ вздоховъ, возмутилъ своимъ изувѣрствомъ простодушныя сердца въ Петрополѣ“. Что же касается наставниковъ ѳедосѣевскихъ собственно петербургскихъ, то изъ нихъ, какъ о бракоборцахъ, можно

(1) Истор. министер. внутр. дѣлъ кн. VIII, стр. 121.
(2) Истор. словарь Любопытнаго.

упомянуть о Герасимѣ Никитинѣ Ошарѣ, который своими разглагольствованіями объ антихристѣ и скоромъ наступленіи страшнаго суда „умножилъ въ публикѣ на апокалипсисъ цѣну втрое“ и довелъ своихъ учениковъ до того, что „всякій изъ нихъ желалъ быть вралемъ антихриста и тайновидцемъ всѣхъ чудодѣйствій, и всякій почиталъ себѣ за честь быть толкуномъ сатаны и мерзкихъ его твореній“, при чемъ, разумѣется, мысль о брачной жизни не могла придти и въ голову, — и отчасти о Яковѣ Васильевѣ Холинѣ, составителѣ 17 статей, утвержденныхъ на соборѣ 1809 года, который былъ учителемъ ѳедосѣевцевъ въ Петербургѣ въ продолженіе 35 лѣтъ и писалъ противъ брака не мало сочиненій (1). Впрочемъ, къ утѣшенію нравственнаго чувства, нужно сказать, что хотя многіе изъ петербургскихъ ѳедосѣевцевъ, подъ вліяніемъ ученія Гнусина и под. ему изувѣровъ, стали съ 1811 года отвергать бракъ и предаваться разврату, тѣмъ не менѣе было между ними въ это время не мало и такихъ, кои по прежнему признавали необходимость брачной жизни и по этому одни вѣнчались въ церквахъ православныхъ, другіе довольствовались для заключенія сожитія родительскимъ благословеніемъ. Мало этого: нашелся въ это время между петербургскими ѳедосѣевскими наставниками даже такой человѣкъ, который сталъ прямо учить, что браки поморцевъ, заключавшіеся по обрядамъ Покровской часовни,—законны, и открыто перешелъ на сторону поморцевъ. Разумѣется, это ученіе большинству ѳедосѣевцевъ показалось „новшествомъ и еретичествомъ“,— Ѳеима Артемьева „пастыря Пѣшневской часовни“, учив-

(1) См. обо всѣхъ указанныхъ лицахъ въ истор. слов. Любоп. и въ Катал. стр. 148—151; Любопытный, говоря, что Холинъ „имѣлъ въ брачной тайнѣ сбивчивое понятіе и дѣлалъ въ ней оттѣнки суевѣрія“, приписываетъ ему въ тоже время такія сочиненія, изъ которыхъ видно, что Холинъ признавалъ бракъ; Катал. № 648.

шаго такъ, прочіе ѳедосѣевскіе наставники отлучили отъ своего общества, давъ знать объ этомъ и въ Москву, и въ Стародубье и другіе мѣста (1); тѣмъ не менѣе можно думать, что были между пасомыми Артемьева и такіе, кои смотрѣли на дѣло иначе и, по слову своего учителя, бросали развратъ и вступали въ браки, хотя и безсвященнословные. А если мы припомнимъ, что правительство, для прекращенія злоупотребленій, открытыхъ имъ между ѳедосѣевцами Волковскаго кладбища, подвергло петербургскихъ бракоборцевъ самому строгому надзору полиціи, при чемъ вмѣнялось въ обязанность особенно наблюдать за молодыми ѳедосѣевскими женщинами и „за послѣдствіями незаконнаго рожденія, обнаруживающаго подкидываніе дѣтей и убійство оныхъ, раждающими ихъ дѣвками“ (2),—то поймемъ, что ученію Артемьева могли слѣдовать даже очень многіе. Съ другой стороны, по примѣру московскихъ поморцевъ, не переставшихъ, въ лицѣ Скочкова, Андреяна Сергѣева и др., пропагандировать въ разсматриваемое нами время въ пользу брака, и петербургскіе ихъ единомышленники не молчали, видя усиливавшееся въ средѣ ѳедосѣевцевъ ненавистное имъ бракоборство. Въ этомъ случаѣ, какъ на особенно грознаго обличителя ѳедосіанскихъ заблужденій и неутомимаго проповѣдника необходимости и законности брачной жизни, мы можемъ указать на Павла Любопытнаго, сочиненіями котораго мы такъ часто пользуемся при своемъ трудѣ. Родившись въ 1772 году въ Юрьевѣ-Польскомъ, Любопыт-

(1) Катал. Любоп. стр. 151, №№ 650—651. Почему Ѳеимъ Артемьевъ принадлежалъ къ ѳедосѣевской сектѣ, когда отецъ его, Артемій Петровъ, былъ поморцемъ (тамъ же, стр. 116, № 464), неизвѣстно. Или, быть можетъ, отцемъ Ѳеиму Артемьеву былъ не Артемій Петровъ, а Артемій Семеновъ—ѳедосѣевецъ, подписавшійся подъ опредѣленіями ѳедосѣевскаго собора 1809 г. (сборн. для истор. стар. т. I, стр. 31)?

(2) Собр. постановл. по части раскола, 1858 г. стр. 62—65.

ный въ раннемъ возрастѣ попалъ въ Москву и такимъ образомъ сдѣлался очевидцемъ тѣхъ жаркихъ споровъ и ссоръ, какіе происходили въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія между московскими ѳедосѣевцами и поморцами изъ-за вопроса о бракѣ. Принадлежа къ поморской сектѣ, Любопытный сталъ на сторону брачной жизни и, хотя самъ оставался безбрачнымъ и проводилъ жизнь безукоризненную, вооружился противъ ѳедосѣевскаго бракоборства всѣми силами своего ума и цвѣтистаго краснорѣчія. Наученный грамотѣ еще матерію, ознакомленный съ литературными пріемами—студентами московскаго университета, Любопытный еще въ молодыхъ лѣтахъ начинаетъ писать и пишетъ неустанно—въ теченіе всей своей жизни, не смотря ни на какія невзгоды и житейскія неудачи. Ратуя въ пользу своей секты, пиша о разныхъ предметахъ, занимавшихъ тогда расколъ, ведя полемику и противъ православія и противъ единовѣрія, Любопытный главное свое вниманіе обращалъ на волновавшій въ то время безпоповщину вопросъ о бракѣ—такъ, что большая часть сочиненій, написанныхъ имъ и изчисленныхъ въ Каталогѣ, касается именно этого предмета. 1799 г. онъ пишетъ сочиненіе, подъ названіемъ: „истиннаго христіанина чистосердечное исповѣданіе о законномъ бракѣ“; въ 1800 г. является его „брачное врачевство“; за тѣмъ слѣдуютъ:—„пылкое и убѣжденіемъ пылающее обличеніе сорока бракоборныхъ основаній Московскаго изувѣра Алексѣя Яковлева, пастыря и учителя Филиповской церкви въ Москвѣ“,—„ясное и живаго чувства исполненное воззваніе отъ лица Московской церкви всему благочестивому христіанству поморской церкви (?), о приглашеніи ихъ въ Москву къ совершенію обряда брачнаго таинства“(1), и множество другихъ сочиненій въ томъ же родѣ, и при-

(1) Катал. стр. 109—114, №№ 410, 416—17, 450.

томъ не только въ формѣ полемическихъ разсужденій, но и въ формѣ „сатиръ“, „пасквелей“ и даже „духовъ сатиры и критики исполненныхъ поэмъ въ ямбическихъ стихахъ“,—такъ, что, не смотря на то, что Любопытный началъ свою литературную дѣятельность еще „юношей, московскій кругъ ученыхъ, по его выраженію, видя блески его талантовъ, обращалъ на него взоры своего вниманія“. Въ 1813 году Любопытный является въ Петербургѣ. Что побудило его оставить Москву, которая уже цѣнила его труды, и переселиться въ Петербургъ, гдѣ „неблагодарный сонмъ народа“, не смотря на всѣ труды Любопытнаго, часто „взиралъ на него хладнокровно“, — въ точности неизвѣстно. По всей вѣроятности, „любившій право своей натуры и строго хранившій честь своего достоинства“, раскольничій писатель, переселяясь въ Петербургъ, надѣялся, что здѣсь, гдѣ не было ни Скочковыхъ, ни Андреяновъ Сергѣевыхъ, онъ могъ занять болѣе видное мѣсто, чѣмъ въ Москвѣ, гдѣ сосредоточивалась въ то время поморская интеллигенція. Какъ бы впрочемъ ни было, только и въ Петербургѣ Любопытный не перестаетъ гремѣть своими сочиненіями противъ „студнаго бракоборства“ и доказывать необходимость и законность брачной жизни. Написавъ прежде всего обличеніе на тѣхъ изъ ѳедосѣевцевъ, которые, подъ вліяніемъ наставленій Гнусина, дошли до самаго „лютаго бракоборства и скареднаго николаизма“,—такъ, что составили отдѣльную секту въ ѳедосѣевщинѣ (1), Любопытный начинаетъ затѣмъ издавать одно за другимъ сочиненія въ пользу брака, въ которыхъ то доказываетъ необходимость брачной жизни, то объясняетъ „брачныя правила, или виды, по коимъ церковь Христова (пом.) признаетъ брачный союзъ законнымъ“, то наконецъ защищаетъ „вѣчность брачнаго бытія въ

(1) Катал. стр. 113 и 117, №№ 441 и 474.

Христовой церкви“ (1) и др. Мало этого: по примѣру Скочкова, онъ составляетъ здѣсь свой „прекрасный, сообразный съ обстоятельствами, чинъ обрученія старовѣрческой церкви брачущимся“ и „такой же силы и достоинства чинъ, или обрядъ, вѣнчанія“ (2), и самъ начинаетъ сочетавать бракомъ тѣхъ, кто желалъ обзавестись семьей (3). Само собою разумѣется, что въ числѣ петербургскихъ дѣвственниковъ нашлось не мало лицъ, которыя спѣшили воспользоваться услугами Любопытнаго и — вступали въ бракъ по „чину“, имъ составленному. Мало этого: явились даже такіе усердные поклонники Платона Свѣтозарова (такъ называетъ себя Любопытный въ историч. словарѣ), которые чрезъ министра духовныхъ дѣлъ князя Голицына рѣшились хлопотать (въ 1817 году) предъ властію о признаніи законности браковъ, заключавшихся по новосоставленному Любопытнымъ чину (4). Все это ясно показываетъ, какъ великъ былъ успѣхъ проповѣди Любопытнаго въ пользу брака; и этотъ успѣхъ былъ бы еще больше, если бы Свѣтозаровъ велъ свою пропаганду съ благоразуміемъ и сдержанностію. Къ сожалѣнію, отсутствіемъ этихъ-то качествъ всего болѣе и страдалъ составитель „каталога“, или „библіотеки старовѣрческихъ церквей“. Защищая то же дѣло, за которое ратовали Заяцевскій, Скочковъ и подобные имъ поморскіе писатели того времени, Любопытный уклонился отъ пути, которымъ шли въ своихъ изслѣдованіяхъ указанныя лица, и, вслѣдствіе ли своего кипучаго характера, или по увлеченію споромъ, вдался въ преувеличенія, впалъ въ крайность и сталъ развивать въ своихъ сочиненіяхъ мысли, какихъ не высказывали самые рьяные московскіе защитники безсвя-

(1) Тамъ же, стр. 109, №№ 413, 418, 422 и др.
(2) Тамъ же, стр. 112, №№ 432—433.
(3) Сборн. для истор. стар. т. II, вып. V, прилож. стр. 25.
(4) Катал. стр. 135, № 590.

щенныхъ браковъ. Такъ напр. Скочковъ, Заяцевскій и другіе, доказывая правильность браковъ Покровской часовни, не отвергали безусловно необходимости для заключенія брака пресвитерскаго вѣнчанія, а только утверждали, что оно не составляетъ сущности брака и что слѣдовательно, въ случаѣ нужды, можно обойтись и безъ него,—и бракъ, заключенный такимъ образомъ,—законенъ, или по крайней мѣрѣ „прощенія достоинъ“. Любопытный, въ своихъ сочиненіяхъ развивая туже мысль, сталъ доказывать, что церковное вѣнчаніе есть не болѣе, какъ „блестящій церемоніалъ“, изъ „политики“ установленный „для великолѣпной пышности, а не ради оформированія брачнаго существа“, что эти „церковные блески и пышныя принадлежности въ разсужденіи брачнаго существа суть ничто и къ полученію неба и ада ничего не способствуютъ“, что „каѳолическая церковь великолѣпное вѣнчаніе и пышныя мины съ священнословіемъ всегда почитала ни за что иное, какъ за внѣшній предметъ, обуздывающій невѣжество и наглость и представляющій видъ политики“, и что поэтому указывать на необходимость для брака пресвитерскаго вѣнчанія, какъ дѣлали это ѳедосѣевцы, значитъ проповѣдывать „предразсудокъ, буйство, суевѣріе“ и под. Само собой понятно, что неправильный взглядъ Любопытнаго на значеніе церковнаго вѣнчанія былъ скоро замѣченъ его противниками и послужилъ во вредъ не только ему лично, но и тому дѣлу, за которое ратовалъ „творецъ многихъ книгъ противъ нечестія бракоборцевъ“. Ѳедосѣевцы огласили Любопытнаго нововводителемъ, еретикомъ, новымъ Манихеемъ и Лютеромъ, а ученіе его о бракѣ — заблужденіемъ, „растлѣннымъ толкованіемъ словесъ св. писанія не безъ оскорбленія всего древле-церковнаго узаконенія“, и стали проповѣдывать, что Свѣтозаровъ отъ излишней „философіи“,

въ незнакомствѣ съ которою онъ постоянно упрекалъ своихъ противниковъ, сталъ „затекать въ мудрованіи“ (1). А слѣдствіемъ этого было то, что не только ѳедосѣевцы—„невѣжды“, которыхъ думалъ просвѣтить своимъ ученіемъ Любопытный, „учинились ему неблагодарны“ за такой трудъ и стали даже „бунтовать“ противъ него, но и нѣкоторые изъ поморцевъ стали недовѣрчиво относиться къ новому „учителю“ и по прежнему не рѣшались признать безсвященнословные браки правильными. Таковы были, между прочимъ, попечители Малоохтенской поморской часовни, объ интерересахъ которой такъ много хлопоталъ Любопытный (2),—Мокей Ивановъ Ундозоровъ—петербургскій мѣщанинъ, Николай Петровъ Подачевъ, Тарасъ Ивановъ Воробьевъ—петербургскіе купцы (3) и другіе (4). Были и другія причины, по которымъ многочисленныя сочиненія

(1) Въ сборникѣ библ. покойнаго м. Григорія № 154 (л. 132—181) мы встрѣтили одно, довольно, впрочемъ, безграмотное, сочиненіе, написанное ѳедосѣевцемъ противъ указанныхъ крайностей въ ученіи Любопытнаго. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ этомъ сочиненіи: „новые манихеи возбраняютъ вѣровать браковѣнчанію и священнословному браку, и прощаютъ возбраненныя, незаконныя и сквернотворныя блудническіе (т. е. браки)... брачное законоположеніе отъ Бога установлено бысть, а новые манихеи нарицаютъ сіе церковный церемоніалъ, заключающій въ себѣ почтеннѣйшую политику, и церковные блески, и что вѣнчаніе брачнаго существа само въ себѣ ничтоже суть. Вопросимъ васъ, о высокомысленніи, кто васъ такъ научи порицати Божіе преданіе, хулити и отметати и ни во что вмѣняти“ (л. 103 об. и 104; снес. л. 172). Не смотря, впрочемъ, на заботы ѳедосѣевскихъ писателей представить ученіе Любопытнаго о бракѣ еретическимъ, „сія пагуба, по выраженію неизвѣстнаго автора цитуемаго сочиненія, водрузилась и укоренилась въ маломысленныхъ душахъ“ и „многихъ уже привела во отступленіе отъ вѣры, не вѣрятъ законоположенію церковному священнословіемъ и вѣнчаніемъ отъ апостольскихъ временъ установленному и всѣми соборами укрѣпленному“ (л. 174 обор. и 175); другими словами: многіе ѳедосѣевцы вѣрили Любопытному и вступали, по его совѣту, въ безсвященнословные браки.

(2) Историч. слов. и Катал. стр. 2.

(3) См. объ нихъ въ историч. Словарѣ,—Сборн. для истор. стар. т. II, вып. V, прилож. стр. 143, 147 и 186.

(4) Катал. стр. 63, № 175.

Любопытнаго въ пользу брака не приносили надлежащихъ плодовъ. Это — неумѣренно-рѣзкій тонъ его обличеній, „жестокость и надмѣніе“, которыми, по выраженію враговъ Любопытнаго, проникнуты были его сочиненія, и недоступная для „черни“ изысканность во внѣшнемъ ихъ изложеніи. Встрѣчая постоянно въ твореніяхъ Любопытнаго самыя обидныя себѣ названія, въ родѣ: „набожныхъ умовъ, обольщенныхъ постыднымъ суевѣріемъ, предразсудкомъ, грубостію и невѣжествомъ, скаредныхъ ханжей, старовѣрческихъ цензоровъ, базбрачнаго старовѣрства депутатовъ, дѣвственныхъ профессоровъ, алхимистовъ и кондукторовъ, зараженныхъ подлымъ лицемѣріемъ, аббатовъ, безбрачныхъ мозгововъ, подлыхъ сектантовъ, буквалистовъ, литераторовъ“ и под., бракоборцы, разумѣется, больше раздражались, чѣмъ убѣждались, уснащенною такими ядовитыми комплиментами, рѣчью проповѣдника брачной жизни. А „черни“—слова: „тиранизмъ, догматизмъ, апостатство, хаосъ“ и проч., которыми испещрены сочиненія Любопытнаго, казались темною водою во облацѣхъ воздушныхъ. Правда, Свѣтозаровъ старался защитить себя отъ указанныхъ недостатковъ и съ этою цѣлію писалъ цѣлыя „разсужденія о мнимой у черни жестокости и надмѣніи въ твореніяхъ Павла Любопытнаго“, ссылаясь въ свое оправданіе на свойство предметовъ, о которыхъ писалъ, и свою горячую ревность по вѣрѣ (1); но, какъ видно изъ его собственныхъ словъ, разсужденія эти не достигали своей цѣли,—и „неблагодарный сонмъ народа“, который Любопытный училъ уму-разуму, „взиралъ на него хладнокровно“. А послѣ этого мы сильно сомнѣваемся въ справедливости отзыва, сдѣланнаго Любопытнымъ о самомъ себѣ, по которому „Москва, Петрополь, Рига, Выгорѣція и прочія страны благочестивыхъ, взирая на

(1) Катал. стр. 117, № 471.

его доблести, всегда“ будто бы „поставляли его на высокой степени мудрыхъ и благочестивыхъ мужей“, хотя не отвергаемъ, что своими сочиненіями онъ не мало способствовалъ разъясненію нелѣпости ѳедосѣевскаго бракоборства и имѣлъ свою долю вліянія на петербургскую безпоповщину.

Наконецъ, что касается того, какъ рѣшался въ разсматриваемое нами время вопросъ о бракѣ иногородними безпоповщинскими общинами, то свѣдѣній объ этомъ мы имѣемъ очень немного. Такъ напр., московскіе ѳедосѣевцы, разсмотрѣвъ и утвердивъ (въ 1818 г.) своимъ подписомъ правила петербургскаго ѳедосѣевскаго собора 1809 года, между прочимъ, писали: „послѣдуютъ же съ нами во всемъ и Казанское общество, какъ соборное ихъ письмо, прошлаго 7319 (1811 г.) года декабря отъ 5-го числа присланное къ намъ, показуетъ; равно же и Саратовское и Сызранское общество со всѣми окрестностями — съ нами единомудрствуютъ; такожде и Кинешма, Галичъ, Чюхлома, Судиславль и вся Костромская область; отъ поморцевъ же (вступавшихъ въ браки), также и сообщающихся съ ними, весьма отдаляются, какъ многія письма, получаемыя нами, являютъ; всеусердно же и Ростовское общество письмомъ своимъ, прошлаго 7319 въ іюлѣ мѣсяцѣ присланнымъ, съ нами согласуетъ, нынѣшнихъ же поморянъ и всѣхъ тѣхъ, кто съ ними заедино мудрствуетъ, или сообщается, совсякимъ опасеніемъ удаляются. Къ симъ и Юхотская страна соборнымъ своимъ письмомъ, прошлаго же 7319 г. іюня 25-го нами полученнымъ, всячески съ нами въ единомыслiи быть исповѣдуетъ, несогласующихся же нашему московскому кладбищенскому уставоположенію весьма отметаетъ; и прочія многія дальныя страны, овыя отъ насъ окормляемыя, овыя же въ братскомъ союзѣ и единеніи

себя извѣщающіи, имѣются“ (1). Изъ „исторіи Преображенскаго кладбища“ видно также, что около 1820 года оно имѣло вліяніе и на другія иногороднія общины, то снабжая ихъ наставниками, пѣвчими и книгами, то разрѣшая возникавшія въ нихъ недоумѣнія, причемъ, разумѣется, всѣмъ и каждому строго внушались правила безбрачія, а для этого повсюду посылались безнравственныя произведенія Гнусина. Таковы напр., общины ѳедосѣевцевъ: Кубанскихъ, Тверскихъ (изъ старой Губы), Смоленскихъ (изъ Сычевки и Юхнова), Звѣнигородскихъ, Воронежскихъ, Тульскихъ, Владимірскихъ, Ярославльскихъ (въ Галичѣ), Донскихъ и др. (2). Впрочемъ, изъ того, что всѣ указанныя ѳедосѣевскія иногороднія общины находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Преображенскимъ кладбищемъ, ни мало не слѣдуетъ, чтобы въ нихъ не было въ это время отступленій отъ „кладбищенскаго уставоположенія“ о безбрачіи. На Кубани, напр., ѳедосѣевцы открыто переходили на сторону поморцевъ, вступали, по ихъ примѣру, въ браки и вѣнчались, за недосугомъ наставниковъ, у бабъ и дѣвокъ (3). Точно также и многіе изъ Владимірскихъ ѳедосѣевцевъ, узнавъ, что Преображенское кладбище, во время своихъ споровъ изъ-за выбора попечителей, обратилось за помощію къ „невѣрнымъ судьямъ“, перешли въ поморское согласіе, „во избѣжаніе, какъ они говорили, тяжкаго согрѣшенія быть заедино съ человѣкоугодниками“ (4). Вообще мы, кажется, не погрѣшимъ противъ правды, если скажемъ, что въ разсматриваемое нами время въ большей части ѳедосѣевскихъ общинъ наставниками были бракоборцы (5) и ученіе о без-

(1) Сборн. библ. покойнаго м. Григорія, № 154, л. 210 об. и 211.

(2) Кельс. вып. I, стр. 44—47 и 55.

(3) Тамъ же, стр. 44.

(4) Стар. Покр. мол. и Филип. час. стр. 11—12.

(5) Катал. Любоп. стр. 151, №№ 649—650; Сборн. для ист. стар. т. II, вып. V, стр. 61 и 127.

брачіи существовало въ нихъ, но—только въ теоріи; на дѣлѣ же иногородніе послѣдователи Преображенскаго кладбища очень часто измѣняли своимъ обѣтамъ строгаго дѣвства, какъ было это и прежде, при жизни Ковылина, и какъ дѣлали это теперь ѳедосѣевцы столичные. Притомъ нарушеніе цѣломудрія иногородними ѳедосѣевцами состояло не въ томъ только, что нѣкоторые изъ нихъ заводили въ тихомолку любовныя интриги, а и въ томъ, что многіе вступали въ бракъ и даже вѣнчались въ церквахъ православныхъ (1). Побужденіемъ къ заключенію браковъ посредствомъ церковнаго вѣнчанія для многихъ иногородних ѳедосѣевцевъ могли служить, кромѣ весьма естественнаго желанія устроить свой семейный бытъ на правильныхъ началахъ, строгія мѣры правительства противъ ѳедосѣевской секты, вызванныя въ 1820 году злоупотребленіями петербургскихъ бракоборцевъ и распространенныя на всѣхъ вообще послѣдователей Преображенскаго кладбища (2), а также—желаніе пріобрѣсть чрезъ вступленіе въ бракъ право на выборы въ общественныя должности, котораго съ 1820 года лишены были всѣ раскольники, „не пріемлющіе брака“ (3). Что же касается иногородних общинъ поморской безпоповщины, то въ нихъ, въ разсматриваемое нами время, болѣе и болѣе распространялось, усвоялось и осуществлялось въ жизни ученіе о не-

(1) Собр. постанов. по части раск. 1860 г. кн. II, стр. 86.

(2) Правила о надзорѣ за раскольниками ѳедосѣевскаго согласія предложены были къ руководству начальникамъ слѣд. губерній: Архангельской, Витебской, Владимірской, Вятской, Калужской, Костромской, Курской, Минской, Могилевской, Нижегородской, Новгородской, Пермской, Псковской, Саратовской, Симбирской, Слободско-Украинской, Тверской, Херсонской, Ярославской, главноуправляющему въ Грузіи и генералъ-губернаторамъ: малороссійскому, московскому, рижскому, с.-петербургскому, сибирскому, рязанскому, тульскому, орловскому, воронежскому и тамбовскому. Собр. пост. по части раск. 1858 г. стр. 63.

(3) Тамъ же, стр. 66.

обходимости брачной жизни. Когда Антипъ Андреевъ сдѣлался наставникомъ Покровской часовни, со всѣхъ концевъ Россіи поморцы начали съѣзжаться въ Москву — одни для бесѣды съ Андреевымъ, другіе за полученіемъ отъ него благословенія на бракъ (1). Когда же повсюду распространились слухи, что Покровская часовня получила дозволеніе вѣнчать браки отъ самаго правительства,—наплывъ иногородныхъ поморцевъ въ Москву сталъ еще больше. И хотя указанное позволеніе было дано съ ограниченіемъ — вѣнчать только московскихъ безпоповцевъ; тѣмъ не менѣе отказа въ полученіи на бракъ благословенія не было и иногороднимъ (2). Наконецъ, дѣло дошло до того, что даже самъ Выгорѣцкій монастырь, гремѣвшій противъ Василья Емельянова за его ученіе о бракѣ, долженъ былъ смягчить въ это время свои отношенія къ болѣе и болѣе усиливавшемуся новоженству. По свидѣтельству петербургскихъ ѳедосѣевцевъ, составлявшихъ соборъ 1809 года, выговцы въ это время „новоженовъ по всему образу, безъ распуста ихъ, себѣ пріобщали“ и даже „на первыхъ мѣстахъ въ церкви съ книжными ихъ поставляли“ (3). Если же такъ снисходительно стала смотрѣть на новоженство „Выгорѣція“—монастырь поморскій, то само собой понятно, что поморцы, такъ называемые, „жиловые“, мірскіе, жившіе въ городахъ и селахъ, еще менѣе имѣли побужденій неблагосклонно относиться къ семьѣ, хотя, конечно, и въ это время еще находились между поморскими вожаками фанатики, которые по прежнему вѣрили въ „бытіе въ мірѣ антихриста“ (4) и вслѣдствіе этого весь міръ желали бы превратить въ монастырь,

(1) Стар. Покров. мол. и Филип. часовн. стр. 12.

(2) Тамъ же, стр. 15.

(3) Сборн. о брак. покойн. м. Григорія, № 154, л. 208 об.; снес. л. 135 об. 138 и 167 об. Пандектъ Гнусина гл. 28.

(4) Катал. Лыбоп. стр. 87, № 302, стр. 98, №№ 350—51.

хотя бы и развратный (1). Наконецъ, и въ разсматриваемое нами время, какъ и прежде, многіе поморцы даже вѣнчались въ церкви православной, хотя и безъ присоединенія къ ней (2).

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ смотрѣла въ разсматриваемое нами время на безсвященнословные безпоповщинскіе браки власть, какъ церковная, такъ и гражданская. Церковная власть, какъ и слѣдовало ожидать, продолжала смотрѣть на раскольничьи браки по прежнему, т. е. не только браки безпоповщинскіе, заключавшіеся безъ вѣнчанія, но и поповщинскіе, въ совершеніи которыхъ участвовали попы, только бѣглые,—признавала незаконными. Въ 1811 году воронежскій купецъ Ефимъ Поминовъ вошелъ въ св. сунодъ съ прошеніемъ, въ которомъ изъяснялъ, что „назадъ тому 13 лѣтъ вступилъ онъ съ однодворкою Вѣрою Корякиною въ бракъ, который, по состоянію обоихъ ихъ въ старообрядствѣ, совершенъ былъ старообрядческимъ попомъ въ особой молитвенной комнатѣ, въ домѣ валдайскаго помѣщика Онисимова". Но такъ какъ консисторія признала такой бракъ незаконнымъ, то Поминовъ, во избѣжаніе непріятностей, вынужденъ былъ подтвердить свой бракъ въ „греко-россійской церкви чрезъ православнаго священника"; между тѣмъ, еще „до подтвержденія брака", у него родились сынъ Петръ и дочь Ефросинья. Опасаясь, чтобы указанныя дѣти не „почлись незаконными", онъ просилъ св. сунодъ „сдѣлать постановленіе, чтобы оныя дѣти его признаны были законными". Это прошеніе возвращено было просителю безъ удовлетворенія,—потому, какъ сказано въ указѣ, что дѣти „прижиты въ отверженномъ сопряженіи", подлежащемъ суду гражданскому (3). Въ 1818 году, вслѣдствіе донесенія преосвящ.

(1) Ист. мин. внутр. дѣлъ кн. VIII, стр. 126 и 637.
(2) Собр. постановл. по части раск. 1860 г. кн. II, стр. 101—4.
(3) Тамъ же, стр. 98.

тульскаго Сѵмеона о бракѣ тульскаго оружейника Василья Сиднева съ купеческою дочерью, дѣвицею Вѣрою Ивановою, — бракѣ, „который былъ составленъ по обрядамъ секты, называемой безпоповщина“, св. сѵнодъ опредѣлилъ: „показуемое оружейникомъ Васильемъ Сидневымъ сопряженіе его съ купеческою дочерью Вѣрою Ивановою, составленное по обрядамъ раскольнической секты, именуемой безпоповщина, должно быть признано, по церковнымъ правиламъ, не за бракосочетаніе, а за любодѣйное сопряженіе, о которомъ сужденіе не принадлежитъ до духовнаго правительства“ (1). Точно такой же судъ произнесенъ былъ св. сѵнодомъ (въ 1824 г.) о бракѣ ржевскаго мѣщанина Григорія Соченкова и мѣщанской дочери Анны Яковлевой, „объявившихъ себя повѣнчанными въ молитвенномъ домѣ старообрядческимъ священникомъ“; бракъ указанныхъ лицъ не признанъ за бракъ, а за блудное сожитіе, судъ о которомъ принадлежитъ гражданскому правительству (2). Всѣ означенные случаи ясно опредѣляютъ взглядъ на раскольничьи браки власти церковной; по ея мысли, всѣ раскольничьи браки, какъ заключенные внѣ церкви, не законны и, какъ блудныя сожитія, подлежатъ суду власти гражданской. Какъ же относилась въ разсматриваемое нами время къ раскольничьимъ сопряженіямъ власть свѣтская? Вмѣсто прямаго отвѣта на этотъ вопросъ, мы укажемъ нѣсколько фактовъ, изъ которыхъ пусть каждый выводитъ заключеніе по своему усмотрѣнію. Вотъ эти факты. Когда воронежская консисторія признала, въ началѣ настоящаго столѣтія, бракъ одного раскольника, совершенный старообрядческимъ попомъ, не законнымъ и дѣло о немъ передала на разсмотрѣніе гражданскаго правительства, — старообрядецъ „вынужденъ былъ подтвердить свой бракъ въ церкви право-

(1) Тамъ же, стр. 133.
(2) Тамъ же, стр. 174—75.

славной чрезъ православнаго священника“ (1). Значитъ, купецъ Поминовъ не расчитывалъ на снисхожденіе къ своему раскольничьему браку свѣтской власти, если рѣшился вновь вѣнчаться въ церкви православной. Въ 1817 году одинъ петербургскій поморецъ, выведенный изъ терпѣнія ѳедосѣевскимъ развратомъ, обращается къ бывшему тогда министру духовныхъ дѣлъ, князю Голицыну, съ письменною просьбою — о дозволеніи свободно совершать въ раскольничьихъ часовняхъ браки, причемъ Степанъ Артемьевъ „изъяснялъ, что за неимѣніемъ таковыхъ правъ отъ высшаго начальства происходятъ“ въ средѣ старообрядцевъ „ужасныя и богопротивныя злодѣянія“ (2). Значитъ, въ 1817 году раскольники не имѣли формальнаго дозволенія отъ гражданскаго правительства на заключеніе своихъ браковъ внѣ церкви. Въ 1818 году одинъ безпоповецъ, вступившій въ бракъ по обрядамъ своей секты, обращается къ епархіальному архіерею съ жалобою на тульскую консисторію за то, что она постоянно требовала его для отвѣта по дѣлу о его бракѣ, и, „на основаніи приведенныхъ въ той просьбѣ гражданскихъ узаконеній“, проситъ оставить его съ женою въ супружескомъ сожитіи. Судя по тому, что св. сѵнодъ, на разсмотрѣніе котораго была представлена просьба Сиднева, приказалъ начатое консисторіею дѣло о бракѣ его прекратить, можно думать, что „гражданскія узаконенія“, на которыя ссылался проситель, имѣли свое значеніе; но что это за „узаконенія“ — были, и не были-ль они изданы вслѣдствіе просьбы Артемьева, объ этомъ мы ничего не знаемъ. Изъ постановленій 1819 года раскольники указываютъ на одинъ законодательный актъ, которымъ будто бы признавались ихъ браки, какъ бы и гдѣ бы они ни были заключены (3). Это—Высочайше утвержденное (26-го

(1) Тамъ же, стр. 98.
(2) Катал. Любопытн. стр. 135, № 590.
(3) Кельс. вып. 4, стр. 217, примѣч.

марта 1819 года) мнѣніе государственнаго совѣта, которымъ, по дѣлу поручика Шелковникова о разводѣ его съ женою его, „для охраненія твердости брачныхъ союзовъ постановлялось правиломъ, чтобы никакія въ гражданскомъ управленіи мѣста и лица не допускали и не утверждали между супругами обязательствъ и другихъ актовъ, въ коихъ будетъ заключаться условіе жить имъ въ разлученіи, или какое-либо другое произвольное ихъ желаніе, клонящееся къ разрыву супружескаго союза". Постановленіе это было утверждено „съ таковымъ дополненіемъ, чтобы оно распространено было на всѣ христіанскія исповѣданія, т. е. какъ на тѣ, въ коихъ брачный союзъ почитается таинствомъ, такъ и на тѣ, въ коихъ оный принимается за гражданскій актъ" (1). При первомъ взглядѣ на указанный законодательный актъ, нельзя не сознаться, что раскольники, желавшіе признанія гражданскою властію ихъ, внѣ церкви совершаемыхъ, браковъ, могли воспользоваться и, какъ показалъ опытъ, дѣйствительно воспользовались имъ для своихъ цѣлей, и притомъ — не только поповцы, считавшіе бракъ таинствомъ, но и безпоповцы, изъ которыхъ нѣкоторые, и именно—покровцы, смотрѣли на него, какъ на естественный союзъ двухъ лицъ—для нерасторжимаго сожитія между собою. Но, имѣя въ виду то обстоятельство, что расколъ никогда не былъ признанъ законодательствомъ—отдѣльнымъ христіанскимъ исповѣданіемъ, какъ напр. католичество, протестантство и под., а всегда считался только уклоненіемъ отъ православія и заблужденіемъ (2), можно думать, что государственный совѣтъ, простирая вышеизложенное постановленіе на всѣ христіанскія исповѣданія, не имѣлъ при этомъ въ виду раскола. А что это такъ, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Въ 1822 г. комитетъ для устройства войска Донскаго, въ

(1) Полн. собр. зак. т. XXXVI, № 27,737.

(2) Собр. постановл. по части раск. 1860 г. кн. II, стр. 231, 343 и 684.

числѣ многихъ правилъ касательно раскольниковъ, постановилъ слѣдующія два: 1) „браки раскольниковъ, совершаемые тайно, внѣ церкви, признавать не дѣйствительными и по приговору гражданскаго судебнаго мѣста расторгать, а сочетавшихся подвергать суду по законамъ“,—и 2) „совершившаго такой бракъ предавать суду и наказывать съ тою же строгостію, какъ и учителя раскола“ (1). Само собой понятно, что комитетъ не могъ бы составить такихъ правилъ, если бы указанное выше мнѣніе государственнаго совѣта, распубликованное въ апрѣлѣ того же 1819 года для всеобщаго свѣдѣнія, простиралось и на браки раскольничьи. Правда, министерство внутреннихъ дѣлъ, разсмотрѣнію котораго предложены были указанныя правила комитета, не утвердило ихъ; но и оно, не соглашаясь съ мнѣніемъ комитета о расторженіи раскольничьихъ браковъ, заключавшихся внѣ церкви, не указало, въ основаніе такого распоряженія своего, ни на вышеизложенное мнѣніе государственнаго совѣта, ни на другой какой-либо законодательный актъ, а сослалось только на то, что „мѣры“, указанныя комитетомъ, „противны правиламъ кротости, принятымъ основаніемъ въ распоряженіяхъ правительства, и послужатъ съ одной стороны поводомъ къ ожесточенію раскольниковъ, а съ другой—побужденіемъ прибѣгатъ къ средствамъ обмана и подлога“ (2). Значитъ и въ 1822 г., по сознанію самаго министерства внутреннихъ дѣлъ, еще не существовало по вопросу о раскольничьихъ бракахъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ и законовъ, и правительство дѣйствовало въ этомъ отношеніи на основаніи только общихъ началъ тогдашняго законодательства касательно заблуждающихъ, состоявшихъ въ „терпимости безъ попущенія и невнимательности къ

(1) Ист. мин. внутр. дѣлъ кн. VIII, стр. 116.
(2) Тамъ же, стр. 119.

заблужденіямъ разума безъ послабленія“ (1), или, по тогдашней терминологіи,— въ „смотрѣніи“ на расколъ и всѣ его дѣйствія „сквозь пальцы“, безъ „явнаго вида покровительства“ ему (2). Наконецъ, если бы Высочайше утвержденное 26-го марта 1819 г. мнѣніе государственнаго совѣта касалось и браковъ раскольничьихъ, въ такомъ случаѣ недоумѣнія, возникавшія относительно этихъ браковъ въ разныхъ губерніяхъ уже въ 1825 г. (3), были бы не объяснимы, какъ съ другой стороны не понятны были бы и просьбы самихъ раскольниковъ о нерасторженіи ихъ браковъ, по требованіямъ мѣстнаго духовнаго начальства,—просьбы, поступавшія въ министерство внутреннихъ дѣлъ уже въ 1826 году (4). Однимъ словомъ: мнѣніе раскольниковъ, будто гражданское правительство признавало ихъ браки законными, или по крайней мѣрѣ оффиціально терпимыми, еще въ 1819 году, мы считаемъ несправедливымъ. А послѣ этого мы думаемъ, что и „брачная книга“ московскихъ поморцевъ, въ которую они вписывали браки, вѣнчанные въ Покровской часовнѣ, была признана оффиціальнымъ документомъ не высшею гражданскою властію, какъ стараются увѣрить въ этомъ раскольники (5), а низшею московскою подкупленною администраціею—въ родѣ московскаго магистрата, на что́ есть указаніе и въ самыхъ раскольническихъ сочиненіяхъ (6).

(1) Собран. постановл. по части раск. 1860 г. кн. II, стр. 27.

(2) Собран. постановл. по части раск. 1858 г. стр. 28.

(3) Тамъ же, стр. 93.

(4) Тамъ же, стр. 96—97.

(5) Невск. сборн. 1867 г. т. I, стр. 89; снес. рукоп. публ. библіот. № 30, въ сборн. № 473.

(6) Кельс. вып. 4, стр. 217, примѣч.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стран.

Предисловіе. . . . . 3 — 4

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Первоначальное ученіе раскольниковъ о бракѣ и его особенности отъ ученія о томъ же предметѣ православной церкви; раздѣленіе раскола на двѣ секты: поповщину и безпоповщину и различное отношеніе къ вопросу о бракѣ той и другой секты: поповщина остается вѣрною прежнему ученію, въ безпоповщинѣ является новое—о всеобщемъ дѣвствѣ; причины отрицанія безпоповщиной брака: мнимое прекращеніе въ мірѣ православнаго священства, мысль о наступленіи послѣднихъ временъ міра и царствованіи въ немъ антихриста, не миролюбивое отношеніе къ расколу власти, особенно въ правленіе Софьи Алексѣевны, и наконецъ вліяніе на толпу заблуждающихъ первыхъ расколоучителей изъ монаховъ . . . . . 5 — 79

ГЛАВА ВТОРАЯ. Мягкія сравнительно съ прежними отношенія къ расколу власти въ царствованіе Петра I; слѣдствія такой перемѣны: спокойная и обезпеченная жизнь раскольничьихъ общинъ, устроенныхъ на началахъ монастырскихъ, и упадокъ въ нихъ прежняго аскетизма; раздѣленіе безпоповщины на два толка: поморщину и ѳедосѣевщину; признаніе польскими ѳедосѣевцами законности браковъ лицъ, вѣнчанныхъ въ православной церкви и послѣ переходившихъ въ расколъ, и отношеніе къ этому ученію поморцевъ; появленіе въ поморскомъ Выговскомъ скиту разврата, какъ слѣдствія безбрачія, и первая мысль поморцевъ о необходимости брачной жизни; отношеніе къ вопросу о бракѣ Андрея Денисова; Михаилъ Вышатинъ и его неудавшіеся поиски православнаго священства, необходимаго для заключенія браковъ; Иванъ Алексѣевъ и его ученіе о необходимости брака, вызванное крайнимъ ѳедосѣевскимъ развратомъ; сущность этого ученія. 80 — 130

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Отношеніе къ ученію о бракѣ Ивана Алексѣева—безбрачныхъ безпоповцевъ; клеветы ихъ на Алексѣева; основанія, на которыя ссылались противники брачной жизни въ защиту своего ученія о всеобщемъ дѣвствѣ; разборъ и опроверженіе ихъ Алексѣевымъ; появленіе въ безпоповщинѣ такъ называемыхъ новоженовъ — послѣдователей Алексѣева, вступавшихъ въ браки съ благословенія православной церкви,

но по обрядамъ дониконовской церковной практики, запрещеннымъ властію; отношеніе къ новоженамъ, заключавшимъ браки въ церкви православной, — самаго Алексѣева—неодинаковое,—ѳедосѣевцевъ — крайне враждебное и поморцевъ — довольно уклончивое; появленіе въ безпоповщинѣ новоженовъ, вступавшихъ въ брачныя сожительства безъ церковнаго благословенія и вѣнчанія,—по одному взаимному согласію жениха и невѣсты, — безъ согласія даже родителей; причины такого явленія; злоупотребленія, къ которымъ вели подобныя безсвященнословныя супружества; обращеніе нѣкоторыхъ ѳедосѣевцевъ за брачными свидѣтельствами къ польскимъ ксендзамъ; отношеніе къ безсвященнословнымъ бракамъ повоженовъ — Алексѣева, поморцевъ и ѳедосѣевцевъ . . . . . 131—199

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Краткій очеркъ мѣръ противъ раскола въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й; появленіе въ это время благоустроенныхъ раскольничьихъ общинъ въ столицахъ,—и преимущественно въ Москвѣ; отношеніе къ вопросу о бракѣ Преображенскаго ѳедосѣевскаго кладбища, устроеннаго Ковылинымъ, и Покровской поморской часовни, основанной Васильемъ Емельяновымъ; безусловное отрицаніе брака Ковылинымъ и признаніе законности безсвященнословныхъ браковъ Емельяновымъ; успѣхъ проповѣди послѣдняго о необходимости брачной жизни; форма брачныхъ сопряженій раскольническихъ, устроенная Покровскою часовнею и ея послѣдователями; борьба съ Емельяновымъ изъ-за брака Выговской пустыни, болѣе впрочемъ «политичная», чѣмъ серьезная; борьба съ нимъ Преображенскаго кладбища, или вѣрнѣе: строителя его—Ковылина,—борьба опасная, вызвавшая Емельянова и его послѣдователей на усиленную литературную дѣятельность по вопросу о бракѣ—съ цѣлію доказать ѳедосѣевцамъ ложность ученія ихъ о всеобщемъ дѣвствѣ и мнимую законность безсвященнословныхъ браковъ Покровской часовни; подробное изложеніе ученія какъ противниковъ, такъ и защитниковъ, брачной жизни . . . . . 200—270

ГЛАВА ПЯТАЯ. Продолженіе споровъ Ковылина съ поморцами Покровской часовни изъ-за вопроса о бракѣ; Ковылинъ, не надѣясь одолѣть своихъ противниковъ путемъ литературной полемики, начинаетъ разными способами преслѣдовать покровцевъ—съ цѣлію заставить ихъ, по крайней мѣрѣ силою, склониться на сторону ѳедосѣевскаго безбрачія; поморцы не измѣняютъ своему ученію о необходимости брака, но смиряются предъ грознымъ строителемъ Преображенскаго кладбища и просятъ его о мирѣ; собранія ѳедосѣевцевъ и поморцевъ на Преображенскомъ кладбищѣ для разсужденій о бракѣ; поведеніе Ковылина на этихъ собраніяхъ; результатъ ихъ; полученіе поморцами отъ Ковылина «экстракта», содержавшаго въ

себѣ сводъ мнѣній о бракѣ ѳедосѣевцевъ Преображенскаго кладбища; отвѣтъ на «экстрактъ» поморцевъ и уклоненіе Ковылина отъ принятія его; дерзкій поступокъ Ковылина съ однимъ изъ поморцевъ, заставившій послѣднихъ прервать съ Преображенскимъ кладбищемъ всякія сношенія и объявить объ этомъ всѣмъ своимъ единовѣрцамъ; соборъ ѳедосѣевцевъ на Преображенскомъ кладбищѣ,—бывшій 25 февраля 1809 года; постановленія этого собора; снисходительность Ковылина къ такъ называемымъ староженамъ; причина этого: отступленія многихъ иногородныхъ ѳедосѣевскихъ общинъ отъ устава Преображенскаго кладбища о всеобщемъ безбрачіи; недоумѣнія, возникшія въ разныхъ ѳедосѣевскихъ общинахъ, изъ-за опредѣленій московскаго собора 25 февраля 1809 года; неловкое по этому поводу положеніе Ковылина и смерть его; формы брачныхъ сопряженій ѳедосѣевскихъ, существовавшихъ при Ковылинѣ, независимо отъ браковъ, заключавшихся по обрядамъ Покровской часовни; причины, по которымъ одни изъ ѳедосѣевцевъ вѣнчались въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, другіе вступали въ сожитія съ избранными ими женщинами безъ всякаго молитвословія, по одному взаимному согласію между собою; тѣже виды новоженства въ поморскомъ расколѣ; причины этого: новость ученія Покровской часовни о правильности безсвященнословныхъ браковъ и—особенно — непризнаніе законными внѣ-церковныхъ раскольничьихъ браковъ властію, какъ церковною, такъ и свѣтскою . . . . . 281—344

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Погребеніе Ковылина; думы, опасенія и надежды, возбужденныя въ раскольникахъ разныхъ толковъ смертію Ковылина; соборъ петербургскихъ ѳедосѣевцевъ 22 января 1809 года по вопросу о бракѣ; постановленія этого собора, посланныя въ Москву на утвержденіе; соборъ московскихъ ѳедосѣевцевъ по тому же вопросу, бывшій 18 декабря 1818 года; статьи этого собора, посланныя въ Петербургъ на утвержденіе; сущность ученія о бракѣ столичныхъ ѳедосѣевцевъ, по смерти Ковылина до 1819 года; Михаилъ Гнусинъ, наставникъ Преображенскаго кладбища,—самый жаркій защитникъ всеобщаго безбрачія; ученіе Гнусина о бракѣ; слѣдствія этого ученія: самый грубый развратъ въ одной части московской ѳедосѣевщины и разные виды сожительства, или наложничества, въ другой; переходъ нѣкоторыхъ московскихъ ѳедосѣевцевъ на сторону Покровской часовни; причины этого: проповѣдь поморцевъ о законности брака, безпорядки на Преображенскомъ кладбищѣ изъ-за выбора новыхъ попечителей, строгія мѣры правительства, какъ противъ Гнусина и другихъ проповѣдниковъ безбрачія, такъ и вообще противъ всѣхъ безпоповцевъ, отвергавшихъ бракъ; лицемѣрное и корыстное отношеніе къ новоженству московскихъ ѳедосѣевцевъ—большин-

ства наставниковъ Преображенскаго кладбища; сущность ученія о бракѣ петербургскихъ ѳедосѣевцевъ; путешествіе въ сѣверную столицу Гнусина и друга его Таровитаго; слѣдствія этого путешествія: отверженіе брака и крайній развратъ волковскихъ ѳедосѣевцевъ; другіе ѳедосѣевскіе наставники, посѣщавшіе въ это время Петербургъ; Ефимъ Артемьевъ, петербургскій ѳедосѣевскій наставникъ, проповѣдуетъ необходимость брака; успѣхъ его проповѣди; обстоятельства, содѣйствовавшія этому: строгій надзоръ полиціи за петербургскими ѳедосѣевцами вообще, и за ѳедосѣевскими женщинами въ частности, и устная и письменная проповѣдь въ пользу брака поморцевъ, и особенно Павла Любопытнаго; краткія свѣдѣнія о немъ и о недостаткахъ его сочиненій, не мало вредившихъ успѣху его неустанной дѣятельности въ пользу брачной жизни; отношеніе къ вопросу о бракѣ иногородныхъ безпоповщинскихъ общинъ; взглядъ на раскольничьи браки правительства церковнаго и свѣтскаго—въ царствованіе Александра Благословеннаго . . . . . 345—406